В. С. СЕРГЕЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ · 1934

В. С. СЕРГЕЕВ · ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

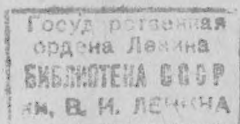
Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

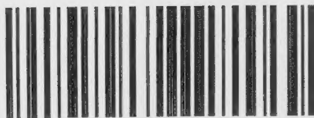
В. С. СЕРГЕЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

Книга является учебным пособием по курсу Древней Греции для вузов. Автор, используя большой материал, дает историю Древней Греции от периода разложения родового строя до падения Греции и завоевания ее Римом. Особенно развернуты главы о греческой культуре и эллинизме.





Редактор А. Мишулин Техн. редактор Е. Этингоф

Сдано в производство 7/IX 1934 г. Подписано к печати 25/XI 1934 г. Формат 62 × 88/16. 22¼ п. л. 50 700 зн. в п. л. Огиз № 1400. Тираж 40 000. Заказ № 4023. Уполномоченный Главлита Б-39109.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Валовая, 28.

I. ВВЕДЕНИЕ

Под историей античного мира, или сокращенно античности, понимают историю древних обществ Средиземноморского бассейна. История античности охватывает период приблизительно в две тысячи лет, от XII в. до н. э. и по V в. н. э. Из всех средиземноморских обществ наибольший интерес с историко-социологической точки зрения представляет история Греции и Рима. Современное европейское общество своими корнями глубоко уходит в греко-римскую античность, и потому без знакомства с античным миром, как и вообще с более ранними (докапиталистическими) формациями, останутся непонятными многие характерные особенности современного строя.

1. Природные условия Греции

Историческая (древняя) Греция, или Эллада, расположена в восточной части Средиземного моря, на островах Эгейского моря и Балканском полуострове. Эгейское море покрыто массой мелких и крупных островов, связывающих восточные и южные берега Средиземного моря с материковой Грецией. С запада на восток тянутся цепи островов Киклады и Спорады, составляющие продолжение Балканской горной цепи и затем сливающиеся с возвышенностями Малой Азии. Из островов Эгейского, или Греческого, моря наибольшее историческое значение имели Лемнос, Лесбос, Аргинусы, Хиос, Самос, Наксос, Родос. С юга Эгейское море замыкается островом Критом. Обилие островов, гаваней и бухт способствовали раннему развитию обмена и колонизации. Материковая Греция состоит из ряда небольших горных цепей, являющихся отрогами центрального Балканского хребта. За исключением большой Фессалийской долины Греция не имеет ни значительных равнин, ни степей. Греческие поселения представляли собой небольшие территории, окруженные горами, с выходом к морю. Самые отдаленные пункты отстояли от моря не более чем на 14, а в среднем от 7 до 5 миль. Балканский хребет рассекает материковую Грецию на две неравные и друг на друга мало похожие части —

восточную и западную. Восточная часть имеет чрезвычайно развитую береговую линию, много заливов, бухт и гаваней, будучи обращена в сторону островов и культурных стран Древнего Востока. Напротив, берега Западной Греции мало развиты, скалисты и пустынны.

Из современных государств Древняя Греция более всего напоминает Швейцарию с ее небольшими самостоятельными кантонами. Самой трудной проблемой Греции в течение всей ее истории оставалась проблема объединения. Образование крупных государств удавалось лишь в исключительных случаях, да и эти государства в большинстве случаев держались недолго. При первом же серьезном ударе объединенное государство рассыпалось, и каждая община вновь превращалась в самостоятельное государство. Каждая греческая община, город-государство (полис) представляла самодовлеющее целое. Несмотря на развитые экономические отношения крупного, общенационального рынка, как увидим из дальнейшего изложения, в Греции не существовало. Первостепенное значение имели местные рынки, местное производство, местная торговля. Вообще масштабы Древней Эллады современного человека поражают своими скромными размерами. Междуобщинный обмен ограничивался сравнительно немногими предметами ремесла и сельского хозяйства. Значительно крупнее был обмен с соседними (негреческими) странами, в особенности со скифами южнорусских степей.

В отношении климата Греция принадлежит к числу стран с субтропическим климатом. Средняя температура не превышает 17 градусов. Дождей выпадает мало, и потому некоторые области Греции страдают от засухи. Бóльшая часть рек (ручьев) летом пересыхает, и это обстоятельство с самых ранних времен вызвало к жизни систему искусственного орошения. Без оросительной системы сельское хозяйство не только в материковой, но и в островной Греции совершенно невозможно. Древние греки выше всего ценили воду. На прощание грек всегда говорил своему другу: «Доброго пути и свежей воды». В договорах между греческими государствами постоянно встречается формула: «не отрезать у союзных общин проточной воды».

Благоприятным климатом обусловливались некоторые бытовые особенности Греции и вообще древнего мира. Этим объясняется прежде всего характер античных построек — больших открытых галлерей с колоннами и без окон, портиков, площадей и базаров. Частные дома античных граждан с европейской точки зрения большей частью не отличались удобствами. Это были небольшие полутемные комнаты, куда жители их приходили только отдыхать и ночевать. Самую главную часть дома, особенно богатого, составлял открытый двор (римский атриум), окруженный колоннами и верандами, где происходил прием гостей и клиентов. На современного европейца античный город произвел бы довольно странное впечатление. Улицы античных городов представляли почти сплошные стены с немногими выходами на улицу, без окон. Вся жизнь сосредоточивалась или в общественных открытых местах или же во внутренних частях дома.

Климат оказал свое влияние также на питание и костюм жителей Греции. В теплых странах организм требует значительно меньше жиров и белков, нежели в холодных. Нормальный стол греков и римлян состоял из маслин, нескольких лепешек, сушеной рыбы, лука, чеснока и вина, разбавленного водой; костюм оставался неизменным во все времена года.

Естественными богатствами в общем Греция небогата. В стране мало золота и серебра; за исключением богатых Лаврийских рудников в Аттике в собственно Греции не существовало сколько нибудь значительных золотых и серебряных руд. Этим объясняется борьба Греции за золотые и серебряные рудники, находившиеся в соседних с ней северных странах — Македонии и Фракии. Несравненно больше в Греции железа. Из всех областей железными рудами и их разработкой славилась Спарта. Железные богатства послужили одним из важнейших условий раннего возвышения Спарты. В более древние времена Балканский полуостров и некоторые острова славились обилием лесов, но затем много лесных богатств было истреблено, в особенности в местах, богатых железными рудами и железоделательными мастерскими, работавшими на древесном угле. Почва Греции также не отличалась большим плодородием. Фауна и флора разнообразны, но не богаты. Из всех растений наибольшее распространение получила маслина (оливка), которая составляла важнейший продукт древнегреческой экономики. Маслина, основной продукт питания населения, играла огромную роль в промышленности древнего мира. Оливы служили осветительным средством, лекарственным веществом, парфюмерией, исходным материалом для целого ряда производств. Значительно хуже дело обстояло с хлебом. Для большинства греческих областей местного хлеба нехватало, и его приходилось закупать в других хлебородных островах — на Черном море (Понт), в Египте и Сицилии. В течение всей истории хлебный вопрос стоял в центре внешней и внутренней политики греческих общин. Многие крупные войны Греции велись из-за овладения понтийско-сицилийской хлебной дорогой. Недостатком хлебных запасов объясняется одна из характерных черт античной Греции — строгая регламентация продажи и закупки хлеба.

В заключение следует еще отметить, что в отношении плодородия почвы, запаса естественных богатств и географических предпосылок к развитию торговли и промышленности греческие области находились в неодинаковых условиях. Одни по своим естественным качествам и географическому положению были более предрасположены к торговле и промышленности (малоазийские общины, на Балканском полуострове — Коринф, Сикион, Эгина), другие, как например Спарта, в течение всей истории оставались аграрными областями, и наконец такие, как Афины, занимали среднее положение. Афины никогда не были ни исключительно земледельческой общиной, ни исключительно торгово-промышленным городом.

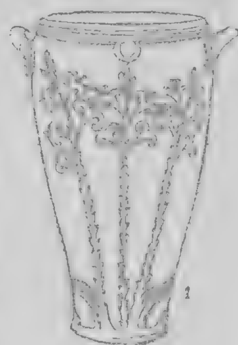
В интересах лучшей ориентации балканскую Грецию принято делить на три главные части или области: Северную, Среднюю и Южную Грецию. Каждая из этих крупных областей в свою очередь подразделяется на ряд более мелких областей. Северная Греция делится на Эпир и Фессалию. Средняя — на целый ряд областей: Аттику с городом Афины, Беотию, Фокиду, Локриду, Этолию и самую крайнюю на западе — Акарнанию. Эвбейским проливом Средняя Греция связывалась с большим островом Эвбеей, игравшим крупную роль в истории античного мира. Коринфским перешейком, или Истмом, Средняя Греция соединяется с Южной Грецией, или Пелопоннесом. На Коринфском перешейке находились две самые развитые в торгово-ремесленном отношении области — Мегара и Коринф; из пелопоннесских областей следует отметить Лаконику с городом Спартой на реке Эвроте, Арголиду с городом Аргосом, Аркадию, Элиду с городом Олимпией, и Мессению. На западе греческие поселения захватывали Сицилию, Южную Италию, Южную Францию и Северную Африку.

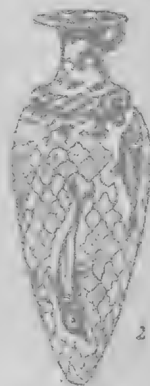
2. Эгейский мир

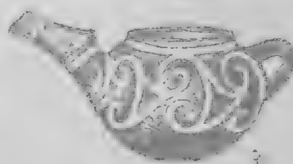
В старой дореволюционной школе изучение античного мира обыкновенно начиналось с законов Дракона и Солона и лишь вскользь упоминалось о «гомеровской мифологии», о «богах и героях» эпической Греции. Современный уровень научных знаний дает возможность отодвинуть историю античного мира значительно дальше вглубь, не только в так называемый гомеровский, но еще и догомеровский (крито-микенский, или эгейский) период. Новейшие археологические открытия на островах Эгейского моря и в Малой Азии и специальная литература, создавшаяся в этой области, выдвинули целый ряд проблем, которые не могут быть обойдены ни одним историком античного мира. Конечно углубленное рассмотрение многочисленных проблем, связанных с этой эпохой, выходит за пределы настоящего краткого изложения. Для нашей цели будет совершенно достаточно, если мы, не вдаваясь в разбор сложных специальных проблем, связанных с эгейской эпохой, остановимся на нескольких самых общих вопросах, необходимых для понимания классической Греции.

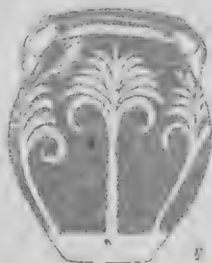
Настоящую революцию в древнегреческой истории и специально в гомеровском вопросе произвели археологические раскопки Генриха Шлимана в 70-х годах XIX столетия, расширенные и углубленные последующими исследователями, главным образом англичанином Ивенсом и итальянцем Фридерико Альберти. Троянская и крито-микенская культуры, поднятые из глубин земли названными археологами, на несколько тысяч лет отодвинули исходный пункт средиземноморской истории, расширив круг исторических наблюдений и поставив ряд новых историко-социологических вопросов первостепенной важности. К числу первоочередных проблем названного цикла принадлежит установление хозяйственной и социально-политической физионо-

мии эгейских обществ, их места в системе древневосточных и греческих обществ и наконец анализ греческого эпоса в свете новейших открытий как исторического материала. Исследования Эдуарда Мейера, Белоха, Макса Мюллера, Дешелета, Монтелиуса, Глотца, Дюссо, Холла и др. пролили много света на все эти вопросы, но все же ввиду недостаточного количества материала и трудности его понимания большая часть вопросов, связанных с эгейским миром, в настоящее время не может считаться разрешенной полностью.









Эгейский орнамент (кувшины и вазы)

Расцвет эгейских обществ относится ко II тысячелетию до н. э. В конце II тысячелетия приходят в упадок древневосточные государства — Вавилон и Египет. В период ослабления этих держав из них выделяется ряд новых, более мелких государств в Азии, Африке и на Эгейском море. В Азии в это время возвышается Элам, старый соперник Вавилона, государство Митани на склонах Кавказских гор, в современной Армении поднимается Ванское царство. В первой половине II тысячелетия на историческую арену выступает Хетское царство с центром Богаз-Кой в Малой Азии. Одновременно с этим развивается жизнь на сирийско-палестинском и финикийском побережьях; возникает целый ряд приморских городов-государств сирийско-палестинского побережья (Тир, Сидон, Газа, Библ, Арад, Троя, Дамаск), игравших огромную роль в последующей истории средиземноморского (античного) мира. В том же II тысячелетии появляются и эгейские государства, о которых говорит современная археология. Вопрос о на-

циональности носителей эгейской культуры пока что остается открытым. Весьма вероятно, что это не одна, а несколько различных национальностей, некогда живших в Эгейском бассейне. В числе этих народностей могли находиться: пеласги, лелеги, карийцы и упоминаемые Гомером ахейцы, аргосцы, данайцы.

По главному месту раскопок и по характеру построек эгейскую

Рыбак

Носильщица чаши

Критский вождь

(Крито микенские фрески)

культуру делят на две группы — критскую (южную), с центром на острове Крите, и микенскую (северную), с главным центром в в Микенах, в южной части Балканского полуострова.

Памятниками эгейских обществ являются открытые археологами развалины городов (Кносса, Фест, Гурния на Крите), дворцы в Тиринфе и Микенах, куполообразная гробница в Орхомене, кладбище у Львиных ворот в Микенах и наконец большой дворец Миноса (лабиринт) на Крите. К сходному с ними типу городов надо отнести и Трою, поднятую из земли Шлиманом, расположенную на границе между Эгейским и Мраморным морями, на судоходной реке Скамандре.

Самым древним из всех эгейских обществ считается критское общество. В свою очередь история древнего Крита делится на три периода, подразделяющихся на несколько подпериодов: 1) раннеминойский, 2) среднеминойский и 3) позднеминойский периоды. Первый период характеризуется распространением камня и меди, два последних — распространением бронзы. Возвышению критских общин способствовало исключительно благоприятное географическое положение острова, находящегося в центре скрещения путей между Азией, Африкой и Европой. В благоприятных географических условиях находился и второй крупный эгейский центр — Микены, расположенный в 15 километрах от Аргосского залива, между городами Аргосом и Ко-

ринфом. Не менее благоприятно расположение и другого важного центра Арголиды — Т и р и н ф а, известного своим огромным дворцом-замком. Открытый Шлиманом тиринфский дворец поражает размерами своих «циклопических» стен, доходящих до 13—20 метров в толщину,

Ваза позднеминойского периода

сложенных из многогранников весом в 10 и более тонн, в $3\frac{1}{2}$ метра длиной и больше метра шириной.

Экономический и социально-политический строй этих древнейших городов-государств Эгейского бассейна пока мало известен. На основании развалин крепостных стен, замков и дворцов (в Тиринфе, Орхомене, Микенах и на Крите) предполагают в этих городах-государствах наличие сильной княжеской или царской власти, рабство и крепостничество. Главным занятием эгейских царей и их дружинников, как и сменивших их гомеровских басилевсов, были война, пиратство и торговля. Близость моря и соседство культурных стран Древнего Востока предрасполагали эгейцев к занятию пиратством и торговлей. Князья и их дружины жили в обширных, хорошо укрепленных замках (птолиетра) и держали в зависимости от себя рыболовов, земледельцев и скотоводов подчиненных им областей. Большие постройки (стены дворцов, театры, водопроводы и т. д.) предполагают значительное скопление средств и рабочей силы в руках эгейских владык и соответствующую социально-политическую организацию, сходную с древневосточными городами-государствами раннего периода. Различие в конструкции могил и в ценности найденных в них вещей также указывает на существование социального неравенства и сильной княжеской

части. По аналогии с Востоком хозяйство крито-микенских князей можно представить в виде княжеского или царского «ойкоса» (дома), состоявшего из нескольких владений с большим количеством зависимых людей и рабов. Некоторые здания, открытые на Крите и в Микенах, могут быть рассматриваемы как амбары, сараи, кладовые, мастерские, составляющие неотделимую принадлежность крупной хозяйственной организации.

Зал кносского дворца

Представление о бытовой жизни эгейской аристократии дают многочисленные изображения на дворцовых стенах и на утвари. Эгейские рисунки изображают похоронные процессии, осады крепостей, атлетические упражнения молодежи, пляску женщин, религиозные процессии, ландшафты. Эгейский орнамент отличается изяществом и разнообразием, черпая свои формы из всех видов природы: зверей, птиц, рыб, морских чудовищ, цветов и пр. Характерной формой эгейского стиля является изящная геометрическая спираль. Эгейское искусство представляет оригинальный тип, отличный от египетского и вавилонского.

Раскопки Шлимана, Эванса, Альберти, Флиндерс-Петри и др. делают возможным предположение о существовании в Эгейский период более или менее прочных связей между народами Средиземноморья. В этот круг связей входила не только восточная, но также и западная часть Средиземноморья: Сицилия, Южная Италия, Балеарские острова, Испания, Северная Африка и целый ряд других стран. Во всех этих местах в настоящее время производятся археологические обследования.

Из всех древнеэгейских (морских) царей в памяти последующих поколений наиболее прочно сохранилось имя критского царя Миноса, упоминаемого в мифе о герое Тезее и в «Истории» Фукидида. Как известно нам по преданию, рассказывает греческий историк Фукидид

в одной из вступительных глав „Истории Пелопоннесской войны", Минос первый построил флот и сделался гегемоном моря, носящего теперь название Эллинского моря, достиг гегемонии над Цикладами и первый вывел туда колонистов. На место сидевших там карийцев Минос посадил в качестве правителей своих собственных сыновей. Не подлежит сомнению также и то, добавляет Фукидид, что с целью увеличения своих доходов Минос сократил морские разбои.

Далее Фукидид указывает, что с появлением флота у Миноса море очистилось от пиратов и оживилась взаимная связь между народами. От этого более всего выиграли оградившие себя крепкими стенами жители приморских областей, разбогатевшие от торговли. Между приморскими городами образовалась своего рода вассальная зависимость. Сильные города, опираясь на свое богатство, поставили в зависимость от себя более мелкие города.

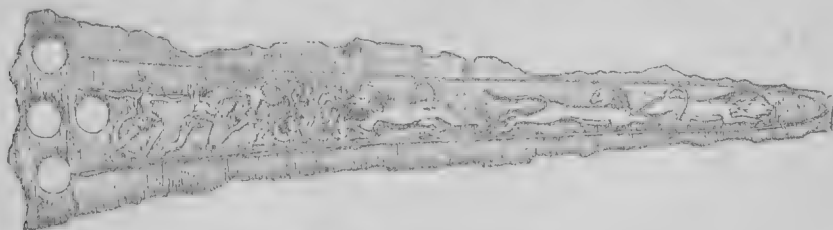
О Миносе упоминается также и в греческом эпосе:

«Остров есть Крит посреди винноцветного моря прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидонян
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Кронйона мудрый».

(«Одиссея», песнь XIX, строки 172—179.)

Основателем Микенского царства считался Персид и его потомки — Персиды, за которыми следовали Пелопиды, и наконец Атриды, объединившие всю Арголиду. Из рода Атридов вышли Агамемнон и его сын Орест, герои греческого эпоса и трагедии.

Новый период средиземноморской истории начинается со второй половины XII в., со времени Троянской войны и дорийского



Каменный топор из Микен

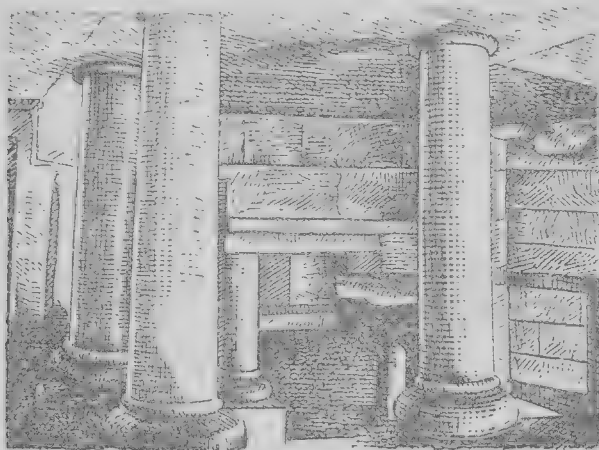
переселения. Троянская война повидимому была объединенным походом всех эгейцев (гомеровские ахейцы) против города Трои, представлявшего важнейший центр по северо-восточному побережью Малой Азии, господствовавшего над Геллеспонтом (Дарданеллы) и связывавшего Эгейское море с Черным.

Дорийское передвижение надо представлять как процесс расселения греческих племен в направлении с севера Балканского полуострова на юг, в Пелопоннес, совершавшийся в течение многих веков и захватывавший не одно дорийское племя, а целый ряд греческих племен. Расселение шло через Эпир в Фессалию, в Среднюю

Львиные ворота в Микенах

Грецию (область Дорида), Пелопоннес, затем на острова (Крит, Родос, Кос) и на побережье Малой Азии. Из различных взаимоотношений, складывавшихся между пришельцами и туземцами (ахейцами, эгейцами), образовалась новая народность, впоследствии получившая название *греков*, или *эллинов*, совершенно затмившая и вытеснившая из памяти последующих поколений старых эгейцев. В дальнейшем из массы греческих племен выделились три главные группы: эоляне, ионяне и доряне, сидевшие плотными группами и говорившие на различных диалектах. В период дорийского передвижения, знаменовавшего распад эгейских обществ и образование новых цен-

тров, на исторической арене появляется ряд новых народов — фракийцев, киммерийцев, филистимлян, этрусков и ахейцев (гомеровских греков). К этому же времени относятся захват филистимлянами Палестины, поселение этрусков в Италии, набег эгейцев на Египет при Рамзесе III и наконец осада ахейцами города Трои (Троянская война) на северо-восточном берегу Эгейского моря. В Азии в это время происходит распад Хетской державы, из которой вышли государства Лидия, Фригия, Киликия, Ликия. Одновременно с этим происходит заселение обитателями финикийского побережья (финикиянами), вытесняемыми эгей-



Колонны кносского дворца

цами, Северной Африки, будущего Карфагена. На северном берегу Черного моря возникает основанная фракийцами Киммерийская держава с центром в Керчи. В каком отношении все эти народы находились к эгейцам, на это наука не дает положительного ответа: весьма возможно, что все это были различные ветви эгейской народности.

II. ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

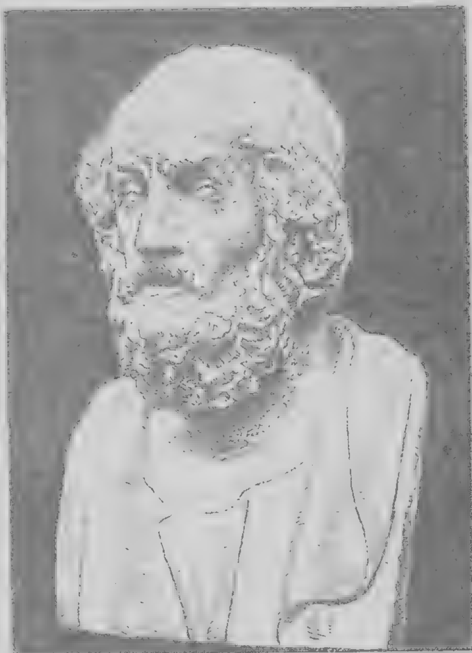
1. Греческий эпос

Долгий и сложный исторический процесс взаимодействия и слияния эгейской и греческой (эллинской) народностей нашел свое отображение в греческом эпосе, главным образом в «Илиаде» и «Одиссее», приписываемых греческому поэту Гомеру. Гомеровский эпос представляет памятник первостепенной важности. Главная трудность его использования состоит в том, что в поэмах имеются различные наслоения, отчасти относящиеся к более ранней эгейской эпохе, а отчасти к более поздней греческой эпохе. При этом названные элементы связаны не механически, а спаяны в одно художественное целое поэтическим творчеством и кроме того, как увидим из дальнейшего изложения, гомеровские поэмы подвергались неоднократным переделкам, пересмотрам, сокращениям и дополнениям. Дело еще более осложняется тем, что эгейские общества в некоторых отношениях стояли выше последующих собственно греческих обществ, изображенных в гомеровском эпосе. Доказательством этого между прочим служат так называемые дипилонские вазы, относящиеся к позднему периоду и уступающие более ранним вазам эгейского периода как по работе, так и по изображенным на них рисункам. Кроме того имеются и некоторые другие соображения, наводящие на мысль о «кризисе и варваризации» эгейских обществ, последовавших вследствие вторжения какой-то посторонней силы, возможно, северных народностей (дорян).

Первым вопросом при анализе гомеровских поэм является вопрос об их композиции, который, пройдя длинную и сложную цепь развития от «Введения к Гомеру» Вольфа и монографии о Гомере Карла Нича до работ Низе, Дрерупа, Пёльмана, Марра и Нильсона может считаться более или менее решенным. Много содействовало решению гомеровской проблемы привлечение данных фольклора и сопоставление гомеровского эпоса с эпосом других народов, в первую очередь с «Песней о Нибелунгах». Сравнительное изучение германского эпоса, финской «Калевалы», сербских народных песен, русских былин, ин-

дусских поэм, песен среднеазиатских кара-киргизов и т. д. обнаружило много сходных черт с греческим эпосом и пролило свет на его генезис. Принципы композиции оказались одинаковыми у самых различных народов.

Бóльшая часть исследователей признает, что греческий эпос развился из двух главных источников: во-первых, из древних гимнов и мифов о богах, и, во-вторых, из сказаний (саг) о местных героях. Каждый крупный греческий род и племя имели своих собственных героев — Геракла, Атрея, Ахилла, Одиссея, Неоптолема и др. К подвигам героев присоединялись описания битв, путешествий и связанных с ними всевозможных приключений. Это были своего рода приключенческие романы (ностой). На первых порах такие рифмованные гимны и саги являлись общим достоянием и обращались в качестве молитв или песен. Впоследствии же, на известном этапе социального развития, саги о деяниях богов и людей сделались достоянием специальных рассказчиков (рапсодов), декламировавших их при дворах эгейских и греческих (дорийских) князей и пользовались большим почетом. На этом дело однако не остановилось. Впоследствии (VIII в. до н. э.) отдельные саги и гимны были собраны и переработаны в художественные произведения — поэмы. В своем законченном виде гомеровские поэмы представляют, как указывает К. Нич, органически цельные и стройные произведения — истинный шедевр мировой литературы.



Гомер

Ценность гомеровского эпоса заключается не только в том, что он позволяет заглянуть в далекую эгейскую древность, но также и в том, что он в совокупности с другими памятниками дает возможность представить историю средиземноморских народов с древнейших времен до классического периода.

Во все подробности, связанные с эгейской и гомеровской проблемами, вводят: «История древности» Эдуарда Мейера (т. I), «Греческая история» Ю. Белоха (т. I) и «Греческая история» Г. Бузольта (т. I).

Особенно ценным представляется то, что каждый из названных авторов, суммируя данные современной науки, рассматривает вопрос под особым углом зрения, благодаря чему достигается известная полнота и всесторонность в изучении материала. В эпосе содержится материал, воспроизводящий не только быт развитых эгейских и гре-

Мальчик собирает цветы (фреска из Кносса)

ческих обществ, но также рисующий и начальные стадии их истории. При многочисленности, разнообразии и неравномерности развития средиземноморских обществ в каждый исторический период имелось много обществ, находившихся на самых различных ступенях культуры. Это — одна из особенностей античной истории. В главном эпос, как сказано, отображает, с одной стороны, быт греков после Троянской войны, а с другой — быт эгейцев эпохи Троянской войны.

Сюжетом «Илиады» является поход ахейцев на Трою, осада и разрушение Трои (Илиона). Из ахейских племенных вождей особенно выделялся фессалийский вождь (басилевс) Ахилл, центральный герой поэмы, басилевс Аргоса Агамемнон, он же и общегреческий главный басилевс, спартанский басилевс Менелай и др. Во главе троянских дружин стояли Приам, его сыновья — Гектор, Парис и др. Причиной ахейского похода на Трою Гомер, совершенно в духе рыцарства, считает похищение Парисом красавицы Елены, жены спартанского басилевса Менелая. Наряду с басилевсами в войне принимают участие также и «жители горы Олимпа», т. е. боги — Зевс, Афина, Гера, Аполлон, Гефест и др., не менее вождей и дружинников подверженные всем человеческим порокам и страстям.

Другая поэма Гомера — «Одиссея» — по своему содержанию непосредственно примыкает к «Илиаде», но отображает уже главным образом не военный быт, как «Илиада», а быт мирного времени. Герой поэмы «многоумный и многоопытный» Одиссей возвращается на родину из-

под Трои, подвергаясь в пути всевозможным приключениям и опасностям: попадает в плен к одноглазому циклопу Полифему, едва не погибает от чар морских сирен Сциллы и Харибды и многое другое. Наконец после долгих испытаний «божественный» Одиссей возвращается на родной остров к своей жене Пенелопе, выдержавшей за время отсут-

Дамы в голубых платьях (фреска из Кносса)

ствия мужа многочисленные атаки со стороны женихов, претендовавших на руку богатой и знатной вдовы. Но Пенелопа осталась верна своему мужу, так же как Одиссей остался верен своему родному острову.

В настоящее время можно считать общепризнанным, что гомеровский эпос в окончательной форме сложился в среде малоазийских греков, переселенцев с Балканского полуострова и островов. Но главные его составные части (сказания о героях) сложились в балканской Греции. Помимо Азии к числу областей, упоминаемых в гомеровском эпосе, принадлежит Арголида в центре Пелопоннеса, один из важнейших центров эгейских обществ, издавна находившихся в оживленных торговых сношениях с Финикией и Критом. Второй областью эгейских и греческих поселений была Беотийская долина с древнейшими городами Орхоменом и Фивами, связанными с восточной торговлей. На север от Беотии находилась богатая природой Фессалия с главным городом Ларисса на р. Пенее. О каждой из этих областей сложился целый цикл всевозможных легенд, повествующих о деяниях их героев, частично вошедших в гомеровские поэмы, частью же существовавших самостоятельно. Таковы легенды об аргосском герое Геракле (Геркулесе), о его потомках — Гераклидах, об Атрее и Атридах, Агамемноне, о Менелае, о фивском царе Эдипе, аргонавтах, лапифах, кентаврах и т. д.

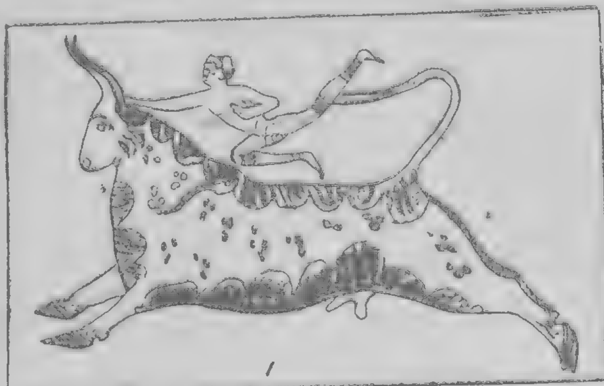
2. Строй древнейшей Греции

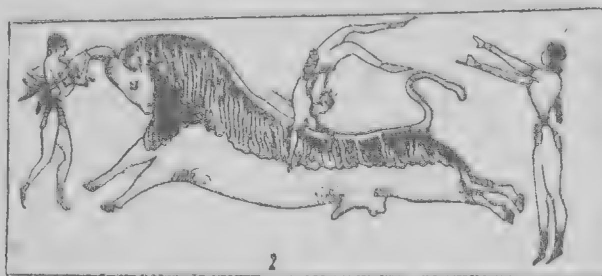
На основании гомеровского эпоса, подкрепляемого данными «Истории» Фукидида, «Политики» Аристотеля, «Истории» Геродота, Эфора, Диодора и данными археологии, получается в общем достаточно ясная картина быта древнейшей Греции. Первичной социальной формой протогреков (ахейцев), будь то пришельцы или эгейцы, был родовой

Богини со змеями (Крит)

поселок, состоявший из нескольких больших семей. Во главе родовых поселков стоял родовой старейшина, или «патриархальный царь». Схожий порядок, — говорит Аристотель, — практикуется еще и в наше время у варваров, примером которых являются описываемые Гомером циклопы, живущие в пещерах или на горных вершинах и не знающие никакой другой власти, кроме власти родового владыки («Одиссея», IX, 112). С Аристотелем в этом вопросе соглашается и известный греческий географ Страбон, пользовавшийся обширным этнографическим и историческим материалом. Страбон полагает, что большая часть местностей, названных в знаменитом гомеровском каталоге кораблей во второй песне «Илиады» (II, 683), представляли собой не более как союз нескольких родовых поселков (генос). Например Аркадская Мантинея была союзом пяти деревень, Эгирия — восьми деревень, Димы — семи деревень и т. д.

В древнейший период, согласно Фукидиду, эллинские (греческие) племена большей частью находились еще в полуномадном состоянии, жилища не были защищены от нападения врагов, пути сообщения небезопасны, люди ходили вооруженными. Из-за постоянных передвижений и стычек между родами хозяйственная культура стояла





Тиринфские и критские торреодоры.

тогда на очень низкой ступени, торговые связи были слабы, господствовало натуральное хозяйство. Вследствие отсутствия торговли и безопасности на суше и на море каждый возделывал лишь свое собственное поле с целью добыть пропитание для самого себя. К тому же каждый рассчитывал, что он везде добудет себе дневное пропитание. Никто не имел больших средств, никто не сажал деревьев, так как не чувствовал себя гарантированным от захватов и нападений. Тогда все очень легко снимались со своих мест и не имели ни больших городов, ни каких бы то ни было приспособлений для оседлой жизни. Эллада в то время была раздроблена и даже не имела общего имени (Фукидид, История Пелопоннесской войны, предисловие). Такова картина древнейшего (архаического) строя Греции. В отличие от других обществ античного мира разложение общинно-родового строя в Греции совершалось быстрее и полнее. Причиной этого являлись благоприятные

историко-географические условия — морские пути сообщения и соседство культурных народов. Основной причиной разложения греческого родового строя являлся рост производительных сил, разделение общественного труда, улучшение техники работ, усовершенствование орудий труда и развитие обмена и затем рабский способ производства.

3. Рост производительных сил

Из гомеровских поэм, подкрепляемых археологическими материалами, видно, что эволюция эллинских обществ совершалась в связи с изменениями в хозяйственной жизни. Собирание плодов, охота и грабеж постепенно уступали место полудикому скотоводству и полукочевому земледелию, в свою очередь вытесняемым более высокими видами сельскохозяйственной культуры: разведением винограда, культурой маслин (олив), фиг, огородничеством и садоводством. Доказано, что в гомеровскую эпоху культивировалось шесть сортов ячменя (круглозерный, углубленный, продолговатый и т. д.), несколько сортов полбы, проса, пшеницы, овса и весьма возможно, как об этом свидетельствуют изображения на вазах (вазы Санторина), рожь. Разнообразие хлебных злаков и расширение возделываемых площадей предполагали соответствующее усовершенствование техники, орудий труда и методов работы. С незапамятных времен греки употребляли деревянный плуг (аютогион), развившийся из обыкновенной палки, служившей одновременно метательным оружием (копьем) и плугом. Все части аютогиона — правило, дышло и сошник — приготовлялись из одного цельного крепкого дерева. Архаический плуг — не что иное, как искривленное дерево. «Везде, — говорит греческий поэт Гесиод, — много искривленного леса, и когда ты найдешь искривленное дерево, то неси его домой и используй для плуга». Из всех деревьев наиболее подходящим для этой цели Гесиод считает «вечно зеленый дуб». Для пахоты на быках — это наикрепчайшее дерево. Такого рода плуги до сих пор еще употребляются на Востоке и имеют много общего с нашей сохой. В эпоху Гомера аютогион хотя и существовал, но уже скорее в качестве пережитка. Архаический плуг оттесняется на второе место плугом более совершенной конструкции, носившим название пектос. Пектос — тяжелый плуг, вначале с деревянным, а потом с металлическим (бронзовым и железным) сошником. Конструкция этого плуга значительно сложнее. Это уже не простая палка с кривизной, но более или менее сложный прибор, состоящий из нескольких, хорошо пригнанных и скрепленных частей. Гомеровской плуг с небольшими механическими вариациями и усовершенствованиями сохранился и в классической Греции.

В изображении греческих писателей пахота плугом всегда представляется тяжелой, утомительной работой как для людей, так и для быков. Пахарь, возвращающийся с поля, у Гомера всегда выглядит усталым, жаждущим пищи и покоя, а у рогов быков, везших плуг, проступает пот. Сами быки всегда представляются сильными, откормленными тучной травой, огненными, круторогими. Наряду с волами в

качестве движущей силы употреблялись и мулы («Одиссея», XVIII, 21). Вспашка полей производилась длинной бороздой: «Длинные борозды плугом нарезал». В целях достижения наилучшего эффекта поле пропахивалось несколько раз подряд — два, три и даже четыре раза. Относительно высока и рабочая норма пахоты. По вычислению французского

Критский воин

экономиста Дюро де ла Маль плуг в два вола распахивал в день по одной трети гектара глубиной в 25 *см*. Таким образом поле в 12 гектаров могло быть обработано в 12 дней тремя упряжками по два вола в каждой.

Особенно большого напряжения требовало поднятие нови. Одним из самых употребительных сельскохозяйственных орудий наряду с плугом, служившим для разрыхления земли и при посадке садово-огородных растений и хлебов, требовавших более мягкой вспашки, была кирка, затем колотушка и заступ для разрыхления земли. Этим и исчерпывается весь инвентарь с.-х. орудий Греции, отображенный в эпосе. Весной и осенью часть поля засевалась, другая же лежала под паром.

4. Разложение общинной собственности

В связи с повышением производительности труда, появлением рабов, усовершенствованием орудий производства и развитием обмена совершались и изменения в социально-экономической структуре греческих (эллинских) общин. Особенно важно по своим последствиям было изменение отношения людей к земле, одной из главных производительных сил. Рост производительных сил знаменовал разложение общинной и появление частной собственности.

Раньше всего появилась собственность на стада и украшения. С этого момента продукты стали превращаться в товары, «и в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт и начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним» [1].

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932, стр. 113.

Гомер в своих описаниях захватывает более поздний момент, когда уже существовала частная собственность на скот и украшения и начала складываться частная собственность на землю. Как на один из источников образования частной земельной собственности эпос указывает на **выделение участков**, дававшихся в награду храмам, военным вождям (басилевсам) и их свите (дружине) сначала во временное, а потом в пожизненное и наследственное пользование. Эти участки носили название «отрезов», или «отрубов» (теменос) — в противоположность обычным наделам общинников, получаемым по жребию и называвшимся жеребьевыми наделами (клерами).

«Главк, почему нам в Ликии почет воздают перед всеми
Местом передним, и мясом отборным, и полною чашей,
И обращают к нам взоры, как будто к богам вечносущим?
Мы отчего подле Ксанфа богатым владеем наделом,
И виноградником славным, и пашней, ячмень приносящей?
«Нет, не лишенные славы Ликийской страной управляют
Наши вожди и не даром едят они тучных баранов,
Сладким, как мед, запивая вином; они доблестны силой,
Ибо в переднем ряду пред Ликийской дружиною бьются».

(«Илиада», VI, 199.)

Конкретным примером такого рода земельных подарков может служить участок — «великий подарок», данный Этолийской общиной герою — басилевсу Мелеагру за услуги, оказанные им общине. «Прекрасный отрез», подаренный Мелеагру, состоял из полевой земли и виноградника размером в 12 гектаров, что по тогдашним масштабам означало уже настоящее крупное поместье (ойкос).

При этом Мелеагру предоставлялось право выбирать участок там, где он сам пожелает и где нива наиболее плодородна.

Так же поступили и ликийцы (Ликия — область в Малой Азии), выделив Беллерофонту участок садовой и огородной земли («Илиада», VI, 190).

Из поэм греческого эпоса видно, что гомеровские герои-«цари» владели богатыми наделами, полями пшеницы и виноградниками, занимали первое место в общине, пили лучшие напитки, ели лучшие куски и с особым удовольствием занимались разведением коней. Обычный эпитет, применяемый Гомером к басилевсам, — «богатые конями» (гиппоботы).

В старинные времена, замечает греческий историк, археолог Дионисий, люди одновременно воевали и обрабатывали землю. В изображении Гомера, последовательного идеолога военно-родовой знати, идеализировавшего греческую старину, аристократические ойкосы выглядят настоящими поместьями, заботливо охраняемыми и обрабатываемыми их хозяевами — эвпатридами. Таковы например ойкосы Одиссея, Алкиноя, Менелая, Диомеда и вообще всех ахейских и троянских басилевсов («Одиссея», XVIII, 530).

«Ты, — говорит Одиссей спартанскому «царю» Менелаю, — владеешь превосходной землей тучных равнин, на которых обильно родится пшеница, полба и ячмень» («Одиссея», IV, 601).

Из всех несомненно сильно идеализированных и поэтически преувеличенных описаний «цветущих полей» басилевсов ясно одно — начинавшееся вытеснение кровно-родового принципа новым имущественным принципом, легшим в основу социальной диференциации Греции последующего периода. Чем ближе к классической эпохе, тем более родовая знать (эвпатриды) уступали место новой имущественной знати (плутократии), частично выходившей из той же самой военно-землевладельческой аристократии, «жирных и тучных людей», как их иногда величает Гомер. Для переходного периода конца эпической Греции весьма характерно постоянное чередование и смешение обоих эпитетов. «Богатый и знатный», «знатный и богатый» — обычное словоупотребление Гомера.

5. Ойкосы басилевсов

Владения военно-землевладельческой знати эпической Греции носили название ойкосов, или домов. Ойкос — замкнутое поместье, построенное на основе натурального хозяйства, производящее продукты для собственного потребления. В эпосе ойкосы упоминаются довольно часто и по самым различным поводам. Таков например ойкос феакийского басилевса Алкиноя. Ойкос Алкиноя состоял из дома с широким двором и богатым четырехдесятинным садом, обнесенным высокой оградой. В саду росли самые разнообразные фруктовые деревья: яблони, груши гранаты, сладкие смоквы, роскошно цветущие маслины и многое другое. К фруктовому саду примыкал «виноградник богатый» с янтарно густыми лозами, частью вызревавшими на солнце, частью же находившимися в чанах под прессами. За виноградником расположился огород с красивыми грядками, с которых собирались круглый год «овощи и вкусная зелень». Здесь же находился источник, орошавший сад, из которого обитатели дома черпали воду.

На примере алкиноева ойкоса видно, что ремесло в эпической Греции еще не отделилось от сельского хозяйства. Ойкос был в полном смысле самоудовлетворяющимся (автаркичным) хозяйством. За исключением немногих предметов, приобретавшихся у восточных купцов (финикийцев), посещавших птолиетра басилевсов, все ремесленные изделия изготовлялись дома. В ойкосе Алкиноя имелась гинекея — мастерская, руководимая хозяйкой дома, в которой работали рабыни. Одни из них работали за ручными мельницами: «Рожь золотую мололи они». Другие сучили нитки и ткали за ткацкими станками, сидя рядом «подобно трепещущим листьям тополя». Алкиноевы мастерицы, прядильщицы и ткачихи, отличались большим искусством в своей работе. Приготовляемые ими ткани были так плотны, что сквозь них не просачивалось даже масло.

«Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой, росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных
Яблонь, и груш и гранат, золотыми плодами обильных.
Также и сладких смоковниц и маслин роскошно цветущих
Круглый год, и в холодную зиму, и в знойное лето
Видимы были на ветвях плоды, постоянно там веял
Теплый эфир, зарождая одни, наливая другие,
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой.
Грозд пурпуровый за гроздом сменялся там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый, и грозди
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью ждали, чтобы срезал их с лоз виноградарь, иные
Были давимы в чанах, а другие цвели, иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарногустым наливались,
Саду границей служили красные гряды, с которых
Овощь и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были, один оотекал извиваясь
Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду».
«...Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных невольниц,
Рожь золотую мололи они жерновами ручными,
Нити сучили другие и ткали, сидя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя, ткани ж
Были так плотны, что в них не впиталось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье, их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много».
«...Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев».

(«Одиссея», VII, 100—130.)

Описание ойкоса Алкиноя в ярких красках воспроизводит картину внешней его жизни, но не вводит в самый производственный процесс. Ценным дополнением к алкиноеву ойкосу служит «обширный ойкос», изображенный на щите ахейского царя Ахилла, описываемый в XVIII песне «Илиады». Описывая изображения на щите Ахилла, иллюстрирующие различные моменты бытовой жизни Эллады, поэт в числе других описаний поместил также и сцены хозяйственной жизни, работы на поле, виноградниках и пастбищах. Бог, он же и кузнец, Гефест, выковал на щите Ахилла «огромный участок» плодородной земли, трижды пропаханной тяжелым плугом. На участке работает много пахарей, управляющих запряженными в плуг волами. После каждой борозды пахари получают кубок вина. За черной вспаханной землей виднеется усадебное поле, на котором работает много жнецов, жнущих ниву острыми серпами. На землю в огромном количестве падают колосья. За жнецами идут вязальщики, крепко связывающие соломой снопы. Дети собирают колосья. Работу возглавляет сам хозяин поля (басилевс), довольный хорошим урожаем. Под дубом женщины готовят обед для рабочих. Рядом с хлебным полем Гефест поместил «див-

щий большой виноградник» и затем «стадо большое быков круторогих».

Подобно алкиноеву ойкосу, ойкос на щите Ахилла состоит из трех частей: 1) хлебного поля, 2) пастбища и 3) виноградника. Каждая хозяйственная отрасль имеет свои особенности и описывается в особых специфических словесных образах. Поле — тучное, обширное, разрыхленное, трижды пропаханное. Виноградник — дивный, большой, сладким плодом отягченный. На пастбищах круторогие быки, волы, табуны лошадей, овцы, свиньи и козы, постоянно по самым различным поводам упоминаемые в эпосе.

«Дальше представил он стадо большое быков круторогих,
Он их из золота частью и частью из олова сделал.
С громким мычаньем коровы из хлева стремились на выгон:
Подле реки звонкоструйной, вблизи камышей шелестящих
Четверо шло золотых пастухов, провожая то стадо.
Девять за ними во след бежало собак резвоногих.
Далее славный Гефест хромоногий представил обширный
Пастбищный луг средь долины и стадо овец белорунных
Вместе с загоном и хлевом и крытыми к ним шалашами».

(«Илиада», XVIII, 580—584.)

Только что изображенная картина развертывает перед нами ойкос крупного масштаба с хлебным полем, стадами, виноградниками и далеко идущим разделением труда. В производственном процессе участвуют жнецы, косцы, вязальщики, подавальщики, слуги, приготовляющие обед для работающих, и сам господин с палкой в руках, руководящий процессом работы и «радующийся в сердце своем». Все это свидетельствует об относительно далеко продвинувшейся сельскохозяйственной технике и организации работ.

Соответственным образом изменялось и отношение басилевсов к сельскому хозяйству. Чем дальше, тем все более отодвигались на второй план примитивные виды хозяйствования: грабеж, пиратство и охота, уступавшие место более планомерной работе. Показательно, что Одиссей, главный герой «Одиссеи», желая блеснуть перед феакийским князем своей физической силой и ловкостью, предлагает феакийцам померяться с ним в искусстве пахоты, косьбы и жнитья.

«Вот если бы весной, — говорит Одиссей, — когда дни бывают долги, мы взяли по одинаковой острой косе и косили в течение целого дня, от утренней до вечерней зари, или же, заложив быков молодых, крепких, круторогих, вспахали бы четырехмерную новину, вот тогда мы и увидели бы, кто из нас искуснее и сильнее» («Одиссея», XVIII, 16).

О первостепенной важности сельского хозяйства в экономике гомеровской Греции между прочим свидетельствует обилие в «Илиаде» и «Одиссее» всевозможных метафор, заимствованных из сельскохозяйственного обихода. Все это говорит за то, что сельское хозяйство становилось для басилевсов важной экономической статьей. Хозяйственная установка «Одиссеи», написанной позже «Илиады» и отображаю-

щей был уже оседлой Греции, чувствуется даже в отношении Одиссея к диким циклопам, владеющим плодородной почвой, но не ведущим на ней культурного, рационального хозяйства.

«А ведь их остров, — говорит Одиссей, — можно было бы прекрасно возделать, и тогда, покоряясь плугу, он покрылся бы высокой пшеницей и жатва на тучной почве была бы преизобильной» («Одиссея», IX, 30).

Одновременно с ростом сельского хозяйства росло также и ремесло, постепенно отделявшееся от земледелия. В гинекеях (домашних мастерских) Алкиноя, Одиссея и других басилевсов изготовлялись искусными мастерицами (сидонянками) тонкие, изящные и крепкие ткани, рассчитанные на избалованный восточными образцами вкус военной знати. Каждая мастерица при этом выполняла одну определенную работу, что уже предполагало специализацию и разделение труда.

«На лавках лежали ковры, сотканные дома искусными руками прилежных работниц» («Одиссея», VII).

Помимо прядения и тканья в княжеских ойкосах выделывались амфоры (сосуды для хранения и транспорта масла и вина), приготовлялся строительный материал, имелись свои кузнецы, плотники и работники других специальностей, исполнявшие каждый свою собственную работу. Одной из самых важных отраслей ремесленного производства была металлургия: изготовление металлического оружия, панцырей, железных мечей, копий, наконечников к ним, стрел, боевых колесниц и т. п. — словом всего того, чем рыцари (эвпатриды) отличались от остальной пешей массы воинства.

В XVIII песне «Илиады» описана оружейная мастерская бога Гефеста, в которой изготовлен знаменитый ахиллов щит. В мастерской имеется двадцать пылающих горнов, раздуваемых мехами, позволяющими божественному кузнецу ковать то с большей, то с меньшей силой. В горнах обрабатывается медь, олово, серебро и золото. Орудиями работы, кроме кузнечных мехов, служат тяжелый молот и клещи. В оружейной мастерской изготовляются щиты, панцыри, шлемы, латы и доспехи, т. е. полное вооружение греческого воина-эвпатрида.

Наряду с этим в гомеровском эпосе упоминается и другой вид ремесла, когда ремесленников (демиургов) приглашают на-дом, куда они приходят с своими инструментами и работают из материала заказчика.

«Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, или искусников-зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом».
(«Одиссея», XVII, 384.)

«Затем явился златоискусник [золотых дел мастер],
Нужный для ковки металлов, принесший снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он...»
(«Одиссея», III, 432—438.)

6. Социальное расслоение гомеровской Греции

Концентрация земельной собственности, появление рабов и начинавшийся переход от натурального хозяйства к товарно-денежному усиливали классовую диференциацию гомеровского общества. Из массы свободных общинников стали выделяться «лучшие и благородные» (аристократы-эвпатриды). Социальная диференциация усиливалась по мере того как усложнялась военная техника и выделялась группа воинов-профессионалов, имевших металлическое вооружение, боевые колесницы, копья и слуг-рабов. Все это было доступно только богатым людям — эвпатридам, верхний слой которых составляли цари — басилевсы. Эвпатридам противостояла народная масса, называемая в эпосе «худородными», «дурными» людьми (лаой), находившимися в зависимости от эвпатридов и постепенно терявшими свою свободу. Соответственно своей художественной задаче вызывать приятные эмоции и создавать спокойное состояние духа, Гомер избегает изображения неприятных сторон социальной жизни, могущих вызвать гнев и раздражение его «благородных» слушателей-басилевсов. И тем не менее классовый антагонизм между «жирными и тучными» укротителями коней (эвпатридами) и массой пехотинцев (лаой), затушевываемый искусной рукой составителя «Одиссеи» и «Илиады», время от времени по разным поводам прорывается наружу. Такой случай резкого проявления классового антагонизма в аристократической Греции мы имеем в знаменитой сцене под Троей, на солдатской сходке, созванной Агамемноном для решения вопроса о дальнейшем ведении или прекращении войны. Война, — говорил «царь народов», сын Атрея, Агамемнон, опираясь на тяжелый скипетр гефестовой работы, — тянется уже десять лет и кроме страшных потерь ничего не несет ахейцам. Корабли гниют, стоя в гавани, канаты истлели, жены и дети страдают, ожидая своих мужей и отцов. Самое разумное, что можно предпринять в таком положении, по мнению главного басилевса, Агамемнона, — это прекратить войну и отплыть на родину, сняв осаду Трои. Обрадованная решением верховного вождя снять осаду, масса народа, «подобно огромным морским волнам», с страшным криком бросилась к кораблям, спеша отплыть на родину. Народ с радостью вырывал подпоры кораблей, и ахейская рать благополучно поплыла бы на родину, если бы в дело не вмешались другие басилевсы. Больше других против преждевременного окончания войны протестовал Одиссей. Одиссей уговаривал бежавших ахеян остаться и продолжать войну, заявляя, что Агамемнон только хотел испытать храбрость своего воинства и никак не думал о действительном снятии осады. В случае прекращения войны, говорил он, на голову ахеян и их главного вождя падет много тяжелых бедствий, ибо «тягостен гнев царя Зевса, сына Кроноса». Бо́льшая часть бежавших к кораблям воинов возвратилась, и лишь немногие отважились не повиноваться «многославному, многохитрому» Одиссею. В числе не убоявшихся палки Одиссея и неповиновавшихся был и Терсит, описанный во II песне «Илиады».

Гомер, идеолог аристократии, старается изобразить Терсита с самой невыгодной для него стороны. Он, повествует Гомер, был косоглазый, хромоногий, совершенно горбатый, и его плешивая голова торчала острием. Враг Одиссея и вообще всех басилевсов, он их на каждом шагу порицал и третировал. В момент бегства ахеян он обрушился с целым потоком ругательных слов на скипетроносного Атрида Агамемнона.

«Что ты, Агамемнон, все еще недоволен? Отчего сердишься ты? Палатки твои переполнены медью, и множество пленниц в палатках твоих, которых тебе мы, аргивяне, избранных первому в рати даем, когда города разоряем. Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских рыцарей славных принес для тебя, в искупление сына... Нет, недостойное дело главе народа вовлекать нас, ахеян, в кровавые беды».

Слова неустрашимого Терсита привели в ярость Одиссея, страстного защитника «жирных и тучных» басилевсов.

«Смолкни, безумноречивый, хотя и громогласный вития», — воскликнул Одиссей.

«Смолкни, Терсит, и не смей никогда порицать скипетроносцев. Пусть с этого дня я не буду называться отцом Телемака, если я, схвативши тебя и обнажив донага, не вышвырну избитого из собрания народа» (Илиада, II, 185).

В заключение описанной сцены поэт прославляет героя Одиссея, совершившего множество дел, полезных для общенародного блага. Самым же «знаменитым» из всех геройских подвигов Одиссея Гомер считает усмирение «буйного ругателя» Терсита, впредь конечно, по словам поэта, не посмеющего дерзкими словами поносить «Зевсу любезных царей — басилевсов».

Помимо экономического и правового неравенства различие между аристократией и народом сказывалось и во внешнем обращении басилевсов друг с другом, с одной стороны, и в их обращении с простым народом, с другой.

«Если встречал (Одиссей) басилевса иль воина знатного рода, то, ставши перед ним, он останавливал его ласковой речью: «О, многочтимый! Тебе не пристало дрожать, словно трусу». Лучше на место садись и других усади средь народа».

Если же он встречал громко кричавшего мужа из народа, то он ударял его скипетром и бранил грозною речью:

«Сядь, злополучный, недвижно и слушай, что скажут другие, те, кто мудрее тебя, ты ж негоден к войне и бессилен. И никогда ни во что не считался в бою, ни в совете».

Высокое положение эвпатридов выражалось не только во внимании и почестях, оказываемых басилевсам при жизни, но также и в почестях, воздаваемых им после их смерти, в их **торжественных похоронах**. В этом отношении интересно описание похорон ахейского героя Патрокла, убитого Гектором, вводящее нас в самую гущу греческого быта ранней поры.

«...И тотчас Атрид Агамемнон
Многим по лагерю воинам дал приказанье на мулах
Дров привезти для костра. Во главе их герой устремился
Вождь Мерион, непреклонного Идоменея товарищ,
Воины взяли секиры и свитые крепко веревки
И за дровами пошли. Выступали их мулы.
На гору, под гору, вдоль и поперек они шли по тропинкам
И на высоты взобрались Иды, обильной ключами.
Там они стали поспешно рубить густоверхие дубы
Остроотточенной медью. С шумом валились деревья,
Их раскололи ахейцы и мулам взвалили на спины,
Крепко связав...
К морю придя, они на берег бревна свалили, где место
Выбрал Ахилл под курган для себя самого и Патрокла.
...На колесницы взобрались герои с возницами рядом,
Конным вослед выступала пехота несметною тучей,
А посредине шагали дружинники с телом Патрокла,
Кудри срезали с голов и бросали, весь труп покрывая.
...С множествам тучных баранов и крупных быков крутторогих
Кожу содрали они перед костром, приготовив, как должно.
Жир отобрал благородный Делил и покрыл им Патрокла
От головы и до пят, а кругом навалил он все туши,
А посредине поставил амфоры с маслом и медом,
К ложу слегка приклонив. И коней четырех крутовыйных,
Десять собак за столом у царя Ахилесса кормилось.
Двух он из них обезглавил и бросил на груду поленьев,
Грозное дело замыслив, он медью зарезал двенадцать
Воинов юных троянских, отважных душой, благородных,
И подложил под костер беспощадный огонь, пусть-де бушует».

(«Илиада», XVIII, 324.)

Высокомерное отношение эвпатридов к простому народу (лаой) свидетельствовало о социально-экономических сдвигах, происходивших в недрах гомеровского общества. Как уже отмечалось выше, по мере разделения труда, роста числа рабов, частной собственности и обмена, масса первоначально свободных общинников попадала в зависимое от эвпатридов положение фетов — наемных рабочих или поденщиков, работавших в ойкосах эвпатридов. Феты, работавшие на землях эвпатридов, получали от них за свою работу натуральное довольствие.

«Странник, ты верно поденщиком будешь, согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые.
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу:
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь».

(«Одиссея», XVIII, 307.)

Часть фетов получала от эвпатридов небольшой участок земли, за пользование которым они должны были вносить плату и выполнять некоторые работы в пользу эвпатрида. Таким путем создавался разряд зависимых людей (пелатай, гектеморов, римские клиенты).

Происхождение фетов двоякое. Часть фетов принадлежала к покоренному населению и находилась на положении крепостных (или рабов), другая же часть юридически считалась свободной, но экономи-

чески только и зависела от басилевса, или эвпатрида. Задолженность фетов увеличивалась по мере роста денежного хозяйства, частной собственности и перехода к садово-огородным культурам, требовавшим вложения значительных средств и рабочей силы (рабов). Греческий глагол быть фетом (фетейен) означает не только работать по найму, но также и находиться в зависимом состоянии. О близком родстве фетов и рабов свидетельствует между прочим обычное сочетание у Гомера: феты и рабы, «рабы и феты»[1]. Вышеупомянутый греческий географ Страбон, пользовавшийся обширным этнографическим материалом, безоговорочно приравнивает фетов к фессалийским пенестам, спартанским илотам, критским ойкоям, кларотам и мноитам, т. е. к массе зависимого и порабощенного населения названных общин (Страбон, XII, 542). Гомеровские феты перешли и в последующий классический период Греции, отчасти сохранив свою формальную свободу, отчасти же слившись с рабами.

Вопрос о соотношении различных категорий населения в эпической Греции при современном состоянии науки не может считаться решенным окончательно. По этому вопросу наиболее видные авторитеты античной историографии расходятся коренным образом. В то время как Эдуард Мейер и Пёльман массу греческого (ахейского) населения считают свободной, Виламовиц-Меллендорф считает его закрепощенным. Главная ошибка старых исследователей состояла в том, что они недостаточно различали периоды эпической Греции, сдвигая в одно целое несколько столетий. Характеристика Виламовица правильна в отношении фетов последнего периода, но неприменима в отношении лаой более раннего периода, когда масса общинников имела земли и была свободна, осмеливаясь даже критиковать своих басилевсов[2].

Одним из симптомов ухудшения социально-экономического положения лаой было развитие нищенства, социальное явление, совершенно неизвестное «Илиаде», но очень распространенное в эпоху «Одиссеи», составленной лет на 100 позднее «Илиады». Изможденные, оборванные, с палкой в руках и с сумой за плечами, нищие бродили по селам и городам, от одного дома к другому, прося подаяния. Нищие не имели своего угла. Летом они жили и ночевали под открытым небом, зимой же ютились в «медном доме» (кузнице), служившем одновременно постоялым двором и клубом для простого народа.

«Ты, очевидно, совсем рассудок потерял, бродяга. Итти на ночлег в кузницу или на постоялый двор ты не хочешь, а тебе больше нравится вот тут громко и дерзко болтать при большом народе» («Одиссея», XVIII, 327).

Гомеровский «медный дом» имеет свою длинную и интересную историю. Это один из многих пережитков глубокой старины, восходящий к так называемым «мужским домам», наблюдаемым и сейчас у

[1] См. «Одиссея», IV, 644; XIV, 18, 450; «Илиада», XXI, 440.

[2] См. Эд. Мейер, История древности, т. II; Р. Пёльман, История социализма и социальных движений.

некоторых малокультурных народов (негров, полинезийцев и др.). Профессор Виппер следующим образом описывает мужские дома у современных народов Африки и Америки: в мужских домах останавливаются приезжие, живут бессемейные воины, образующие определенную возрастную группу, здесь же наконец хранятся все маски и эмблемы, выносимые во время торжественных процессий.

Сокровищница Атрея

Такого рода дома существовали и во многих греческих общинах (андрейа на Крите). Впоследствии андрейа, утратив свое военно-религиозное значение, превратились в княжеские замки (птолиетра) или же передали свои черты «медному дому», сохранявшему их в виде пережитков. Нечто общее с мужскими домами имеют постройки классической Греции — открытые здания и портики, в которых устраивались общенародные трапезы и жертвоприношения[1].

7. Начало рабского производства

Положение фетов ухудшалось по мере развития рабства и перехода к рабскому способу производства. Появление рабства как

[1] См. Виппер, Лекции по истории Греции; Г. Шурц, Возрастные классы и мужские союзы.

социальной категории знаменовало настоящую революцию во всем строе социальной жизни, в отношениях людей к земле и друг к другу. С рабством связано разложение родового строя, образование частной собственности, классов и государства, т. е. полный переворот во всех общественных отношениях. В Греции, как и во всех других античных общинах, рабское производство укрепляется на известной ступени социального развития, когда уже существуют относительно развитые производство и обмен.

История возникновения и распространения рабства отчетливо прослежена в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса.

«В самом начале достоверной истории, — пишет Энгельс, — мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов.

...Для человека, стоявшего на низшей ступени варварства, раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы поступали с побежденными врагами совершенно иначе, чем это практиковалось на высшей ступени. Мужчин они убивали или же принимали их как братьев в племя победителей; с женщинами они вступали в брак или же их тоже усыновляли вместе с их уцелевшими детьми. Рабочая сила человека на этой ступени еще не доставляет заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, земледелия положение изменилось. Ранее столь легко добывавшиеся жены стали меновой стоимостью и предметом купли, то же самое произошло и с рабочей силой, в особенности после того, как стада окончательно перешли в собственность отдельных семей. Семья увеличивалась не столь быстро, как скот. Для надзора и ухода за ним требовалось теперь больше людей; для этой цели оказывалось возможным использовать военнопленного врага, который к тому же мог размножаться не хуже скота» [1].

Переход к рабскому производству в Греции стоял в связи с ослаблением натурального хозяйства, расширением интенсивных садово-огородных культур и развитием городских ремесел, совпадал с концом гомеровской эпохи (VIII—VII вв. до н. э.).

Своего полного расцвета рабовладельческая система достигает в период товарно-денежных отношений и развитой городской жизни. Главной отраслью применения труда рабов в течение всей греческой истории было городское ремесло.

У Гомера и другого поэта (VII в.) Гесиода встречаются четыре термина, обозначающие зависимое положение раба-работника: 1) слуга, 2) домашний раб, 3) раб в общем смысле (дулос), 4) полевые работники (поденщики, издольщики, задворные люди) и ремесленники.

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 54.

Бо́льшая часть рабов в эпической Греции использовалась в качестве **домашних слуг** (челяди) в птолиетрах эвпатридов — в качестве поваров, конюхов, виночерпиев, лакеев, экономов и т. д. В собственном смысле рабское производство раньше всего начало применяться в домашних мастерских (гинекеях), где, как мы уже видели,

Древнейшие орудия и оружие из камня и бронзы
(из Трои и Микен)

работали искусные мастерицы-сидонянки (финикиянки), специализировавшиеся на определенных видах труда. Рабский труд применялся также и в сельском хозяйстве, земледелии и скотоводстве, на виноградниках и оливковых посадках. В некоторых случаях рабы получали от своих господ небольшие земельные наделы (пекулии), дом и даж.

жену, словом, все, что «хорошие господа имеют обычаем давать своим верным слугам» («Одиссея», XIV, 34). Недиференцированный труд рабов-слуг постепенно начинал диференцироваться. В эпосе упоминаются рабы-мукомолки, свинари и т. д. и, что особенно важно, упоминаются также и начальники рабов, рядовые работники-рабы и младшие рабы. Из вышеприведенного описания «обширного ойкоса» на ахиллесовом щите некоторые исследователи (Пёльман, Виламовиц, Врайзинг) делают заключение об использовании рабов в больших ойкосах целыми группами, что собственно характерно уже для последующего периода расцвета рабского производства.

Гомер отмечает и отрицательные стороны труда рабов, не заинтересованных в выполняемой ими работе.

«Раб нерадив. Не принудь господин поведением строгим к делу его, за работу он сам не возьмется охотой. Тягостный жребий печального рабства, отняв человеку лучшую доблесть, в нем половину Зевс истребляет» («Одиссея», XVII).

Различие между рабами и свободными резче всего выступает в ойкосах богатых эвпатридов, в то время как между мелкими басилевсами и их рабами в эпической Греции еще сохранялись некоторая патриархальность и простота отношений. Те и другие вместе живут, вместе едят и спят. Подобного рода патриархальность наблюдалась например в отношениях к своим рабам старика Лаэрта, отца Одиссея.

«Бедный старик, хотя и сильно скорбел о своем сыне, он все же наблюдал за работами в поле и, чувствуя голод, как и раньше, пил и ел за обедом вместе с рабочими» («Одиссея», XIV, 225).

У более же крупных рабовладельцев, у которых имелись «мириады» рабов, отношения между господами уже не носили патриархального характера. Это достаточно явствует например из жестокой расправы Одиссея со своими рабынями, уличенными в связи с женихами Пенелопы, жены Одиссея.

«Все на канате они голова с головою повисли;
Петли им шею стянули у каждой. Смерть их постигла
Скоро: немного потрепав ногами, все разом утихли...
Силою вытащен после на двор козовод был Меланфий.
Медью ему нос вырвали прочь, обрезали уши.
Руки и ноги отсекли ему. А потом, изрубивши
В крошки его, на съедение бросили жадным собакам...»

Рабы в древней Греции пополнялись из двух источников: из внутреннего и из внешнего. В рабов превращались неоплатные должники (феты), что при все углублявшемся социальном неравенстве и суровости долгового права случалось довольно часто. Вторым и главным источником получения рабов, как в древней, так и в послегомеровской, классической Греции служили войны. Военнопленные или непосредственно попадали в руки рабовладельцев (басилевсов) или же перекупались басилевсами-торговцами, перепродававшими их другим эвпатридам. В одной из песен «Илиады» фигурирует некий Эней, сын

басилевса Ясона, выменивающий рабов на вино быков, шкуры, медь, железо у ахейцев, сражающихся под Троей.

Сосуды Микенской эпохи

«Тою порою пристало к ним много судов из Лемноса,
Черным вином нагруженных. Прислал их Эвней, сын Язона,
Тот, кто рожден Гипсипилой от пастыря войска Язона.
Детям Атрея, басилевсу Агамемнону и Менелаю
Чистого тысячу мер подарил он вина дорогого,
А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев
Все покупали, платя кто железом, кто яркою медью,
Кто же бычачьими шкурами, кто и самими быками
Или рабами — людьми...»

(«Илиада», VII, 470)

Среди прочих пленников Ахилл захватил одного из сыновей Приама Ликаона, переправил его на многолюдный остров Лемнос и там продал в рабство вышеупомянутому Эвнею. Лемнос в это время был центром работорговли.

Из сказанного о рабстве можно сделать вывод, что в гомеровской Греции рабство уже получило широкое распространение. У крупных басилевсов имелись «мириады» рабов, но использовались они главным образом в качестве домашних слуг, живших в домах басилевсов или работавших на полях и садах вместе со свободными фетами. Рабское

производство в собственном смысле существовало только в домашних мастерских, или гинекеях, из которых впоследствии развивались рабские эргастерии (мастерские). Кроме того, не велико было и само число рабовладельцев. Напротив, в следующий период классической Греции общее число как рабов, так и рабовладельцев значительно увеличилось.

8. Политический строй

Сосредоточение в руках эвпатридов земельных владений, скота, лошадей, рабов и слуг было условием их политического господства. Основной политической единицей гомеровской Греции оставался род. После того как масса населения уже почти порвала с родовыми порядками, у аристократии родовые отношения еще сохранились. Отличительными признаками греческого (аристократического) рода Энгельс, дополняя Грота, Нибура и Моргана, считает: 1) происхождение по отцу, 2) запрещение браков внутри рода, 3) право усыновления, 4) право избирания и смещения родовых старейшин, 5) оказывание друг другу помощи и взаимной поддержки, 6) обладание общеродовыми праздниками и общеродовым кладбищем. При разложении родовой общины аристократические роды не только не разлагались, но, наоборот, крепли и теснее смыкались. Аристократия, говорит Энгельс, злоупотребляла древними родовыми учреждениями для оправдания грабежа богатств и удержания господства над массой зависимых от «тучных и счастливых» эвпатридов-землевладельцев, пастухов и ремесленников, рабов и свободных.

Во главе союза нескольких родов (фратрий и фил) стоял царь, филобасилевс. Во время войны и походов выбирался главный князь, или главный царь, под властью которого находилось несколько племен. Первое время власть «князя князей», или «царя царей», продолжалась лишь во время похода, и лишь впоследствии она сделалась более устойчивой. Таковой например была власть главного басилевса Агамемнона, изображенного в «Илиаде». «Владыка мужей» Агамемнон является не верховным царем ахейцев, а верховным вождем союзного войска перед осажденным городом.

«Современному значению слова «царь» древнегреческое «басилевс» совершенно не соответствует. Фукидид определенно называет древнюю basileia — patrikê, т. е. «происходящая от рода», и говорит, что она обладала точно определенными, следовательно ограниченными полномочиями. И Аристотель говорит, что basileia героической (эпической) эпохи представляет собой предводительство свободными, а басилевс был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле этого слова он, таким образом, не обладал»[1].

Все важные вопросы, касавшиеся интересов всего союза, главный басилевс решал в совете вождей (булэ). Совет (булэ, римский

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 105—107.

сенат) первоначально состоял из старейшин родов, позднее же, когда число их значительно возросло, из специально выбранных из их среды эвпатридов (в Риме патрициев), что содействовало развитию и усилению аристократического элемента. Помимо аристократического булэ, по всем важным вопросам, касавшимся войны, главный басилевс обращался к народному в е ч у (агорá), состоявшему из граждан военного возраста. В изображении Гомера агорá представляется военной сходкой, созываемой главным басилевсом или родовыми старейшинами. По зову «звонкоголосых глашатаев» «густоволосые ахейцы» собираются на площадь, подобно рою пчел, слетающихся в свой улей.

«Ведь в эту эпоху, когда каждый взрослый мужчина, член племени, был в то же самое время воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и факт этот должен служить для нас исходной точкой при суждении о власти и роли как совета, так и басилевса» [1].

В изображении эпоса агорá выступает еще со всеми чертами древнего родового веча.

«Они собрались...
И загудело собрание, земля застонала в то время,
Как размещались ахейцы, и было тогда смятенье большое.
Девять громкоголосых глашатаев старались удержать их от крика,
Чтоб басилевсов могли они слышать...
Только с трудом размещался народ, на местах оставаясь».

В роли руководителя дружинного веча выступает главный басилевс Агамемнон, окруженный другими басилевсами и родовыми старейшинами. Еще более древним учреждением, чем власть главного басилевса и эвпатридской булэ, была г е р у с и я (совет стариков, римский сенат древнейшей эпохи), в гомеровскую эпоху существовавшая отчасти самостоятельно, отчасти уже сливавшаяся с аристократическим советом. В «Илиаде» и «Одиссее» «совет многоопытных старцев» выступает во всех более или менее важных случаях при решении дел, касающихся всей общины. Так например многоопытные старцы выступают на уже знакомой нам большой сходке, созванной «владыкой мужей» Агамемноном под Троей по вопросу о снятии или продолжении осады города.

Точно так же родовые старейшины занимают центральное место и на другой сходке, собранной сыном Одиссея Телемаком на острове Итаке.

«Когда же все собрались они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем пред сбором народным явился.
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовском.
Первое слово тогда произнес благородный Эгиптий,
Старец согбенный годами и в жизни изведавший много».

(«Одиссея», II, 30—32.)

---

[1] Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 104—105.

Особенно интересна фигура Нестора, одного из самых почтенных басилевсов, действующих в гомеровском эпосе. С историко-культурной стороны Нестор интересен как тип военного вождя (басилевса), еще сохранившего все характерные черты родового старейшины. Черты военного вождя и родового старейшины, переплетающиеся в фигуре Нестора, ярко выступают во время торжественного пира Пилосской общины, изображенного в третьей песне «Одиссеи». Здесь патриархальный царь еще не совсем отделился от массы рядовых общинников и пирует с ними за общим столом.

«На камнях Нелеевых (Нелей — отец Нестора), — так начинается описание торжественного пира, устроенного Пилосской общиной в честь Телемака, сына Одиссея, — восседает Нестор, «пастырь ахеян», с шестью своими сыновьями. Здесь, обращаясь к народу с подобающей речью, Нестор приказал позвать «всех мореходных людей», прибывших с Телемаком, а рабыням повелел приготовить изобильный обед, расставить в должном порядке скамьи и столы, приготовить дрова и принести чистой воды.

«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите,
Больше других склонить я желаю на милость Афину,
Присутствующую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий. Другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух. Наконец,
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрт
Призван, чтоб золотом чистым рога покрыть телицы.
Прочие же все оставайтесь при мне, но велев рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».

(«Одиссея», III, 410—435.)

Приказание рабовладельца-басилевса было тотчас же исполнено.

Из только что описанной сцены видно, что при всей патриархальности обычаев Пилосской общины, все же достаточно отчетливо выступает зависимое положение рабов, прислуживающих свободным общинникам и не принимающих непосредственного участия в пире. Общинные трапезы, практиковавшиеся в эпической Греции, в виде пережитков сохранялись и в классической Греции, особенно в дорийских общинах — Спарте, Крите и на Липарских островах (Сисситии и Фидитии).

9. Расслоение знати

Вышеописанный процесс дифференциации, расслоивший первоначально однородные общины, затронул также и семьи эвпатридов. Первоначально слабо дифференцированная знать постепенно начинает расслаиваться на несколько разрядов или степеней. Эпический язык знает целый ряд обозначений, указывающих на эти сословные различия. Наиболее употребительны в эпосе следующие наименования: басилевсы (военные вожди,

сеньоры), геты (спутники), гетайры (товарищи), кассигнеты (родственники и свойственники), терапонты (боевые слуги) и т. д.

«Эвпатриды, — замечает по одному поводу греческий историк Полибий, — различаются между собой по величине своего богатства, по размерам своих имений и в особенности по числу конских табунов» (Полибий, VI, 1).

Из всех басилевсов своим богатством и родом выделяется первый «басилевс басилевсов» властитель Аргоса, повелитель народа, князь златообильных Микен, Агамемнон, обещавший за обиду, нанесенную им другому важному вождю Ахиллу, выдать ему несметную награду: 10 талантов золота, 20 блестящих лоханей, 7 новых треножников, 12 могучих коней, стяжавших награду в ристаниях, и право обильно наполнить свои корабли золотом и медью. В другом месте указывается, что Агамемнон обещал в приданое за свою дочь дать семь многолюдных городов со всеми их жителями, угодьями, волами, овцами и козами.

«Семь подарю я градов, процветающих, многонародных,
Все же они у приморья, с Пилосом смежных песчаным,
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами его, как бога, чествовать будут
И под скипетром ему заплатят богатые дани».

(«Илиада», IX, 160—170.)

Так говорил сын знатного Атрея, «владыка мужей Агамемнон».

Соответственно богатству и влиянию строился и быт эвпатридов. Басилевсы, занимавшие в социальной иерархии первое место, жили в укрепленных замках (птолиетра), окруженных башнями (пурги), с большими покоями, украшенными золотом, серебром и всевозможными драгоценностями. Таков например был замок-дворец знакомого нам басилевса «веселолюбивых феаков» Алкиноя, ойкос которого описан в одной из предшествующих глав.

«Тою порой подошел (Одиссей) ко дворцу Алкиноя. Он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях пред медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя.
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом темносиней лазури,
Притолки их из серебра утверждалися на медном пороге.
Также и верх серебряный был, а кольцо золотое.
Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли
Хитрой работы искусного бога Гефеста собаки,
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя
Были бессмертны они и с течением лет не старели».

(«Одиссея», VII.)

Немногим уступал Алкиною и «многоумный божественный» Одиссей, главный герой гомеровского эпоса, наиболее симпатичный и близкий поэту. Гомер не один раз упоминает об огромных богатствах Одиссея. В кладовых Одиссея лежали несметные кучи золота и меди, кроме того там хранилось много платья и душистого масла, по стенам стояли

глиняные амфоры старого искристого вина. Кладовой заведывала «почтенная ключница» Эврикфея, разумная дочь Певсенорила. К числу перворазрядных богачей гомеровского эпоса принадлежит и спартанский царь Менелай, муж прекрасной Елены, похищенной сыном троянского царя Парисом.

«Что за богатство! Как здесь всего много! Все блещет золотом, янтарем, слоновою костью и медью сияющей», — восклицает Телемак, сын Одиссея, прибывший в Спарту. «Да, — самодовольно отвечает хозяин замка Менелай, — некоторые люди могут поспорить со мной в богатстве, а некоторые и нет. Претерпевши немало невзгод и немало скитавшись по белому свету, много добра я привез на своих кораблях острогрудых, на восьмой год домой возвратившись».

Басилевсы владели не только золотом и серебром, но в их руках находились также и все производственные силы: земля, пастбища, перевозочные средства (суда), ремесленные мастерские и мельницы. Все это вместе взятое возвышало басилевсов не только над массой худородных общинников, но и над рядовыми эвпатридами. В руках басилевсов находилось оружие, и им же принадлежала политическая власть.

«Да ведь, — наивно замечает по одному поводу юный сын Одиссея Телемак, — басилевсом быть не худо. В басилевсовом доме богатство скопляется скоро, да и сами они в чести у народа. В своем же доме басилевс является господином и повелителем над рабами, добытыми войной» («Одиссея», I, 392).

Птолиетры басилевсов были всегда полны народа.

В дворцах богатых басилевсов постоянно толпилась их многочисленная свита (товарищи и спутники), масса родственников, свойственников, друзей и гостей, потреблявших в большом количестве заготовленные в ойкосе продукты. Яркой иллюстрацией этого могут служить проводы старого Феникса, спутника и воспитателя Ахилла, описываемые в IX песне «Илиады».

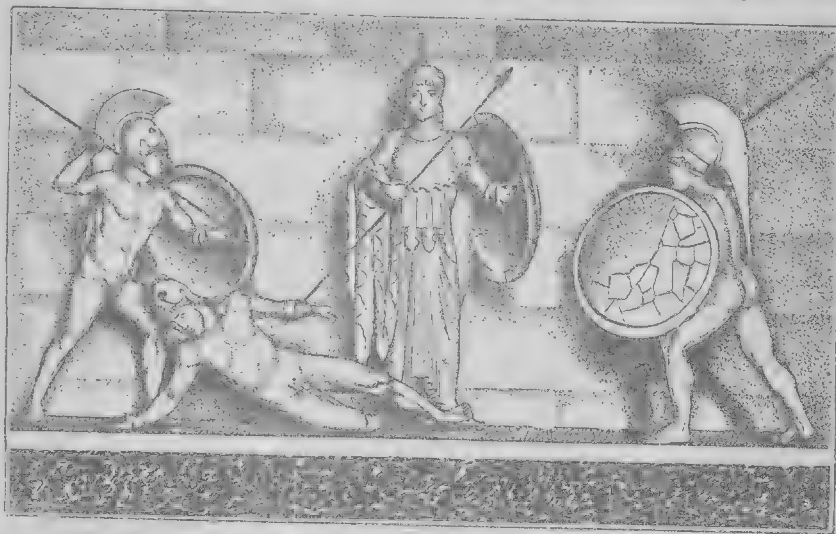
«Тесной толпой меня обступили друзья и родные,
Долго меня умоляли, чтоб с ними в дворце я остался.
Тучных немало овец и тяжелых быков криворогих
В жертву заклали они, и немало свиней утучненных
Было изжарено ими над пламенем ярким Гефеста.
Выпито было немало вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей провели они рядом со мной, неотступно,
Стражу держа чередой. Два огня никогда не тушились:
В портике внешнем один — перед входом во дверь защищенный,
В самых чертогах другой — в сенях, у дверей моей спальни».

(«Илиада», IX, 464.)

10. Типы греческих басилевсов

С изменением хозяйственного быта изменялся и т и п ахейского б а с и л е в с а. В первый период, отображенный в «Илиаде», главным занятием царей служили война, военные походы и грабежи. Согласно

Фукидиду, еще в незапамятные времена, когда греки были полуномадами и не занимались земледелием, они уже организовывали пиратские дружины, нападавшие на суда и грабившие приморских жителей. Во главе дружин становились наиболее могущественные люди, поддерживавшие пиратство ради собственной корысти и ради «доставления пропитания



Спор из-за трупа Ахилла

слабым». Нападая на незащищенные города, состоявшие из отдельных селений, они грабили их и большею частью таким путем добывали себе средства к жизни.

«Тогда это занятие не считалось постыдным, напротив, оно даже приносило славу» (Фукидид I, 5).

Соответственно хозяйственной организации в то время на переднем плане в эллинских общинах стояли богатыри, военные вожди, отличавшиеся физической силой, ловкостью и зверской жестокостью. Составитель «Илиады» с особым удовольствием, с великой страстью и пафосом описывает ожесточенные бои, в которых схватывались и резались медью «лучезарные цари, сыны великого Зевса».

Наибольшей воинственностью из всех царей с ахейской стороны отличался Ахилл, с троянской — Гектор. Ахилл сравнивается с быстрошумящим, несущимся с гор потоком, разрушающим на своем пути все встречающееся. В своей силе и ловкости Ахилл подобен орлу, сильнейшему и быстрейшему из всех птиц, черноперому ловцу поднебесному. Вооруженный тяжелым мечом и сверкающим шлемом, Ахилл кажется грозным и страшным, как Эниальт (бог войны), как распылавшийся огонь и восходящее солнце.

Не менее дик, свиреп и жесток и троянский герой Гектор, сын

Приама, брат Париса, из-за которого, согласно эпосу, собственно и возгорелась Троянская война. Гектор первым врывается в ахейскую рать, первым влезает на ворота, пробивая толщу ахейских воинов, и обращает их в бегство. Несмотря на все чудеса храбрости, проявленные крепкобронным Гектором, победа все же осталась за ахейцами. Илион (Троя), в мирные дни цветущий город, обильный великими богатствами и людьми, в конце концов пал от напора ахейской рати и превратился в кучу развалин.

Совершенно другая картина в «Одиссее». Социальным типом, главным героем «Одиссеи» является хитроумный и богоподобный Одиссей. Здесь чисто военные рыцарские доблести уже оттесняются на второй план пирато-купеческими доблестями. Одиссей столько же воин, сколько и купец. Купеческо-пиратская установка эпической Греции позднего периода полнее всего отражена в вымышленной биографии Одиссея, рассказываемой им царю Алкиною.

«Я, — рассказывает Одиссей, — сын богатого критского купца, родившийся от рабыни, но сильно почтенный в семействе». Смелый в войне, полевого труда я не любил, не любил я и домашней жизни, «где мы даем воспитание милым детям». Сына критского купца более всего тянуло к себе море, островесельные корабли.

«Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном доме, великим богатством моим веселясь. Но затем сильно в Египет меня устремляло желанье. Выбрав смелых товарищей, мы изготовили девять кораблей, оснастили их и пустились в море» (Одиссея, XIV, 280).

По прибытии в Египет спутники Одиссея тотчас же бросились грабить плодоносные поля жителей Египта, захватывая в плен их жен и малолетних детей.

Однако на этот раз расчеты купцов-пиратов не оправдались. Поехав за добычей и рабами, товарищи Одиссея сами попали в рабство. На египетском берегу загорелась война, окончившаяся жестоким поражением нападавших пиратов-торговцев, спутников Одиссея.

Подобного рода торгово-пиратские экспедиции в той или иной степени занимали всех гомеровских героев — Одиссея, Телемака, сына Одиссея, Энея, сына Язона, Менелая, супруга красавицы Елены и других.

Наряду с торгово-пиратскими налетами эвпатридов в эпической Греции существовали также и мирные торговые связи. Торговые связи греческих общин с культурными странами Востока поддерживали финикийские, или сидонские, купцы, фигурирующие в эпосе. Финикийцы останавливались в греческих городах или же разъезжали по замкам эвпатридов, обменивая на золото и рабов дорогие предметы восточной природы и восточного производства. Обычным эпитетом для финикийских купцов в эпосе служат такие слова, как коварный обманщик, казнодей, злой купец, плут и т. п. Такими словами характеризует финикийцев мнимый сын критского купца Одиссей («Одиссея», XIV, 240—280).

Подобно эгейцам и грекам финикийцы занимались не только тор-

говлей, но и грабежом, как это видно из следующего текста Геродота.

«По прибытии в Аргос с египетскими и ассирийскими товарами финикияне занялись распродажей своих товаров. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берег в числе других женщин дочь тамошнего царя Инаха, по имени Ио. Расположившись у кормы, женщины покупали понравившиеся им товары. Между тем финикияне, заранее уговорившись, бросились на женщин: бо́льшая часть их успела спастись бегством, но Ио и несколько других были захвачены. Посадив женщин на корабль, финикияне отплыли в Египет» (Геродот, I, 1).

Одной из распространенных старинных форм обмена в гомеровской Греции был обмен подарками между басилевсами, посещавшими друг друга.

> «Встарь богоравный Эней угощал в своих царских чертогах, на двадцать дней удержав беспорочного Беллерофонта. Оба друг другу они знаменитые дали гостинцы. Пояс Эней подарил, разукрашенный пурпуром ярким,
> Беллерофонт подарил двусторонний из золота кубок».
>
> («Илиада», XVIII, 770; VI, 293; «Одиссея», IV, 617.)

11. Переход к аристократической республике

Чем больше возрастала экономическая мощь басилевсов, тем сильнее укреплялась и их политическая власть. Аристократическая булэ к концу эпической Греции совершенно отодвинула старинную агора̀, и все управление перешло к аристократическому совету, выбиравшемуся из наиболее знатных, богатых и влиятельных эвпатридов. Фактическим главой булэ сделался первый сановник, или архонт, председатель совета (притан). Таким путем патриархально-родовая монархия, выросшая из родового строя и сохранявшая много черт этого строя, эволюционировала в аристократическую республику, утвердившуюся в передовых эллинских общинах в конце гомеровского периода. Власть аристократического совета повышалась одновременно с понижением царской власти. «Великий царь» в конце гомеровской эпохи совершенно сходит на-нет, превратившись из полемарха (военного вождя) в главного жреца. В этом отношении чрезвычайно показательно одно место «Илиады», свидетельствующее о полном падении престижа некогда грозного первого басилевса. На всенародном вече главному царю Агамемнону открыто высказывается упрек в трусости и неспособности:

> «Пьяница грузный! По виду собака, олень по отваге.
> Ты никогда не дерзал в своем сердце ни в бой ополчившись
> Вместе с народом итти, ни спрятаться в тайной засаде
> Вместе с вождями ахейцев. Тебе это смертью казалось.
> Царь, пожиратель народа, над трусами царствовать годный!».
>
> («Илиада», I, 225.)43

Таким путем царская власть в эллинских общинах постепенно растворялась в аристократическом совете, кооптировавшемся из нескольких богатых и влиятельных родов. В условиях небольших горных греческих общин переход от единодержавия патрирхального царя совершался значительно легче, чем например в обширных восточных государствах, со всех сторон открытых для вражеских нападений. Советом утверждались все высшие общественные должности — военные командиры (полемархи), первые сановники (архонты) и судьи (фесмофеты).

Таковым представляется нам социально-политический строй Греции в конце гомеровского периода (VIII в.), накануне кризиса эвпатридской Греции и выступления рабовладельческой демократии. Государство, слабое в начале эпической Греции, к концу эпохи уже значительно окрепло и превратилось в руках эвпатридов в учреждение, обеспечивавшее награбленные богатства басилевсов и эвпатридов от коммунистических традиций родового строя, закреплявшее и освещавшее частную собственность, провозглашая ее основной и высшей целью человеческого общества и тем самым давая новый стимул к накоплению богатств и социальному расслоению.

«Нехватало лишь одного — учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только освящало бы прежде столь малоценную частную собственность и это освящение объявляло бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания развивавшимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а следовательно и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; нехватало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплоатацию неимущих и господство первого над последними.

И такое учреждение появилось. Было обретено государство»[1].

Одновременно с объединением племен и образованием государства происходило объединение также и религиозных верований. Подобно восточным религиям греческая религия проходила несколько этапов развития. От фетишизма (почитания мертвой природы) и натурализма (почитания живой природы) греки перешли к антропоморфическому политеизму (почитанию человекообразных богов). Из множества племенных и родовых божеств постепенно выделялись общие (национальные) боги, олицетворявшие главные силы природы. После бесформенного хаоса появились бог неба Уран и богиня земли Гея, от которых произошло время (Хронос), отец Зевса, бога вселенной, владыки людей и богов. Вокруг богов сложилась масса самых разнообразных рассказов (мифов) и легенд, связанных как с самими богами, так и с воздвигнутыми в честь их святилищами (храмами). В истори-

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 107—108.

ческое время из греческих храмов наибольшим влиянием пользовались храмы в Дельфах, в Олимпии и на о. Делосе. При храмах, в особенности при храме Зевса в Олимпии, в праздничные дни устраивались ярмарки и игры (олимпийские игры), привлекавшие много народа со всех частей с Греции. О важности олимпийских торжеств свидетельствует уже тот факт, что греческое летоисчисление велось по олимпиадам (олимпийским празднествам), происходившим один раз в четыре года. Первым годом греческой эры считался 776 год до нашей эры.

III. КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

1. Великая греческая колонизация

Переходом от эпической (гомеровской) Греции к классической является эпоха *Великой греческой колонизации* (VIII—VI вв. до н. э.). Великая колонизация составляет непосредственное продолжение более ранних перемещений (эолийская колонизация), характерных для гомеровской Греции. *Причины колонизации* могли быть самые различные: внешние и внутренние. К внешним причинам надо отнести движение воинственных горных племен (дорийские переселения), сталкивавшие со своих мест жителей долин. К внешним толчкам присоединялись внутренние — рост общин, связанный с общим прогрессом.

К VIII столетию картина греческих поселений представляется примерно в таком виде: северо-западный берег Азии с прилегающими к нему островами занимали эолийские племена, главным центром поселения которых на материке был город *Кимэ* и *Илион*, древняя Троя, на море эолийцы заняли острова *Лесбос* и *Тенедос*. С юга к эолийским поселениям примыкали *ионийские поселения*, тянувшиеся от Афин и Эвбеи до Азии. Ионийскими центрами были *Афины*, Халкида, Эретрия, города на острове Эвбее, Киклады, остров Кеос, Андрос, Тенос, Парос, Наксос и Делос. Из ионийских поселений в Малой Азии наибольшее значение приобрел город *Милет*, игравший роль торгового посредника между Востоком и Западом. При входе в долину Кастора находился город *Эфес*, конечный пункт главной азиатской дороги. Ионийцы составляли главную часть населения третьего важного пункта Азии — *Колофана*, древнего города крито-микенцев (карийцев). Из больших островов ионийцам принадлежали *Хиос* и *Самос*. Южную часть Эгейского бассейна занимали *доряне*, главным центром которых были азиатские города *Галикарнас* и *Книд*. Из островов дорянам принадлежали Родос и Крит. С каждым столетием число и густота греческих поселений увеличивались. Греческие поселения простирались от берегов Сицилии и Италии до окраинных пунктов Черного и Азовского морей. Не было ни одной греческой общины или города, которые не имели бы своих

колоний. У каждого города имелись свои излюбленные места, куда особенно охотно направлялись переселенцы. Так, на северном побережье Эгейского бассейна особенно много осело выселенцев из Коринфа, Халкиды (на острове Эвбее), шаг за шагом закреплявших за собой Фракийское побережье, Мраморное и Черное моря. С Коринфом и Халкидой успешно конкурировал Милет, основавший 120 колоний: Синоп (рыбачья колония), Аполлония, Одесс, Тирас на Днестре, Ольвия в устьях Буга, Феодосия в Крыму и др. В VII столетии идет усиленная колонизация из Мегары, основавшей Калхедон и Византию (Константинополь). Очень рано появляются греки на юге, сначала в качестве наемников, «людей, закованных в бронзу», египетских фараонов, а затем закрепляются в устьях Нила и основывают торговую колонию Н а в к р а т и с (VI в.).

Из Египта колонизационная волна идет в Кирену (Африку), в страну, замечательную своим плодородием и садоводством («Сады Гесперид»). Далее масса греков-колонистов оседает в Сицилии (Катана, Леонтини, Сиракузы) и в И т а л и и (Кумы, Неаполь, Геркуланум, Помпеи, Тарент, Сибарис и многие другие). Пограничной греческой колонией на западе была М а с с а л и я (Марсель), расположенная у устья Роны, важной торговой артерии, связывающей юг с севером. Таким образом греческие колонии охватывали огромный радиус стран и земель, окружавших Средиземное море. Подобно древним финикийцам, греки обыкновенно ограничивались только захватом побережной полосы и не заходили далеко в глубь страны. Греческий берег, по выражению одного античного писателя (Цицерона), составлял как бы кайму, пришитую к обширной ткани «варварских полей». По большей части, как устанавливает современная археология, греки оседали на те места, где уже до них существовали крито-микенские поселения. Причины колонизации, как сказано, могли быть самые разные: напор горцев, недостаток земли, торговля и политические мотивы, когда в период острой борьбы побежденная партия или группа вынуждена была покинуть свою общину и выселиться в колонии.

Между различными общинами одного и того же племени нередко заключались с о ю з ы, касавшиеся общих интересов данных общин, главным образом вопросов войны и мира. Местом собраний такого рода религиозно-политических объединений (амфиктионий) являлись племенные святилища (храмы) богов. Из такого рода святилищ наибольшей известностью на материке Греции пользовался Д е л ь ф и й с к и й храм, в Пелопоннессе х р а м З е в с а Э г и й с к о г о, х р а м А п о л л о н а на острове Делосе, П о с е й д о н а в Беотии и др. Как места сбора представителей от разных общин и как торговые центры храмы приобрели огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику греческих государств.

По своим размерам греческие общины были небольшими поселениями, состоявшими из главного города с прилегавшей к нему территорией. Это были небольшие г о р о д а - г о с у д а р с т в а (полисы), напоминавшие средневековые итальянские города-республики или же со-

временные швейцарские кантоны. В зависимости от своего местоположения в отношении соседей, близости моря и качеств почвы греческие общины делились: на 1) аграрные (Спарта), 2) торгово-ремесленные (Коринф, Мегара) и 3) смешанные (Афины). В своем развитии греческие общины проходили приблизительно одни и те же этапы — от родового строя к рабовладельческой республике, затем от республики к монархии и т. д., но развитие их совершалось крайне неравномерно. Трудность изучения истории Древней Греции заключается именно в том, что приходится одновременно изучать несколько полисов, что еще больше усложняется отрывочностью и пестротой материала, имеющегося в распоряжении историка.

2. Экономическая революция в греческих полисах в VII—VI вв.

Рост производительных сил, начавшийся еще в гомеровской Греции, продолжался и в следующий период, охватывающий около двух столетий (VIII—VI вв. до н. э.). В сфере производства этот период отмечен усовершенствованием производственной техники: широким распространением железа, произведшего целую революцию в изготовлении оружия и орудий труда, распространением садово-огородных культур, отделением ремесла от земледелия и наконец переходом на рабский способ производства, знаменовавший большой прогресс по сравнению с примитивным ремеслом гомеровского общества. В области обмена этот период характеризуется расширением внешних и внутренних меновых связей, развитием мореплавания, переходом на денежное хозяйство, появлением монеты и широким развитием колонизации.

Между греческими полисами и их соседями (в особенности в Малой Азии и на островах), между самими общинами и наконец между колониями и метрополиями, выводившими эти колонии, завязывались торговые отношения. Колонии первое время не могли обойтись без метрополий, а с другой стороны, и метрополии нуждались в колониях как в местах сбыта произведений своего ремесла. Раньше всего греческая торговля развилась в малоазиатских приморских городах, среди которых первое место занимал Милет. Милет поддерживал оживленные связи с Пропонтидой, Черным морем и Италией, особенно с Сибарисом, и Востоком. Из других городов с Милетом конкурировали Галикарнас, Клазомены, острова Книд, Родос, Лесбос (Митилена) и наконец небольшой остров Эгина, связывавший западную часть Эгейского моря с восточной. Торговыми объектами служили продукты сельского хозяйства и ремесла. В экономическом, как и во всех других отношениях, в VIII—VI столетиях на первом месте стояли малоазийские полисы, расположенные по берегу моря, в устьях малоазиатских рек Граника, Скамандра, Каика, Меандра и др. В малоазийских общинах сильнее всего чувствовались пережитки древней (эгейской) куль-

туры и последующих наслоений. После разрушения Хетского царства на его месте выросло могучее и очень богатое Фригийское царство. О фригийском царе Мидасе рассказывали, что он купался в золоте. Впоследствии Фригийское царство сменилось не менее богатым Лидийским и затем Персидским царствами.

Об экономической жизни малоазийских полисов наши сведения крайне скудны, и тем не менее кое-что все же известно.

Обмен, развитие ремесел и переход на садово-огородные культуры имели своим последствием переход на рабский способ производства. Переход же на рабское производство знаменовал настоящую экономическую и социально-политическую революцию. Рабский труд находил применение в ремеслах и на садово-огородных плантациях. Наряду с рабскими мастерскими частных предпринимателей, первостепенное место в экономике малоазийских полисов занимали храмы, хранившие навыки и секреты египетских, месопотамских, финикийских и других восточных мастеров. Работавшие при храмах рабы носили специальное название рабов бога. Из ремесленных производств в малоазийских храмах и городах на первом месте стояло текстильное производство, выделка дорогих тканей (милетские узорчатые материи), обработка кож, дерева и металлов. Бо́льшая часть обрабатываемых металлов (медь, железо, серебро) привозилась с Черного моря (страна халибов) и из Закавказья. Обилие растительных красящих веществ способствовало развитию красильных мастерских, пользовавшихся широкой известностью. Сельское хозяйство, особенно разведение высоких сортов садово-огородных пород, и скотоводство (овцеводство) в Малой Азии также достигли высокого совершенства.

За восточными (малоазийскими) полисами несколько позже последовали западные общины: Коринф, Мегара, Сикион, Афины и др. В металлургии западных полисов целый переворот произвело открытие Главком из Хиоса паяния и затем литья, изобретенного самосскими мастерами Федором и Реком. Кроме Милета, металлическим производством славились Халкида — «город рудников», Коринф, Сикион, Аргос, Эгина и Афины. В ткацкой промышленности впереди всех шла Мегара, гончарное мастерство особенного развития достигло в Коринфе — стране знаменитых коринфских ваз, и в Афинах, имевших специальный квартал керамистов — керамейк (квартал гончаров). В VII—VI вв. греческая индустрия и торговля не без успеха конкурировали с финикийской (восточной) индустрией и торговлей, постепенно оттесняя последнюю на второй план.

Для развития торговли большое значение имели усовершенствования в области морского транспорта: введение больших 50-, 100-, 120-весельных кораблей, прорытие каналов и постройка береговых зданий. Мероприятием, способствовавшим экономическому росту и бывшим одновременно следствием этого роста, было введение мер, весов и монеты. В большей части греческих городов в качестве весовой единицы был принят вавилонский талант, делившийся на 60 мин

и 3 000 шекелей. В наиболее распространенной эгинской системе талант равнялся 37 килограммам. В эвбейской же системе, принятой Коринфом и Афинами, талант равнялся 26 килограммам. Мерой вместимости в этой системе служил медимн, равнявшийся 52 литрам, мерой жидких тел — метрет, равнявшийся 39 литрам. С VII в. начинается чеканка монеты из сплава золота и серебра, носившего название электрон. Образцом в этом, как и во многих других отношениях, послужили восточные страны (Лидия), где золотые и серебряные монеты уже были в обращении со времени мировых царств Вавилона и Персии. В гомеровское время в Греции пользовались в качестве мерила ценности тонкими короткими прутьями — оболами и драхмами (горсть оболов), названия которых удерживались и в последующее время. Деловые отношения между греческими городами-государствами (полисами) поддерживались проксенами (консулами), задачей которых было гарантировать безопасность своих граждан и их равноправность в судебных процессах.

Все это свидетельствовало о развитии городской жизни и росте городского населения. Небольшие огороженные стенами родовые поселки и бурги превращались в настоящие города с быстро увеличивавшимся городским населением. Площадь городов расширялась, вокруг городов возникали торгово-ремесленные слободы (посады), и таким образом старый город превращался в кремль (акрополь). Наиболее населенными городами в VII—VI вв. до н. э. считались на востоке Милет, на западе Коринф и Афины, насчитывавшие до 25—30 тыс. жителей. Новые города, расположенные по берегам морей и судоходных рек, мало-помалу совершенно затмили старые города Крито-микенской эпохи — Микены, Орхомен, Тиринф. Историк Фукидид, заканчивая краткий очерк древнегреческой истории, в следующих немногих словах характеризует состояние Греции накануне греко-персидских войн:

«Эллада все более богатела, становилась могущественной. Эллины начали снаряжать суда и больше прежнего стремились к обладанию морем. Приморские жители уже владели флотом и стремились к обладанию морем. Приморские жители уже владели большими средствами и поэтому крепче сидели на местах, а некоторые из них, разбогатевши, оградили себя стенами. Стремление к наживе вело к тому, что более слабые оказались в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города» (Фукидид, I, 7—8).

Рост торговли, как правильно отмечает Фукидид, совершался одновременно и в зависимости от роста производства. В VII—VI вв. в передовых эллинских полисах (Милет, Хиос, Коринф, Афины) рабское производство значительно расширялось и уже начинало внушать тревогу за судьбу свободных производителей. Около 600 года коринфский тиран Периандр сделал попытку законодательными мерами ограничить рабовладение, но успеха не имел. Применение рабского труда дало возможность греческим ремесленникам (демиургам) расширить свое про-

изводство, накопить капитал и сломить господство военно-землевладельческой аристократии (эвпатридов).

3. Сельское хозяйство

По сравнению с гомеровской Грецией промышленная деятельность в VII—VI столетиях продвинулась вперед, но все же основной хозяйственной отраслью эллинских полисов оставалось сельское хозяйство. Под влиянием общего прогресса земледелие также не стояло на одном месте. Повышалась земледельческая техника, увеличивалось число производимых злаков, распространялись садово-огородные культуры (раньше всего в Ионии и Сицилии), улучшались породы скота, на помощь волу приходил мул, расширялась система орошения, в целях интенсификации хозяйства применялось удобрение, увеличивалось число рабов. Деревня расслаивалась. Помимо родовой знати (эвпатридов) выделялся слой мелкопоместных землевладельцев, основа будущей (рабовладельческой) демократии — садовники, огородники, владельцы фиговых и масличных рощ. Настроение деревни переломной эпохи полнее всего передал беотийский поэт Гесиод (VII в.).

Главное произведение Гесиода, носящее характерное для эпохи название «Труды и дни», знакомит нас со взглядами на сельское хозяйство землевладельцев (геомеров), проникнутых коммерческим духом. Поэма начинается с обращения Гесиода к своему брату Персу и восхваления труда:

«Помни же ты ежечасно завет этот наш и трудись,
Перс, потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел
И чтобы Деметра прекрасновенчанная вечно любила тебя,
Чтимая всеми, и житницу хлебом твою наполняла,
Голод вполне подходящая доля для праздного мужа.
Боги и люди равно на того негодуют, кто праздно
Век живет, нравом похожий на трутней, без жала живущих,
Тех, что у пчел истребляет их труд, поедая задаром.
Пусть тебе будет любезно труды свои скромные делать,
Чтоб у тебя были полны все житницы вызревшим хлебом.
Все от трудов своих — люди и скот и богатства имеют,
Да и бессмертным, трудясь, они много любезней бывают».

(116)

Так обращается Гесиод к главному герою своей поэмы Персу. Гесиод изображает сельскохозяйственное производство с точки зрения крепкого сельского хозяина, вводя читателя во все детали сельскохозяйственной жизни. Поэт внимательно описывает все сельскохозяйственные процессы: сев, жатву, молотьбу, приготовление хлеба и т. д.

Наряду с чередованием полей при Гесиоде применялось уже навозное удобрение и много внимания уделялось орошению, без которого в условиях Древней Греции и Италии ведение сельского хозяйства вообще было невозможно. Упоминание об орошении по разным поводам не один раз встречается как в «Илиаде» и «Одиссее», так и

в «Трудах и днях» Гесиода. Показательно, что главный герой «Илиады» Ахилл сравнивается с быстро несущимся потоком, воды которого ирригатор направляет к пышно цветущему саду. В другом месте («Илиада», V, 85) говорится, что бушующую реку не могут остановить и удержать никакие плотины и ограды, возведенные «на нивах цветущих». В XIII песне «Илиады» упоминается оливковод, сажающий молодые побеги плодоносной оливы в местах, изобильных водою. Вопросы ирригации составляли предмет забот греков в течение всей их истории.

За посевом следует жатва. Жатвенная пора — особенно горячее время. Это страдная пора, требующая полного внимания земледельца в интересах будущих благ.

В «интересах скорости раздевайся и раздетым жни, если хочешь во-время совершить свою работу Деметры и желаешь, чтобы все вовремя поспевало, и чтобы ты потом не бродил подобно нищему по дворам, выпрашивая милостыню» (Гесиод, 389).

За жатвой следовала молотьба. Между жатвой и молотьбой проходил некоторый промежуток времени, для того чтобы зерно высохло и окрепло. Молотьба производилась на «хорошо округленном току», находившемся на открытом месте. Молотили быками, которых гоняли по окружности так, как это делается и по сию пору в глухих местах Греции и на Востоке. На гумно складывали в несколько рядов снопы вместе колосьями и по ним гоняли быков.

«Под ногами мычащих быков шелушатся колосья».

Иногда для усиления давления привязывали доску с камнями. Упоминается также и молотьба цепами. В результате молотьбы получалась измельченная солома, которая шла на корм скоту. Вымолоченное и тщательно провеянное зерно собиралось в особые сосуды и хранилось в амбарах.

«Вымолоченное зерно измерь и тщательно убери в сосуды» (Гесиод, 600).

Последней заключительной фазой сельскохозяйственного процесса был размол зерна, производившийся в деревянных ступках величиной около 3 футов с толкачом тоже в 3 фута. Деревянные ступки оковывались железом, а само зерно смачивалось водой (Гесиод, 423). Наряду с деревянными ступками существовали и каменные ступки, постепенно вытесненные каменными ручными мельницами, несколько раз упоминаемыми Гомером и Гесиодом. Из полученной муки приготовлялись хлеб и каша, служившие основной пищей для людей и скота.

Для хозяйственной направленности эпохи крайне любопытен и показателен составленный Гесиодом в стихах сельскохозяйственный календарь, широко распространенный в античном мире и затем перешедший через Халифат и Византию в средневековую Европу. Календарь отмечает все особенности, все приметы погоды, горе и радости, приносимые каждым сезоном.

«Когда на горизонте покажутся рожденные Атласом Плеяды (что случается в мае месяце), то немедленно же начинай жатву, когда же

они начинают заходить (ноябрь), то не опаздывай с пахотой. Такой закон для полей».

«Когда же в небе закричат журавли, то это значит, что приближается зима и дается знак для пахания того, что еще не распахано», и т. д.

«Особенно опасно опоздать с пахотой. Если начать пахать «божественную землю» после зимнего солнцеповорота, то немного твоя рука во время жатвы захватит колосьев, и тогда ты немного будешь радоваться и мало кто тебе позавидует, когда ты с пашни в корзине понесешь домой колосья. Но и в случае опоздания не следует падать духом. Лучше иметь что-нибудь, чем ничего не иметь. Поздняя пахота и поздний сев все же кое-что могут дать и вознаградить труд земледельца».

«Ты все делай так, чтобы не опоздать и не упустить светлую весну и своевременный доход» (491).

В страдную пору надо работать, не покладая рук, для того чтобы не захватила врасплох злая зима и для того чтобы не очутиться в обществе нищих и бродяг, толпящихся в кузницах около горнов, у которых худеет рука и пухнет от голода живот.

«Для смертных небрежность есть худшее зло...»

Но сколько, с другой стороны, радостей ожидает земледельца зимой в случае успеха и богатого урожая! — «Зимой, когда леденящий холод пронизывает даже кожу быков и когда сила Борея заставляет бегать даже стариков».

Работай для того, чтобы избежать бедности и всех сопряженных с ней несчастий. Бедность порождает застенчивость, стыд, а иногда даже и преступления. На первом месте всегда работа, а уже затем, если останется время, и все остальное.

«Не сиди в народном собрании и не слушай споров в суде, пока не запасено достаточно продуктов продовольствия, по крайней мере на один год». Таковы наставления «крестьянского поэта» Гесиода.

Все эти советы Гесиода, как сказано, направлены главным образом к новой (торгово-рабовладельческой) аристократии, хозяевам виноградных садов, оливковых рощ, фруктовых насаждений, огородов, стад овец и коз и прочим «худородным» собственникам, приходившим на смену гомеровским эвпатридам.

В заключение обзора хозяйственных перемен послегомеровской Греции нелишне отметить еще одну черту этой эпохи: социальную роль богатства. В скудной исторической традиции, дошедшей до нас от этой бурной эпохи, особенно резко бросается в глаза высокая оценка богатства и равнодушное отношение к родовитости, происхождению и сословной чести. «Имущество — душа несчастного смертного», «Честь следует за богатством», «Деньги, деньги — человек!». Целый ряд аналогичных афоризмов достаточно точно передает дух эпохи. Внешне богатство выражалось в роскошных костюмах, прекрасных жилищных и бытовых условиях, в золотых браслетах, кольцах, цепях, духах, по-

нарядах, мазях и прочее — словом, в «пагубной роскоши», как выражались писатели-моралисты того времени. Вследствие внешнего проявления богатства разница между бедностью и богатством должна была казаться особенно резкой, что и нашло свое отражение в литературных памятниках той эпохи (в сочинениях поэтов Фойкилида, Анакреона, Сафо, Феогнида и др.).

Полнее всего точку зрения своего времени на богатство выразил мегарский поэт, обедневший аристократ Феогнид:

«Если бы я деньги имел, Симонид, и был бы тем, чем желаю, то я конечно не стал бы молчать, лучшими был бы принят, как друг. Ныне же к чему мое знание? Везде презирают, обходят. Знаю не меньше других, но бедность сковала язык».

«Богатые и сильные» в самых различных сочетаниях постоянно встречаются у поэтов, писателей и историков того времени.

4. Классовая борьба в греческих полисах в VII—VI вв.

Экономическое развитие имело своим последствием крупные перемены в социально-политической и культурной жизни передовых эллинских полисов. Вследствие роста денежного хозяйства, торговли и перехода на рабский способ производства эллинские общины расслаивались на три неравных слоя: 1) эвпатриды, 2) богатый слой «худородных» (плутократия) и затем 3) вся остальная масса народа — демос. Классовые интересы всех трех названных групп своеобразно переплетались и сталкивались. Классовая борьба между этими группами составляет содержание и является движущей силой истории эллинских полисов последующих столетий. Богатая часть демоса (плутократия), расходясь с эвпатридами в одних вопросах, солидализировалась с ними в других отношениях. В частности интересы плутократии и богатой части родовой знати (эвпатридов) совпадали в отношении поддержания суровости долгового права и кабалы. Рост торговли, денежного хозяйства и переход на рабский способ производства крайне неблагоприятно отражались на мелких земельных собственниках и ремесленниках. Их положение от экономического подъема не улучшалось, а ухудшалось. Прежде всего росла задолженность. Мелкие и средние хозяева, нуждавшиеся в деньгах для улучшения своего хозяйства, покупки скота, приобретения инвентаря, рабов, для очистки и осушения болот и прочего, обращались за деньгами к богатому эвпатриду, торговцу, промышленнику или ростовщику. Общее же количество денег, находившееся в обороте, было тогда невелико, и потому деньги взаймы приходилось брать под высокие проценты. Долговое же право было крайне сурово. В случае неуплаты, что случалось довольно часто, не только земля, но и сам должник вместе со своей семьей попадал в кабалу к кредитору.

«Развивающееся денежное хозяйство проникало, точно разъедающая кислота, в основанный на натуральном хозяйстве исконный образ жизни

сельских общин. Родовой строй абсолютно не совместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и заклад земли (ибо ипотеку изобрели уже афиняне) не считались ни с родом, ни с фратрией. А старый родовой строй не знал ни денег, ни займов, ни денежных долгов. Поэтому все пышнее расцветающее денежное господство благородных выработало также новое обычное право в целях обеспечения кредитора против должника, в целях освящения эксплоатации мелких крестьян владельцами денег. Поля Аттики сплошь пестрели столбами, на которых виднелись надписи, что данный участок заложен тому-то и тому-то за такую-то сумму денег»[1].

В «доброе старое время» при полном натуральном хозяйстве фет сравнительно легко получал кредит (натурой) у эвпатрида, не знавшего, куда девать свой хлеб, вино, овощи и фрукты. С началом же торговли положение вещей изменилось коренным образом. Эвпатриды втягивались в торговлю, превращались в ростовщиков, становились рабовладельцами и старались приобрести как можно больше земли. Соответственно этому мелкий собственник разорялся, впадал в долги, дробил и закладывал свой участок. Дошедшая до нас литература этой эпохи проникнута глубокой классовой ненавистью по отношению к «богатым и сильным». Так в «Трудах и днях» знакомого нам Гесиода рассказывается известная басня о соловье и ястребе, рисующая взаимную вражду бедных и богатых, простых и знатных.

«Басню теперь я царям (басилевсам) расскажу, хотя они это хорошо понимают и сами.
Вот что однажды сказал соловью пестрошейный ястреб,
Под облаками его высоко неся, охвативши когтями.
Он же, кривыми пронзенный когтями, о жалости плакал.
Тот ему молвил надменно в ответ тогда слово такое:
«Что ты, чудак, там вещаешь? Ведь держит тебя много лучший,
Там тебе быть, куда я поведу, хоть певец ты отличный,
Съем я тебя, коль того пожелаю, а может, пущу и на волю.
Нет, тот безумен, кто с сильнейшим захотел бы тягаться:
Не достигнет победы, но срам и страдания потерпит».
Так сказал быстролетный тот ястреб, длиннокрылая птица».

(Гесиод, Труды и дни, 203—212.)

В конечном итоге борьба окончилась поражением эвпатридов и победой состоятельной части демоса, за которой утвердилось название плутократии, т. е. богатой верхушки демоса. Самое слово «демос» вначале употреблялось в общем смысле для обозначения массы свободного населения, не входившего в аристократические роды. Демос — земля и народ, живший на земле, связанный не родом (генос), а земельной общиной (демом). В дальнейшем масса демоса распадается на отдельные, часто враждебные друг другу группы. Верхушку демоса

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 111—112.

образует плутократия — крупные землевладельцы неаристократического происхождения, купцы, хозяева рабских мастерских, ростовщики (трепезиты) и прочие. Плутократии противостоит демос в собственном смысле — малоземельные и безземельные крестьяне, мелкие служащие, торговцы, ремесленники, матросы, портовые рабочие и т. д., носившие название о х л о с а или «корабельной черни».

В старой Греции партийные группировки совпадали с территориальными.

Первую группу составляли эвпатриды, имения которых большей частью были расположены на равнинах. Отсюда произошло и название этой группы — р а в н и н а (педиэя). Вторую группу — ядро плутократии — торговцы, богатые демиурги — рабовладельцы, хозяева масличновых рощ, садов и виноградников, обычно проживавшие в центральном (приморском) городе и потому называвшиеся жителями приморской полосы (п а р а л и и). Остальная масса, по преимуществу сельское население, жила в деревнях (демах), занималась мелким скотоводством, земледелием, огородничеством и садоводством по склонам гор и холмов. Отсюда название этой третьей, самой многочисленной и революционно настроенной группы населения греческих полисов (специально Аттики) г о р а (диакрия).

Первое время все недовольные существующими порядками (господством эвпатридов) выступали единым фронтом против «сильных, богатых и знатных». Во главе восставших чаще всего становились обедневшие и отколовшиеся от своего класса эвпатриды. В случае удачи восставшие изгоняли «богатых, сильных и знатных», конфисковывали их имущество и уничтожали долговые знаки (долговые камни). Первое время торжество победителей обыкновенно продолжалось недолго. Опираясь на поддержку аристократов соседних полисов, низверженные эвпатриды производили контрпереворот и самым беспощадным образом расправлялись со своими врагами. Такого рода неудачную попытку захвата власти в Аттике сделал в середине VII в. К и л о н, пытавшийся с толпой своих приверженцев захватить афинский акрополь. Попытка Килона закончилась неудачей. Сам Килон бежал, а его приверженцы, искавшие спасения на алтаре богини Афины, несмотря на святость места, были частью перебиты камнями, частью же перерезаны. Во главе усмирителей восстания стоял М е г а л, из рода Алкмеонидов. Все же «килоново проклятие» и ему подобные «проклятия» заставили эвпатридов пойти на некоторые уступки. Первой уступкой со стороны родовой знати была кодификация (запись) права. Кодификация соответствовала интересам прежде всего вновь поднимавшихся слоев демоса, нуждавшихся в точном, писаном праве. Фиксация прав ограничила произвол аристократических судов и положила конец родовой мести. К древнейшим кодификациям греческого права принадлежит кодификация аттического права архонтом (членом Ареопага) Д р а к о н о м (VII в.), затем аналогичная кодификация Ф е д о н а в Коринфе, Х а р о н д а в Катане (Сицилия), Д и о к л а в

Сиракузах, Питтака в Митилене и т. д. Первые греческие законы отличались чрезвычайной строгостью (драконовы законы!), применялись пытки, испытание огнем и страшные клятвы. Смертная казнь полагалась даже за такие преступления, как праздность, кража овощей и плодов. «Законы Дракона написаны не чернилами, а кровью». Так характеризовали драконовы законы сами греки. Говорят, что когда самого законодателя спросили, почему почти за все преступления он назначил смертную казнь, он ответил, что незначительные из них, по его мнению, заслуживают этого наказания, для крупных же он не мог придумать большего. Особенно свирепы были кары за нарушение прав частной собственности: воровство, поджог, убийство и прочие гражданские правонарушения.

Больше всего выгод от записи права получала состоятельная часть демоса (плутократия). Писаное право охраняло частную собственность и вносило порядок в имущественные и деловые отношения.

5. Греческая тирания

Следующим этапом в развитии греческого (рабовладельческого) государства была эпоха тирании. Самый термин тирания (узурпация) появляется позже и был изобретением эвпатридов, клеймивших прозвищем «тиран» вождей своих классовых врагов (демократов). Тирания появилась в период обостренной классовой борьбы и носила четко выраженный классовый характер. Главную социальную опору тирании составляла плутократия — садоводы, купцы, богатые ремесленники и т. д. В то время это была передовая часть греческого общества, прямо или косвенно связанная с новым (рабским) способом производства. Тирания была первым рабовладельческим государством. Охраняя интересы состоятельной части города и деревни от покушений со стороны эвпатридов, тирания охраняла также интересы всего рабовладельческого полиса в целом от напора рабов, составлявших производственную основу античных полисов. На основании ряда прямых и косвенных свидетельств можно заключить об уже достаточно широком распространении рабства в эпоху тиранов (VII—V вв. до н. э.). Как и в предшествующий гомеровский период, рабы делились на три главные категории: дворовые (ойкетой), рабы в собственном смысле (дулой), и вольноотпущенники (оброчные рабы). Рабы использовались в мастерских (эргастериях), поместьях (эпаюлис), составляли свиту своего господина и как «живые машины» отдавались в аренду. Все наиболее трудные работы в Греции выполнялись рабами. К этим работам относились работы в рудниках, земельные работы, работы на мельницах, каменоломнях, в транспорте и т. п. Рабы же сопровождали господина в походах (путевые люди), составляли его городскую свиту и т. д. Первыми греческими полисами, в крупном масштабе развившими рабовладельческую систему, были: о. Хиос, Коринф и Сицилия. Немало рабов и вольноотпущенников, повидимому было и в Аттике в эпоху тиранов. Источники сообщают также

о принятии массы богатых вольноотпущенников в состав афинского гражданства афинскими тиранами Солоном и Клисфеном (Аристотель, Афинская полития, VII). Тираны являлись представителями плутократии, но по тактическим соображениям им приходилось делать уступки более широким (средним и низшим) слоям населения, поскольку таковые оказывались необходимым элементом в борьбе плутократии с родовой знатью и соседними общинами. Являясь проводником классовых интересов плутократии, тиран группировал вокруг себя вообще всех недовольных — плутократов, бедную часть демократии и наконец часть знати, почему-либо отколовшуюся от своего класса. Как переходная политическая форма тирания не отличалась большой устойчивостью. Поэтому греческие историки и правоведы имели основание рассматривать тиранию как одну из самых неустойчивых социально-политических форм.

«Вследствие того, — говорит один из наиболее авторитетных мыслителей древности Аристотель, — что в состав государства входят два элемента: класс людей неимущих и класс людей состоятельных, то тиран и должен внушить тем и другим, что их благополучие опирается на его власть, и устроить дело так, чтобы одни от других ни в чем не терпели обиды. А тех из них, которые окажутся сильнее, он преимущественно должен заинтересовать в поддержании его власти... Цель всех этих мероприятий ясна: тиран в глазах своих подданных должен казаться не тираном, а домоправителем и царем, не узурпатором, а опекуном. В соответствии с этим тиран должен вести скромный образ жизни, не позволять себе излишеств, знатных привлекать на свою сторону своим обхождением, а большинством руководить при помощи демагогических приемов» (Аристотель, Политика, V, 9).

В интересах привлечения на свою сторону демоса тираны прибегали к разного рода, смотря по обстоятельствам, демагогическим приемам: хорошему обращению и заступничеству в судах, обвинению богатых, конфискации имуществ и земель, частичным разделам земель и многим другим. В торговых городах, подобных Коринфу, тираны искали поддержки главным образом среди торгово-ремесленных слоев, в аграрных полисах же (Афины) тираны больше опирались на недовольные сельские элементы. В качестве представителей рабовладельческих полисов тираны в отдельных случаях вступали в соглашение и с родовой аристократией, которая еще была достаточно сильна и с которой сами тираны часто были связаны своим происхождением. Мало того, фактическое руководство в греческих полисах долгое время оставалось в руках плутократизировавшихся эвпатридов. Соглашательский характер тиранов хорошо понимали греческие историки и правоведы. В глазах греческих и римских писателей тираны являлись «социальными посредниками», примирителями между борющимися классами (айсимнетами). Самый термин «тиран» античные и современные писатели применяют к самым различным общественным деятелям Древней Греции, иногда расширяя, а иногда суживая его значение. Социальная сущность тирании

лучше всего выясняется на конкретных примерах, в особенности на наиболее известной нам афинской тирании.

Отношение современников (аристократов) к переворотам, имевшим место в их полисах, наиболее яркое выражение нашло в произведениях вышеназванного поэта Феогнида из Мегары, аристократа, пострадавшего во время переворота.

«Правда, — резюмирует свои длинные рассуждения Феогнид, — наш город остался городом, но народ стал иной. Те, которые прежде не ведали законов и прав, которые с козьими шкурами на плечах паслись подобно оленям за городскими воротами, теперь стали благородными. Простолюдины добились должностей и почестей. То, что принадлежало знати, стало достоянием демоса, а бывшие благородные стали простолюдинами».

«Мы плывем с высоко поднятыми парусами в темную ночь по Малийскому (Эгейскому) морю. Волны заливают судно через оба борта, но мы все-таки не хотим вычерпать воду. Конечно, трудно будет спастись при таком образе действий!»

«Кто же может вынести подобное зрелище? Нас постигло великое бедствие, если бы мы теперь же умерли!» (Феогнид, Элегии, 660 и сл.)

Через тиранию прошло большинство греческих полисов — Коринф, Мегара, Милет, Сицилия, Афины и др. Ранее всего тираны появились в Милете, Митилене (Питтак), на острове Самосе (Поликрат), в Леонтинах (Панеций), Акраганте (Фаларис), Сикионе (Клисфен). В VII—VI вв. демократические движения, а вместе с ними и тирании поднимаются во многих малоазийских островных, сицилийских и южноиталийских полисах, впоследствии уступив место прямому народоправству или демократии. Крепче всего тирания держалась на окраинах греческого мира — в Малой Азии, Сицилии и Великой Греции, в условиях постоянной напряженной борьбы с соседями (на востоке с персами, на западе с Карфагенской республикой).

IV. АТТИКА ДО ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

1. Древняя Аттика

Все особенности тирании как переходной формы от родовой аристократии к рабовладельческой плутократии лучше всего рассмотреть на примере аттической (афинской) тирании, о которой мы имеем больше всего сведений. Аттика — одна из немногих греческих областей, историю которых мы в состоянии, хотя бы в самых общих чертах, проследить на всем ее протяжении. Все, что известно относительно древнейшего строя Аттики, в основном совпадает с уже известным нам социально-политическим строем гомеровской Греции. Согласно преданию, в древнейшую пору своего существования территорию Аттики населяли четыре племени (филы), делившиеся на несколько братств (фратрий), состоявших из родов. Во главе каждой филы стоял старейшина (филобасилевс), и каждая фила имела свой собственный город и святилище, впоследствии слившиеся в один центр — Афины. В каждой филе и фратрии высшее положение занимала родовая аристократия — эвпатриды (басилевсы или их потомки), массу же общинников составляли геоморы, или агройки (земледельцы) и демиурги (общинные ремесленники). Верховное управление и предводительство в походе принадлежало царю, впоследствии отодвинутому на второй план эвпатридским советом на Ареевой скале (Ареопагом). Ареопаг состоял из отбывших срок своей службы должностных лиц (архонтов, царей, фесмофетов — судей, жрецов), числом около 60 человек. Наряду с Ареопагом существовала экклесия (вече, или народное собрание), состоявшая из граждан, входивших в гражданское ополчение и снаряжавшихся на свой счёт. Экклесия голосовала законы и в общем виде решала вопросы о войне и мире. Местопребыванием эвпатридов, имевших ойкосы на территории Аттики, был город Афины, рано втянувшийся в торговлю, будущая столица мировой Афинской республики. Объединение племен и образование Афинского государства греческое предание приписывало полулегендарному царю — герою Тезею. Тезей, согласно преданию, в интересах самообороны и нападения объединил аттические племена

путем синойкизма (совместного поселения) в одно государство и разделил население на три группы: эвпатридов, геоморов и демиургов. Во главе государства стояли эвпатриды, басилевсы и их потомки, являвшиеся предводителями на войне, занимавшие высшие государственные должности (архонтов) и толковавшие законы и обычаи.

«Эвпатриды выделялись почетом, геоморы — полезностью, демиурги — численностью» (Плутарх, Тезей, 25). Появление государства в Аттике, как и в других эллинских полисах, являлось фактом первостепенной важности, оказавшим влияние на все стороны социальной жизни Эллады.

2. Аттика накануне солоновых реформ

Дальнейшая история Аттики развивалась в том же направлении, как и история других эллинских общин. Родовая община постепенно разлагалась, уступая место рабовладельческому государству. Родовая аристократия сменялась рабовладельческой плутократией. Вследствие перехода на денежное хозяйство и внедрения рабского производства часть общинников оказалась в зависимости от «богатых, сильных и знатных», постепенно теряя свои политические права. Старинная агора́ утрачивала свое значение, политическая власть переходила к классовому органу, сходному с римским сенатом, эвпатридов, — Ареопагу, стоявшему во главе Аттики до конца Греко-персидских войн (V в). В наших источниках, в биографии Солона, Плутарха и в «Афинской политии» Аристотеля положение аттических геоморов и демиургов накануне солоновых реформ представляется крайне трудным. Судя по описанию Плутарха, масса мелких землевладельцев (агройков) в Аттике накануне солоновых реформ (VI в. до н. э.) была в долгу у богатых. Должники обрабатывали землю богатых или же брали деньги под залог собственной личности. Заимодавцы имели право обратить должника в рабство или же продать за границу. Многие вынуждены были продавать собственных детей и бежать из города от жестокости ростовщиков. Сходную с этим картину закабаления сельской Аттики находим и в «Афинской политии» Аристотеля. В настоящее время установлено, что картина социально-экономического состояния Аттики в конце VII в. до н. э., переданная нам Аристотелем и Плутархом, верна лишь в основных чертах: правильно подмечена тенденция разложения родовых порядков, выделения слоя богатых эвпатридов и различными путями разбогатевших худородных плутократов, ядра будущих рабовладельцев. Все же детали плутархо-аристотелевского рисунка не соответствуют реальной действительности. Социально-экономическая картина Аттики накануне солоновых реформ, нарисованная Аристотелем и Плутархом, слишком схематична и безжизненна. Источником для Аристотеля и Плутарха в этой части служила публицистика IV в. до н. э., эпохи напряженной классовой борьбы и массовой пролетаризации деревни. Под влиянием своих источников вышеназванные

авторы перенесли настроение более позднего времени (IV в. до н. э.) в глубокую старину и вследствие этого схематизировали и упростили действительное положение вещей. Социальная диференциация аттической деревни, обезземеление и задолженность фетов в VII—VI вв. несомненно существовали, но не в такой резкой форме. Иначе совершенно невозможно понять всю дальнейшую историю Афин с их массой средних и мелких собственников, составлявших кадры гражданских ополчений. Правильнее допустить для этой эпохи при социально-экономическом господстве плутократии и аристократии наличие значительного числа земельных собственников и ремесленников, личным трудом с помощью нескольких рабов обрабатывавших свои сады и огороды или работавших в мастерских. Однако не может быть никакого сомнения, что влияние родовой знати в старой Аттике накануне солоновых реформ (начало VI в. до н. э.) было еще очень сильно, сильнее, чем в передовых малоазийских полисах, где процесс распада родового строя пошел значительно дальше. Богатые эвпатриды окружали себя массой зависимых от них людей — слуг и клиентов, владели обширными пастбищами и полями, занимались пиратством и торговлей, имели рабов, направляли внешнюю и внутреннюю политику области. И тем не менее, несмотря на большую силу родовой знати, многие признаки свидетельствовали о начинавшемся ее разложении. Так, наряду со старым племенным и родовым делениями на филы и фратрии начинало входить в жизнь новое распределение населения по социально-экономическим категориям, свидетельствовавшее о росте производительных сил и ослаблении родового принципа. Крупные земельные собственники составили одну категорию, живущую на равнине Аттики (педиэи), жители города — торговцы и ремесленники — другую (паралии) и наконец крестьяне, живущие по склонам холмов, — третью (диакрии). Все это говорило о том, что в Аттике в недрах родовой аристократии начинала складываться новая имущественная аристократия, рабовладельческая плутократия, верхний слой демократии. Весь ранний период истории Аттики, поскольку он нам известен из греческих источников, наполнен борьбой плутократии с аристократией за политические права. Борьба рабовладельческой плутократии с аристократией продолжается до самого конца Греко-персидских войн (V в. до н. э.) и оканчивается победой плутократии. Одновременно с этим идет борьба и внутри самой демократии между ее верхним слоем (плутократией) и всей остальной массой народа, демократией в собственном смысле. Важным этапом в этой долгой и упорной борьбе была реформаторская деятельность афинского архонта Солона.

3. Тимократическая конституция Солона

Разложение афинского родового строя и образование плутократической (рабовладельческой) республики в Аттике, как и в других греческих полисах, происходило в течение нескольких столетий (VIII—V вв.

до н. э.) Одним из важнейших этапов на этом пути после Дракона были реформы Солона, афинского законодателя начала VI в. до н. э. Солон происходил из одного из самых древних родов Аттики, рода Алкмеонидов, участников убийства Килона. Согласно Плутарху, отец Солона вследствие щедрости и доброты сильно подорвал свое состояние, так

Греческие всадники

что его сыну для поправления дел пришлось заниматься заморской торговлей. Первым стремлением Солона, говорит Плутарх, было желание разбогатеть.

«Мне очень хочется, — говорил Солон, — быть богатым. Мне очень хочется быть богатым, но мне не хочется толстеть от нечестно нажитого».

«Есть много богатых и дурных людей. Но есть много и честных бедняков. Лично я никогда не поменял бы добродетели на богатство. Она вечно останется с нами, тогда как богатство переходит из рук в руки» (Плутарх, Солон).

Немало внимания Солон уделял также общественным и военным делам. Возвышение Солона связано с войной с Мегарой из-за острова Саламина, запиравшего вход и выход в афинские бухты. Афиняне, рассказывает Плутарх, до того были утомлены долгой и неудачной войной с Мегарой, что издали закон, запрещавший под страхом смертной казни поднимать вопрос о возобновлении войны за Саламин. Солона возмутил подобного рода унизительный запрет. Учитывая воинственное настроение аристократической молодежи, ждавшей только повода для войны, он пошел на следующую хитрость. Прикинувшись помешанным, он вышел на рынок, стал на колени и продекламировал заранее сочиненную им элегию «Саламин». В элегии Солон призывал афинян возобновить войну за остров Саламин.

Агитация Солона возымела свое действие, закон был отменен и началась война с Мегарой, ведение которой было поручено самому Солону. Наряду с удачной войной популярность Солона увеличила еще другая война в защиту дельфийского оракула от притязаний и обид жителей Киры. Война за Саламин обнаружила всю несостоятельность старой эвпатридской кавалерии, неприспособленной к сражениям в горных местностях и на море. Напротив, более приспособленной к условиям нового боя оказалась пехота гоплитов, вербовавшихся из средних (демократических) классов. Позор военного поражения эвпатридов еще более усилил вражду к ним со стороны всех остальных жителей Аттики. В конце концов эвпатриды вынуждены были пойти на некоторые уступки в интересах демоса, главным образом верхнего его слоя.

«Большинство гражданства, — повествует Плутарх, — стало на своих сходках уговаривать друг друга облегчить их положение, выбрать своим вождем одного надежного человека, освободить должников от долгов, сделать новый раздел земли и совершенно изменить существующий порядок государственного управления».

Выбор пал на Солона, в руках которого находилась тогда вооруженная сила и который после захвата Саламина пользовался огромной популярностью среди граждан Аттики.

«Тогда самые умные из афинян, видя, что один Солон совершенно чужд упреков в чем-либо и что он не принимал участия в несправедливостях богачей и сочувствовал печальному положению бедных, обратились к нему с просьбой взять в свои руки управление общественными делами и положить конец существовавшим несогласиям».

Таким образом после выхода из должности филомброта Солон был избран архонтом и вместе с тем «посредником и законодателем». Выбор его удовлетворил всех. «Богатые знали его как человека зажиточного, бедные — как честного».

«Он нравился и имущим и неимущим. Первые думали о равенстве в заслугах и нравственных качествах, вторые — о равенстве в мере и количестве. Обе стороны возлагали на Солона большие надежды».

Важно было и то, что диктатуру Солона одобрил также и дельфийский оракул, игравший в то время первостепенную роль в международных делах Греции и пользовавшийся большим авторитетом в глазах всех слоев населения.

«Садись на середину корабля и исполняй обязанности кормчего. Много афинян помогут тебе», — таков был совет жрицы дельфийского оракула (пифии). Солон действовал в интересах имущественной и частично родовой знати, но в целях привлечения на свою сторону широких масс он в своих «элегиях», имевших агитационное значение, выдвигает на передний план интересы всего народа, сохраняя однако руководящую роль в государстве за плутократией и аристократией. В целях мирного разрешения конфликта Солон убеждает «сильных и богатых» пойти на уступку, мотивируя ее необходимость тяжелым во-

енным поражением. Солон предупреждает аристократию, что «социальная гармония» нарушена и что государство уже не в состоянии сдержать напора порабощенных масс. В стране начинается брожение, подымается гражданская война. «Богатые и сильные» предчувствуют и дрожат перед надвигающимися бедствиями, но вследствие своей недальновидности, вызвавшей гибель даже «царства диких кентавров», они не могут поступиться хотя бы частью своих прав и привилегий. Общественные бедствия проникают в жилище каждого. Ворота уже не преграждают им доступа. Они перескакивают через высокие стены и достигают даже тех, которые укрываются на брачном ложе, в самых дальних углах. Вследствие всеобщего недуга города разрушаются. «Их одолевают городские раздоры и междоусобия, от которых гибнет цветущая молодежь». Много бедняков, скованных позорными цепями, продаются на чужбину, где они должны будут подчиняться насилию, нести жалкую долю рабов. Не лучше положение и порабощенных на родине. На них тяготеет не только позор неволи, но им приходится еще дрожать перед жестокосердым господином.

Афинский гоплит

«Любостяжательные богачи, обладая огромными состояниями и увлекаемые корыстью на ложный путь, сами вследствие своего неразумения содействуют гибели государства» («Афинская полития», 36). Само содержание солоновых реформ вследствие малой надежности наших источников, преследовавших не столько научно-исторические, сколько публицистические цели, представляется во многом неясным и противоречивым.

Первой мерой Солона считается сисахфия, т. е. частичное или полное освобождение от долгов, тяготевших на многих афинских землевладельцах. Сисахфия, буквально «стряхивание» (долговых камней), как она ни радикальна сама по себе, имела лишь временное значение и не разрешала основного вопроса — земельной нужды фетов. Более

всего выгод от сисахфии получили средние классы, освободившиеся таким путем от тяготевших на них долгов. Одновременно с сисахфией Солон отменил личную кабалу: «Впредь никто никому не одолжит денег под залог его тела» (Плутарх, Солон, XII). Отмена кабалы граждан мотивировалась соображением государственного порядка. «Несообразно со здравым смыслом, чтобы гражданин-воин был схвачен за долги заимодавцем. От алчного корыстолюбия богатых не должно страдать все государство» (Диодор, I, 79). Затем Солон пересмотрел, исправил и дополнил законы Дракона. Из других мероприятий Солона заслуживают быть отмеченными свобода завещаний — закон, порывавший с родовым владением и облегчавший продажу и покупку земель, унификация мер и весов и замена эгинской монетной системы эвбейской, облегчавшей афинянам торговлю с Востоком (Малой Азией) и Западом.

Не было забыто также и ремесло. Солону приписывают ряд мероприятий, имевших целью поощрение и расширение ремесел. Так, Солон постановил, что сын имеет право отказать отцу в поддержке, если тот не выучил его в юности какому-либо ремеслу.

«Видя, что почва Аттики не в состоянии прокормить все возрастающее население и что земля не может доставить средств к жизни праздной, ничем не занятой массе людей, Солон обратил особое внимание на ремесла. Одновременно с этим он поручил Ареопагу наблюдать за средствами жизни каждого и строго наказывать праздных».

Помимо ремесленников-афинян в Афинах проживало много пришлых ремесленников (метойков), не пользовавшихся полными правами гражданства. С целью увеличения политического веса ремесленного класса Солон пополнил его состав многими метойками, получившими права афинского гражданства.

Потребность в чеканной монете заставила Солона ограничить роскошь погребальных обрядов и украшений, рассматривавшихся как непроизводительные траты. Наконец глухо упоминаемый в предании закон о земельном максимуме имел в виду вырвать из рук крупных землевладельцев-эвпатридов часть земель с целью передачи их в руки средних землевладельцев (демократов), более рационально использовавших земельные богатства.

Много внимания было уделено также и деревне.

Особенно важны мероприятия Солона в отношении ирригации и распространения садово-огородных культур. В целях поддержания на известном уровне садово-огородных культур были изданы специальные правила о совместном пользовании колодцами, содержании в надлежащей исправности оросительной системы и посадке растений.

«Кто сажал что-либо на своем поле, тому он приказывал отступать на пять футов от земли соседа. Кто сажал фиги или маслины — на девять. Эти деревья пускают свои корни дальше других, кроме того их соседство безвредно не для всех растений, так как они отнимают у них питание и дают испарения, вредные для многих растений. Кто хотел вы-

копать канаву или ров, должен был отступить от соседней земли настолько, насколько он рыл в глубину. Кто ставил ульи, обязан был ставить их на расстоянии трехсот футов от ульев, поставленных раньше другими» (Плутарх, Солон, гл. 15 и сл.).

Последняя серия мероприятий указывает на распад ойкосов родовой аристократии, дробление земель и переход Аттики на садово-огородные культуры. Наряду с этим, в интересах поощрения садово-огородных культур, разрешался вывоз за границу оливкового масла, и наоборот, в целях обеспечения городского населения хлебом воспрещался экспорт зерна. Это еще раз подтверждает, что законодательство Солона имело в виду прежде всего новых землевладельцев, переходивших на садово-огородную культуру, применявших рабский труд и работавших на экспорт.

Афинская ваза

Завершением реформ Солон явилась тимократическая (цензовая) конституция, заменившая старую, родовую конституцию. Тимократия происходит от греческого слова тимэ — богатство, ценз, почет. Введением тимократии Солон закрепил социальное преобладание рабовладельческой полутократии, отныне ставшей во главе афинского полиса. По солоновой конституции гражданство Аттики делилось на четыре разряда, или класса, в зависимости от величины земельного дохода. Первый разряд составляли пентакосиомедимны, получавшие со своих полей, садов и огородов 500 медимнов в твердом (зерно) или жидком (вино, масло) виде. Ко второму разряду, всадников, принадлежали имевшие 300 медимнов и имевшие возможность на собственный счет содержать лошадь во время похода. Третий и самый большой разряд составляли зевгиты — собственники средней руки, имевшие 200 медимнов дохода. Все прочие граждане зачислялись в четвертый разряд — фетов, в эпоху Солона не пользовавшихся никаким влиянием и приобретших таковое впоследствии, когда феты составили большинство народного собрания и народного суда. Классовое деление удерживалось и в войске. Каждый разряд составлял имущественную и военную единицу. Первые два класса составляли тяжелую кавалерию (всадничество), выезжавшую в поход на лошадях, третий класс (зевгиты) составляли тяжело вооруженную пехоту (гоплитов), четвертый разряд (феты) служили в легко вооруженной пехоте и несли служебные обязанности при войске. Высшим государственным органом при Солоне оставался Ареопаг, членом которого был и сам Солон.

«По мысли Солона, — говорит Аристотель, — Ареопаг должен был стать высшим блюстителем и стражем законов».

Стала оживляться при Солоне и деятельность старого веча (экклесии), состоявшего из всех граждан, созываемых первым архонтом, или стратегом (полемархом). Созываемая полемархом экклесия решала главным образом военные дела, вопросы войны и мира. Наряду с народным собранием возникает народный суд (гелиэя), значение которого в системе афинской конституции все время повышалось. В качестве присяжных заседателей в гелиэе принимали участие граждане всех четырех разрядов в порядке очереди по жребию. Перевес в государстве состоятельной, в значительной степени еще аристократической, части гражданства обеспечивался высоким земельным цензом и предоставлением высших должностей первым двум разрядам — пентакосиомедимнам и всадникам. Тимократическая конституция Солона занимает важное место в истории Аттики как переломный момент от родовой конституции к рабовладельческому государству. Энгельс считает ее настоящей политической революцией, открывшей серию последующих революций.

«Таким образом был введен в конституцию совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан государства измерялись в зависимости от величины их земельной собственности, и поскольку приобретают влияние имущественные классы, постольку вытесняются старые группы, основанные на кровном родстве; родовой строй потерпел новое поражение».

«Расцветавшему в досолоновскую эпоху земельному ростовщичеству был положен предел, равно как и безмерной концентрации землевладения. Торговля и ремесло вместе с художественным ремеслом, развивавшиеся благодаря рабскому труду во все более крупных размерах, сделались господствующими промыслами. Развивалось просвещение... Движимое имущество, денежное богатство и богатство в виде рабов и кораблей все более возрастало, но теперь оно уже не являлось только средством для приобретения земельной собственности, как это было в первое, ограниченное время, — оно сделалось самоцелью» [1].

Все более расширявшийся принцип государственности нашел свое выражение в отмене личной кабалы и введении навкрарий, двенадцати корабельных округов, поставлявших один оснащенный корабль для государственных нужд. Навкрарии свидетельствовали также о росте морской мощи Афин.

Взгляды буржуазных ученых на историческое значение солоновых реформ сильно расходятся. В то время как одни (Курциус, Глотц, Ниссен) считают солоново законодательство «совершеннейшим произведением законодательного искусства», другие (Виламовиц, Шварц, Виппер) не придают большого значения солонову законодательству в общем исто-

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 116—117.

рическом процессе Греции. Среднее положение между этими крайними взглядами занимают Эдуард Мейер и Р. Пёльман.

Солонова конституция нанесла сильный удар эвпатридам, но не удовлетворила и беднейший слой афинского демоса — фетов, ожидавших от Солона земельных наделов.

Обе партии, говорит Аристотель, вскоре изменили к Солону свое отношение, считая установленный им порядок по крайней мере странным. Действительно, демос рассчитывал на передел земли, а эвпатриды полагали, что он оставит в силе прежнюю конституцию. Солон не пошел навстречу ни тем, ни другим, хотя он мог бы войти в соглашение с одной из этих партий и достичь тирании. «Но он предпочел стать ненавистным им обоим, лишь бы спасти отечество и дать наисправедливейшие законы» (Аристотель, Афинская полития, X—XII). Классового характера своей конституции не отрицает и сам Солон, подводя в «Элегиях» итоги своей политической деятельности.

«Я, — заявляет Солон, — силу с правдой сочетал, никого не обидел и никого не возвысил. Простому народу я дал столько власти, сколько следовало. Я не лишил его законных прав, но и не дал ему ничего лишнего. Не обидел я также и тех, кто имел в своих руках большие имущества и пользовался большим влиянием. Я стал, покрывая своим крепким щитом обе стороны, не давая ни одному из них перевеса».

«Но конечно, — прибавляет он, — теперь должны горько разочароваться все, возлагавшие большие надежды на «грабеж полей богатых». Они полагали, что я потерплю их насилия и буду спокойно смотреть на их противозаконные действия. Однако неправильно и плохо они думали. Поэтому вследствие разочарования в своих надеждах они теперь косо смотрят и сердятся на меня, как на своего врага. Но нет нужды. Что я хотел, то я и исполнил».

«Не по нраву мне, чтобы в земле родной худым и благородным доля равная была».

«Народу я дал столько прав, сколько дать надлежало, осадив при этом и тех, кто богатством и славой не по чести владел. Прикрывая своим мощным щитом тех и других, я удерживал их в равновесии».

«Суровым насилием я не загрязнил своего имени, не опозорил своей славы, и мне теперь не стыдно. Этим я надеюсь одержать большую победу над сердцами всех людей».

«Но представьте, что власть попала бы в другие руки, в руки «недоброго и алчного» человека (тирана), то ему едва ли удалось бы сдержать народ. Если бы я тогда пошел по этому пути, то многих славных мужей лишился бы наш город».

«Народа не сдержал бы он, не снявши сливки с молока» (Солон, Элегии).

Недовольство солоновой конституцией и связанные с этим брожения в Аттике были настолько сильны, что Солон в конце концов вынужден был покинуть Аттику.

«После того, — рассказывает Плутарх, — как законы вошли в силу,

к Солону ежедневно стали являться во множестве посетители, как хвалившие, так и порицавшие его законы, советуя сделать в них известные поправки, кое-что вычеркнуть и кое-что прибавить. Многие не понимали его законов. Вследствие этого они просили его растолковать, объяснить и указать точный смысл каждого из них. Сознавая, как трудно все это сделать и не желая возбуждать к себе недовольство сограждан, Солон решил совершенно отстраниться от общественной деятельности.

Он понимал, что в серьезном деле трудно угодить на всех. Поэтому, под предлогом, что торговые дела требуют его отъезда, он выпросил у афинян позволение уехать на десять лет и оставил родину в надежде, что за это время сограждане привыкнут к его законам» (Плутарх, Солон, XXX).

Законы Солона были написаны на нескольких деревянных досках, вставленных в квадратные рамы, вращавшиеся на осях, и выставлены на площади.

4. Афины при Писистрате

Укрепление рабовладельческой демократии, начавшееся еще до Солона, продолжалось и при Писистрате, втором афинском тиране (середина VI в.). Писистрат, как и Солон, пришел к власти в период ожесточенной классовой борьбы и взял Афины с боя, захватив с помощью военного отряда (дубинщиков) афинский Акрополь (кремль). Подобно Солону Писистрат опирался одновременно на сельские и городские элементы, но преимущественно на город. Писистрат был представителем городской плутократии (паралии), связанной с морем, торговлей и ремеслами. Поэтому совершенно естественно, что Писистрат главное свое внимание направил на укрепление внешней колониальной политики Афин. Колониальная политика Афин ближайшим образом была направлена на завоевание островов Эгейского моря, северного побережья Фракии, Мраморного и Черного морей, т. е. всех важнейших материальных баз позднейшей Афинской республики. Фракия, где впоследствии был основан город Амфиполис на реке Стримоне, славилась своим замечательным корабельным лесом, что было особенно важно для Афинской морской державы. Здесь же находились богатые рудники Пангея. Далее Писистрат отнял у мегарян во время междоусобий остров Саламин, захватил гавань Нисею, укрепился на р. Скамандре (Сигейон) и закрепил за Афинами великую понтийскую дорогу — важнейшую торговую артерию эллинского мира.

«Так, — заключает характеристику внешней политики Писистрата Эдуард Мейер, — во все стороны были предуказаны пути для колониальной и торговой политики Афин и их морского могущества в будущем веке. Это было время процветания и роста, клавшее материальное основание для политического могущества афинского гражданства в наступавшем веке».

Твердость внешней политики зависела от силы гоплитского опол-

чения. Крепкое же ополчение гоплитов, снаряжавшихся в поход на собственный счет, предполагало экономически крепкую деревню. О крепости аттической деревни свидетельствует введенное Писистратом сельское самоуправление. Со времени Писистрата расширяется деятельность сельских судов (суды по демам) и увеличиваются права волостных сходов, заведывавших местными административно-хозяйственными делами и выбиравших своих волостных старост (демархов). Обрабатываемая площадь увеличилась поднятием нови и предоставлением государственного кредита нуждавшимся в деньгах землевладельцам. Предоставление кредитов и расширение обрабатываемой площади преследовало, как указывают источники, также и политические цели — очищение города от скоплявшихся в нем разоренных агройков.

«Бедным он давал в ссуду деньги для возможности работать, так что они могли кормиться земледелием» (Аристотель, Политика, VII, 3).

О продолжавшемся разложении родового порядка свидетельствовало укрепление государственности, уже очень заметное при Писистрате. О силе государственности отчетливее всего говорят два факта: образование постоянной армии, находившейся под непосредственной командой самого тирана (скифские стрелки), и введение подоходного налога — десятины. Таким образом, все отчетливее начинали вырисовываться контуры рабовладельческого полиса, как организованной диктатуры плутократии над массой рабов и свободных.

Внешним образом победа централизации и государственности выражалась в благоустройстве Афин и территориальном росте города. Число городского населения при Писистрате значительно увеличилось и сам город начинал обстраиваться, из сельского центра превращаясь в настоящий торгово-ремесленный город. Свободные капиталы, получаемые от торговли и налогов, расходовались на постройку великолепных общественных зданий, долженствовавших поднять Афины на уровень первоклассной столицы эллинского мира. В этом отношении Писистрат является прямым предшественником Перикла. При Писистрате был построен храм Афины-Паллады в Акрополе, Зевса Олимпийского у р. Илиса, храм Деметры в Элевсине и др., введены в обычай панафинейские празднества и дионисии в честь бога Диониса — бога вина и веселья. При Писистрате выстроен в Афинах водопровод.

В представлении позднейших греческих писателей, живших в эпоху поздних тираний (IV в.), время Писистрата казалось «золотым веком» Кроноса. «Афиняне жили тогда как бы в царствование Кроноса». Сам Писистрат изображается как популярный политик, умевший действовать одновременно в интересах всех классов и притом избегавший крутых мер.

«Писистрат,— говорит Аристотель,— правил государственными делами с умеренностью и скорее в духе свободного гражданства, чем

тирана. Вообще он был гуманным и кротким человеком. Он пользовался авторитетом как у аристократии, так и у демоса» («Афинская полития», 13—16).

Однако историческая оценка Писистрата Аристотелем не совсем верна. В данном случае, как и всегда, Аристотель имеет в виду главным образом состоятельную часть афинского гражданства, забывая о положении низших его слоев. Положение же фетов и их отношение к тирании достаточно явствует из одного любопытного и характерного рассказа об одном бедном поселянине Аттики, приводимого самим Аристотелем.

Однажды рассказывает Аристотель, Писистрат, путешествуя по стране, приехал в одну дему (волость) и увидел земледельца, усердно обрабатывающего свой скудный участок земли. Увидев, что какой-то человек роет и обрабатывает совершенно каменистую почву, Писистрат подозвал к себе этого человека и спросил, сколько дохода получает он за свой тяжелый труд. Человек ответил: «Да что и говорить, горе одно да муки, но и с этого горя и мук Писистрат еще требует десятину» («Афинская полития», XIII—XIV).

Тирания Писистрата самым непосредственным образом была связана с интересами паралии, и как только колониальная политика начала слабеть, тотчас же стала понижаться и популярность тирании.

Непопулярность тирании со всей силой проявилась при сыновьях Писистрата Гиппии и Гиппархе. Главной причиной этому явилось не столько свободолюбие афинского народа, как полагает Аристотель, сколько непопулярная налоговая и главным образом внешняя политика сыновей Писистрата. Дело в следующем. В 525 г. до н. э. персы захватили Египет и подчинили себе города малоазийского побережья. Поликрат Самосский, друг Писистрата, пал, и таким образом Афины оказались отрезанными от моря. Вследствие этого налаженная в свое время торговля с Черноморьем теперь расстраивалась, что нанесло большой удар афинским торгово-ремесленным кругам, связанным с черноморской торговлей. Отсюда понятны раздражение и недовольство политикой Гиппия и Гиппарха, сыновей Писистрата, сразу же попавших в разряд бездарных детей гениального отца. Попытка их продолжать политику отца встретила резкий отпор со стороны как аристократии, так и демократии, отныне не желавших стеснять себя диктаторской опекой. В 514 г. во время праздника больших Панафиней старший сын Писистрата — Гиппарх — пал жертвой заговора, а младший — Гиппий — спасся от смерти бегством к персидскому царю. Сперва убийство тирана вызвало большое недовольство со стороны афинян, присудивших убийц к смертной казни. Но впоследствии отношение к тираноубийцам изменилось. Тираноубийцам Гармодию и Аристогейтону были воздвигнуты на площади медные статуи, и их потомки удостоены высших почестей — бесплатного общественного обеда в Пританее. На праздничных пиршествах распевалась песнь в честь «спасителей народной свободы» Гармодия и Аристогейтона:

«Я хочу нести медь в миртовом венке, как Гармодий и Аристогейтон, когда от их руки пал тиран. Они завоевали для афинского народа свободу и право».

5. Тирания на острове Самосе и в Коринфе

Войны и колониальная политика составляли отличительную черту не только афинских, но и всех вообще античных тиранов как проводников интересов нарождавшейся плутократии. С этой стороны заслуживает внимания рассказ Геродота о тиране острова Самоса — Поликрате. После того как, повествует Геродот, имущество Поликрата увеличилось и слава о нем разошлась по всей Ионии и по всей Элладе, он открыл блестящую военную политику, располагая 180 кораблями и тысячью стрелками из лука. Он покорил множество островов и взял много городов на суше. Все покоренные страны и народы он грабил и разорял, руководствуясь принципом, что среди покоренных он скорее приобретает друзей, если вернет отнятые у них земли и богатства, нежели если совсем оставит их в покое (Геродот, III, 38—45).

Не меньшим размахом отличалась также и внешняя политика коринфских тиранов Кипселидов, потомков Кипсела. Наибольшей известностью из коринфских тиранов пользовался Периандр (627—586 гг. до н. э.), прозванный «систематиком тирании». В качестве «верховного владыки» Периандр укрепил положение Коринфа во-вне. Со времен Периандра гегемония Коринфа распространялась на остров Коркиду в западном (Ионическом) море, лежавшую на торговом пути между западом и востоком, на побережье Акарнании, Иллирии, Халкидский полуостров (Потидея) и т. д. Благодаря всем этим приобретениям Коринф превратился в первоклассную морскую державу, захватившую в свои руки посредническую торговлю между западом и востоком. Направленность внутренней политики коринфских тиранов явствует из нижеприводимых мероприятий Кипселидов. При Кипселидах в Коринфе было построено несколько замечательных зданий, проектировано прорытие Коринфского перешейка, изданы законы против роскоши, ограничено число рабов, заведен земледельческий культ Деметры и т. д. Высокое состояние коринфского производства между прочим доказывается обилием коринфских ваз и металлических изделий, дошедших до нас от этой эпохи[1].

6. Афинское государство при Клисфене

Новый удар эвпатридам был нанесен при преемнике Писистрата Клисфене. После свержения Писистратидов (сыновей Писистрата) в Аттике вновь разгорелась ожесточенная борьба партий, в которую

[1] См. Бузольт, Греческая история, т. II.

вмешалась соседняя Спарта, побуждаемая к тому проживавшими там аттическими эмигрантами. После многих кровавых схваток победителем в конце концов вышел Клисфен (конец VI в. до н. э.), сын Мегакла из рода Алкмеонидов. В качестве диктатора Клисфен провел ряд важных реформ, еще более ослабивших родовой строй и утвердивших принцип государственности. Реформаторская деятельность Клисфена вызывалась в первую очередь соображениями охраны тимократической конституции от покушений со стороны соседних городов, главным образом Спарты, в которой проживали афинские эмигранты-эвпатриды. Кроме того, после Писистрата, в результате его внешней политики, в отношениях между Афинами и их соседями происходили постоянные трения. Трения вызывались недостатком земель, повысившимся спросом на рабов и рядом других причин. Вследствие этого приходилось обращать особое внимание на организацию войска и введение новых мероприятий, направленных против эвпатридов. Во время ослабления государственной власти, вызванной анархией, последовавшей за смертью Писистрата, эвпатриды вновь подняли голову и готовились с помощью Спарты произвести контрпереворот. Вследствие этого стоявшая во главе государства плутократия вынуждена была расширить конституцию, вовлекая в государственную жизнь средние классы населения, так называемых зевгитов, из которых главным образом и составлялась тяжелая пехота (гоплиты).

Законодательная деятельность Клисфена, как и его предшественников, была направлена на ослабление аристократии и укрепление демократии. Следствием этого явилась замена прежнего, все еще сохранившегося разделения гражданства по родовым филам и фратриям, новым территориальным делением, построенным на государственном принципе. Вся территория Аттики отныне разделялась на 10 частей (территориальных фил), делившихся на 30 более мелких частей (триттий). Каждая триттия в свою очередь составлялась из нескольких демов, волостей или коммун. В основу клисфеновой конституции был положен самоуправляющийся дем — аттическая мелкая земская единица. Все дела, касавшиеся данной местности, решались на сходках демов (агора́), управлявшихся демархами, избранными тайным голосованием сельскими старостами. От каждой демы, пропорционально ее населению, выбиралось некоторое число представителей в центральный совет, заседавший в главном городе — Афинах. Центральный совет (булэ) состоял из 500 членов по пятидесяти человек от каждой филы и разделялся на 10 пританий (очередных сессий), в порядке очереди сменявших друг друга. Члены очередной сессии (пританы) жили в Афинах и получали общественный обед. Кроме выбора делегатов в булэ, каждая из десяти фил выбирала одного командира ополчения (стратега). Выборные по филам стратеги составляли коллегию X стратегов, заменивших древнего царя-полемарха. Время от времени для решения важных общегосударственных вопросов созывалось всенародное собрание (экклесия), со-

стоявшее из граждан всех четырех разрядов. Постановления экклесии носили название псефизм. Исторически экклесия составляла продолжение гомеровской военной сходки (агора́) и в течение всей своей истории сохраняла многие военные черты. Такової в главных чертах представляется нам афинская конституция накануне великого столкновения греков с персами, перед самой Греко-персидской войной, около 500 г. до н. э. Клисфенову конституцию не следует рассматривать как оригинальное создание Клисфена и афинской истории. Аналогичные реформы имели место и в других эллинских полисах. Так, известно, что тиран Сикиона Клисфен, дядя Клисфена Афинского, заменил старые родовые филы территориальными. При этом вместо прежних названий, происходивших от имен наиболее влиятельных родов, Клисфен Сикионский ввел новые, позорящие древние роды названия фил-свинятников, ослятников и поросятников. Кроме того Клисфену Сикионскому приписывают установление культа сельских дионисий, запрещение старых аристократических культов героев и изгнание рапсодов, декламировавших сказания о богах и героях «Илиады» и «Одиссеи» (Аристотель, Политика, VIII, 9).

Реформы Клисфена Афинского в сущности были повторением реформ Клисфена Сикионского, умершего в 570 г. до н. э. Подражательный характер клисфеновой конституции однако не уменьшает ее исторического значения в условиях афинского полиса. Для Афин значение клисфеновой конституции, как это единогласно отмечают сами греки, было очень велико. Энгельс считал конституцию Клисфена настоящей революцией, отделяющей одну эпоху от другой, — эпоху родовой аристократии от эпохи рабовладельческой демократии.

«С введением [по конституции Клисфена] этого нового устройства и с допущением весьма значительного количества неполноправных граждан (частью вселившихся чужеземцев, частью вольноотпущенных рабов) органы родовой организации были вытеснены из общественной деятельности; они выродились в союзы частного характера и религиозные товарищества. Но моральное влияние, унаследованное мировоззрение и мышление старой родовой эпохи еще долго после того передавались последующим поколениям, вымирая лишь мало-помалу»[1]. Сами греки считали Клисфена родоначальником греческой демократии. Клисфен, говорит Геродот, установил демократию в Афинах (IV, 131). После Клисфена, полагает Аристотель, афинское государство сделалось значительно демократичнее, чем оно было например при Солоне («Афинская полития», XXII, XXIX).

Однако существование выборных учреждений никоим образом не превращало Афины в демократическое государство в нашем смысле этого слова. При всей формальной демократичности афинского строя руководящая роль в государстве всегда сохранялась за рабовладельческой

---

[1] **Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 118—119.**

и имущественной аристократией. Государственным центром Аттики при Клисфене оставались Афины, местопребывание денежной и родовой знати. Все главные должности оставались за состоятельной частью граждан. При сохранении тимократии высшим органом управления оставлялся Ареопаг, руководивший всеми политическими делами. Совет же 500 и экклесия во всех своих действиях зависели от высшего государственного совета, каковым являлся Ареопаг. При неоплачиваемости общественных должностей масса сельского населения не имела ни средств, ни времени регулярно посещать народные собрания и принимать активное участие в общественной жизни. Всем этим обеспечивалось фактическое преобладание состоятельной части гражданства, владельцев подгородных плантаций, демиургов-рабовладельцев и купцов.

Плутократический характер афинской конституции признавали также и сами греки. Так например Аристотель, указывая на стремление Солона и Клисфена ослабить влияние родовых фил и смешать все сословия, подчеркивает руководящую роль в государстве богатой знати. Конституция Клисфена в этом отношении не внесла никаких изменений. Во главе государства попрежнему стоял Ареопаг, состоявший из представителей первого класса (пентакосиомедимнов), т. е. по преимуществу богатых эвпатридов. Несмотря на сокращение крупных имений, в эпоху Солона и Клисфена в Аттике оставалось немало поместий, принадлежавших «благородным эвпатридам». Поэтому неудивительно, что все деятели эпохи Персидских войн принадлежали к аристократии — Мильтиад, Аристид, Кимон, Перикл.

Несмотря на все привилегии, полученные аристократами, они все же не могли помириться с демократическими учреждениями Клисфена.

Конституция Клисфена затрагивала не только интересы афинских эвпатридов, но также и интересы соседних с Афинами областей, в особенности Спарты. В самих Афинах находилось много аристократов, готовых воспользоваться своими многочисленными клиентами и всеми недовольными господством демократии и с их помощью сбросить Клисфена и разрушить установленный им порядок. С целью предупреждения всякого рода заговоров и покушений на существующий строй Клисфен ввел экстраординарный всенародный суд черепков, — остракизм. Сущность остракизма сводилась к следующему: каждый год весной созывалось экстренное народное собрание, определявшее голосованием, нет ли среди граждан кого-либо опасного для гражданской свободы. Если таковые оказывались, то собрание созывалось вторично, и тогда каждый гражданин писал на глиняной дощечке (острокон) имя того, кто по его мнению был опасен для гражданской свободы. Осужденный большинством голосов удалялся за пределы Аттики сроком на 10 лет. Таким путем Клисфену удалось освободиться от своих наиболее опасных противников. Для большего укрепления своих реформ Клисфен принял в число афинских граждан

богатых метойков, купцов и ремесленников, проживавших в Афинах и вольноотпущенников.

В результате проведения клисфеновских реформ было создано мощное **афинское государство**, опиравшееся на крепкую армию. Это послужило залогом дальнейших успехов Афин в их колониальной политике, приведших к гегемонии Афин во всей восточной части Средиземного и Черного морей.

Значение «клисфеновой революции» прежде всего почувствовали ближайшие соседи Афин — Спарта, Беотия и Халкида, а вскоре затем и сам «великий персидский» царь. Попытка афинских эмигрантов с помощью Спарты опрокинуть клисфеновский режим потерпела полное поражение. Спартанское войско было разбито, а глава аристократов, на время оказавшихся у власти, **Исагор** был низвергнут. Отбив спартанцев, афиняне направили все свое внимание против северной, враждебной им, общины Беотии. На реке Эврипе беотяне потерпели поражение от афинян в тот день, когда другой афинский отряд перешел на остров Эвбею, покорил город Халкиду и захватил поместья халкидских аристократов. Захваченная территория была объявлена собственностью афинского народа (ср. римский ager publicus) и поделена между тысячами выселенными туда колонистами (клерухами) (**Геродот**, V, 77). Сами же беотяне и халкидяне были обращены в рабство.

«Мужественно разбив полчища беотийцев и халкидцев, сыны Афин укротили их упорство мрачными железными оковами и цепями, посвятив колесницу Палладе, в знак их победы», — так заканчивает описание войны Афин с беотийцами и халкидянами Геродот, горячий приверженец Афин (V, 57).

Товарно-денежное хозяйство и рабовладение при Клисфене сделали значительный шаг вперед, но все же в этот период еще не было полного расцвета рабского производства и торгового капитала. Клисфеновская Аттика в значительной мере была еще сельской страной с преобладанием сельского населения, относительно слабо развитой торговлей и сравнительно простыми социальными отношениями. Перерождение и затем разрушение сельской Аттики начинается со времени Персидской и главным образом Пелопоннесской войн, о которых речь пойдет в последующих главах.

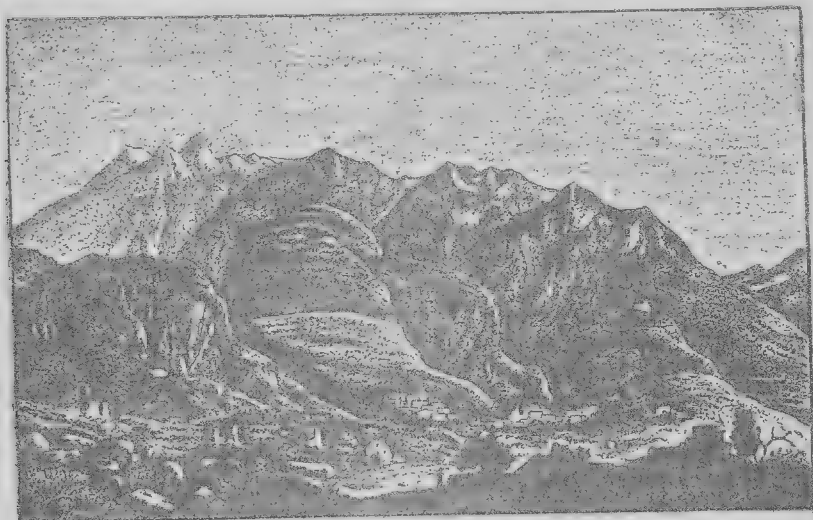
V. ДРЕВНЯЯ СПАРТА

1. Образование Спартанского государства

Среди всех греческих общин Балканского полуострова накануне Персидских войн первое место занимала **Спарта**, или Лакедемон, расположенная в южной части Балканского полуострова, в Пелопоннесе. Ранняя история Спарты нам неизвестна. О древнейшем периоде Спарты в истории сохранилось лишь несколько преданий, связывавших поселение спартанцев в Пелопоннесе с переселением племени дорян из Центральной Греции в Южную. К числу такого рода легенд принадлежат легенда о возвращении Гераклидов (потомков бога Геракла, или Геркулеса), поход аргонавтов, поход Семи против Фив и др. Предание о возвращении Гераклидов рассказывало, что Геракл происходил из правящей династии Аргоса, незаконно был лишен престола и ушел в изгнание. Потомки (правнуки) Геракла призвали дорян и с их помощью восстановили свои права не только на Аргос, но также и на соседние области — Лаконию и Мессению.

По своему социально-политическому строю Спарта во многом отличалась от Афин. Хотя это была также рабовладельческая община, но в противоположность индивидуальному рабовладению Афин в Спарте утвердилось **коллективное рабовладение**. Коллективное рабовладение, кроме Спарты, имело место и в других греческих, по преимуществу дорийских общинах, например на острове Крите и на Востоке. Историко-географическая среда определила и все другие особенности спартанского строя. Главный центр спартанской общины — **Спарта** удален от моря и расположен среди враждебного спартанцам покоренного населения эгейцев (ахеян). Поселившиеся в Лаконике доряне-спартанцы закрепились по холмам реки Эврота, господствовавшей над долиной. В ранний период своей истории спартанцы, подобно другим греческим племенам, жили **родовым строем**. Верховным органом всей спартанской общины считался **совет стариков** (герусия), пополнявшийся из «самых благоразумных и самых лучших» общинников не моложе 60 лет.

Одновременно с герусией существовало вече (апелла) — военная сходка всех боеспособных спартанцев. Апелла только принимала или отвергала предложение вождей. Решение принималось ударом о щиты, криком или поднятием рук. Военная команда принадлежала архагетам (царям), сначала выборным, а потом наследственным. В более позднее



Древняя Спарта

время наряду с царями существовала еще коллегия пяти эфоров, выбираемых из наиболее богатых и влиятельных родов. Коллегия эфоров контролировала деятельность царей, стремившихся сосредоточить всю власть в своих руках и ограничить права герусии. Впоследствии коллегия эфоров сделалась высшим государственным органом, подчинившим себе все остальные органы. Из демократической «общины равных» Спарта постепенно превращалась в олигархический полис, оплот консерватизма и центр сил, враждебных Афинам.

2. Илоты и периойки

Спартанцы заняли густо населенные ахейские области, уже имевшие свою историю. Древнеспартанский (эгейский) басилевс Менелай, выступающий в «Илиаде», занимает одно из первых мест среди гомеровских басилевсов. Покоренное спартанцами многочисленное население враждебно относилось к пришельцам. Покоренное население делилось на два слоя: сельский (илоты-военнопленные) и городской — торгово-ремесленный слой (периойки). Зависимое население Спарты численностью в несколько раз превосходило своих господ. По исчислению

Эдуарда Мейера, из общей цифры спартанского населения, равной в V в. до н. э. 300 тысячам человек, две трети приходилось на илотов и одна треть — на периойков[1]. При этом Эдуард Мейер считает илотов не покоренным племенем, а теми же спартанцами, в силу экономических причин попавшими в положение крепостных (илотов). Илоты принадлежали не отдельному роду или двору, а составляли неотчуждаемую собственность всей спартанской общины. К каждому дому приписывалось некоторое количество земельных участков, обрабатывавшихся илотами. Формально за илотами сохранились их прежние участки, с которых они платили оброк натурой тому дому или роду, за которым они были закреплены. Жизнь, имущество и орудия труда илотов находились в полном распоряжении господской общины спартанцев, что и дает нам право илотов сближать с рабами. Древние писатели рисуют положение спартанских илотов крайне тяжелым, даже более тяжелым, чем положение рабов других полисов, например Афин.

«Все те, — говорит Плутарх, — кто думает, что в Спарте свободные пользуются высшей свободой, а спартанские рабы суть рабы в полном смысле этого слова, правильно определяют разницу между теми и другими» (Плутарх, Ликург, 14).

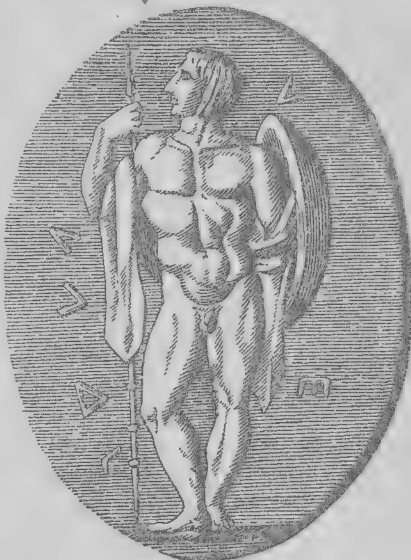
Обращение спартанцев с илотами было всегда сурово и жестоко. Между прочим илотов заставляли напиваться допьяна, и затем спартанцы показывали молодежи, до какого омерзения может довести пьянство. Ни в одном греческом полисе антагонизм между рабами и господами не проявлялся так резко, как в Спарте между илотами и спартанцами. Сплочению илотов и их организации не в малой степени способствовал самый характер их поселений. Илоты жили сплошными поселками на равнине, по берегам Эврота, сильно заросшим камышами, где они могли в случае надобности укрыться. С целью предупреждения илотских восстаний спартанцы время от времени устраивали карательные экспедиции (криптии) на илотов, уничтожая наиболее сильных и крепких из них. Сущность криптий состояла в следующем: время от времени отряды спартанской молодежи, вооруженные короткими мечами, отправлялись за город. Днем эти отряды скрывались в глухих местах, ночью же выходили из засады и внезапно набрасывались на поселения илотов, создавали панику, убивали наиболее физически крепких и опасных из них и затем снова скрывались. Некоторых илотов захватывали живыми, надевали им на головы венки в знак скорого освобождения, приводили к храму, и затем эти илоты неизвестно куда исчезали. Однажды таким образом, по словам Фукидида, сразу исчезло 2 тысячи илотов (Фукидид, IV, 60). Эфоры при вступлении в должность объявляли «священную войну» илотам, что гарантировало их в дальнейшем от упреков в жестоком обращении с илотами.

Жестокость спартанцев однако не предохранила их от восстаний илотов. История Спарты полна крупными и мелкими восстаниями

[1] См. Эдуард Мейер, История древности, т. III.

илотов. Чаще всего восстания илотов происходили во время войны, когда спартанцы были отвлечены военными действиями и не могли с обычной зоркостью следить за илотами. Особенно сильно было восстание илотов во время Мессенских войн (VII в. до н. э.), грозившее смести с лица земли самое спартанское государство. Со времени Мессенских войн повидимому и возникла криптия.

«Мне кажется, — говорит Фукидид, — что спартанцы такими бесчеловечными сделались с тех пор, когда в Спарте произошло первое серьезное восстание илотов».



Спартанский воин

Второе по размерам восстание илотов совпало с большим землетрясением, имевшим место в Спарте в половине V в. до н. э. Воспользовавшись паникой, вызванной землетрясением, илоты сбегались со всех полей и убивали своих господ. Илотам в этом деле помогали периойки и мессенцы, вторгшиеся в Лаконику. Лишь с большим трудом при помощи афинян (Кимон) спартанцам удалось подавить восстание и восстановить свое господствующее положение.

Помимо самих спартанцев и илотов в спартанской общине существовал еще многочисленный класс периойков, подобно илотам не имевших политических прав, но по сравнению с ними все же более свободных. Это были по преимуществу торговцы и купцы приморских городов, подчиненных Спарте. Подобно афинским метойкам, спартанские периойки в экономическом отношении были наиболее прогрессивным классом Лаконики.

3. «Община равных»

Отношение к илотам и постоянные столкновения с соседями определили характер спартанской конституции. Самым ходом вещей спартанская община превратилась в настоящий военный лагерь. Основной социальной единицей Спарты была энатомия — военная палата. Каждый род делился на несколько энотомий, из которых складывалось спартанское ополчение. Сам же город Спарта представлял собой первоначально пять-шесть самостоятельных военно-родовых поселков, впоследствии слившихся в один город. Большую часть времени спартанцы проводили в энотомиях, занимаясь военными упражнениями, гимнастикой, фехтованием, борьбой, упражнениями в беге и т. д., и лишь вечером

возвращались домой к своим семьям. Каждый спартанец приносил из своего дома определенное количество продуктов для общих товарищеских обедов, носивших название сисситий, или фидитий. Дома обедали только жены и дети. Весь остальной распорядок жизни также был целиком подчинен интересам всей общины в целом. С самого рождения и до конца жизни спартанец не принадлежал самому себе. Отец новорожденного ребенка не мог его воспитывать без предварительного на то разрешения геронтов. Отец приносил своего ребенка в особое место, носившее название лесхи, где заседали геронты. После освидетельствования ребенка геронты либо оставляли его в живых, либо отсылали в «апофеты», на кладбище в расщелине Тайгета; в живых оставляли только крепких и сильных, из которых могли выйти хорошие солдаты. Военный отпечаток лежал на всем воспитании спартанца. В основу этого воспитания был положен принцип: побеждать в сражении и повиноваться. Молодые спартанцы стриглись наголо, не обувались и не одевались. Бо́льшую часть времени они проводили в школах (гимнасиях), где занимались физическими упражнениями, спортом и обучались грамоте. Мыслительных и словесных способностей у молодых спартанцев не развивали. Спартанец должен был говорить просто, кратко, по-лаконски (лаконически).

От мальчиков в Спарте реже услышишь голос, чем от каменных статуй. Можно подумать, что они скромнее даже девушек в теремах, — так характеризует спартанское юношество афинский писатель Ксенофонт, большой почитатель спартанских порядков.

Спартанские гимнасиасты делились на роты, или стада, пили, ели и спали вместе. Спали на жестких подстилках из тростника, приготовленных собственными руками без ножа. Для проверки физической выносливости эфебов (подростков) в храме Артемиды под религиозным предлогом устраивались настоящие бичевания. За экзекуцией наблюдала жрица, державшая в руках статуэтку бога, то наклоняя, то поднимая ее, указывая этим необходимость усиления или ослабления ударов.

В качестве примера выносливости спартанских эфебов древние писатели приводят следующий характерный случай. Один спартанский мальчик украл щенка лисицы и, желая скрыть это, держал щенка под плащом до тех пор, пока щенок не растерзал ему живот зубами, после чего мальчик умер. «И в этом, — прибавляет составитель биографии Ликурга Плутарх, — нет ничего удивительного, если иметь в виду, что и в наше время (II в. н. э.) многие спартанские эфебы добровольно умирают у алтаря Орфии под розгами их воспитателей».

На воспитание эфебов в Спарте обращалось особое внимание. На них смотрели как на главную силу спартанского строя как в будущем, так и в настоящем. С целью приучить юношество к выносливости эфебам назначали трудные работы, которые они должны были выполнять без всякого возражения и ропота; уклонение от работ каралось тяжелыми наказаниями. За поведением юношей вменялось следить не только властям, но и частным лицам под угрозой штрафа и бесчестия за нерадивость.

«Что касается юношества, то на него законодатель обратил особое внимание, считая, что для государственного благополучия имеет очень большое значение, если юношество будет воспитано надлежащим образом» (Ксенофонт, Государство лакедемонян, 1—4).

В длинной цепи воспитательных средств, практиковавшихся спартанцами, не последнее место занимала охота, имевшая целью поддержать

Упражнения эфебов

физическую бодрость и не давать угасать военным доблестям людей зрелого возраста.

Таковым в основных чертах представляется спартанский строй накануне Персидских войн. Внутренние отношения в среде самих спартанцев (спартиатов) долгое время оставались довольно примитивными. Сами спартанцы считались во всех отношениях равными друг другу. Это была община «равных спартиатов», противостоявшая как единое целое массе зависимого населения — илотов и периэйков. Имущественное неравенство в среде спартиатов, незначительное вначале, с течением времени сильно возросло. Из «общины равных» выделилось несколько богатых родов, захвативших бо́льшую часть земель и образовавших правящую олигархию, возглавляемую эфорами.

4. Пелопоннесский союз

Крепкие физически и хорошо дисциплинированные лаконцы (спартанцы) к тому же были прекрасно **вооружены**. Военная техника Спарты считалась образцовой во всей Элладе. Имевшиеся в Тайгете

большие запасы железа дали возможность широко развернуть производство железного оружия (железо служило также мерилом ценностей и выполняло функцию денег). До самого конца Персидских войн спартанская фаланга гоплитов (тяжело вооруженных пехотинцев) считалась образцовой и непобедимой армией во всей Греции.

В поход спартанское войско отправлялось стройным маршем под звуки флейт и хоровых песен. Спартанское хоровое пение пользовалось большой славой во всей Элладе. «В этих песнях было нечто, воспламенявшее мужество, возбуждавшее энтузиазм и призывавшее на подвиги. Слова их были просты, безыскусственны, но содержание их серьезно и поучительно».

В песнях прославлялись павшие в бою спартанцы и порицались «жалкие и нечестные трусы». Спартанские песни в поэтической обработке пользовались большой известностью во всей Греции. Образцом спартанских военных песен могут служить стихотворения Тиртея — афинянина по происхождению, проживавшего в Спарте и воспевавшего спартанский строй.

«Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха!
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов.
Жизнь ненавистной считая и мрачных предвестников смерти
Столько же милыми, сколь милы нам солнца лучи...»
«Славно, ведь, жизнь потерять, средь воинов доблестных павши, —
Храброму мужу в бою из-за отчизны своей...»
«Юноши, бейтесь, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Не покидайте старейших, у коих уж слабы колена,
И не бегите, предав старцев врагам.
Страшный позор вам, когда среди воинов первый упавший
Старец лежит впереди юных летами бойцов...»

История Спарты до Персидских войн представляется историей завоевания и объединения Пелопоннеса. Побудительным мотивом спартанских завоеваний служило стремление приобрести плодородные земли, рабов и добычу. Согласно преданию, в середине VIII в. до н. э. спартанский царь Телекл покорил Амикл и Фариз, затем была покорена долина нижнего Эврота до моря со всеми находящимися здесь городами. В конце VIII в. начинаются долголетние Мессенские войны, начатые царем Феопомпом. Несмотря на упорное сопротивление мессенцев, вся область осталась за Спартой. За Мессенией наступила очередь Аркадии и Ахайи, тоже вынужденных признать гегемонию Спарты. Таким образом к концу VI в. бóльшая часть Пелопоннеса признавала гегемонию Спарты. Накануне Греко-персидских войн Пелопоннесский (Спартанский) союз был самым крупным и сильным из всех греческих союзов. Спартанская гегемония продолжалась до Саламинской битвы, т. е. до первой крупной морской битвы, выдвинувшей на первый план Афины и передвинувшей экономический центр Греции с материка на море. С этого времени начинается глубокий внутренний кризис Спарты, в конце концов приведший к вырождению всех вышеописанных учреждений древне-спартанского строя, установление которых

приписывали полумифическому спартанскому царю Ликургу. Наибольший удар «ликурговой конституции» был нанесен в конце Пелопоннесской войны законом Эпитадея (IV в. до н. э.), допускавшим отчуждения земли. Закон Эпитадея пробил брешь в древнеспартанском натуральном хозяйстве, все более разлагавшемся под влиянием войны, роста производства и обмена. Земельное неравенство, слабое в древней Спарте в IV в., как увидим из дальнейшего изложения, приняло широкие размеры, разрезав общину на два слоя: богатых и нищих.

С наибольшей подробностью спартанская конституция описана в «Лакедемонской политии» Ксенофонта. Афинский историк Ксенофонт, ученик Сократа, принадлежал к числу горячих приверженцев спартанских порядков (лакономанов), идеализировавших древнеспартанский строй и мечтавших о перенесении спартанских порядков на аттическую почву. Говоря о Спарте, он все время противопоставляет идеальным спартанским порядкам несовершенные афинские порядки. Спартанская конституция представляется Ксенофонту делом одного гениального человека, царя Ликурга. В лице Ликурга, царя-героя, долженствовавшего служить образцом для живых царей и реформаторов, Ксенофонт сплющивает целые поколения, в течение которых складывался спартанский строй. Древнеспартанский строй с его первобытной простотой особенно импонировал афинским консерваторам (олигархам) типа Ксенофонта, жившим в условиях развитого денежного хозяйства и имущественного неравенства Афинской республики. Во всех городах Греции, говорит Ксенофонт, стремятся к наживе, стараясь тем или иным путем создать себе состояние. Одни достигают этого, занимаясь земледелием, другие — имея торговые суда, третьи торгуют, четвертые занимаются ремеслами и т. д. В Спарте же Ликург запретил свободным спартанцам заниматься какой бы то ни было деятельностью, связанной с наживой. Ликург держался той мысли, что лучше помогать своим товарищам натурой или трудом, чем деньгами. Чтобы задержать рост денежного хозяйства, Ликург ввел тяжелые, неуклюжие железные деньги и ограничил денежный капитал каждой семьи десятью минами (мина — 25 рублей). Общинный интерес и повиновение властям в Спарте стоят на первом месте.

«Что в Спарте особенно строго повинуются власти и законам, это мы все хорошо знаем».

Чем сильнее власть, тем больше она и побуждает граждан к повиновению. Однако, продолжает Ксенофонт, я не думаю, чтобы все это Ликург сделал один, без совета и предварительного согласия влиятельных лиц в государстве (эфоров).

«Признав повиновение величайшим благом в государстве, на войне и в семье, Ликург высший авторитет в полисе удержал за властью эфоров» (выборной аристократической коллегией).

К числу других преимуществ спартанского строя Ксенофонт причисляет слабое в сравнении с другими эллинскими полисами развитие частной собственности.

«Ликург, желая устроить так, чтобы граждане не вредили друг другу и приносили пользу, предоставил каждому одинаково распоряжаться как своими детьми, так и чужими. Кроме того Ликург дозволил в случае необходимости пользоваться чужими рабами, учредил также и общее пользование охотничьими собаками. Поэтому не имеющие собак приглашают на охоту других охотников, а у кого нет времени итти самому на охоту, тот охотно дает собак другому. Так же пользуются и лошадьми: кто заболеет, или кому понадобится повозка, или кто захочет поскорее куда-нибудь съездить, он берет первую попавшуюся лошадь. По миновании же надобности отдает ее в исправности обратно...»

«Таким образом благодаря тому, что спартанцы так делятся друг с другом, у них даже люди бедные, если им что-нибудь понадобится, имеют долю во всех богатствах страны...»

Самое же важное и достойное удивления и подражания с точки зрения Ксенофонта (командира наемного ополчения) в ликурговом строе то, что он заставил граждан предпочитать прекрасную смерть постыдной жизни...

«Этим он явно приготовил благополучие доблестным и злую участь трусам» (Ксенофонт, Лакедемонская полития).

Лакономан Ксенофонт отмечает лишь положительные с его точки зрения стороны спартанского строя, умалчивая об отрицательных. Другие же греческие писатели меньше идеализируют спартанский строй. Так например Исократ, сравнивая в «Панафинейской речи» строй Афин и Спарты, отдает предпочтение Афинам. «Я не буду, — говорит Исократ, — разбирать все бесчинства, совершаемые спартиатами в отношении зависимого от них населения, я укажу лишь на их жестокость в отношении илотов... Спартанцы все время воюют. Их войны кровопролитны и бесчестны, доставляя много тяжелых бед побежденным» (Исократ, Панафинейская речь. 73, 181). «Лаконским делом называется обычай спартанцев тайно из засады убивать илотов», замечает схолиаст (комментатор) Фукидида (IV, 80).

VI. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

История Греции до Персидских войн (500—449 гг. до н. э.) складывается из истории отдельных городов-государств восточной и западной частей Средиземного моря. Среди греческих полисов этого периода первое место занимали малоазийские полисы — Милет, Эфес, Галикарнасс и другие, связанные с культурными странами Востока, затем западные полисы Сицилии и южной Италии. К этим окраинным полисам надо присоединить еще острова Эгейского моря: Лесбос, Самос, Хиос и др. Собственно Греция, т. е. Греция Балканского полуострова, до Персидской войны большого значения в системе эллинских держав не имела. Что касается общегреческой (панэллинской) международной политики, то до конца VI в. до н. э. она проявлялась в небольших столкновениях одного полиса с другим, споривших из-за земель, рынков и рабочей силы (рабов). Крупная внешняя политика начинается на грани между VI и V вв. столкновением греков с персами. Греко-персидские войны являются переломным моментом как во внешней, так и во внутренней истории эллинского мира. В истории античного мира Греко-персидские войны занимают приблизительно такое же место, как крестовые походы в средневековой истории Западной Европы. Генеральное столкновение греков с персами подготовлялось исподволь в течение нескольких веков и явилось следствием сцепления целого ряда крупных и мелких причин.

Как всякие войны мирового значения, Греко-персидские войны явились следствием прежде всего внутреннего роста производительных сил как Греции, так и Персии. Необходимо поэтому предпослать изучению Греко-персидских войн хотя бы краткий обзор персидского строя накануне этих войн.

1. Социально-политический строй Персии

Персидская держава Ахеменидов сложилась в VI в. до н. э. Персидское предание считает основателем персидского государства Кира и его сына Камбиза. В середине VI в. персы завоевали родственную им Мидию и установили там персидскую династию. В по-

следующие десятилетия власть персов признали переднеазиатские государства: Лидия, Фригия, Вавилон и Египет (525 г.). Таким путем Персия вобрала в себя весь древневосточный мир. В отношении социально-политической организации Персия не создала ничего нового, но развила и расширила государственные формы, уже известные Египту и Ассиро-Вавилонии. При царе Дарии I (Гистаспе) Персидское царство состояло из 20 наместничеств (сатрапий), управляемых назначенными царскими наместниками (сатрапами). Централизация власти в Персии, как и вообще во всех восточных государствах, имела более формальный, чем реальный характер.

Каждая сатрапия была самостоятельным царством (вассальным), с собственным войском, набираемым из местного населения, и с собственным бюджетом. Вследствие этого сатрапы чувствовали себя достаточно самостоятельными и не всегда покорно выполняли волю «великого царя» и его Совета.

В экономическом отношении Персия представляла чрезвычайно пеструю картину. На необъятном протяжении Персидского царства существовали разнообразные отрасли сельского хозяйства: садово-огородная (Вавилония, Сирия, Палестина), зерновая (Египет) и скотоводство, в особенности коневодство в горных частях (в степях Закавказья, Туркестане и Аравии). Преобладающей формой труда в большей части царства являлось мелкое производство земледельцев типа греческих и римских колонов или «царских земледельцев» Египта. Наряду с земледельцами полусвободного и свободного состояния в Персии, как и вообще на Востоке, было много рабов — пастухов и рабочих — на садово-огородных плантациях. Земледельцы платили натуральный оброк и несли барщину, работая на постройке дорог, мостов, крепостей, по рытью каналов, и отправляли транспортную повинность по перевозке войск, снабжению материалом и т. п. Тяжесть повинностей возрастала по мере расширения и усложнения внешней политики государства, особенно в период неудачной Скифской войны, в основном предрешившей исход Греко-персидской войны.

Официальной платежной и разменной монетой в Персии служил золотой дарейк, равнявшийся $^1/_{300}$ весового таланта, т. е. около 10 золотым рублям. Однако золотая валюта лишь скользила по поверхности натурального массива. Основной формой обмена в Персии, как и вообще на Востоке, в течение всей истории оставался н а т у р а л ь н ы й о б м е н. Денежный размен на золото вступал в силу лишь при расплате с наемниками и при расчетах с другими государствами.

В отношении фискальной политики Персидское государство было не менее изобретательно, чем Египетское, Ассиро-вавилонское или всякое другое из восточных деспотий. Геродот, один из главных наших источников по истории Персии эпохи Ахеменидов, рассказывает один чрезвычайно любопытный и для фискальной политики Персии характерный факт. В одной из восточноперсидских областей были проделаны

в горе шлюзы, регулировавшие течение воды. Шлюзы запирались зимой и открывались летом во время засухи. С целью получения денег царь держал шлюзы взаперти до тех пор, пока население орошаемых водой местностей не собиралось у ворот дворца и с плачем и стоном не выпрашивало у царя разрешения открыть шлюзы. Шлюзы не открывались до тех пор, пока не уплачивалась в казну пошлина в виде подарка царю за его «благодеяния» (Геродот, История, III, 89—117).

Особенно разорительна для подвластных персам областей была **откупная система**, т. е. отдача на откуп сбора налогов товариществам откупщиков. Во главе этих товариществ обычно становились банки, как например известный нам благодаря последним раскопкам Вавилонский банк Мурашу и сыновья. Банк уплачивал в казну определенную сумму, а затем уплаченную сумму с лихвой выколачивал из зарегистрированного в особые податные списки (кадастры) населения. Знаменитая римская откупная система была не более как продолжением и повторением персидской и вообще восточной практики. Оставшаяся после чеканки монет часть золота переплавлялась в слитки и хранилась в **царских сокровищницах** (тезаврах). Подобно средневековым королям эпохи Каролингов, персидские цари подолгу не оставались на одном месте. Они постоянно перекочевывали со своей свитой, женами и детьми из одной столицы в другую. Из Суз в Экбатаны, из Экбатан в Персеполь, в Пасаргады и т. д. К каждому царскому двору приписывалось определенное количество деревень, обязанных поставками и барщиной на дворец. Так например горная Каппадокия поставляла 1 500 лошадей, 2 тысячи мулов, 50 тысяч овец, Лидия — вдвое больше.

Экономически наиболее развитыми частями Персии были **приморские города** Персидского залива и **Средиземноморского побережья**. Первое место занимали города Финикийского побережья. После покорения Лидии в состав Персидского царства вошли также и **греческие города**, до того времени находившиеся под властью Лидии. Из персидского протектората греческие и финикийские города извлекали огромную пользу. В их руках находилась вся **посредническая торговля** между Западом и Востоком, чем и объясняется расцвет малоазийских городов в VII—II столетиях до н. э., о котором говорилось в предшествующей главе. Города пользовались автономией, имели свои городские советы, возглавляемые представителями торгово-ремесленной знати и назначенным царем наместником-тираном. Развитию торговли и промышленности греко-финикийских городов способствовали обширность территории, обилие и разнообразие сырья, хорошие дороги, золотая валюта и относительное спокойствие в государстве.

Персия — типично восточное государство — представляла смесь как в этнографическом, так и во всех других отношениях. В старой персидской монархии уживались самые различные нации, говорившие на

самых различных языках, и самые разнообразные порядки. Золотая валюта, государственная почта, рационально поставленная бюрократия, письменность, строгая отчетность и т. д. уживались с примитивнейшими формами быта и натурального хозяйства. Крайне пеструю картину представляла **армия** «великого царя». Ядро этой армии составляли греческие наемники. Дополнительные же части вербовались из жителей различных областей, выходивших в поход в национальных костюмах, с национальным вооружением, предводительствуемые царскими сатрапами или местными племенными князьями. В общем же, несмотря на все вышеотмеченные противоречия, держава Ахеменидов в период от Кира до Ксеркса, сына Дария, т. е. приблизительно в течение 100 лет, представляла мощную силу, державшую в повиновении все народы Древнего Востока и претендовавшую на господство над Эгейским морем и островами.

В отношении **культуры** Персия не создала почти никаких оригинальных культурных форм, но зато вобрала и переработала все достижения предшествующих веков. В области архитектуры памятниками персидского искусства служат **дворцы Персеполя** и **Суз**. Персидские дворцы представляют собой широкую палатку (ападана), утвержденную на высоких прямых колоннах. Большой художественный интерес представляют рельефы на стенах дворцов и на гробницах царей. Образцом персидского рельефа служит триумфальный рельеф Дария в Бехистуне (Бехистунская надпись). Эта надпись повествует о восстании, предшествовавшем воцарению Дария. Восстание поднял какой-то маг по имени Гаумата.

«Люди все весьма его боялись. Он мог казнить многих».

Дарию удалось подавить восстание и восстановить прежние порядки.

«Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше. Храмы, разрушенные магом, я возобновил. Народу я возвратил выгоны, стада и жилища, отнятые Гауматой. Я вернул народу его прежнее положение как в Персии, Мидии, так и в прочих странах, вернул все, что было отнято. Волею Аурамазды все это я совершил. Я трудился, чтобы вернуть нашему дому его прежнее положение, как было издревле»[1].

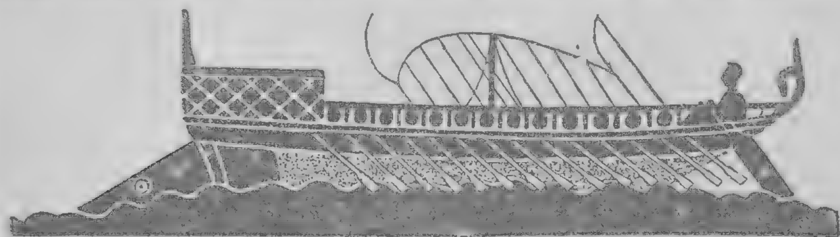
Официальной религией Персии была **религия Заратустры** — солнечного бога. История мира в религиозной концепции персов представлялась борьбой двух богов — **Ормузда**, олицетворявшего принцип добра, и **Аримана**, олицетворявшего принцип зла. В этой борьбе, согласно персидским религиозным представлениям, принимают участие не только боги, но и люди. Через четыре «мировых периода» по 3 тысячи лет каждый настанет всеобщее воскресение мертвых и произойдет страшный суд. Борьба добра со злом, Ормузда с Ариманом, кончится победой Ормузда.

---

[1] См. Б. **Тураев**, И. **Бороздин**, Древний мир, Восток.

2. Причины и ход войны

Продвижение персов в сторону Средиземного моря было естественным следствием роста персидского торгового капитала. Начиная с Кира, Камбиза и в особенности Дария I Персия шаг за шагом продвигалась на запад в направлении Средиземного моря, подчиняя своей власти греческие полисы, находившиеся на азиатской тер-



Триера

ритории. Между персами и греками уже давно существовали многообразные связи и взаимовлияния. Персидский царь интересовался греческими делами и греческой культурой и охотно привлекал к себе греческих стратегов, государственных людей, поддерживая то одну, то другую партию внутри греческих общин.

Особенно энергично движение персов на запад пошло с конца VI в. до н. э. В 525 г. персы захватили Египет и соседнюю с ним греческую территорию Кирену. Таким образом во власти персов очутилось около четверти греческой территории. К персам перешла вся береговая полоса от Трапезунда в Азии до залива Сирта в Африке. Весьма возможно, что персидская экспансия окончилась бы захватом всего Эгейского бассейна, если бы не было одного привходящего обстоятельства. Этим обстоятельством явилась война со скифами, закрепившимися на северном берегу Черного моря и энергично продвигавшимися на запад и на юг. Война со скифами создавала огромные трудности для «великого царя» и сильно подорвала его боевые силы. Тяжелая война со скифами обострила все внутренние противоречия персидской монархии. В результате неудачной войны, хозяйственного расстройства, роста податей и повинностей обострилась классовая борьба, начались военные бунты и восстания. Критическим положением Персии воспользовались греческие города-государства. **Восстание малоазийских греков** послужило поводом Греко-пирсидской войны. В 500 г. в Малой Азии, в Ионии, началось уже давно подготовлявшееся восстание греческих городов, руководимых городом Милетом — крупнейшим портом и транзитным пунктом в посреднической торговле Запада с Востоком, и направленное против персидских завоевателей. Выросшие под протекторатом Персии малоазийские города теперь чувствовали себя уже достаточно крепкими и стремились освободиться от

персидской зависимости. Немалую роль в обострении отношений греков к персам сыграла конкуренция греческих городов с финикийскими городами, оказывавшими большое влияние на внешнюю политику Персии. Освобождаясь от персов, греки в то же самое время освобождались и от своих торговых конкурентов финикиян.

Инициатива отложения исходила от милетского тирана Аристагора, ставленника и недавнего друга персидского царя. После проигранной войны с островом Наксосом Аристагор, боясь гнева царя, отложился от Персии, объявил ионийскую Грецию свободной и провозгласил в Милете демократическую республику.

Восстание продолжалось пять лет и грозило Персии потерей всего малоазийского побережья — одной из главных материальных опор персидской монархии. Победа греков означала победу греческого торгового капитала на восточном берегу Эгейского моря, что существенным образом затрагивало интересы финикийцев — экономических врагов греков. «Великий царь» мобилизовал огромные сухопутные и морские силы с целью подавить восстание, а заодно и наказать островных и балканских греков, оказывавших помощь и выражавших сочувствие восставшим. В 494 г. в водах Милета появился финикийский флот, окруживший эскадру греческих городов, состоявшую из 350 кораблей. В виду Милета, при острове Ладе произошло ожесточенное морское сражение между греками и финикиянами. Греки были разбиты, и это решило судьбу малоазийских полисов, уже никогда более не подымавшихся на ту высоту, на какой они стояли в первый период эллинской истории. Милет был взят штурмом, разграблен и сошел на положение второстепенного провинциального города. Все взрослое население города было продано в рабство или отправлено во внутренние области Персии.

Восстание греческих городов произвело огромное впечатление в самой Персии. Под влиянием первых неудач на средиземноморском побережье произошел дворцовый переворот, возведший на трон Дария I Гистаспа. Фактически же главой Персии с этого времени делается Мардоний, зять царя, глава персидской военной партии. Мардоний решил воспользоваться благоприятным моментом и с целью отвлечения внимания от внутренней политики предпринять далекий поход на островную и материковую Грецию. В 492 г. экспедиция на берега проливов и в Северную Грецию была осуществлена. Во главе экспедиции стал сам Мардоний. Однако наскоро организованная экспедиция Мардония не дала тех блестящих результатов, на которые рассчитывала его партия. Флот, конвоировавший Мардония, при Афонском мысе был затоплен бурей. Вследствие этого Мардоний был вынужден ограничиться лишь покорением Фракии. Через два года персидская экспедиция была повторена. В 490 г. финикийская эскадра, гордая победой при Ладе, взяла курс прямо на Аттику. Покорив острова и захватив Эретрию на Эвбее, персидский флот высадил десант в Марафонской бухте.

Во главе греческих ополчений стоял талантливый полководец Мильтиад, долго живший в Персии и хорошо знавший персидскую армию. Мильтиад заставил персов принять бой в крайне неудобных для них географических условиях. Марафонский бой (490 г.) окончился полным разгромом персидской армии, оставившей на поле сражения

Пешие воины

$6\frac{1}{2}$ тысяч трупов. Легко вооруженная пехота Датиса не устояла против закованных в железную броню греческих гоплитов. Превосходство греческой военной техники, географические особенности горной Греции, где персы не могли развернуть свои рыцарские фаланги и воспользоваться боевыми колесницами, и наконец невоинственное настроение персидских солдат-крестьян, ни с какой стороны не заинтересованных в войне, решили исход боя. В то время как персидское войско сражалось в Греции, внутри самой Персии, в Месопотамии, кипела гражданская (крестьянская) война, которая собственно и решила исход войны с греками. В 486 г. отложился Египет, а в 485 г. умер Дарий.

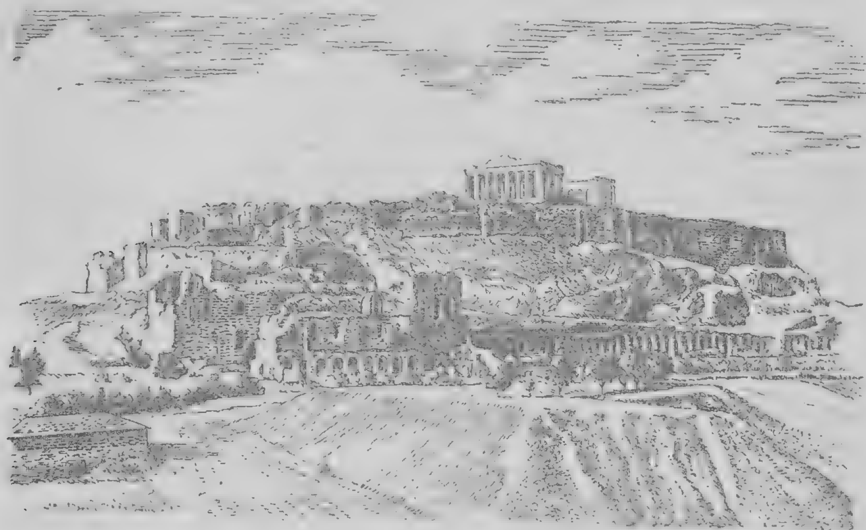
«Моральное и политическое значение Марафонской победы было, без сомнения, чрезвычайное. Как ни судить о военных размерах события, тот факт, что Афины одни, поддерживаемые только маленькими Платеями, выступили в качестве передовых бойцов эллинского мира, имел чрезвычайно важное значение для будущего» (Пёльман). В этом факте надо искать зародыш будущего панэллинского значения афинского государства. Тогда же афиняне обеспечили себе срок для укрепления своих военных сил, что было совершенно необходимо ввиду неминуемой дальнейшей решительной борьбы с Персией.

Через десять лет (в 480 г. до н. э.) после Марафона Ксеркс, сын Дария, предпринял новый поход в Грецию. Сухопутная армия под предводительством Мардония пошла с севера с целью занять Аттику и Афины и затем двинуться в Пелопоннес. Берега Аттики и Пелопоннеса блокировал финикийский флот. В греческом лагере не было определенного плана защиты. Между командирами отдельных ополчений постоянно происходили споры и ссоры. Наконец после долгих пререканий остановились на афинском плане: задержать движение персидской армии в узком Фермопильском ущелье. Однако этот план был сорван Спартой, приславшей абсолютно ничтожное подкрепление. После геройской защиты Фермопил спартанским отрядом Леонида, Фермопилы были прорваны, и персы вошли в Среднюю Грецию, опустошили Аттику, разграбили и сожгли Афины. Афиняне бежали из города на остров Саламин и Эгину. Раздоры же между греками продолжались. В то время как спартанцы предлагали оставить Среднюю Грецию и сосредоточить все внимание на защите Коринфского перешейка, в Афинах одержала верх морская партия Фемистокла.

3. Выступление Фемистокла

Выступление Фемистокла знаменовало крутой, хотя и вполне естественный поворот в афинской политике. Победа Фемистокла была победой морской группы афинской демократии над сельской. Как было отмечено выше, в греческой демократии с самого начала существовали две группы: сельская и морская. До Фемистокла (80-е годы V в.) доминирующую роль в политике Афин играли сельские группы, возглавляемые аристократией и сельской плутократией — хозяевами садово-огородных плантаций. Согласно одной афинской легенде, в те отдаленные времена в споре двух богов — Афины, покровительницы садоводства, и Посейдона, бога морей — победу одержала Афина, подарившая судьям оливковую ветвь. Со времени Фемистокла положение вещей в корне изменилось. С развитием торговли и рабского производства сельская партия все более начинает оттесняться городской партией, состоявшей из купцов, судовладельцев и богатых демиургов, поддерживаемых «корабельной чернью», зависимой от моря и морской торговли, — матросами, доковыми рабочими, торговыми агентами, содержателями постоялых дворов, гостиниц и пр. За морской партией укрепилось название радикалов, за сельской — консерваторов. Первым крупным представителем и организатором морской партии (радикалов) был, как сказано, Фемистокл, сын Неокла из рода Ликомидов. Фемистокл, сообщает его биограф, старался приохотить афинян к занятию морским делом, поступая наперекор древним царям, стремившимся из граждан сделать не моряков, а хороших земледельцев. Фемистокл, по выражению афинского комика Аристофана, приклеил город к главной афинской гавани Пирею и затем присоединил к морю. «С этого времени ораторская трибуна поверну-

лась в сторону моря». Фемистокл предложил огосударствление доходов с Лаврийских серебряных рудников. До Фемистокла доходы рудников делились между гражданами, с Фемистокла же они стали поступать в государственную казну. На эти деньги Фемистоклу, бывшему тогда стратегом и руководителем афинской политики, удалось построить 100 триер, что в то время составляло солидную боевую единицу.



Афинский Акрополь

«После этого Фемистокл начал постепенно приохочивать сограждан к занятию мореплаванием, внушать им любовь к морю. По его мнению, они не имели основания рассчитывать на успех в сухопутной войне даже с соседями, между тем как при помощи флота они могли не только защищаться от нападения персов, но и сделаться владыками всей Греции. Фемистокл сделал своих сограждан из стойких гоплитов матросами и моряками. Но в то же время его обвиняют в том, что он отнял у своих сограждан копье и щит и приковал афинян к скамьям и веслам» (Плутарх, Фемистокл).

Логическим следствием поворота Афин в сторону моря было усиление социального значения и расширение политических прав четвертого сословия (фетов), из которых главным образом рекрутировался флотский экипаж военных и транспортных судов. Привлечение же к государственной службе малоимущих фетов уже само собой ставило вопрос о реформе армии, об оплате государственных должностей и государственном снабжении малоимущего городского населения, так называемой «морской или корабельной

черни», жившей в приморских кварталах Афин. Таким образом все основные реформы, которые обычно приписывают Периклу, возникли и частью были разрешены уже при Фемистокле. С передвижением центра тяжести афинской политики и экономики на море уменьшается значение гоплитского ополчения самоснаряжающихся в поход средних и мелких собственников (зевгитов). Торжество морской партии свидетельствовало о начавшемся ослаблении сельских групп, более всего разоряемых войной и сжимаемых конкуренцией дешевых сельскохозяйственных продуктов, привозимых из других стран. Основной частью афинской армии с этого времени становятся флот и легкая пехота (пелтасты), вербуемая государством из добровольцев (наемников). К сожалению наши источники очень глухо говорят о той несомненно ожесточенной партийной борьбе, которая в 80-х годах V в. велась вокруг этих вопросов. Известен только конечный факт этой борьбы — остракизм «справедливого» Аристида, главного вождя консервативной партии, последовавший в 483 г. Кроме того имеется упоминание в «Афинской политии» Аристотеля о реформе избрания архонтов (486 г.), имевшей целью путем комбинации выборов и жеребьевки ослабить влияние знати, возглавляемой домом Алкмеонидов, злейших врагов Фемистокла. Об огромной роли Фемистокла в истории афинского государственного строя между прочим свидетельствует замечание Фукидида о Фемистокле как о гениальном, дальнозорком политике, предвидевшем отдаленное будущее.

«Он, — говорил Фукидид, — после самого краткого размышления был вернейшим судьею данного положения дел и точнейшим судьею, тонко угадывавшим события самого отдаленного будущего» (Фукидид, I, 138). Борьба между радикалами и консерваторами составляет главное содержание политической истории Афин со времени Персидской войны.

4. Война на море

Доказательством правильности политики Фемистокла была Саламинская победа (480 г.). После того как Фемистоклу удалось значительно увеличить численность афинской эскадры, он, в противовес Спарте и Коринфу, убедил греческое командование дать персам бой при Саламине. Условия боя для персов оказались чрезвычайно неблагоприятными. Огромные финикийские суда не могли развернуть своей мощи среди скал и подводных камней, окружающих остров Саламин. Персидский флот был совершенно разбит и начал отступление. Морская партия торжествовала. На современников Саламинская победа произвела огромное впечатление как первая морская победа, прославленная в «Персах» афинского драматурга Эсхила, непосредственного очевидца и участника сражения.

Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь идет за все.

Всюду бой кипел.
Сперва стояло твердо войско персов,
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли.
И медными носами поражали
Своих же. Все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их. И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило».

За Саламином последовала Платея. После разгрома флота персидский десант, находившийся в Греции, оказавшись совершенно отрезанным от своей главной квартиры, терпел всевозможные невзгоды, войско стало разлагаться. Этим обстоятельством воспользовались греки, в особенности спартанцы, не желавшие уступить гегемонию афинянам, героям Саламина. В следующем за Саламинским боем 479 г. сильный корпус в 100 тысяч человек под командой спартанского царя Павсания и афинского стратега Аристида разбил Мардония при Платее в Беотии. На этом заканчиваются сухопутные бои, и война переносится на восточный берег в персидские владения. Наиболее тяжелое поражение персидский флот потерпел при мысе Микалэ от афинской эскадры под командой Ксантиппа, отца Перикла. Затем последовало поражение при Абидосе и наконец генеральный разгром персидского флота при реке Эвримедоне в Памфилии (463 г.). На этом собственно и заканчиваются Греко-персидские войны. Частичные столкновения в различных местах Эгейского моря происходили и после Эвримедона, но на общий исход войны они не оказывали существенного влияния. Мировая держава «четырех стран» (Персия) сошла на степень второстепенной державы. Персидская экспансия на запад была задержана на продолжительное время.

5. Возвышение Сицилии

Персидские войны открывают новый период средиземноморской истории. Со времени Персидских войн ось экономической и культурной жизни повернулась с востока на запад. Вместе с персидской гегемонией уходила в историю также и гегемония ионийских городов, опустошенных во время войн и отрезанных от восточных рынков, составлявших их экономическую базу. На мировое господство в эллинском мире отныне претендовали три крупные державы: 1) Афинский союз, 2) Пелопоннесский союз и 3) Сицилийская держава, объединявшая западных греков. При различии политического строя все три названные страны были рабовладельческими, в которых господство принадлежало небольшой группе (рабовладельческой аристократии, или олигархии). В Афинах прочнее всего укрепился демократический

строй в форме прямого народоправства. В Пелопоннесском союзе, возглавляемом Спартой, держалась аристократия (олигархия), в Сицилии демократия чередовалась с тиранией. Тирания сицилийских городов возникла при тех же самых социально-экономических условиях, как и в восточных частях Греции. Тираны становились во главе порабощенных киллириев (крестьян) против гаморов (крупных собственников) и с их помощью достигали власти. В дальнейшем же сицилийская тирания, так же как афинская демократия и спартанская олигархия, превратилась в политическую надстройку рабовладельческого общества. Из всех сицилийских тиранов наибольшей популярностью в это время пользовались сиракузские тираны Гелон и его сын Гиерон. В 480 г., т. е. в год Саламина, Гелон одержал крупную победу при Гимере над карфагенянами (финикийской колонией), стремившимися к гегемонии в водах западной части Средиземного моря. Победа над Карфагеном дала сицилийскому тирану огромную контрибуцию в 2 тысячи талантов, массу рабов и другой добычи. Богатая добыча и последовательно проведенная фискальная политика (откупная система) доставили сиракузским тиранам, скромно именовавшим себя первыми государственными сановниками (архонтами), средства для великолепных построек, расточительных празднеств и содержания блестящего двора. Гиерон приглашал в Сиракузы лучших писателей, поэтов и художников из всех городов Греции. В прославлении правящего дома соперничали все тогдашние знаменитости — поэты Симонид, Пиндар, Бакхилид, Эсхил, Эпихарм и др. Все же осмеливавшиеся противоречить «первым архонтам» немедленно изгонялись из Сиракуз, продавались в рабство или же отправлялись на принудительные работы в каменоломни.

Внешнему блеску сицилийской тирании способствовали удачные войны. Войны служили главным стержнем сицилийской политики. Удачная война приносила добычу, рабов и новые территории, необходимые для наделения землей войска и выведения колоний. Наоборот, неудачная война влекла за собой государственный переворот и низвержение тирании, возвышение нового тирана или реставрацию демократической конституции. В V в. сицилийцам удалось подчинить своему влиянию города Великой Греции и нанести смертельный удар этрусскому флоту близ Кум (474 г.). Куманское поражение было началом распада Этрусского царства. В восточной части Средиземного моря гегемония после Персидских войн переходит к Афинскому союзу, на долгое время совершенно затмившему Пелопоннесский союз.

6. Оценка Персидских войн Геродотом

Персидские войны вызвали огромную историческую и художественную литературу. Сами греки, современники и их последующие поколения смотрели на войну с персами как на войну мирового значения, открывающую новую страницу в истории Средиземноморья. Классическое изображение Персидских войн дал знаменитый греческий

историк Геродот в своей «Истории Греко-персидских войн», посвященной девяти музам. В изображении Геродота поход персов на Европу представляется великим переселением народов, двигавшихся с востока на запад в своих национальных костюмах и предводительствуемых своими племенными вождями. Общее число войск, двинутых «великим царем» в Грецию, Геродот исчисляет огромной цифрой в пять миллионов человек пехоты и конницы при 1 200 боевых и транспортных судах, подкреплявших сухопутное войско. Современные антиковеды цифру персидского войска, приводимую Геродотом, сильно снижают. Так, один из первостепенных немецких авторитетов военной истории Дельбрюк общее число персидской армии исчисляет в 60 тысяч человек[1]. Но как бы то ни было, бесспорно одно — численное превосходство персов над греками. Особенно величествен был в изображении Геродота переход персов через Геллеспонт, когда Ксеркс заставил, следуя персидскому ритуалу, бичевать море, бросать в него цепи, кольца и т. д.[2]. В «великом походе», согласно Геродоту, принимали участие многие народы. Прежде всего персы, имевшие на голове шапки из плохо сбитого войлока, называемые тиары, на теле — пестрые хитоны с рукавами, панцырь из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи, на ногах — штаны; вместо щита они имели плетенку, под которой висел колчан, копья короткие, луки большие, стрелы тростниковые, наконец короткие мечи на правом боку, висящие на поясе. Точно в таком же вооружении выступали в поход и мидяне. Все это, собственно говоря, поясняет Геродот, было мидийское, а не персидское вооружение. Ассирияне имели на голове медные шлемы, сплетенные из проволоки по какому-то трудно объяснимому варварскому способу. Щиты, копья и мечи ассириян походили на египетские; сверх того они были вооружены еще дубинками, обитыми железными гвоздями, и носили льняные панцыри... Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты они были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, секиры и сагарии. Индийцы одеты были в платье из хлопчатой бумаги, луки и стрелы имели тростниковые, последние с железными наконечниками... Арабы носили подпоясанные плащи, луки имели длинные, висевшие на правом плече и натягивавшиеся в обратную сторону. Эфиопы покрыты были барсовыми и львиными шкурами, луки имели из пластинок пальмового дерева, длинные — не меньше как в четыре локтя, и короткие тростниковые стрелы. Наконечником стрел у них служил вместо железа заостренный камень, такой, каким вырезают печати; кроме того они имели копья с заостренным рогом антилопы наподобие железного наконечника и обитые гвоздями дубины; перед сражением они окрашивали себе половину тела гипсом, а другую половину — суриком... Вооружение лидян очень походило на эллинское... Фракияне носили

---

[1] См. Дельбрюк, Персидские войны и Бургундские войны.
[2] См. Рейнах, Ксеркс и Геллеспонт.

на головах лисьи шкуры, на теле — хитоны, а сверху длинные пестрые плащи, на ногах и вокруг икр — обувь из козьей кожи; вооружены были дротиками, легкими щитами и короткими мечами. Таковы были народы, шедшие на войну по суше и составлявшие пехоту «великого персидского царя».

7. Афинская архэ

Одним из важнейших следствий Греко-персидских войн было образование Афинской архэ, т. е. большой морской державы под гегемонией Афин. Афинская архэ сложилась естественным путем во время войны греков с персами и была «величайшим политическим творением эллинов». Вопреки никогда не прекращавшимся сепаратистским тенденциям полисов, во время войны сложился общенациональный (панэллинский) союз из 200 самостоятельных общин. В истории этот союз известен под именем Делосского (морского) союза, или Делосской симмахии. Организаторами Делосской симмахии считались Фемистокл и его политический противник Аристид — победитель при Платее. При основании Делосской симмахии цель союза определялась чисто военными соображениями. Союзники обязывались поставлять определенное количество людей и материал для снаряжения общесоюзного флота и содержания войска. Общесоюзные конференции (синоды) происходили на острове Делосе, где находилась и общесоюзная казна. Формально все члены союза считались равными и имели одинаковые голоса по всем вопросам, касавшимся союза, фактически же с самого начала первенство в союзе принадлежало Афинам, флот которых, состоявший из 300 триер, превосходил флот всех остальных союзников вместе взятых.

В дальнейшем положение вещей еще более изменилось в пользу Афин. Чем больше росла усталость и апатия массы мелких союзников, истощенных войной, тем больше руководство делами союза переходило к Афинам. К естественной тяге мелких союзников под протекторат могущественных Афин вскоре не замедлила присоединиться еще и державная политика Афин, энергично расширявших сферу своего влияния. Державная политика Афин выражалась в их стремлении к расширению морского могущества, завоеванию Персии, захвату добычи и рабов и расширению сферы действия афинского торгового капитала. Во главе Афин в то время стояла морская партия (радикалы), основателем которой был Фемистокл. Чем больше укреплялась морская партия, тем сильнее на передний план выводились интересы афинского торгового капитала и великодержавной политики. Напротив, сельская партия (консерваторы) теряла почву под ногами, становилась сначала равнодушной, а потом открыто враждебной великодержавной (завоевательной) политике. Борьба между этими партиями составляет содержание политической истории Афин со времени Персидских войн. При всех различиях обе эти партии

имели то общее, что они обе были организациями граждан-рабовладельцев и не включали в себя ни рабов, ни метойков, ни вольноотпущенников. Каждая из этих партий была не только политической, но и военной партией, возглавляемой военными командирами (стратегами) и политическими вождями (демагогами). В эпоху классических Афин стратег и демагог объединялись в одном лице. Отделение военной власти от гражданской произошло в более поздний период с возрастанием военного искусства и усложнением военной техники. С конца VI в. до н. э. (период классических Афин) руководство делами высшей политики неизменно находилось в руках военной партии. Все более или менее значительные афинские общественные деятели этого времени—Аристид, Фемистокл, Кимон, Перикл и др. — были прежде всего стратеги.

Афина-Парфенон

Главным руководителем афинской политики после Фемистокла, изгнанного из Афин за сочувствие спартанцам и слабое ведение войны с персами, был Кимон, сын Мильтиада, «рыцарственный герой Персидской войны». Строго говоря, Кимон не принадлежал ни к радикалам, ни к консерваторам. В отношении энергичного ведения войны и расширения афинской гегемонии Кимон солидаризировался с радикалами, в отношении же внутренней политики примыкал к консерваторам, будучи горячим почитателем Спарты и спартанских порядков. Тесный союз Афин со Спартой, по его мнению, должен был служить залогом процветания обеих держав и обеспечения общегреческого мира и порядка.

«Кимон — говорит Плутарх, — всегда любил все спартанское. Стезимброт говорит, что одного из своих близнецов-сыновей он назвал Лакедемоном, другого — Клэем... Он при всяком удобном случае выставлял спартанцев перед афинянами, в особенности, если хотел упрекнуть их или склонить на какой-либо шаг. В таких случаях он обычно говорит: «Другое дело — спартанцы».

Спартанцы со своей стороны высоко ценили и поддерживали Кимона, в особенности во время их борьбы с Фемистоклом. Они желали, чтобы молодой Кимон пользовался в Афинах бо́льшим влиянием по сравнению с последним» (Плутарх, Кимон, XXI).

Своими походами и завоеваниями Кимон обеспечил за Афинами северные берега Эгейского моря и затем путь с Черного моря на Афины. Далее Кимон задумал грандиозное предприятие — оторвать у финикийцев остров Кипр, богатый металлами (медь) и строевым лесом, и захватить Нильскую долину. Частично эти предприятия ему удались. Кроме того в истории Афин Кимон известен как крупный реформатор военного дела. Реформы Кимона знаменовали настоящую революцию в области военной техники. Кимон ввел синтетическую систему боя — одновременно сухопутного и морского, расширил борты кораблей, устроил сплошную палубу, увеличил число гребцов и наконец ввел «огненный телеграф», т. е. систему сигнализации посредством огней, передававших сообщения из одного места в другое. По всем своим приемам Кимон сильно отличался от выборных стратегов старого времени. Во время Персидских войн выработался совершенно иной тип военного командира, действовавшего вдали от своего города и слабо контролируемого экклесией. В этом отношении наблюдается некоторая аналогия между великодержавными Афинами и великодержавным Римом последних столетий республики. В обоих случаях параллельно со старым правительством — народным собранием и сенатом (Ареопагом) — создаются новые власти в лице «колониальных императоров», или греческих стратегов. Стратеги типа Кимона, располагая военной силой и средствами, лишь по видимости подчинялись решениям народного собрания, по сути же дела действовали совершенно независимо на свой риск и страх. Это — зародыш будущих тиранов и царей IV в. Вообще значение военного элемента со времени Греко-персидских войн сильно возросло. Чем дальше, тем все больше фактическое руководство республикой от многоголовой экклесии переходило к «коллегии стратегов», возглавляемой первым стратегом.

В публичных местах Кимон показывался в окружении целой свиты офицеров и клиентов, щедрой рукой раздавал деньги, устраивал праздники и игры, на собственные средства возводил общественные здания, начал постройку афинской крепости («длинные стены»), построил храм богини Афины, украсил город красивыми портиками, городскую площадь обсадил платанами, Академию превратил в великолепную рощу с тенистыми аллеями и т. д. Для того чтобы упро-

чить свое положение в качестве стратега и демагога, Кимон всячески старался склонить на свою сторону массу граждан. С этой целью он открыл двери своего сада и разрешил всем желающим гражданам и иностранцам пользоваться плодами и овощами его.

«Дома же у него всегда готов обед для всех желающих, правда, простой, но все же достаточно сытный. Кроме того Кимон раздавал деньги и любезно беседовал со всяким попавшимся навстречу знакомым ему гражданином. Сопровождающие Кимона люди подходили на площади к беднякам, пользовавшимся хорошей репутацией, и совали в их руку по несколько медных монет» (Плутарх, Кимон, 21).

Большой предупредительностью отличался Кимон и по отношению к союзникам. Он, говорит его биограф, не употреблял в отношении греков насилий. Не желавших воевать он не привлекал силой, охотно соглашаясь на замен военной службы деньгами или поставками. Он разрешил всем, не желавшим воевать, оставаться дома, заниматься своими домашними делами и «превращаться благодаря своей роскошной жизни и глупости из солдат в мирных земледельцев и купцов» (Плутарх).

Афина-Паллада

Напротив, афинян он всячески принуждал к военной службе и связанным с ней лишениям, превращая их из земледельцев и ремесленников в солдат.

«Афиняне не расставались с морем. Они всегда были вооружены, кормили сами себя и становились хорошими солдатами. Уклонившиеся

же от военной службы союзники начинали их бояться и льстить им и таким путем незаметно превратились в их подданных и рабов» (Плутарх).

Кимон заложил основы Афинской архэ. Политику Кимона в отношении союзников продолжали и все другие афинские стратеги и демагоги, большей частью принадлежавшие к морской партии. Наибольших успехов военная политика Афин достигла в «золотой век» Перикла, сына афинского адмирала Ксантиппа, победителя при мысе Микалэ.

После захвата Кимоном города Эйона в устье Стримона афиняне оккупировали остров Скирос на пути к фракийским владениям и подчинили себе важный в экономическом и военном отношении остров Наксос. Вслед за этим афинскую гегемонию должна была признать Мегара — важный транзитный пункт в Коринфском заливе. Далее перед мощью Афин склонилась важная в торговом отношении Эгина. После этого с Афинами заключили союз Беотийские полисы, примеру которых вскоре последовали государства Пелопоннеса (Аргос). В период наивысшего могущества Афинской архэ гегемония Афин простиралась до отдаленного острова Кипра, до городов Финикии и Палестины и устья Нила, с одной стороны, и до северных берегов Черного моря (Ольвия, Нимфей, Босфор Киммерийский), с другой. Таким путем Делосский союз к большому неудовольствию союзников — конкурентов Афин — превращался в Афинский союз, или в Афинскую империю (архэ).

Конституция Афинской архэ во многом предвосхитила строй Римской империи, сложившийся несколько столетий спустя и воспроизводивший в расширенном масштабе принципы Афинской архэ. В союзных городах афиняне ставили постоянные гарнизоны с военными командирами (фрурархами) во главе и посылали особых надзирателей (епископов), наблюдавших за политической жизнью города и руководивших ею, поддерживая в зависимости от обстоятельств то одну, то другую партию по принципу divide et impera, «разделяй и властвуй». Помимо специального гарнизона, афиняне посылали в союзные общины своих колонистов, так называемых клерухов. Все более или менее значительные судебные дела союзников должны были разбираться в центре, т. е. в Афинах и афинскими судьями. Союзная казна также была перенесена в храм Афины-Паллады в афинском кремле (Акрополе). Поступления с союзников (форос), все время возраставшие, в середине V в. достигли внушительной суммы в 500 золотых талантов, что составляет 1,5 миллионов золотых рублей, поднявшись в 30—20-х годах того же века до 2 тысяч талантов, т. е. до 4 миллионов золотых рублей.

Сами руководители афинской политики совершенно откровенно признавали, что их гегемония представляет вид тирании и, руководствуясь этим принципом, старались выжать из своих союзников-подданных максимум выгод.

«В настоящее время, — говорил в афинской экклесии накануне Пелопоннесской войны глава Афинской архэ Перикл, — нет такого царя, нет ни одного народа, которые были бы в состоянии задерживать плавание вашего флота при теперешнем его оборудовании... При настоящем положении вещей отрекаться от власти вам нельзя, хотя иные из страха и праздности и разыгрывают теперь честных людей. Надо сказать открыто, что власть ваша имеет уже вид тирании, отказаться от которой и невозможно и опасно. Власть же эту мы получили по справедливости, а не насилием».

«Дело в том, что когда спартанцы не захотели дело с персами довести до победного конца, то к нам обратились союзники и сами просили нас принять гегемонию над ними. Мы вынуждены были довести нашу власть до теперешнего ее состояния, прежде всего самим стечением обстоятельств, больше же всего из страха перед персами, потом из чувства чести и наконец — ради наших собственных интересов».

«Что же касается того, — указывал в заключительной части своей речи Перикл, — что нас в настоящее время ненавидят и тяготятся нами, то ведь это общая участь всех, которые изъявили притязание господствовать над другими. Но кто стремится к высшему, тем самым навлекая на себя зависть, тот поступает правильно. И, в самом деле, ненависть держится недолго, блеск же в настоящем и слава в будущем вечно остаются в памяти людей» (Фукидид, II, 62—64; I, 74).

Фукидид, передавший нам содержание речи Перикла, не скрывает и опасных моментов такого рода захватнической политики, в перспективе обещавшей недовольство, восстания и наконец отложение союзников, что и было подтверждено последующей историей Афин. Недовольство и брожение среди афинских союзников-подданных имели место с самого основания Афинской архэ. Это недовольство союзников выражалось в отказе уплаты фороса, поставки и оснастки кораблей. Недоимки возрастали с каждым годом.

Великодержавная политика Афин конечной своей целью имела образование панэллинского союза под гегемонией Афин. Консервативная партия и ее вождь Кимон, предчувствуя опасные последствия великодержавной политики, начинали охладевать к войне и превращаться в партию мира. Однако попытка Кимона и его сторонников сдержать захватнические порывы радикальной партии окончились неудачей. Кимон был обвинен в сочувствии спартанцам и ушел в изгнание.

VII. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ АФИН

1. Посредническая торговля

Персидские войны, как было уже отмечено, передвинули экономическую ось с востока на запад, от малоазийских полисов к западным полисам Балканского полуострова и Сицилии. После неудачных попыток утвердиться в Эгейском море Персия отказалась от западной политики и порвала связи с греческими городами. Восточный рынок утратил свое значение, а вместе с тем захирели некогда цветущие города Малой Азии. С этого времени главные рынки Греции переносятся на северо-восток (Черное море) и запад — Сицилия, Италия, Испания и северная Африка (Кирена). Фактическим же гегемоном в Эгейском море делаются Афины, а на западе — Сицилия. С середины V в. Афины превращаются в настоящую торгово-рабовладельческую республику. Объединение массы греческих общин, с одной стороны, и создание условий, необходимых для безопасности морского плавания, с другой, прежде всего способствовали развитию посреднической торговли. Центром посреднической торговли сделались Афины — в то время самый большой город эллинского мира. Возвышению Афин способствовали, с одной стороны, политическая гегемония Афин в эллинском мире, а с другой — географическое положение Афин как естественного торгового посредника между Востоком и Западом. Афинский порт Пирей сделался транзитным пунктом, через который проходило множество всевозможных товаров (хлеб, рабы, скот, соль, рыба, лен, пенька и др.), направлявшихся с Востока на Запад и обратно. Самой крупной статьей афинской торговли во все эпохи был хлеб. Объектами же вывоза были предметы афинского производства — металлические изделия, керамика, предметы роскоши, оружие и т. д. Главными потребителями афинских произведений были пограничные с эллинским миром «варварские» государства, закупавшие при посредстве греческих и туземных купцов или самих царей доставлявшиеся на их рынок греческие товары (афинские и других полисов). В пограничной полосе

имелось много городов со смешанным греческим и туземным населением. Более всего такого рода городов-факторий имелось по южному берегу Крыма и Кавказа и по малоазийскому побережью. В Египте средоточием афинских купцов и ремесленников был город Навкратис.

В Пирее помещались большие складочные депо, где хранились товары; там же находились верфи, мастерские, банкирские и нотариальные конторы, имелись гостиницы и постоялые дворы для приезжих купцов. Пирей в это время был самым многолюдным и оживленным местом Афин, где слышалась речь на всех языках и где возвышалось много великолепных зданий, выстроенных большей частью в «золотой век» Перикла.

«Из эллинов и варваров, — говорится в одном сочинении конца V в., — одни только афиняне могут иметь богатства. Ведь если какой-нибудь город богат кораблестроительным лесом, куда будет он сбывать его, если не убедит господ моря купить его? Если же какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать все это помимо владык моря, т. е. афинян? По этой-то причине мы имеем от одного полиса дерево, от другого — железо, от третьего — медь, от четвертого — льняные материалы, от пятого — воск и т. д.» (Псевдо-Ксенофонт, Афинская полития, X).

Автор цитированного сочинения с особой силой подчеркивает именно географическое положение Афин, находящихся в центре торговых дорог, что особенно благоприятствовало их экономическому росту и торговому посредничеству.

«В самом деле, — говорит он, — всем ведь известно, что государствам, господствующим на море, возможно всегда делать то, что континентальные страны могут делать лишь сравнительно редко, — именно грабить страну более сильных. Все знают, как легко приплыть и высадиться там, где нет никакого врага или где он малочисленен. Если же сопротивление окажется более энергичным, то так же легко отплыть, севши на корабль. Далее представим неурожай. Государства, расположенные на суше, неурожаи переносят с большим трудом, господствующие же на море — легко. Ведь не вся же земля одновременно дает неурожай. Всем известно, что государствам, господствующим на море, припасы привозятся из урожайных мест».

«Афины, — читаем в сочинении другого автора той же самой эпохи, — с точки зрения морской торговли и судоходства — самый желательный и самый прибыльный город. Прежде всего он имеет превосходные безопасные гавани, где можно останавливаться во время бурь. Затем в большей части других городов всякий раз приходится набирать новую кладь, потому что монета этих городов совершенно бесполезна вне своих пределов, в Афинах же не только множество предметов для нагрузки корабля, но если торговец не пожелает нагружать корабли новым товаром вместо своего, то он может вы-

везти самый чистый товар (деньги), так как где бы он ни продал афинское серебро, он везде получит больше» (Ксенофонт, О доходах).

В Афинах монетной единицей служила драхма, серебряная монета хорошего чекана, отличавшаяся от всех других монет высоким качеством серебра и полновесностью. На одной стороне драхма имела изображение Афины, а на другой стороне — изображение совы, откуда произошло и название афинской драхмы — «афинская сова».

Из описания купеческих кораблей, данного в «Экономике» неизвестного нам автора конца V в., можно заключить о хорошем состоянии греческого транспорта, а тем самым следовательно и о широком развитии мореходства и торговли.

«Прекрасный, могу сказать безукоризненный, хозяйственный порядок я видел при осмотре большого купеческого корабля, на котором множество предметов помещалось на самом ограниченном пространстве. Как известно, корабль выезжает и останавливается с помощью множества деревянных приборов и канатов так называемого такелажа, вооружается множеством машин против неприятельских судов, везет много оружия для своих людей и всю ту утварь, которая в употреблении за каждым столом дома, и кроме того он нагружен товаром, который везет хозяин судна ради прибыли» (Ксенофонт, Экономика, VIII).

Высокой конструкции кораблей вполне соответствовал превосходно выученный и дисциплинированный персонал.

«Помощника начальника судна, который называется кормчим, я нашел, — продолжает вышеназванный автор, — настолько знающим место каждой вещи, что он даже в отсутствии мог сказать, где что лежит и сколько чего, ничуть не хуже, чем человек, знающий буквы, может сказать, сколько букв в слове «Сократ» и где какая находится».

Автор «Хозяйственной истории древней Греции» Карл Бюхер сравнивает Афины V—VI вв. с постоянно функционирующей Нижегородской или Ирбитской ярмарками. Как на эти ярмарки стекались народы со всей России и ее соседи, так и здесь встречались племена, жившие по морскому берегу, широко расселенного эллинского народа. Сюда приезжали и финикияне и италики для взаимного обмена своих не повсюду встречающихся в достаточном количестве продуктов. Привоз товаров, непосредственно предназначенных для самой Аттики, и вывоз из нее составляли вероятно лишь небольшую часть всего товарообмена в Пирее.

Афинская, как и вообще древнегреческая торговля велась или отдельными купцами за свой риск и страх или же на товарищеских началах в складчину, по типу средневековых комменд или по типу бодмерейских договоров (Bodmereivertrag). Купцы ссужали «капитана корабля», т. е. владельца судна, известной суммой денег под проценты (обычно из 20—30%) или же обязывали его доставить им опре-

деленный товар для дальнейшей перепродажи. При этом составлялся формальный договор в письменной форме, скреплявшийся нотариусом (трапезитом), обеспечивавшим контрагентов на случай аварии торгового судна или обмана.

В сущность подобного рода торговых договоров, в большом

Торговая площадь в Афинах

количестве заключавшихся афинскими и союзными купцами, вводит нас нижеприводимый договор некоего Андрокла из города Сфетта в Аттике с Аполлодором из Фесалиса (города в Ликии).

«Андрокл и Навсикрит дали взаймы Артемону и Аполлодору из Фесалиса 3 тысячи серебряных драхм для торговой поездки из Афин в Менду или Скиону, а оттуда в Босфор и, если пожелают, вдоль левого берега до Борифена и обратно в Афины, из $22\frac{1}{2}\%$, а если они отплывут из Понта в Гиерон (гавань близ Босфора) после восхода Артикура (в сентябре), то из 30% — под залог 3 тысяч керамиев мендского вина, которое будет погружено в Менде или Скионе на двадцативесельном корабле, владелец которого Гиблесий. Они дают это обеспечение, не будучи никому под него должны, и не будут под него брать ссуду. А те товары, которые будут погружены ими в Понте вместо вина, они целиком доставят из Понта в Афины на том же корабле. После того как товары будут благополучно доставлены в Афины, должники отдадут кредиторам причитающуюся им по договору сумму в течение

20 дней по прибытии в Афины — все целиком, за вычетом того, что будет исключено с общего согласия мореплавателей или, если придется, уплачено неприятелю. Товары они представят как неприкосновенный залог кредиторам, впредь до уплаты суммы, причитающейся по договору. А если они не заплатят в установленный срок, то кредиторы имеют право заложить и продать взятый ими залог по рыночной цене».

В «Государственном хозяйстве Афин» Бэка годовой оборот Пирея исчисляется в $2^1/_2$ тыс. золотых талантов, что составляет на наш расчет 5 млн. руб. золотом. По греческим масштабам это довольно солидная сумма. При этом еще надо иметь в виду, что афинский Пирей был хотя и самым большим, но отнюдь не единственным портом Греции. Торговый оборот остальных греческих портов в сумме во много раз превышал оборот Пирея. Оборот одних только портов, входивших в Афинский союз, в 20 раз превосходил оборот Пирея. Только с судов, проходивших через Геллеспонт и Херсонес, по свидетельству Демосфена, собиралось пошлин около 200 талантов, что соответствует общей стоимости товаров в 4 тыс. талантов. Сопоставляя данные, хотя конечно и очень приблизительные, греческой торговли с соответствующими данными торговли средневековой Европы, академик А. И. Тюменев приходит к следующим заслуживающим внимания выводам[1]:

1. Сравнительная таблица торговых оборотов в Афинском союзе

Города и области	Годы (до н. э.)	Размеры торговых оборотов	
		в талантах	в млн. руб.
Афинский морской союз	415	30 000	75
Гавань Пирея	400—399	2 000	5
Македония	около 360	800 (1 200)	2 (3)
Херсонес (понтийская торговля)	352	4 000 (6 000)	10 (15)
Родос	165	6 500	16

2. Сравнительная таблица древнегреческой и средневековой торговли (в млн. руб.)

	Древнегреческая торговля	Средневековая торговля
Афинский морской союз	75	—
Понт	10—15	—
Торговля Венеции и Ломбардии	—	15
Пирей	5	—
Родос	16	—
Генуя	—	2—8

[1] См. А. И. Тюменев, Капитализм в Древней Греции.

	Древнегреческая торговля	Средневековая торговля
Любек	—	0,5—2,0
Гамбург	—	0,9—1,7
Ревель	—	0,07—1,0
Македония	2,5	—
Рейнская область	—	3,0
Центральная Европа (Комо)	—	1,2—2,0
Англия	—	10,0

Заслуживает внимания также и третья сравнительная таблица имуществ в Греции и средневековой Европе, приводимая тем же автором (в тыс. руб.):

	Имущество наиболее богатых граждан	Имущество средних и малосостоятельных граждан
Афины	250—490—1 470	15—75
Венеция	750—900	—
Генуя	170—380	17—35
Флоренция	90—550	9
Пиза	45—90	5—10
Аугсбург	45—120	менее 15
Базель	65	менее 25

2. Мелкая торговля

Крупной торговлей далеко еще не исчерпывалась коммерческая деятельность греков. Больше того, крупная торговля, как и крупное производство, вообще не характерны для античного и в особенности для эллинского мира. Относительное укрупнение торговли и производства в эллинских полисах наблюдается позже, с конца Пелопоннесской войны. Аристотель, живший в конце IV в., различает следующие пять видов торговли: 1) продажа продуктов собственного производства на месте; 2) закупка товаров у производителя и сбыт в собственной стране; 3) закупка товаров в других странах; 4) закупка товаров у приезжих торговцев; 5) мелочная торговля. Из всех видов торговли наиболее выгодной была морская торговля (Аристотель, Политика, 1—3). Во всех городах Греции, больше всего конечно в Афинах, существовала масса мелких торговцев, разносчиков, продавцев с ларька, палаток, всякого рода лавочников, шинкарей и пр.

Главным местом торговли служили торговые ряды, украшенные роскошными коллонадами в таких богатых городах, как Афины — столица мировой республики, Милет, Пергам, Пренест и т. д. В источниках упоминаются рыбные, масляные, винные, горшечные, бобовые и тому подобные ряды. Повсюду с лотков продавали редьку, бобы, сушеные сливы, смоквы, фиги, анчоусы и т. д. Повсюду слышались голоса торговцев и торговок, предлагавших купить масло, вино,

уксус, уголь и пр. Масса всякого рода торговцев, ремесленников, торговых агентов, служащих и т. д., так называемая «базарная чернь» составляла большую часть населения городов античного мира, что придавало им специфический базарный, торгово-ремесленный характер. На рынках всегда толпилась масса торговцев, торговок, флейтистов, паяцов, фокусников, солдат и матросов. Живая картина афинского рынка изображена в комедии «Лисистрата» Аристофана, великого мастера передавать жизнь во всех ее деталях и своеобразии. Протестуя против существующих порядков, Лисистрата, героиня комедии, первым делом считает необходимым прекратить шатание по базару вооруженных солдат. Прежде всего, — говорит Лисистрата, — необходимо запретить вам, солдатам с оружием в руках, глупцами шататься по базару. Вы постоянно толпитесь в горшечном и зеленном ряду, словно карибанты на поле битвы. Да будет свидетелем Зевс, что я вчера собственными глазами видела командира верхом на лошади, накладывавшего в свой медный шлем яйца, в то время как другой воин, подобно фракийцу, потрясая копьем и колчаном, с умилением смотрел на торговку фигами, сладко смакуя незрелые смоквы («Лисистрата», 553—564).

Свиту самой Лисистраты также составляют торговки горохом, чечевицей, свининой, чесноком, маслом, хлебом, сыром, льном, шерстью и пр.

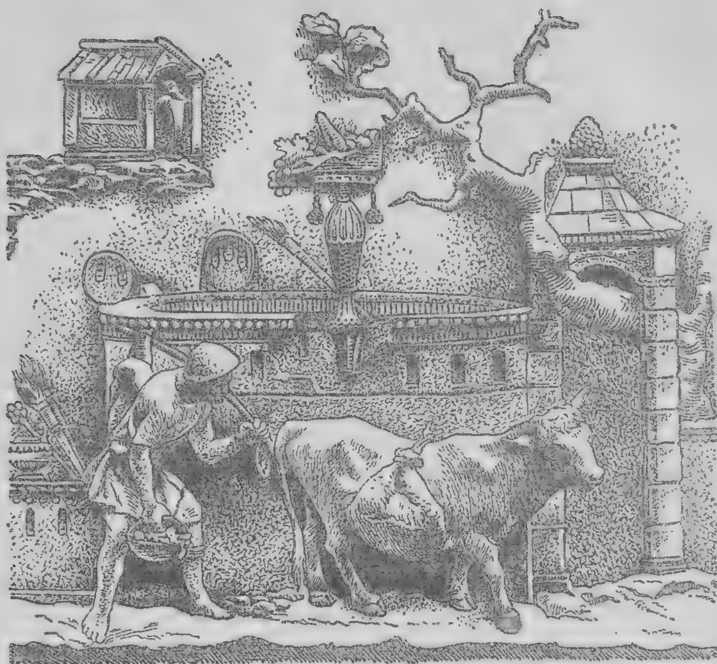
Скорее сюда, Платана! вот он вор,
Который, к вам в трактир тогда забравшись,
Сожрал шестнадцать караваев...
Да и жаркого двадцать сплел кусков
По полгроша...
Да чесноку без меры.....
Да, что еще, я рыбу позабыла...
Ей-ей. Да сыру — у вас зеленый был,
Так и его стащил с плетенкой разом.
Беги...
Соратники, бегите все сюда!
Вы, семенем и овощью торговки,
И чесноком, и булкой, и вином,
Тесните их, ломите, не сдавайтесь.

(«Лисистрата».)

3. Ростовщичество

Средством обмена служили деньги, с незапамятных времен появившиеся в Греции. Торговое посредничество немыслимо без развитого денежного обращения.

Удельный вес денег и всякого рода денежных операций в греческой экономике повышался с каждым столетием, достигнув кульминационной точки в последние столетия. В судебных речах конца V и особенно IV в. денежные дела, ростовщические операции, сделки и т. д. служат главной темой судебных тяжб. В этом отношении любопытна например одна из речей Исократа, вводящая нас в самую гущу афинской деловой жизни со всеми ее махинациями, обманами и кляу-



Крестьянин, идущий на рынок

зами. Содержание речи очень простое и для афинских деловых кругов весьма ординарное. Некий афинский гражданин, по профессии хлебный торговец, отдал на хранение деньги известному афинскому трапезиту (банкиру) Пасиону с целью скрыть и сохранить свое состояние. Некоторое время спустя названный гражданин решил взять переданные им Пасиону деньги обратно, но трапезит категорически отказался вернуть их, утверждая, что никаких денег он не брал и даже с своей стороны обвинил вкладчика в обмане и вымогательстве. Начался судебный процесс, исход которого нам неизвестен. Историческая ценность для нас этого процесса состоит в том, что он вводит нас в круг деловой жизни греческих полисов и рисует физиономию трапезитов, большею частью выходивших из метойков и вольноотпущенников и игравших главную роль в торгово-ремесленных республиках античного мира.

«Сделка с банкирами, — поясняет Исократ, — обычно заключается без свидетелей, и потому те, с кем они поступают несправедливо, неизбежно подвергаются опасности. У них много друзей, в их руках много денег, да и само их ремесло вселяет к ним доверие».

Ростовщики давали ссуды под залог земель (земельный кредит), под залог городских домов (городской кредит) и под залог кораблей и привозимых на них товаров (морской кредит). В условиях античного мира и рабского производства, вследствие быстрого развития торгового капитала и перехода на денежный расчет, ростовщичество приняло очень широкие размеры. Уже в солоновскую эпоху, как мы видели, многие землевладельцы находились в кабале у эвпатридов и плутократов. В последующие же эпохи, в период Пелопоннесской войны, при постоянных кризисах и крайней неустойчивости валюты ростовщичество приняло колоссальные размеры. Мелкие землевладельцы брали ссуду, продавали, закладывали и перезакладывали свои участки, становясь жертвой ростовщического капитала.

Деятельность эллинских трапезитов, как и деятельность родственных им средневековых ломбардских банкиров, развернулась, захватывая широкие слои населения во всех городах эллинского мира, вплоть до отдаленной колонии Ольвии в устьях Буга. Основной экономической функцией трапезитов был размен денег, что при разнообразии монет в греческом мире и частой их фальсификации имело первостепенное значение. Из размена и хранения денег совершенно естественно развился перевод денег со счета одного вкладчика на счет другого. Обыкновенно все трапезиты, читаем в одном современном документе, когда частный вкладчик указывает место, кому нужно уплатить деньги, записывают имена вкладчиков, сумму вклада и имя лица, которому надо сделать перевод. Если же лицо не указано, то указывают имя того человека — поручителя, по приказанию которого может быть оплачена означенная сумма (Демосфен, Речь против Коллипа, IV). Переводы, говорится в другом документе — речи афинского адвоката Исократа «О трапезитах», — следует делать через трапезитов во избежание опасности, которой могут подвергнуться деньги во время плавания. Операции греческих трапезитов были многочисленны, разнообразны и, по масштабам Греции, значительны. В одном из главных банков Афин, принадлежавшем трапезиту Пасиону, хранилось более 50 золотых талантов, что составляет сумму около 200 тыс. золотых рублей. Собиравшиеся в банках суммы не лежали мертвым капиталом. Часть их отдавалась взаймы, а другая часть вкладывалась в торговые предприятия.

Из вышеприведенного обзора торговых статей эллинских полисов можно заключить об относительно высоком уровне развития торговли и денежного хозяйства в греческом мире. Афинский торговый капитал, как правильно указывает академик Тюменев, в период классической Греции находился приблизительно на уровне торгового капитала ломбардских республик XIII—XV столетий (Венеции, Генуи, Пизы) или, самое большое, Нидерландской республики XVI—XVII вв. В специальной литературе по вопросу о степени развития античного (греческого и римского) торгового капитала существуют большие расхождения. Вслед за опубликованием книг И. Хазебрэка («Производственные формы

греческой торговли в IV столетии», «Государство и торговля Греции»), доказывающего сравнительно небольшое развитие греческой (крупной) торговли, появилась книга Э. Цибарта («Исследования по морской торговле Древней Греции»), настаивающего на широком объеме и организации греческой морской торговли. Французский исследователь Глотц («История Греции») вообще снимает вопрос об уровне греческой торговли и производства, полагая, что в такой постановке этот вопрос для понимания основных особенностей античных полисов вообще не имеет существенного значения. Глотц прав в том отношении, что большинство историков античной экономики рассматривает хозяйство античных полисов вне общих рамок их социально-политического строя. Вследствие этого неизбежно получается оторванность хозяйства от всех остальных сторон жизни.

Такова например монография Отто Нейрата «История античного хозяйства».

Но производство торговли в Греции оказывало двоякое действие. С одной стороны, торговая монополия создавала благоприятные условия для расширения производства. С другой же стороны, торговая и политическая монополия консервировала производство, не создавая достаточных стимулов для технических усовершенствований.

Торговля и ремесло занимали важное место в хозяйственном строе эллинских полисов, но все же главной хозяйственной отраслью во всех полисах в течение всей истории эллинского мира оставалось сельское хозяйство. Исключение из общего правила составляли лишь немногие торгово-промышленные полисы — Коринф, Эгина и некоторые другие. В своей хозяйственной классификации Аристотель помещает сельское хозяйство — земледелие, скотоводство и пчеловодство — в первую категорию. За ними следует обмен — торговля, кредитные операции, продажа собственной рабочей силы (мистерния). В третью категорию входят ремесла и добывающая промышленность — добыча металлов, рубка леса и пр. («Политика», I, 31).

4. Рабское производство

Коренную разницу между античным миром и новой Европой надо искать не в области обмена, а в области производства. Торговый капитал, как известно, сам по себе еще не создает формации и с логической необходимостью не приводит непременно к образованию индустриального капитализма, т. е. капитализма в собственном смысле. Основная функция торгового капитала не положительная в смысле создания новых производственных форм, а отрицательная в смысле разрушения патриархальных отношений. В последнем итоге переход к капитализму зависит не от размеров торгового капитала, а от характера производства. «Денежное хозяйство обще всякому товарному производству, и продукт является в виде товара в самых различных общественных производственных организмах. Следовательно, отличительной

чертой капиталистического производства являлись бы... лишь размеры, в которых совершается производство продукта... как товара»[1].

Рабские мастерские (эргастерии), составлявшие основную производственную единицу в период расцвета античного мира, не могли создать ни соответствующих технических условий, ни соответствующих социальных предпосылок капитализма.

«В античном мире влияние торговли и развития купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами»[2].

Маркс указывает причины, почему рабское производство мало способствует техническому прогрессу. Раб, не будучи заинтересован в работе, несмотря на все меры принуждения, небрежно относится к орудиям труда, плохо обращается с животными, при первой возможности оставляет мастерскую, создает пониженное настроение при работе, с презрением относится к своей же собственной (рабской) работе. Вследствие малой способности рабского производства к внутреннему развитию с течением времени возникает противоречие рабства с самим собой, рабство попадает в тупик. Для поддержания рентабельности рабского производства прибегают ко всякого рода внеэкономическим мерам — военным захватам, установлению политической гегемонии, торговой монополии, концентрации производства в немногих главных центрах и т. д. Этим объясняется первостепенное значение войн в рабовладельческих обществах и постоянные передвижения центров производственной и культурной жизни (Милет, Афины, Коринф, Спарта, Александрия и пр.).

Самая же необходимость рабского способа производства обусловливалась недостаточностью кадров свободных ремесленников, невысоким материальным и культурным уровнем греческих масс, слабой плотностью населения, обилием свободных земель (теория Лориа), широко развитой колонизацией и рядом других причин. По некоторым, правда, крайне скудным отрывкам античной истории можно заключить, что оборудование эргастериев было довольно примитивно, столь же примитивны были и орудия труда. В рабовладельческом обществе раб выполняет ту же самую роль, что и машина в капиталистическом производстве.

Классическую формулировку раба как говорящей машины

---

[1] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. II, стр. 69.
[2] Там же, т. III, стр. 232.

(instrumentum vocale) дает Аристотель, выражавший точку зрения греческих рабовладельцев. Человек, такова мысль Аристотеля, не может обойтись без орудий, хотя бы только для того, чтобы обеспечить себе все необходимое для жизни. Между этими орудиями одни являются одушевленными, другие — неодушевленными. Таким образом для кормчего на корабле руль представляет неодушевленное, а матрос, бодрствующий на носу — одушевленное орудие. Точно так же всякий предмет, которым обладают, представляет какое-нибудь орудие, полезное для жизни, а собственность состоит из совокупности всех этих орудий. Раб есть одушевленная собственность и наиболее совершенное из всех орудий. Без рабов можно было бы обойтись лишь в том случае, если бы каждый инструмент мог выполнять свойственную ему работу сам по данному ему приказанию, или даже его предвосхищая; если бы например ткацкие челноки сами ткали, а плекторы сами играли, то тогда и зодчие при постройке дома не нуждались бы в рабочих и господам не нужны были бы рабы («Политика», I, 2—5).

Литейная мастерская

Труд рабов в античном мире, в Греции и Риме, использовался самым различным образом в зависимости от конкретных обстоятельств. Существовало много различных категорий рабов и много всевозможных разновидностей или степеней рабства. В обрабатывающей промышленности наиболее типичной формой использования труда рабов был **эргастерий**. Греческий эргастерий имел свою историю. Вначале это была маленькая мастерская в несколько человек, затем эта маленькая мастерская превратилась в большую и наконец в рабскую мануфактуру. По состоянию наших материалов мы очень мало знаем о рабских мастерских до Пелопоннесской войны. Все имеющиеся материалы относятся к эпохе или самой Пелопоннесской войны или же к последующему времени. Эргастерий вырастал по мере расширения рынка, притока «живых машин» (рабов) и недостатка свободных рабочих. Наоборот, рабская промышленность начала свертываться после того, как стал сокращаться рынок, поднялись цены на рабов, и, главное, в большом количестве появились (после Пелопоннесской войны) дешевые свободные руки. Доходность эргастериев была очень велика. По расчету немецкого историка Юлиуса Белоха, авторитетного в вопросах античной статистики, стоимость квалифицированного раба в V—IV вв. до н. э. равнялась 100—150 драхмам (драхма = 60 оболам = 25 копейкам). Ежедневный же доход, приносимый рабом, равнялся 1 оболу, что в среднем, при расчете 300 рабочих дней в году, составляет 30—50% покупной цены раба, включая сюда и амортизацию. Таким образом тридцать два рабочих-раба, работавших в оружейной мастерской отца афинского адвоката и общественного деятеля Демосфена, приносили в год 30 мин, т. е. около 100 драхм на раба. Из этого расчета видно, что доход рабских мастерских был весьма значителен, с излишком покрывал как стоимость рабочей силы, так и все расходы, связанные с организацией эргастерия. Эргастерии приносили не меньший доход, чем «морская торговля», т. е. самая прибыльная статья античной коммерции. Что же касается **размеров афинского** производства, то оно, по масштабам античного мира, было весьма значительно. При этом, как увидим из дальнейшего изложения, предметы греческой (афинской) индустрии наибольший сбыт находили за пределами греческого мира, в частности в скифских княжествах Черноморского побережья. Торговые связи с северо-восточными странами, причерноморскими колониями, а через них со скифами и другими пограничными народами повышали спрос на ремесленные изделия метрополии. Скифские и другие князья и их дружинники в большом количестве закупали оружие, вина, ткани, посуду и всевозможные украшения, оплачивая их золотом, хлебом, рабами и сырьем. Развитию ремесел способствовал прилив дешевого понтийского хлеба, сбивавший цены на продукты сельского хозяйства Аттики и заставлявший ее жителей более усердно заниматься ремеслами[1].

---

[1] См. Эдуард Мейер, Экономическое развитие древнего мира.

Эргастерий был одним из основных видов эксплоатации рабов, но далеко не единственным. Помимо использования рабочей силы (рабов) в эргастериях, очень распространенной формой эксплоатации рабов как в Греции, так и в Риме была отдача рабов в аренду особым подрядчикам, использовавшим их в рудниках, каменоломнях, плантациях, при постройках общественных зданий и пр. Так поступал например известный афинский общественный деятель Никий — один из крупнейших греческих рабовладельцев, по преданию имевший около тысячи рабов и сдававший их в аренду для работы в рудниках. Подрядчики или откупщики контрактовали у государства горные территории, территории для постройки общественных зданий и т. п., и с помощью наемных рабов (отчасти и свободных наемных рабочих) обрабатывали арендованные ими участки, выплачивая аренду государству и рабовладельцам и кроме того принимая на себя амортизацию рабов и всевозможные пошлины. Рабы разбивались по специальностям и в своих отраслях достигали иногда высокого совершенства. Самое же производство оставалось мелким, без применения сложных приборов и усовершенствованных орудий труда. Основным, самым сложным и самым дорогим производством античности было горное дело, со всеми особенностями которого нас знакомит римский писатель Плиний — автор обширной «Естественной истории», своего рода энциклопедии наук, ремесел и искусств античного мира. Достаточно ознакомиться хотя бы с одним только процессом добычи золота, чтобы получить представление о горной, а косвенно и вообще об античной технике.

«Золотоискатели, — пишет Плиний, — прежде всего поднимают верхний слой земли, так называемый сегутил, указывающий на присутствие в земле золота. После того как нашли жилу, начинают промывать песок и по его осадкам заключают об обилии золота. Это трудная работа, превосходящая даже работы самих гигантов. По этому способу при свете ламп подрываются горы и в них на большом расстоянии устраиваются штольни. По этим лампам в штольнях распределяются ночные работы, в течение многих месяцев там совсем не видно дневного света. Эти штольни называются арруги. Бывают случаи при этом, что гора обваливается и заваливает рабочих, поэтому может иногда показаться менее отважным искать жемчуг и пурпурных улиток на дне морском, чем из гор вырывать золото. Во избежание обвалов во многих местах ставят своды, поддерживающие гору. Встречающиеся твердые скалы преодолевают огнем и кислотами или же чаще прорубают, так как от жары и дыма задыхаются рабочие. Случается, что отсекают куски весом 150 фунтов».

«Рабочие день и ночь на плечах выносят эти куски и в темноте передают их друг другу. Если же оказывается, что скала слишком велика, то ее обходят, прокладывая путь в сторону. Как ни трудна эта работа, все же она считается легкой в сравнении с работой над особой породой глинистой земли, смешанной с мелким камнем — гангадией.

которую почти невозможно преодолеть. Гангадию вырубают железными клиньями и молотками. Специалисты утверждают, что нет ничего более твердого и неподатливого, чем эта порода земли, перед которой не всегда может устоять даже жажда золота» (Плиний, Естественная история, XVIII).

В сельском хозяйстве рабы работали на пашне и на садово-огородных плантациях, расположенных по горным склонам, в городских предместьях, в особенности при море и на удобных дорогах.

Рабы могли быть частными и государственными. В Афинах государственные рабы несли обязанности сторожей, городской полиции (скифы), герольдов, писцов, секретарей, счетоводов, судебных приставов и т. п.

5. Рынок рабов

Главным источником рабства в течение всей греческой истории оставались война и торговля. Захваченных в плен людей государство продавало работорговцам, доставлявшим рабов на специальный рабский рынок. На рынках рабов продавали и рекламировали, как вообще всякий товар, расхваливали силу, красоту, молодость, покорность и всякие другие положительные качества. При желании покупателей рабов раздевали, осматривали зубы, заставляли бегать, ходить, ложиться и пр. Наглядное изображение невольничьего рынка представлено в сатире греческого писателя Лукиана, носящей название «Аукцион душ». В качестве товаров в сатире фигурируют продающиеся с аукциона души философов. При этом сохранены все приемы, весь стиль и вся обстановка невольничьего рынка. Действующими лицами являются Зевс, Гермес, Пифагор и купец-работорговец.

«Зевс. Ну, расставляй сидения и приготовь места для приходящих; а ты приведи души (философов) и поставь их в ряд, но сначала наряди их, чтобы они имели приличный вид, и привлеки побольше покупателей. А ты, Гермес, будь глашатаем и сзывай покупателей в добрый час пожаловать на аукцион. Мы объявим продажу душ философов разного рода и разных направлений. Кто не будет в состоянии заплатить деньги теперь же, тот представит поручителя и заплатит через год.

Гермес. Кого прикажешь вывести первым?

Зевс. Вот этого длинноволосого ионийца, так как он имеет почтенный вид.

Гермес. Эй ты, Пифагор, сойди сюда и покажись собравшимся здесь людям.

Купец. Откуда ты?

Пифагор. С Самоса.

Купец. Где ты воспитывался?

Пифагор. В Египте, у тамошних мудрецов.

Купец. Сними с себя одежду, я хочу видеть тебя голым.

Во сколько он оценен?

Гермес В десять мин.

Купец. Я беру его за эту цену.

Зевс. Запиши имя покупателя и название его отечества.

Гермес. Это, я думаю, какой-нибудь италиец, из Кротона или Тарента.

Зевс. Пусть уведут Пифагора и приведут нам другого.

Гермес. Не желаешь ли ты вот этого грязного понтийца?

Зевс. Хорошо.

Гермес. Эй, ты, человек с сумой и в плаще, не закрывающем плеч. Подойди сюда и обойди кругом все собрание. Кто его покупает?

Купец. На что годится такой грязный человек с его жалким видом? Разве только сделать его землекопом или водовозом.

Гермес. Этого мало; ты можешь сделать его привратником, и он будет надежнее любого пса.

Купец. Я могу дать за него самое большее два обола.

Зевс. Давайте другого. Зови вот этого киренца в пурпуре и с венком на голове.

Гермес. Вот, обратите все внимание. Это предмет дорогой, требующий богатого покупателя.

Купец. Какой же благоразумный человек купит такого испорченного и распущенного раба? Как от него пахнет духами. И какая у него неустойчивая и неверная походка. Но скажи по крайней мере ты, Гермес, на что он способен и чем занимается?

Гермес. Он мастер делать печенья и очень опытный повар. Воспитывался он в Афинах, но служил между прочим у сицилийских тиранов и был у них в большом почете.

Купец. Я не в состоянии его купить.

Гермес. Повидимому, Зевс, он останется у нас непроданным.

Зевс. Удали его и приведи другого.

(Лукиан, Аукцион душ, 1—13.)

Цены рабов колебались в зависимости от состояния рынка, но в общем цена на рабов была высока, и потому рабов в большом количестве могли приобретать только богатые граждане и метойки. По исчислению французского ученого Валлона («История античного рабства»), средняя цена квалифицированного раба равнялась 4—5 минам, т. е. около 100 руб. золотом на наши деньги. Неквалифицированный раб стоил 2 мины, т. е. 60 руб. За молодых и красивых рабынь и рабов, как и за высококвалифицированных специалистов платили по несколько сот мин. Ниже приводимая надпись из Пирея середины V в. представляет каталог простых (малоквалифицированных) рабов афинского гражданина Кефисодора с указанием их цен и происхождения.

Рабы Кефисодора

Фракиянка	165	драхм
Фракиянка	135	„
Фракиец	170	„
Сириец	240	„
Кариец	105	„
Иллириец	161	„
Фракиянка	220	„
Фракиец	115	„
Скиф	144	„
Иллириец	121	„
Уроженец Колхиды . .	153	„
Молодой кариец	174	„
Мальчик из Карии . . .	72	„
Сириец	301	„
Фессалиец	151	„
Лидиец	—	„

В бытовую жизнь рабов греческих полисов лучше всего вводит комедия, в особенности комедии Аристофана. В комедиях Аристофана, относящихся к более позднему периоду, в «Осах», «Мире», «Лягушках» и «Плутосе», рабы принимают участие во всех диалогах, завязке и развязке пьесы. Однако знаменательно, что в ранних комедиях Аристофана рабы почти совсем отсутствуют. Это обстоятельство подтверждает высказанную нами мысль, что рабство в Афинах наибольшего распространения достигло в послеперикловский период, с конца Пелопоннесской войны. Рабы, выступающие в комедиях, — обычно развязные, сметливые и часто беззастенчивые люди типа «Фигаро» в комедиях Бомарше.

Таков например в «Плутосе» раб Карион, оплакивающий тяжелое положение раба, страдающего от глупости своего господина и принимающий участие во всех делах своего недалекого хозяина. Таков же и Ксантил в «Лягушках» и т. д.

6. Численность рабов

Вопрос о численности рабов в классической Греции, да и вообще античных обществах, является одним из самых спорных вопросов греко-римской историографии. Прямых свидетельств о числе рабов в различных полисах, идущих от самих греков и римлян, почти не имеется. Вследствие этого за отсутствием статистических данных цифру рабского населения приходится добывать косвенным образом, нередко чрезвычайно сложным путем, на основании отдельных замечаний авторов, всякого рода расчетов и выкладок. О численности рабского населения Греции имеется лишь одно прямое свидетельство греческого писателя позднего времени (не ранее III в. н. э.) Афинея, при этом дающего цифры рабов не для классической Греции, а для более поздней эпохи Александра Македонского.

Согласно Афинею, в эпоху Александра Македонского, т. е. в период наивысшего расцвета рабовладения, число рабов в Эгине на площади в 2 кв. мили равнялось 470 тыс., в Коринфе — 640 тыс. при свободном населении в 40 тыс. человек, в Афинах — 400 тыс. при 21 тыс. граждан и 10 тыс. клиентов. В настоящее время вышеприведенные цифры без каких-либо оговорок принимают сравнительно немногие ученые, в том числе известный немецкий экономист Карл Бюхер (К. Бюхер, Восстание рабов). Напротив, бо́льшая часть историков цифру рабского населения античных полисов, приводимую Афинеем, сильно снижает. Дальше других в этом отношении идет Юлиус Белох в «Населении греко-римского мира», снижающий численность рабского населения в Эгине до 70 тыс., в Коринфе — до 60 тыс., в Афинах — до 100 тыс. при 100 тыс. свободного и при 300 тыс. полугражданского населения (метойков). С некоторыми вариациями расчеты Белоха принимают Георг Бузольт, автор капитальной «Истории Греции», Эдуард Мейер, автор «Истории древности», итальянские историки: Чикоти, Сегрэ, из русских М. Хвостов и др.

Для понимания характера античной формации вопрос о численном соотношении рабов и свободных не играет решающей роли, если признать, что ведущим производством античных обществ при всех условиях оставалось рабское производство. Этого обстоятельства не отрицают и многие буржуазные ученые, в том числе и сам Ю. Белох, вообще отличающийся склонностью к гиперкритицизму и максимальному снижению цифр.

Что же касается отдельных рабовладельцев, то за исключением немногих крупных рабовладельцев, имевших по 300—400—600 и даже 1 000 рабов, в среднем число рабов, приходившихся на каждого рабовладельца в Греции, не превышало 10—16 человек, включая сюда сельских рабов, ремесленников и прислугу. Так известно, что Аристотель имел 13 рабов, Феофраст — 9, Стратон — 6, Лисий — 12 и т. д. Это были все люди среднего и выше среднего достатка. В богатых афинских домах штат рабов обычно состоял из 50 человек. Каждому рабу поручалась какая-либо одна определенная работа. Один был ремесленником, другой — пахарем, третий — виноградарем, четвертый — поваром, музыкантом и т. п.

Кроме того при статистическом обследовании этого вопроса необходимо производить диференциацию по районам и по векам. О рабском производстве в собственном смысле речь может итти только в отношении таких торгово-промышленных центров, как Афины, Коринф, Сиракузы, Родос и Делос. В экономически менее развитых областях Греции рабство принимало иные формы, приближавшие его к крепостничеству или патриархальному рабству. Таково например было положение в Фессалии, Спарте, на Крите и других дорийских полисах. Вопрос о дополнительных типах производства в античном мире очень важен и интересен, но в марксистской литературе этот вопрос еще недостаточно освещен. Из вышесказанного следует, что рабский способ производства в античных обществах был ведущим способом, господствовавшим в торгово-промышленных полисах античного мира. Это вполне согласуется с высказываниями и самих классиков марксизма, не отрицавших в античных обществах, наряду с господствующим рабским производством, наличие и других, второстепенных производств, подчиненных основному способу производства.

«Несомненно, крепостное отношение не является специфической средневеково-феодальной формой, мы встречаем его всюду, где завоеватели заставляют старых жителей обрабатывать землю — так было, например, в Фессалии в очень раннее время. Этот факт затемнил мне и многим другим взгляд на средневековое крепостничество. Было очень соблазнительно обосновать его простым завоеванием, таким образом все выходило необыкновенно гладко»[1].

Рабство расширялось и укрупнялось с каждым столетием. Параллельно с ростом рабского производства и рабовладения учащались

[1] Маркс и Энгельс, Письма, Партиздат, 1932, стр. 346.

также **восстания** и **побеги рабов**. Так, во время Декелейской войны в 412 г. из Аттики перебежало к афинянам 20 тыс. рабов, бо́льшая часть из которых была ремесленниками. То же самое имело место и на острове Хиосе — одном из самых больших рабовладельческих центров, при захвате его афинянами. У хиосцев, пишет Фукидид, было много рабов, больше, чем в каком-либо другом греческом государстве, кроме Лакедемона. Во время осады большинство хиосских рабов перебежало на сторону осаждавших остров афинян (Фукидид, VIII, 40). Единичные и массовые побеги рабов и восстания, оказывая разрушительное действие на хозяйство и технический прогресс, составляли одну из причин застойности рабовладельческого хозяйства.

7. Наука о рабстве и рабовладении

О степени развития и распространения рабства в греческом обществе можно сделать заключение из существования в Греции специальной **науки о рабстве**, занимавшей внимание даже такого выдающегося ума Греции, как Аристотель. В одной из книг «Политики» Аристотель трактует науку о рабстве как специальную дисциплину об организации власти и подчинения. Задача этой дисциплины, по мнению Аристотеля, заключается в том, чтобы показать, как рабовладельцы-господа должны организовать работу рабов, приказывая им работать и подчиняться. В состав «рабонауки» входит и профессиональная подготовка рабов по родам их специальности. Одних рабов обучают кулинарному искусству, других — шитью сапог и платья, третьих — другим полезным работам. Разделение труда — одно из главных условий успешного функционирования всякой созидательной деятельности, в том числе следовательно и работы рабов. «Одни рабы — на одно, другие — на другое». Одновременно с обучением рабов «профессора науки о рабах» подготовляют кадр организаторов и руководителей рабских мастерских. При рабском производстве, при абсолютной незаинтересованности раба в своем труде роль служебного надзирательного персонала должна была быть больше, чем при каком-либо другом способе производства.

«Труд главного надзора необходим при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства»[1].

Сам же (рабовладелец) господин должен быть свободен от всякого рода производственных работ, всецело отдаваясь занятиям политикой и философией. В качестве примера своих теоретических соображений Аристотель приводит одного сицилийского гражданина, обучавшего людей рабству, с успехом преподавая молодым рабам знания, относя-

---

[1] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. III, стр. 271—272.

щиеся к области кулинарного искусства. В близком родстве с наукой о рабстве находится еще другая, не менее характерная, также изобретенная греческими рабовладельцами, — наука о приобретении рабов. С точки зрения идеологов рабовладельческого общества, наука о воспитании и приобретении рабов не стоит ни в каком противоречии с существующим правом, являясь «чем-то вроде науки о войне и науки об охоте» («Политика», I, 2, 22).

8. Маркс и Энгельс об античном способе производства

С наибольшей ясностью и полнотой специфические особенности рабского производства античных (рабовладельческих) обществ выявлены в сочинениях классиков марксизма — Маркса и Энгельса, неоднократно делавших по разным поводам экскурсы в историю античного мира.

«Капиталистический способ эксплоатации, — писал Маркс, — отличается от прежних, как, например, от рабовладельческой системы и т. д., только тем, что в одном случае прибавочный труд отнимается прямым принуждением, а в другом в качестве посредствующего звена является «добровольная» продажа рабочей силы»[1].

При рабском производстве различие между основным капиталом, с одной стороны, и переменным, с другой, лишь только намечалось. Роль «основного капитала» при античном производстве выполняет сам раб — начальный и конечный пункт производственного процесса. «При системе рабства, денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, по истечении периода активности в жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получает непосредственно, при помощи промышленного использования своего раба, или косвенно, при помощи отдачи его в наем другим промышленникам (например, на работы в рудниках), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, — совершенно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс снашивание основного капитала относятся промышленным капиталистом в счет процента и возмещения его основного капитала; совершенно так же, как это является общим правилом у капиталистов, отдающих в наймы основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы, служат ли они для выполнения необходимых служб или только для парадирования роскоши, не принимаются во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги»[2].

Далее Маркс указывает на недиференцированность в античной экономике ренты и прибыли. В античном мире земельный собственник в то же самое время был и капиталистом, как например в Риме Катон в своих имениях. «Но это обособление — как раз предпосылка

---

[1] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. I, стр. 395.
[2] Там же, т. II, стр. 350.

капиталистического способа производства, понятию которого притом вообще противоречит такой базис, как рабство»[1].

Прибавочная стоимость в рабовладельческом хозяйстве заключена в стоимости раба, которая должна быть из него выколочена.

«Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выколочена из него. Но капитал, уплоченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, с которыми рабовладелец расстался, вычет из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если он перепродаст раба или землю. Но тогда в таком же положении окажется покупатель. То обстоятельство, что он купил раба, еще далеко не дает ему возможности эксплоатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство»[2].

Далее Маркс указывает на характерный для рабовладельческой системы натуральный (потребительский) элемент, присущий античному производству во все эпохи его существования.

«Система рабства — насколько она представляет господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения. Даже в Соединенных штатах, после того как промежуточная территория между северными штатами наемного труда и южными штатами рабства превратилась в область рабоводства для юга, и рабы, выбрасываемые на рынок невольников, таким образом сами сделались элементом годового воспроизводства, этого с течением времени оказалось недостаточно и потому долго, насколько было возможно, для пополнения рынка продолжалась африканская работорговля»[3].

Социально-экономические отличия рабочего-раба от рабочего-пролетария капиталистической эпохи выясняются из следующих высказываний Маркса.

«Чем отличаются пролетарии от рабов? Раб продан раз навсегда...

---

[1] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. III, стр. 567, прим. 44.

[2] Там же, стр. 583.

[3] Там же, т. II, стр. 350.

Раб является собственностью господина... Раб считается вещью... Как вол не продает своей работы крестьянину, так и раб не продает своего труда рабовладельцу. Раб, вместе со своим трудом, раз навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. Сам он — товар, но его труд не его товар... Купля и продажа рабов по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров»[1]. Очень важно также указание классиков марксизма на степень и характер эксплоатации античного раба, жившего в условиях полупотребительного хозяйства.

«Если в какой-нибудь общественно-экономической формации, — пишет Маркс, — преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей... Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме... Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда»[2].

Эксплоатация рабов повышалась по мере роста товарных отношений, особенно сильных в последние века греческой истории, в Македонско-эллинистический период. Подчеркивая принципиальное отличие античной (рабовладельческой) формации от капиталистической, не следует только, как это нередко случается, слишком упрощать античное общество. В частности неправильно совершенно игнорировать и капиталистические элементы, признаваемые в полном согласии с конкретным материалом Марксом и Энгельсом. Античный строй, как уже не один раз отмечалось выше, много сложнее, богаче, а тем самым следовательно и противоречивее, чем это может показаться с первого взгляда, без углубления в его конкретную историю.

«Пока господствует рабство, капиталистические отношения могут существовать лишь спорадически; они могут играть подчиненную, а не господствующую роль»[3].

«Наемный труд, который скрывает в себе зародыш всего капиталистического производства, существует с давних времен. В одиночной случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические условия»[4].

На известной ступени исторического развития рабство являлось не регрессивным, а прогрессивным фактором, разложившим родовую общину и подготовившим почву для перехода к высшей феодальной формации.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 467, 423; Капитал, изд. 8-е, т. II, стр. 7.
[2] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. I, стр. 165.
[3] Маркс, Теории прибавочной ценности, Партиздат, 1932, т. III, стр. 305.
[4] Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 255, примечание 1.

«Нет ничего легче, как произносить громкие фразы по поводу рабства и т. п. и изливать целые потоки высоконравственного гнева на такие постыдные вещи... при тогдашних условиях введение рабства было большим шагом вперед... Пока трудящееся население до такой степени поглощено необходимой работой, что не имеет свободного времени для дел общественных, для заведывания производством, для государственных дел, правосудия, наук, искусств и т. д., — до тех пор должен существовать особый класс людей, освобожденный от настоящего труда и занятый этими делами» [1].

9. Свободный труд

Рабское производство совсем не исключает также и наличия **свободного производства**, как не один раз указывали классики марксизма и как это в недавнее время на конкретном материале подтвердили итальянские, французские, немецкие и прочие историки: Чикоти, Риччи, Гомма и др. Ремесленники свободного состояния — плотники, оружейники, сапожники, кузнецы, ткачи, медники, кирпичники, скульпторы и т. д. по самым различным поводам постоянно упоминаются в литературных источниках и надписях. Ремесленники и крестьяне постоянно фигурируют в греческих драмах, трагедиях и комедиях.

Богатейший материал для понимания быта античных ремесленников и крестьян представляют между прочим комедии Аристофана, вводящие нас в самую гущу народной жизни Эллады и с этой стороны еще мало использованные.

«...По петушечьей утренней песне
Поднимаются все на работу, ткачи, печники, скорняки
Мукомолы, гончары, столяры, маляры, мастера по слесарно-кузнечному делу,
Обуваются наспех, впотьмах, и бегут».

(**Аристофан**, Птицы)

Как видно из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта, большую часть афинской экклесии в V—IV вв. составляли свободные ремесленники — кожевники, горшечники, сапожники и пр. (**Ксенофонт**, Воспоминания о Сократе, III, 7). Ремесленные мастерские по большей части были одновременно мастерскими и лавками, в которых торговал и работал хозяин-мастер с несколькими подмастерьями-рабами и свободными. Хозяевами же ремесленных мастерских в Афинах, как и в других греческих торговых центрах, по большей части являлись **метойки**. Роль метойков в хозяйственной жизни античных обществ, значительная уже в самом начале, увеличивалась с каждым столетием. В последнее столетие греческой истории среди метойков и вольноотпущенников имелось много богачей, писателей, адвокатов и представителей

[1] **Энгельс**, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 167, 168.

других интеллигентских профессий[1]. Рабский труд и мелкое производство служили главной помехой на пути перерастания ремесла в мануфактуру и тем более в фабрично-заводское производство. Свободный труд существовал даже в наиболее рабовладельческих полисах, как Коринф, Афины, Сиракузы и т. п. Однако наличие свободного труда и свободных ремесленников не меняет общей производственной картины Греции. Ведущая роль в античном производстве, как сказано, всегда принадлежала не свободному, а рабскому труду. Свободный ремесленник под влиянием рабской конкуренции должен был равняться по рабу и в период расцвета рабского производства влачил жалкое существование. При таком положении вещей из ремесленников также не мог вырасти рабочий класс, как из эргастерия не могла развиться капиталистическая фабрика. Мастерские свободных ремесленников, работавших лично или с помощью одного-двух рабов, были мелкими предприятиями, существовавшими в порах крупного рабского производства. К классу свободных и полусвободных демиургов надо отнести также среднюю и мелкую интеллигенцию, весьма многочисленную в античном обществе: врачей, архитекторов, служащих, торговцев, счетоводов, писцов и многие подобные им категории.

Много свободного гражданства проживало вне города, в деревне. Наряду с крупными рабскими плантациями во всех греческих полисах существовала масса мелкого и среднего крестьянства, обрабатывавшего свои наделы личным трудом, с участием одного-двух рабов-слуг и лишь в слабой мере затронутого торговым капиталом. В комедии Аристофана «Мир» нарисована сельская идиллия крестьянина, возвращающегося с войны и мечтающего о приятном времяпрепровождении в кругу своих односельчан.

«Ей же ей правда, что нет ничего приятнее, как если у тебя все уже посеяно и бог кропит дождем, а сосед тебе скажет: ну-ка скажи, Комархид, что нам теперь делать. По-моему, надо выпить, коль бог дает благодать. Ну же, поджарь, нам, жена, бобов да пшеницы подсыпь к ним и достань смокв. Да пусть сириянка кликнет с огорода Маисса. Где уж сегодня подрезать листья с винограда или окапывать лозы, когда так мокро в огороде. Да и от меня — эй, принеси-ка кто-нибудь дрозда да пару чижей. Было у меня там еще много молока да четыре зайца, коли не утащила их намедни вечером ласка. Стучало в доме и что-то возилось. Так, малый, трех из них принеси нам, а одного отдай отцу. Да прихвати еще миртовых веток у Эсхинада, да смотри, чтобы они были с ягодами. Кстати по дороге позови и Харинада, чтобы и он выпил с нами в компании, благо бог нам помогает и бережет наши пашни. А потом, — продолжает свою речь герой комедии, — когда кузнечик станет распевать свою сладкую песню, любо будет мне посматривать, не созревают ли уже лемносские

[1] См. Клерк, Афинские метойки; Франкотт, Индустрия в античной Греции.

лозы, так как такая лоза рано пускает побеги. Затем я буду посматривать, не наливаются ли смоквы, а когда они созреют, я ем их, не отрываясь и приговариваю: О, любезные Горы (богини погоды). Затем я толстею, а это, ведь, не то, что когда глядишь на постылого богам таксиарха (офицера) — того, что носит три султана и ярко пурпуровый плащ, окраску которого сам выдает за сардийскую».

«Поместья» греческих крестьян были весьма скромны. По большей части это были мелкие усадьбы с небольшим виноградником, с огородом в несколько борозд, и с соседней общинной рощей, в которой можно было собрать несколько охапок хвороста. Идеалы крестьян, как видно из приведенных высказываний аристофановских героев, вполне соответствовали размерам их имений. Греческий крестьянин не любил войны и города, предпочитая им мирное сельское житье, довольствуясь парой волов, несколькими амфорами вина, несколькими парами овец и праздничным обедом из зябликов и дроздов. В классический период Греции крестьянское население, как показал П. Гиро[1], было довольно густо. Выводы Гиро в отношении устойчивости античного крестьянства вполне совпадают с историко-социологическими выводами Маркса и Энгельса. При ведущем рабском производстве Маркс и Энгельс не отрицали в греческих полисах, в том числе и в Афинах, существование свободных земледельцев, игравших не последнюю роль в первый период классической демократии, но ослабевших и разорившихся в последующий период, после Пелопоннесской войны.

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»[2]. «Необходимо... принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов не насчитывалось и 5 тысяч афинян без земельной собственности»[3].

Устойчивость мелкой собственности, наряду с рабским производством, служила одной из важных помех перехода античности на капиталистический способ производства.

«Этот [капиталистический] способ производства предполагает, с одной стороны, высвобождение непосредственного производителя из положения простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию массы народа от земли. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа

[1] См. Гиро, Земельная собственность в Древней Греции.
[2] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. I, стр. 251, прим. 24.
[3] Там же, стр. 277.

производства, как и всех прежних способов производства, покоящихся на эксплоатации масс в той или иной форме»[1].

Рост крупной земельной собственности в большом масштабе, как увидим из дальнейшего, начинается со времени Пелопоннесской войны и продолжается до конца эллинской самостоятельности. Расцвет греческих латифундий относится к последнему (Македонско-эллинистическому) периоду, когда в провинциях и центре вырастают настоящие поместья (усиа).

Сказанное о составе греческого полиса еще раз подтверждает, что структура греческого рабовладельческого общества значительно сложнее, чем это может показаться с первого взгляда. С этим вполне согласуется взгляд самих древних греков на свое общество. По теории Аристотеля, государство состоит не из одной, а из многих составных частей или социальных категорий. Основную массу населения, по Аристотелю, составляют: 1) земледельцы, работающие над производством продуктов питания; 2) затем следует класс ремесленников, занимающихся изготовлением ремесленных изделий, без которых невозможно существование государства; 3) третье место в социальной иерархии занимает класс купцов-оптовиков, закупающих массы товаров, и мелких торговцев, продающих товары в розницу; 4) четвертую социальную категорию составляют феты, выполняющие сезонные работы или работающие по найму в качестве поденщиков; 5) к пятой категории относятся военные, «существование которых столь же необходимо, как и всех других вышеупомянутых сословий, если только государство не желает подпасть под чужеземное иго». К последней категории Аристотель относит рабов, без которых знаменитый философ древности даже не представляет возможности существования культурного государства. Мерилом ценности людей Аристотель считает богатство.

«Богатство есть добродетель хрематистики (приобретения) и обладает большой творческой силой» («Риторика», I, 6).

---

[1] Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. III, стр. 443.

VIII. БОРЬБА ПАРТИЙ В АФИНАХ В СЕРЕДИНЕ V в.

1. Консерваторы и радикалы

Столкновения консервативной и радикальной партий, начавшиеся в 80-х годах V в. до н. э. при Фемистокле, продолжались и в следующие десятилетия при Эфиальте и Перикле. Период между Персидской и Пелопоннесской войной, так называемое Пятидесятилетие (Пентекоэтия), наполнен ожесточенной борьбой партий. Как и в предшествующий период, на стороне консерваторов стояла бо́льшая часть деревни, возглавляемой представителями родовой знати. Радикалов поддерживали городские элементы — купцы, судовладельцы, богатые демиурги — рабовладельцы и увлекаемая ими «корабельная чернь», масса военного и служебного персонала, связанного с морем. Главным пунктом расхождения партий, вокруг которого кипели и бурлили страсти, была внешняя политика. Внешней политикой определялись два самых злободневных вопроса афинской жизни — отношение к союзникам и отношение к Спарте. В то время как консервативная партия, интересы которой страдали от привозного хлеба (собиравшегося в виде дани с союзников) и от военных расходов и опустошений, стояла за автономию союзников и мир со Спартой, радикалы выдвигали противоположные требования: подчинение союзников Афинам и враждебную позицию в отношении Спарты и всего Пелопоннесского союза. Между аристократами (консерваторами) и демократами (радикалами) уже давно, по образному замечанию Плутарха, существовала глубокая рознь, как незаметная трещина в железе.

В период Персидских войн, после изгнания Фемистокла, руководящую роль в государстве играли консерваторы, возглавляемые Кимоном и затем Фукидидом (не историком). Фукидид собрал недовольные морской политикой Фемистокла элементы, сплотил и оформил консервативную партию. Фукидид считался во всех отношениях достойным противником Перикла, возглавлявшего радикальную группу. «Видя, что Перикл, — говорит Плутарх, передавая взгляды консерваторов, — приобре-

тает огромное влияние среди граждан, консерваторы задались целью противопоставить ему кого-либо из граждан, чтобы он ограничил власть Перикла, не дав ей возможности перейти в тиранию. Достойного соперника ему они нашли в лице Фукидида, принадлежавшего к числу граждан Алопекского дема, человека умного, к тому же родственника Кимона. Как полководец Фукидид уступал Кимону, но зато он лучше умел говорить и был выше его как государственный человек. Занимался он исключительно внутренней политикой, вступил с Периклом в борьбу на ораторской кафедре и вскоре установил равновесие между партиями».

«Не желая, чтобы аристократы смешивались попрежнему с народом и терялись в толпе, поступаясь правами рождения, Фукидид отделил их, образовав из них одно целое, увеличил их значение и перетянул, если можно так выразиться, весы на их сторону» (Плутарх, Перикл, XII).

Борьба между консерваторами и радикалами велась с большим упорством. Обе стороны пускали в ход всевозможные средства: судебные преследования, подкупы, клевету и пр. В конце концов после многих лет борьбы победа осталась за радикалами. При поддержке Эфиальта Перикл, опираясь на более организованные элементы города и привлекая на свою сторону городскую массу всевозможными подарками, раздачами, угощениями, устройствами празднеств и пр., победил Фукидида.

«Перикл дал народу волю и стал заискивать у него, постоянно обращая внимание на то, чтобы возможно чаще делать праздники гражданам, угощать их на счет казны, устраивать торжественные процессии, стараясь развлекать народ не грубыми удовольствиями, а разумными зрелищами». Перикл открыл новую эру в истории Афинской демократии: период раздач и оплат (диэт) за отправление общественных должностей, приобретших огромное значение в последний период греческих полисов, когда раздачи, оплаты и кормления народа развились в целую систему государственного управления, напоминавшую пресловутую систему «хлеба и зрелищ». В победе радикалов над консерваторами античные писатели большое значение придают политике «хлеба и зрелищ», т. е. всевозможным раздачам, подаркам, празднествам и пр.

При несомненной важности этих мер как с тактической, так и демагогической точек зрения, все же одними раздачами и подарками нельзя объяснить торжество перикловой политики. Победа Перикла была победой морской партии, состоявшей из самых различных элементов, связанных с морской гегемонией Афин.

Несмотря на многие внутренние противоречия, на программе радикалов сходились интересы всего Пирея — как интересы плутократии, так и интересы городской демократии. Руководящие группы Афин, получавшие огромные выгоды от обладания морем и торговой монополией, уступали часть своей добычи городским массам, из которых

по преимуществу вербовался афинский флот — главная опора афинской архэ.

Исторически система раздач и угощений не была изобретением Перикла, вождя радикальной партии. В этом отношении, как и во многом другом, Перикл являлся учеником своего противника Кимона. Кимон, как мы видели, в целях привлечения на свою сторону малосостоятельного гражданства, разорившегося в Греко-персидскую войну, устраивал даровые обеды, раздавал одежду и деньги и предоставлял желающим бесплатно пользоваться овощами и фруктами его садов и огородов. Средства для этих раздач Кимон получал из захватываемой им военной добычи. Примеру Кимона последовал Перикл, начав, по совету гражданина Дамона, раздавать общественные деньги. Раздачи общественных денег впоследствии послужили поводом для обвинения Перикла со стороны приверженцев Фукидида в злоупотреблении общественными средствами. Раздачей денег Перикл надеялся привлечь на свою сторону городскую массу и тем самым получить большинство в экклесии. В конечном итоге Перикл добился своей цели. Состав экклесии постепенно изменялся. Сельская масса все более оттеснялась «корабельной чернью», руководимой представителями торгового капитала. В решительный момент борьбы между Периклом и Фукидидом большинство экклесии склонилось на сторону Перикла, и Фукидид вынужден был уйти в изгнание (442 г.). Впрочем, в основном победу Перикла подготовил уже его единомышленник Эфиальт, сокрушивший главный оплот афинской знати — ареопаг, низведенный на степень судилища по сакральным делам (462 г.).

«После этого, — повествует Плутарх, — партийная борьба прекратилась. Среди граждан царило единодушие и полное согласие. Перикл сделался хозяином как над Афинами, так и над всей собственностью Афинского государства — доходами, сухопутными и морскими силами, островами и морями. Он был олицетворением того огромного значения, каким пользовались Афины среди греков и иностранцев, и того владычества над покоренными племенами, которое было утверждено союзами с различными царями и династами» (Плутарх, Перикл).

2. Афинский строй при Перикле

Со времени разгрома консервативной партии влияние Перикла все время возрастало до самого его падения. Перикл стоял во главе государства в продолжение 30 лет и в течение 15 лет бессменно председательствовал в коллегии десяти стратегов.

«Его власть не была случайной или кратковременной. Она не была основана на эфемерном расположении к нему народа» (Плутарх).

Победа Перикла означала победу одной рабовладельческой группировки над другой, с перевесом рабовладельческих элементов города

над рабовладельческими же элементами деревни. Ведущая роль во внешней и во внутренней политике переходила к торговым элементам, возглавляемым военной партией во главе с ее первым стратегом Периклом. Как и в предшествующий период афинской истории, так и теперь господство немногих сочеталось со всеобщим гражданским равенством. Главным политическим органом оставалась экклесия, из экстраординарного органа, каковым она была еще при Клисфене, превратившаяся в постоянный государственный орган, собиравшийся от 2 до 4 раз в месяц в главном городе Аттики Афинах, на пригородном холме Пниксе. Экклесия решала все важнейшие дела общины, прежде всего вопросы войны и мира, имела высший государственный контроль, принимала отчет от должностных лиц и рассматривала судебные дела в последней инстанции. Аристотель — главный наш авторитет в области политико-правовых учреждений Древней Греции — следующим образом описывает функции и порядок работы экклесии.

«Из них (народных собраний), — говорит Аристотель, — одно главное, на котором путем голосования происходит оценка деятельности чиновников, затем обсуждаются вопросы о государственном снабжении и государственной охране. В этот же день все желающие делают чрезвычайные донесения. Кроме того в этот день читаются инвентари конфискованных имуществ, а также заявления о наследствах и наследниках, чтобы всякий знал, где какое имение осталось без владельца» («Афинская полития», 43).

Одновременно с расширением прав экклесии изменились и функции булэ, сошедшей на степень исполнительного органа при экклесии — совета предварительных обсуждений, как его официально называли в Афинах. Совет 500 предварительно обсуждал все дела, вносимые в экклесию, имел надзор над флотом, арсеналами и доками. Активными правами, т. е. правами участия в экклесии и гэлиее (народный суд), попрежнему пользовались все полноправные афинские граждане, высшие же должности попрежнему обеспечивались за состоятельными группами. Единственным существенным изменением в цензовой конституции Солона была замена поземельного ценза денежным, что свидетельствовало о расширении товарно-денежных отношений и о перевесе торгово-промышленной аристократии над земельной. Сам Перикл выступал в экклесии только по наиболее важным вопросам, главным образом связанным с войной.

«Перикл старался не говорить часто с народом, как бы не желая надоедать ему. Он говорил с ним только по временам и не всегда присутствовал на народном собрании. Он, по выражению философа Критолая, подобно триере «Саламин», давал возможность видеть себя только в самых важных случаях, обычно же управлял с помощью друзей и ораторов» (Плутарх, Перикл, XII).

Социально-политический строй Афинского государства по своей сущности немногим отличался от более известного нам римского строя эпохи Республики. В обоих случаях высшее руководство де-

лами государства находилось в руках немногих богатых фамилий (нобилитета), связанных друг с другом родством и занимавших высшие политические и военные посты. Отличие афинского нобилитета от римского, как правильно указывает проф. Виппер, состояло в том, что по сравнению с римским нобилитетом афинский нобилитет не был так многочислен и замкнут. В Афинах не было например ограничения относительно переизбираемости на должность стратега. Одно и то же лицо могло быть избираемо на ту же должность в течение многих лет, как показывает пример Кимона, Перикла и Алкивиада. Эта черта афинского и вообще греческого строя не ускользнула от острого взора неизвестного нам автора памфлета «Афинское государство», приписываемого Ксенофонту.

«При нашем строе, — говорит анонимный автор, — было бы вполне последовательно, чтобы все одинаково могли занимать должности, замещаемые жребием или выборами, а также чтобы всем и каждому из граждан была предоставлена свобода слова.

Однако на деле мы видим, что народ не может занимать высших должностей (стратегов, гиппархов, командиров конницы и пр.), от которых зависит судьба целого государства. Вследствие этого в Афинах, при широких политических правах, на высшие военные должности выбирают только людей богатых классов. Народ ведь очень хорошо понимает, что ему гораздо больше пользы не занимать этих должностей, а предоставлять их крупным лицам. Народ ищет только тех мест, которые приносят жалование и поддерживают его хозяйство» (Ксенофонт, Афинская полития, XXI).

В большинстве греческих полисов на определенной стадии их социально-экономического развития демократия оказалась необходимой, наиболее соответствовавшей тогдашним условиям политической формой.

В некоторых вопросах интересы всех слоев рабовладельческого полиса совпадали. Так было в отношении рабов и завоеванных территорий, эксплоатируемых великодержавными полисами. Физической основой полиса было демократическое ополчение. Демократия укрепляется с того момента, когда старая эвпатридская кавалерия в условиях нового боя и новой военной (железной) техники оказывалась недостаточной и технически непригодной. Кроме того, войско эвпатридов было опасно и по политическим соображениям как орудие государственного переворота в руках эвпатридов. Вследствие этого правящей группе (плутократии) приходилось обращаться к средним классам (зевгитам), вооружавшимся на свои собственные средства и составлявшим тяжело вооруженную пехоту гоплитов. Сила гоплитов и превосходство железной техники были причиной греческих побед в последующей войне с персами в начале V в., утвердившей гегемонию афинского торгового капитала в Эгейском море. Со времени Фемистокла, когда Афины совершили крутой поворот в сторону моря, основным в афинской армии становится флот и повышается удельный вес ма-

тросов. Выступление матросов, вербовавшихся главным образом из фетов, в политической сфере ознаменовалось расширением прав экклесий и введением оплаты за отправление государственных должностей и введением раздач. Это кульминационный пункт афинской демократии. В дальнейшем же, со времени появления наемничества и введения более сложной техники и военного боя народное ополчение отходит на второй план и соответственно с этим суживаются права демократии, наступает период (поздней) тирании и монархии. Без поддержки сельской и городской демократии афинские нобили не могли бы удержать свою гегемонию ни во вне, ни внутри Афинской республики. Кроме того требования народной массы, составлявшей экклесию, к рабовладельческому государству, в то время были весьма скромны. То, что теряли судовладельцы, предприниматели и «капитаны кораблей» на поставках судов (триер), устройстве праздников, хоров и обложений в пользу общества (литургии), все это они с лихвой наверстывали на предпринимательстве, торговых операциях, захвате добычи, работорговле и пр. В последующие же столетия, когда доходные статьи Афинской республики стали сокращаться, а число деклассированных элементов (охлос) все возрастало, возрастали также и требования раздач, вызвавшие увеличение литургий и принудительных займов; тогда рабовладельцы отказались от народоправства и перешли к диктатуре. Сделать же это можно было тем легче, чем больше падало значение ополченских отрядов и флота, постепенно заменявшихся наемниками.

В одной из своих программных речей Перикл в идеализированном виде противопоставил идеальный строй афинской демократии строю спартанцев. Наш строй, — говорил Перикл, — называется демократией потому, что он сообразуется не с меньшинством, а с интересами большинства. По нашим законам все пользуются одинаковыми правами, причем уважение в общественных делах у нас обусловливается не какой-либо поддержкой, а исключительно личными способностями. У нас не бывает, чтобы человек, способный принести пользу государству, лишен был к тому возможности вследствие своей бедности. Афиняне живут свободными гражданами как в государственной жизни, так и во взаимных отношениях. Они не высказывают недоверия друг к другу в повседневных делах и не возмущаются против другого, если им в его поступках что-либо не нравится, и не выказывают при этом досады, хотя бы и безвредной, но тем не менее все же тягостной. Красивая жизнь составляет идеал афинян. Они стремятся к красоте, соблюдая простоту, и любят образованность, не впадая в изнеженность. Богатством же они пользуются скорее как условием для работы, чем как предметом для хвастовства. Что же касается бедности, то они полагают, что не сознание в ней позорно для человека, но несравненно позорнее не прилагать труда к тому, чтобы выйти из нее. Афиняне умеют объединить заботу о домашних делах с государственными делами. Человека, уклоняющегося от участия в общественных делах, афиняне считают за пу-

стого человека, так как они считают вредным, не обсудивши дела во всесторонних прениях, перейти прямо к выполнению того, что нужно.

Мы отличаемся еще и той особенностью, что имеем способность совмещать в себе необыкновенную смелость с умением обдумывать то, за что намерены приняться. Любя красоту и образованность, афиняне не уступают ни одному из эллинских государств, в том числе и спартанцам, также и в военном искусстве. Разница между афинянами и спартанцами в этом отношении состоит только в том, что они не скрывают своих военных секретов от посещающих их город иностранцев. В Афины открыт доступ всем желающим, и афиняне не закрывают ворот своего города для его осмотра всем. Могут они это делать потому, что их военная сила состоит не в военной муштре и хитрости, но в гражданском энтузиазме и патриотическом рвении к общему делу. В то время как спартанцы достигают военных качеств, закаляя себя с самого раннего детства, афиняне, живя беззаботно, благодаря всему их строю жизни, в решительный момент выступают как равные бойцы. В Спарте, как и в других полисах Греции, об афинской мощи слишком мало знают, потому что до сих пор еще ни один неприятель полностью не встречался с боевыми силами Афин. Будущая война покажет, что афиняне, заботясь о флоте, не забывают также и предприятий на суше...

«Наш город, — указывал в заключение своей речи Перикл, — весь вообще является школой Эллады, и, мне кажется, у нас каждый человек в отдельности может проявлять себя самодовлеющей личностью в самых разнообразных сторонах жизни с наибольшим изяществом и ловкостью. А что это не одни только пышные слова, а настоящая действительность, это показывает нам уже самая сила нашего государства, которую мы приобрели вышеуказанными путями» (Фукидид, II, 60).

Таков идеальный общественный строй, нарисованный Периклом, великим мастером слова. Афинская демократия в освещении Перикла представляется просвещенной демократией, руководимой группой интеллигентных политиков, во главе с Периклом, одним из образованнейших людей своего времени. При оценке речи Перикла нельзя конечно упускать из вида того обстоятельства, что Перикл высказывал точку зрения определенного класса, верхов афинского полиса, и показывал блестящую поверхность афинского рабовладельческого строя, не вскрывая его внутренних антагонизмов, и в этом смысле он имел все основания отдавать предпочтение афинскому строю перед спартанским или ему подобным. В условиях рабовладельческой формации античная демократия рабовладельцев была действительно самым свободным и самым просвещенным государством в течение всей античной истории. Выдвигая на передний план «самодержавие народа», Перикл главный свой удар направляет против родовой аристократии, еще достаточно в то время сильной, с одной стороны, и против косного спартанского строя, с другой. «Золотой век» Перикла совпадает с высочайшим расцветом Афин. При Перикле опустошительное влияние рабства еще не достигло своего апо-

гея. Резервы деклассированного люмпен-пролетариата в то время были еще не так велики, и классовый антагонизм в среде свободного гражданства не выступал с такой разрушительной силой, как в последующие столетия, в период кризиса рабовладельческих полисов. Известна высокая оценка «золотого века» Перикла Марксом.

«Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра»[1].

В исторической литературе не существует единого мнения как в отношении оценки политического строя Афин, так и их вождя Перикла. В противовес модернизированной оценке афинской рабовладельческой демократии школы Гуго Грота в последнее время заметно стремление подчеркнуть отрицательные стороны афинского строя и умалить личность его главного вождя Перикла, отрицая за ним какую бы то ни было оригинальность политического мышления (Виламовиц), оттеняя его демагогические приемы (Шварц, Курциус) или же объявляя его политику недостаточно демократической. Тенденция к недооценке Перикла имеется и в общем ценной книге Белоха «Аттическая политика после Перикла». Ни одна из этих точек зрения не может быть признана правильной. В условиях Греции V в. афинский строй был наиболее прогрессивным во всем эллинском мире, а глава Афин — крупнейшим политиком своего времени, лучше других понимавшим существенные интересы Афин и того класса (торговой партии), который он возглавлял. Выше была приведена высокая оценка Перикла и классических Афин Марксом и Энгельсом. В русской историографии наиболее полная и правильная характеристика перикловых Афин дана в «Истории Греции классического периода» Р. Ю. Виппера и, отчасти, в «Истории Афинской демократии» Бузескула. Достаточно указать на культурные достижения перикловых Афин, чтобы по справедливости оценить «золотой век» Афин и историческое значение их вождя. Между прочим одной из черт классических Афин является высокое развитие политического красноречия. В условиях активной политической жизни и борьбы в Афинах очень высоко ценилось ораторское искусство. И в этом отношении Перикл вполне удовлетворял вкусам своего времени. Исключительные ораторские способности самого «Олимпийского Зевса», т. е. Перикла, признавали даже его враги. Плутарх сообщает, что Перикл в красноречии видел своего рода музыкальный инструмент и пользовался им в своей жизни для приведения в исполнение своих широких планов и закалял его, по примеру философа Анаксагора: соединяя красноречие со знанием природы.

«Способный от природы, он извлек из своего красноречия огромную пользу, оставив в этом отношении всех далеко позади себя. Потому-то, говорят, и дано ему известное прозвище Зевса Олимпийского. Стоя на трибуне, он мечет гром и молнии, во время речи у него на языке страшная молния».

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 194.

Вот мастер говорить-то был, как никто.
Бывало, выйдет речь сказать к народу,
Так точно в беге славные бойцы,
Он десять дав шагов вперед, любого
Побьет оратора.

Так отзывается о Перикле афинский комик Эвполид, современник Перикла, настроенный далеко не в пользу «Олимпийского Зевса».

3. Внутренние противоречия афинской демократии

Афинский государственный строй, казавшийся таким незыблемым, на самом деле покоился на крайне неустойчивом фундаменте. Во всех греческих (рабовладельческих) полисах, в том числе и в Афинах, основным противоречием было противоречие между рабами и свободными, и уже на фоне этого основного противоречия вырастали всевозможные противоречия — между афинянами и их союзниками, между самим афинским гражданством и т. д.

«Свободный и раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетаемый, находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, оканчивавшуюся каждый раз революционным переустройством всего общества или же совместной гибелью борющихся классов» [1].

В рабовладельческом обществе антагонизм между рабами и свободными составляет становой хребет этого общества, проявляясь в виде побегов и восстаний рабов («рабские войны») или же в виде скрытой (потенциальной) классовой вражды рабов к рабовладельцам. «Античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов» [2].

При всем различии между свободными гражданами все-таки свободное гражданство античных полисов по отношению к рабам составляло привилегированный класс, in principio антагонистический рабам. Это обстоятельство и дает право античный полис рассматривать как вооруженный союз (государство) рабовладельцев против рабов. В рабовладельческий период в захвате рабов и торговой монополии в большей или меньшей степени было заинтересовано все полноправное гражданство, в особенности же конечно его верхние городские слои.

Основным противоречием античного общества было противоречие между рабами и свободными, но на поверхности классовая борьба развертывалась главным образом между крупными и мелкими производителями (рабовладельцами), между свободными богачами (плутократией) и свободными бедняками (демократией в узком смысле), «меж

---

[1] Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 152—153, «Манифест коммунистической партии».

[2] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 174.

тем как огромная производительная масса населения, рабы, служили, по меткому выражению Маркса, лишь пассивным пьедесталом для борцов»[1]. Этим объясняется тот на первый взгляд странный факт, что от классического периода греческой истории сохранилось сравнительно немного документов, иллюстрирующих рабские движения. Рабские движения в большом масштабе, как увидим, начинаются позже, в последние столетия эллинских полисов, сливаясь в один мощный поток с движениями свободных деклассированных элементов, античных люмпен-пролетариев. Для ранних же периодов больше имеется материалов, иллюстрирующих борьбу в среде свободного гражданства. Одновременный рост рабского производства и торгового капитала чем дальше, тем все больше расслаивал афинское общество политически равноправных граждан на два неравных слоя: богатых владельцев орудий производства — «говорящих машин» и земли и бедных обезземеленных масс и ремесленников, демократию в узком смысле и плутократию. Социально-экономические причины этого расслоения достаточно полно синтезированы Энгельсом в «Происхождении семьи, государства и частной собственности».

«С развитием торговли и промышленности, — говорит Энгельс, — стало происходить накопление и концентрация богатств в немногих руках, обнищание массы свободных граждан, которым оставалось лишь или, занявшись ремеслом, вступать в конкуренцию с рабским трудом, что признавалось постыдным, да и сулило мало успеха, или же опуститься на дно. Они шли по последнему пути — при данных условиях с неизбежностью, — и так как они составляли массу, то они привели этим к гибели все Афинское государство»[2].

Рабское производство, относительно неразвитое в предшествующий период, при Перикле значительно расширилось, хотя еще и не достигло своего кульминационного пункта. Рост рабского производства зависел от трех моментов: расширения рынка, увеличения подвоза «живых машин» и наконец от скопления денежных и материальных средств в руках части граждан. Все это уже имелось налицо в «золотой век» Перикла. Рабов же могли приобрести и использовать только состоятельные люди, простой агройк и бедный демиург в лучшем случае могли иметь одного-двух рабов в качестве своих помощников.

«Не всякий может воспользоваться трудом раба. Чтобы извлекать из него пользу, необходимо заранее приготовить, во-первых, материалы и орудия труда, во-вторых, средства для скудного пропитания раба. Прежде чем рабство делается возможным, необходимы, следовательно, известная ступень производства и некоторое неравенство в распределении. Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно

---

[1] Маркс, Предисловие к Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта, Избранные произведения, т. II, стр. 243.

[2] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 120.

достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств»[1].

Раньше всего давление рабства почувствовали ремесленники и затем мелкие и средние собственники, бедневшие и опускавшиеся до положения городской черни (охлос). Нужда, говорится в комедии Аристофана «Плутос», вечно пребывает и сидит на плече ремесленника, — как хозяйка, побуждая его к труду, заставляя его добывать средства к жизни под давлением тяжелой необходимости. В конце концов сами ремесленники начинали презирать физический труд, рассматривая его как удел рабов. Если бы исчезла бедность и богатство было бы распределено поровну между всеми, то тогда конечно никто не стал бы заниматься ремеслами, — таков вывод греческого комика, выросшего в условиях рабского производства.

«Ведь если богатство снова прозрит и разделит себя поровну на всех,
Никто из людей не захочет заниматься ни искусствами, ни наукой,
А раз то и другое исчезнет, благодаря вам, из жизни людей, то кто же захочет тогда
Ковать железо, строить корабли, изготовлять экипажи, шить башмаки и платья,
Дубить кожу, красить, тесать каменья, плотничать и стирать
Или же, рассекая плугом землю, добывать полевые плоды?
Тогда ведь всякий может жить праздно и не думать обо всем этом».

(Плутос, 530 и сл.)

Все эти функции, по мнению даже самых скромных персонажей аристофановских комедий, надлежит выполнять рабам.

Презрительное отношение к ремесленному труду и ее представителям ремесленникам глубоко вошло в сознание античного общества. По теории Аристотеля, в идеальном государстве, построенном на философских принципах, права ремесленников должны быть ограничены, ибо добродетель, на которой зиждятся эти государства, подходит только к тем, кто избавлен от работ, необходимых для дневного существования («Политика», III, 3). И все же в сравнении с совершенно бесправными рабами-вещами свободные ремесленники занимали в Афинах более высокое социальное положение. Даже неквалифицированные ремесленники свободного состояния стояли в глазах Аристотеля — идеолога рабовладельчества — выше рабов и превосходили их в добродетели.

Может возникнуть вопрос, рассуждает по этому поводу Аристотель, обладают ли ремесленники добродетелью или же они, подобно рабам, таковой не имеют. Ответ должен быть положительный. Свободные ремесленники, по мнению греческого философа, отличны от рабов потому, что рабы составляют часть своего господина и, не имея собственной воли, живут с ним общей жизнью, между тем как ремесленники, живя самостоятельно и независимо от господина, имеют собственную волю

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 148—149.

и потому они в отношении добродетели настолько превосходят рабов, насколько свободный труд превосходит рабский. Даже чернорабочие, т. е. ремесленники, занимающиеся низкими (черными) ремеслами, не есть рабы, ибо раб есть или раб по природе, или же раб по праву войны; сапожники же, портные, слесаря, строители, как и все остальные категории свободных ремесленников, не таковы («Политика», I, 15). Самый институт рабства Аристотель выводит из формально-социологического закона власти и подчинения, хотя, как увидим из дальнейшего, у него на этот счет имеется много противоречий и колебаний. По Аристотелю, властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны. Уже с самого рождения некоторые существа различаются, по его мнению, тем, что одни из них как бы предназначены к властвованию, а другие — к подчинению. Это общий закон природы. Рабом по природе бывает тот, кто способен принадлежать другому, и кто по своим психическим качествам способен лишь воспринимать и исполнять приказания других. Природа устроила человека так, что и физическая организация свободных людей отличается от физической организации рабов. У последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов. Свободные же люди держатся прямо и неспособны для выполнения рабских функций, т. е. физических работ. Свой круг мыслей Аристотель заключает категорическим утверждением абсолютной необходимости рабства, как бы оно ни было отвратительно с точки зрения общечеловеческой морали.

«Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что одни люди по своей природе свободны, а другие — рабы, и быть им рабами полезно и справедливо» («Политика», I, 2).

4. Внешняя и внутренняя политика Перикла

История Афин, являвшихся центром материальной и культурной жизни, задававшей тон всему эллинскому миру, была историей напряженной классовой борьбы, беспрерывных восстаний, карательных экспедиций и экономических кризисов.

Внешняя и внутренняя политика Перикла определялись интересами рабовладельческого полиса в целом и главным образом интересами торговых групп.

В своей внешней и внутренней политике Перикл продолжал дело своих предшественников — Писистрата, Фемистокла и Кимона. Главное его внимание было направлено на укрепление и расширение Афинской архэ. Как стратег Перикл пользовался репутацией талантливого и осторожного полководца. Из многочисленных походов и завоеваний Перикла следует отметить поход на Херсонес, освободивший город от нападений от пограничных фракийских племен, вторжение в Пелопоннес, окончившееся разгромом пелопоннесцев и заключением выгодного для Афин союза с пелопоннесскими городами и, самое главное, триумфальную экспедицию в Понт, долженствовавшую показать царям и династам

«всю силу афинского могущества, их смелость и бесстрашие, когда они свободно плавают по всем морям, считая себя владыками мира». Особенно длительны и упорны были восстания на о. Самосе и в Византии — двух важнейших союзных государствах Афинской архэ. Эти восстания потребовали напряжения всех сил Афинского государства и огромных денежных затрат. Война продолжалась около года, и лишь с большим трудом Периклу, пустившему в ход осадные машины новейшей конструкции, изобретенные инженером Артемоном, удалось сломить сопротивление самосцев. После восьмимесячной осады самосцы наконец сдались на милость победителей, поступивших с ними, по словам древних историков, крайне жестоко. Вообще отношения политиков великодержавных Афин, особенно послеперикловского времени, к подчиненным им областям отличались большой жестокостью и произволом.

«Афиняне, — говорит комик Телеклид, — дали Периклу право брать дань с городов и присоединять города, одних лишать свободы, а других по произволу награждать, позволять возводить им каменные стены, чтобы потом их разрушать, право заключать мирные договоры, увеличивать государственную казну и обогащать граждан».

Оплата государственных должностей и раздачи были мерами, долженствовавшими смягчить имущественные противоречия в среде свободного гражданства и ослабить классовую борьбу. Но как ни были значительны раздачи, все же они не могли покрыть всех нужд афинского гражданства, все более сжимаемого конкуренцией рабовладельческого хозяйства и торговым капиталом. Вследствие этого приходилось изыскивать новые с р е д с т в а с о ц и а л ь н о й п о м о щ и. Одной из наиболее радикальных мер смягчения социальных противоречий служили вышеупомянутые клерухии (колонии).

Помимо чисто военного значения клерухии имели также и большой социально-экономический смысл как разрешение трудной проблемы очищения города от столичной бедноты (деклассированного люмпен-пролетариата), массами скоплявшейся в городах эллинского мира и прежде всего конечно в самих Афинах.

Плутарх с особой настойчивостью выдвигает на передний план именно социально-политический смысл афинской колонизационной политики, имевшей много общего с политикой эллинистических царей и римских цезарей.

«Перикл, — говорит Плутарх, — делал это с целью освобождения государства от праздной и благодаря праздности вмешивающейся не в свои дела толпы.

Одновременно с этим, облегчая бедственное положение демоса, Перикл вселил в союзников страх и уважение перед Афинским государством» (П е р и к л, XI).

Афинские клерухии были форпостами, расположенными в подчиненных Афинам областях.

Афинские клерухии были рассеяны по всему пространству Афинской республики. Они имелись на островах Лемносе, Имбросе, Эвбее,

Наксосе, Андросе, в Херсонесе в устьях Стримона (Брея), в южной Италии (Фурии), в Синопе и т. д. Часть колонистов не могла закрепиться на отводимых им государством участках (ленах), другая же часть с помощью государственного кредита превращалась в военнообязанных земельных собственников средней руки. Согласно имеющимся у нас данным относительно некоторых общин, куда были выведены афинские клерухии, клэры средних размеров давали 50 медимнов (12,5 четвертей зерна), способных прокормить семью в 5—6 человек. Так например участки, нарезанные на острове Лесбосе, приносили ренту в 200 драхм (50 руб.), считавшуюся достаточной для перехода из разряда фетов в разряд зевгитов, т. е. в третий класс по солоновской конституции. Одной из главных причин ослабления демократии и обострения классовой борьбы в последующее время являлась приостановка вывода колоний вследствие сокращения афинской территории.

5. «Золотой век» Перикла

Наряду с клерухиями первостепенное значение в социальной политике демократических Афин имела организация общественных работ, в широких масштабах практиковавшаяся Периклом.

«После того как государство, — рассказывает Плутарх в биографии Перикла, — было в достаточной мере снабжено всем необходимым для войны, Перикл выдвинул грандиозный план построек, с целью, во-первых, доставить бессмертную славу государству и, во-вторых, улучшить материальное положение свободного гражданства».

Перикл исходил из тех соображений, что предпринимаемые им крупные постройки займут массу рабочих самых различных специальностей — плотников, скульпторов, литейщиков, ткачей, резчиков, каменщиков, рудокопов, красильщиков, золотых дел мастеров, граверов, орнаментовщиков, хозяев судов, купцов, возчиков и т. д., и таким образом «весь город окажется на жаловании у государства». Число рабочих-рабов при общественных постройках ограничивалось определенным процентом. Каждое ремесло составляло как бы особую самостоятельную корпорацию, подобно военной фаланге, управляемой своим стратегом. Работы организовывались таким образом, что в них принимали участие люди всех возрастов и званий. Внешний успех строительной политики Перикла был блестящий (Плутарх, Перикл, XX).

Бóльшая часть лучших шедевров античного, строительного и изобразительного искусства принадлежит «золотому веку» Перикла. К числу наиболее замечательных в художественном отношении построек этого века принадлежат: Парфенон (храм Афины), построенный выдающимися художниками Греции Каликратом и Иктином, Эрехфейон (храм национального героя Эрехфея), Тезейон (колоссальный храм Тезея) и наконец изумительная по красоте дорога на Акрополь — Пропилеи, украшенная великолепной колоннадой, с массой статуй

и надписей. Скульптурные работы производились под руководством художника **Фидия**, первого скульптора Эллады, ближайшего советника Перикла. Совершенно заново отстроен был Пирей, из скромной гавани афинской общины превратившийся в огромный порт Афинской республики. От Афин к Пирею и Фалерону (другой гавани Афин) тянулись массивные «Длинные стены», защищавшие город от нападения с моря.

Пропилеи

В особенности заслуживает внимания быстрота окончания построек возводимых во времена Перикла. «Все работы, из которых каждую могли, казалось, совершить лишь целые поколения в продолжение нескольких столетий, были кончены в кратковременное блестящее управление государством одного человека». «Создания Перикла,— говорит Плутарх, — заслуживают величайшего удивления. Они воздвигнуты в короткое время, но не для короткого времени. По своей прочности они кажутся оконченными только в настоящее время. Красота и изящество спасла их от прикосновения времени, как будто творец дал своим произведениям вечную юность и вдохнул в них нестареющую душу». «В век Перикла стали подниматься колоссальные здания, непревзойденные по изяществу и вкусу. Все были как бы заражены широкими замыслами Перикла. Все ремесленники старались друг перед другом довести свое ремесло до степени искусства» (**Плутарх**, Перикл, XII).

Из старого полусельского города, каким были Афины до Персидской войны, при Перикле они превратились в колоссальный город мирового значения, своим блеском затмивший все остальные города Греции.

«Так, ты — чурбан, — писал один современник Перикла, — если не видел Афин; осел, если видел их и не восторгался; а если по своей охоте их покинул, то ты — верблюд!».

Стремясь превратить Афины в мировую столицу, Перикл приглашал знаменитостей со всех концов эллинского мира — художников, философов, ученых, артистов и т. д. Своей политикой Перикл имел в виду достижение не только культурных целей. Привлекая в Афины

массу иностранцев, он тем самым увеличивал торговлю Афин, повышал заработок ремесленников, содержателей гостиниц, постоялых дворов и т. д.

Развернувшееся в Афинах строительство в известной мере захватило также и провинцию. В частности большое строительство было

Парфенон

предпринято в Великой Греции, где была начата постройка города Фурий, по всем правилам тогдашней науки и художественного вкуса. Постройка Фурий была делом общенационального значения. В числе других знаменитостей в этой постройке приняли ближайшее участие выдающиеся греческие философы Эмпедокл и Протагор, редактировавшие гражданское право Фурий, знаменитый архитектор Гипподам, составивший план будущего города, историк Геродот, энтузиаст и поклонник Перикла и афинской демократии, и многие другие. В разработке и проведении планов Перикла в жизнь принимал участие весь «просвещенный круг» Перикла, в который были втянуты все интеллигентные силы Эллады.

6. Начало кризиса Афинской державы

Судьба радикальной партии находилась в прямой зависимости от успехов внешней политики Афин, доставлявшей афинскому полису рабов, добычу, рынки и территорию для вывода колоний. Поражение афинской эскадры в устьях Нила (454 г.) было началом распада Афинской архэ. Сравнительно с другими крупными политическими органи-

зациями, например Римом, Афинская архэ представляется малоустойчивой организацией, раздираемой внутренними и внешними противоречиями. В условиях эллинского мира создание великодержавной империи наталкивалось на бо́льшие противоречия, чем в условиях римского мира.

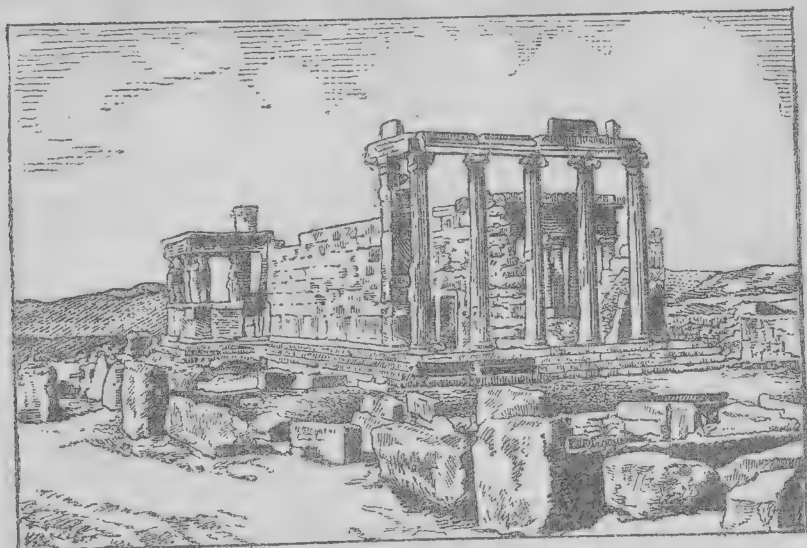
Широкая внешняя и внутренняя политика Перикла стоила очень дорого и требовала больших средств. Естественным путем — повышением производительных сил — расходы афинского государства не могли быть покрыты. Для этого требовалось более мощное производство и более высокая производственная техника. В условиях же античного строя дополнительные средства приходилось добывать главным образом путем прогрессивного повышения союзного фороса, т. е. усилением эксплоатации союзников и рабов. Постоянной нуждой в деньгах между прочим объясняется то большое внимание, которое уделяло правительство Перикла финансовым вопросам и государственному бюджету. При основании Афинской архэ общая сумма фороса равнялась 800 талантам. Перикл эту сумму увеличил на одну треть, а преемники Перикла, постепенно увеличивая взносы, довели союзный форос до полуторы тысячи талантов. При этом получаемые с союзников деньги шли не столько на общесоюзные, сколько на военные нужды, театральные представления, украшение Афин, сооружения храмов, статуй и т. д. На постройку одного только Парфенона было затрачено 7 тыс. золотых талантов. Золотая статуя богини Афины, покровительницы города (Афина-Парфенос) стоила 800 талантов, Пропилеи — 2 100 талантов и т. д.[1]

Помимо получения дани территориальные захваты Афин вызывались еще недостаточной покупательной силой внутреннего рынка. Вследствие узости внутреннего рынка афинской плутократии, руководимой и направляемой интересами афинского купечества и хозяев эргастерий, приходилось все время расширять сферу афинского влияния, устраняя своих торговых конкурентов и приобретая новых покупателей в лице туземных князей и их дружин.

Такого рода агрессивная политика Афин естественно создавала им много врагов как среди самих греков, так и среди других народов, в особенности персов и финикиян. С каждым годом положение становилось все более напряженным, стремление союзников к отложению от Афин возрастало, а влияние Спарты усиливалось. Одновременно с этим поднимали голову персы и финикийцы. Но до тех пор, пока военная мощь, на которой держалась Афинская архэ, была крепка, о массовом отложении союзников не могло быть и речи. Афинские карательные экспедиции с невероятной жестокостью подавляли всякие попытки восстаний и непокорности. Первый серьезный удар Афинской архэ нанесло поражение афинской армии в Египте в 454 г. В своих стремлениях закрепиться в устьях Нила афиняне натолкнулись

[1] См. Бузольт, Греческая история, т. III.

на сильное сопротивление персов и вынуждены были отказаться от дальнейших попыток в этом направлении. Бо́льшая часть афинского десанта, состоявшего из 35 тыс. пехоты, поддерживаемой флотом из 200 триер, погибла в бою или же попала в плен (Фукидид, I, 110).



Развалины Эрехфейона

Египетская катастрофа подняла дух персов и спартанцев. Афинам пришлось итти на уступки. В 449 г. с персами был заключен невыгодный для Афин Каллиев мир. Через три года после Каллиева мира Перикл вынужден был подписать еще более невыгодный тридцатилетний мир со Спартой (446 г.), в силу которого Афины отказывались от всех своих завоеваний на пелопоннесской территории. Ахайя, Трезен и Мегара отходили к Спарте, Истм очищался от афинских гарнизонов.

К сороковым же годам относится и знаменитая попытка Перикла созвать в Афинах общегреческий национальный конгресс с целью урегулировать отношения между греческими полисами и выработать общий план действий против национального врага Греции — персов.

«Обсудить вопрос, — так гласил текст афинского предложения, — о сожженных варварами храмах и о жертвах, которые, согласно обетам, данным в Мидийскую войну, следовало бы принести богам, и о морях, чтобы все могли по ним плавать беспрепятственно и чтобы на них сохранился мир» (Плутарх, Перикл, XVII).

Но, как и следовало ожидать, попытка Перикла образовать панэллинскую симмахию под гегемонией Афин потерпела крах. Причина про-

вала панэллинской национальной конференции заключалась в великодержавной политике Афин, закреплявшей гегемонию афинского торгового капитала в Эгейском море и грозившей полным подчинением интересам афинской плутократии интересов всего остального эллинского мира. Особенно энергично против афинской гегемонии выступала Спарта и ее союзники. «В общем из всего этого ничего не вышло», — так резюмирует свой рассказ Плутарх. После катастрофы «великого (египетского) похода» и провала панэллинского конгресса мощь великодержавных Афин начинает слабеть, а вместе с ней пошатнулась и популярность Перикла как вождя радикальной партии. Из популярного вождя афинского демоса, «свободно сдерживавшего народную массу и больше ею руководившего, чем ею руководимого», он превращается в военного диктатора, и соответственно с этим сама афинская демократия приобретает монархический оттенок.

«На словах это была демократия, по существу же власть первого человека» — так характеризует историк Фукидид положение дел в Афинах накануне Пелопоннесской войны (Фукидид, II, 65).

Резюмируя все сказанное, видим, что перерождение афинского демократического строя в военную диктатуру или, по греческой терминологии, в тиранию вызывалось кризисом державной политики Афин, обострением классовых антагонизмов, обусловленных ростом крупного рабского производства и разорением мелких и средних производителей.

При осложнявшихся внутренних и внешних отношениях централизованная власть оказывалась более пригодной и обеспечивающей интересы господствующего класса. Но это дело еще отдаленного будущего. В классический же период, «в золотой век» Перикла, Афины могли с полным правом считаться образцом демократических полисов античного мира.

IX. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

1. Борьба за гегемонию

«Истиннейшая причина этой войны, — говорит Фукидид, наш главный источник во всех вопросах, связанных с Пелопоннесской войной, — состояла в том, что афиняне своими силами стали внушать опасения спартанцам и тем самым вынудили их начать войну». Объяснение греческого историка слишком сжато и поэтому требует некоторых дополнений. Война между Афинами и Пелопоннесским союзом, как мы уже видели, подготовлялась давно и была следствием ряда причин как экономических, так и политических. В экономике центральным вопросом со времени Персидских войн был вопрос западного рынка. Сущность его заключалась в следующем: до Персидских войн главным рынком сырья и сбыта продуктов греческих ремесл служил Восток. На посреднической торговле с Востоком главным образом и базировалась сила малоазийских городов и городов Сирийского побережья.

Со времени же разгрома персов восточный рынок оторвался от Греции и грекам пришлось искать новых рынков. Помимо восточных рынков у греков имелись рынки на севере — в Македонии и во Фракии, и затем на западе — в Сицилии, Италии, Южной Франции и Испании. В V в. западный рынок был главнейшим рынком Средиземноморья. На него было направлено все внимание не только Афин, но также Коринфа, Мегары и других торгово-ремесленных полисов. Особенно резко сталкивались интересы Афин с интересами Коринфа и Мегары на Коринфском перешейке. Из-за Коринфского перешейка велась война между Афинами и их соседями еще до начала Пелопоннесской войны с 495 до 447 г. до н. э., окончившаяся невыгодным для Афин миром. Но тем не менее торговые успехи Афин в сторону запада все более расширялись и углублялись, угрожая их торгово-ремесленным конкурентам. Все говорило о том, что в ближайшем будущем итало-сицилийский экспорт (зерно, скот, металл) пойдет исключительно через Пирей, а это грозило ущербом не только прямым конкурентам Афин — Коринфу, Мегаре и Сикиону, но также и Спарте, зависевшей от подвоза

сицилийского хлеба. Кроме того Спарта была чрезвычайно заинтересована в сохранении status quo Коринфского перешейка. У Афин же было опасение захвата Коринфом и Мегарой Коринфского перешейка, что нанесло бы смертельный удар их экономике, перерезав пути на Пирей. Далее первостепенное значение для обеих сторон имело обладание гаванями острова Коркиры, расположенного на пути между Грецией и западом. На севере интересы названных держав, в особенности Афин и Мегары, сталкивались во Фракии и Македонии, в это время уже начинавших играть большую роль в греческой экономике.

К этим причинам присоединились еще политические причины — враждебные отношения между Спартой и Афинами на почве общегреческой (международной) политики. В то время как Афины во всех эллинских общинах поддерживали демократические элементы, Спарта оказывала поддержку аристократам и олигархам. Лозунгом спартанцев во внешней политике явилось равновесие или самоопределение греческих общин. Самоопределение же мелких общин на политическом языке того времени означало прекращение афинской гегемонии. Большую роль в обострении отношений сыграли также эмигранты. Афины служили местопребыванием всех элементов, враждебных Спарте, в Спарте же проживали афинские эмигранты, агитировавшие против афинской конституции и ее вождей. К этим основным причинам присоединился ряд еще других, дополнительных мотивов. Прежде всего пошатнувшееся положение военной партии и ее главы Перикла. «Золотой век» Перикла приближался к концу. Число создаваемых конкуренцией рабов деклассированных элементов все время росло, экклесия становилась более нервной и требовательной, деревня страдала от притока дешевого привозного хлеба. Со всех сторон поднималась оппозиция, начались судебные процессы и преследования друзей Перикла (Фидия и Анаксагора), подкапывались и под самого «первого гражданина». Популярный писатель Кратин в одной из своих комедий называл Перикла величайшим тираном, сыном революции. Единственным выходом из критического положения оставалась война.

Военная партия Афин верила в свою силу и была убеждена в своей победе, что особенно отчетливо видно из речи Перикла, произнесенной накануне Пелопоннесской войны.

«Я, — говорил Перикл, — всегда держался и держусь того мнения, что нам уступать спартанцам ни в каком случае не следует. Мы во всех отношениях сильнее, богаче и культурнее пелопоннесцев. Прежде всего у них нет денег ни у государства, ни у частных лиц. Вследствие этого они в состоянии вести только кратковременные мелкие войны, продолжительной же войны или блокады они не выдержат. Живут они в состоянии натурального хозяйства — трудом своих илотов, торговли, взносов союзников и прочих доходных статей государства; что имеется у нас — у них не существует. Море для них закрыто. Вследствие этого спартанцы очень бедны. Деньги же составляют главную опору государства и настоящий нерв войны. В противоположность спартанцам

афиняне сильны своей казной и флотом. Для меня совершенно несомненно, что спартанцы никогда не рискнут напасть на афинскую эскадру, ибо они совершенно не имеют опыта в морском деле, научиться же морскому делу значительно труднее, чем сухопутному. Морское дело, как и всякая вещь, требует полного внимания, им нельзя заниматься так, между прочим, наряду с другими делами. Самое опасное — если пелопоннесцы, захватив сокровища Дельфийского и Олимпийского храмов, переманят от нас иноземных матросов. Но и в этом случае мы не склоним голову, ибо у нас имеется достаточный резерв собственных граждан и метойков, знающих море и всегда готовых постоять за свое отечество» (Фукидид, I, 125).

Слабое место Афин представляла деревня, но «олимпиец» во имя интересов военной партии и торгового капитала готов был пожертвовать интересами деревни, не склонной к войне со спартанцами, лишь бы довести войну до победного конца, т. е. до разгрома Пелопоннесского союза. Если они проникнут в нашу страну по суше, говорил Перикл, то мы пойдем на их земли морем. Опустошение одной даже какой-либо части Пелопоннесса будет иметь больше значения, чем опустошение целой Аттики, потому что взамен этой области они не смогут получить никакой другой. У нас же есть много земель и на островах и на материке.

Самое же опасное при сложившейся международной конъюнктуре — промедление, за которым может последовать поражение и затем отложение союзников, т. е. распад всей Афинской архэ. Мы, указывал Перикл, в случае медлительности безусловно потеряем наших союзников, составляющих нашу силу, так как в случае нашей слабости и тем более нашего поражения они едва ли останутся спокойными (Фукидид, I, 139—145).

Поводом к войне послужило дело важного в торговом отношении приморского города Эпидамна в Ионийском заливе. На Эпидамн претендовали коркиряне, жители острова Коркиры (Корфу), «богатейшие из всех эллинов», и коринфяне, ближайшим образом заинтересованные в западной торговле. К эпидамнскому конфликту присоединился еще второй конфликт между афинянами и коринфянами из-за коринфской колонии Потидеи во Фракии, также очень важном торговом пункте по торговле Коринфа с Македонией. Коринфян в их жалобах на афинян поддерживали мегаряне, старые враги Афин, недовольные закрытием для их торгового флота гаваней в афинских владениях. Среди пелопоннесцев война однако не находила большого сочувствия. Слишком велик был страх перед военной мощью Афин. На конгрессе общин, входивших в Пелопоннесский союз, часть союзников отказывалась принять участие в войне на том основании, что настоящий конфликт касается только приморских городов. В противовес этому Коринф, фактический глава Пелопоннесского союза, указывал, что поражение приморских городов разрушительно отразится также и на континентальных полисах, лишив их важнейших рынков сбыта и

хлебного рынка. Одновременно коринфяне указывали на опасность роста Афинской архэ, грозившей вобрать в себя все остальные полисы. в том числе и Спарту, принизив их до положения своих подданных.

«Поймите же, союзники, — говорили депутаты Коринфа, — что настала крайняя нужда, что мы вам даем наилучший совет. Решайте за войну, не страшась опасностей настоящей минуты в интересах более продолжительного мира, который последует за войной. Война делает мир более прочным и кроме того не так безопасно воздерживаться от войны ради минутного покоя. Будьте уверены, что образовавшееся в Элладе тираническое государство угрожает нам всем одинаково. Над одними оно уже властвует, над другими замышляет властвовать. Поэтому справедливо его укротить. После разгрома же хищника мы и сами будем жить, не подвергаясь опасности, и порабощенным теперь эллинам даруем свободу».

Возбужденные речами коринфских послов, под давлением своих союзников, лакедемоняне поставили афинянам условием сохранения мира: признание Афинами автономии всех полисов, входящих в Афинскую архэ. На это предложение, по сути дела сводившееся к отмене гегемонии Афин, как и следовало ожидать, афиняне ответили решительным отказом.

«Афиняне, — категорически заявил Перикл, — неизменно держались одного и того же убеждения: не уступать пелопоннесцам».

Это была точка зрения не только одного Перикла, но и всей военной партии Афин, ближайшим образом поддерживаемой торговой партией, судовладельцами и «корабельной чернью».

В экклесии предложение Перикла о немедленном разрыве с Пелопоннесом встретило сочувствие далеко не у большинства собрания, и лишь под давлением Перикла народное собрание высказалось за войну.

2. Ход войны

Мирные переговоры были прекращены, и в 431 г. до н. э. началась двадцатисемилетняя Пелопоннесская война (431—404 гг.), охватившая весь эллинский мир и потрясшая до основания всю Элладу. Силы противников были приблизительно одинаковы. Война пошла именно так, как предполагал Перикл. Спартанский царь Архидам с 60-тысячной армией спартанских гоплитов вторгнулся в Аттику и произвел в ней страшные опустошения, порубив и потоптав все садово-огородные посадки. В следующем, 430 г., набег спартанцев на Аттику был повторен с еще большими опустошениями и бедствиями для аттической деревни. Масса деревенского населения хлынула в город, сбившись на небольшом пространстве, совершенно не приспособленном для такого количества людей. Люди жили в самых ужасных условиях, ночуя на улицах и в банях, валялись на ступеньках храмов и портиков, размещались на крышах домов и пр. За недостатком провианта начался страшный голод, а вместе с ним распространялись эпидемии, уносившие массу человече-

ских жизней. Особенно свирепствовала занесенная из Эфиопии и Египта чума. «Столь свирепой чумы и такой смертности людей, — говорит Фукидид в своем классическом описании чумы в Афинах, — насколько помнится, не было еще нигде и никогда. Врачи были совершенно бессильны. Первое время они лечили и, не зная характера болезни, во множестве умирали сами. В дальнейшем же, по мере большего соприкосновения с больными, убедились, что всякое человеческое искусство против этой болезни было совершенно бессильно.

Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно. Наконец, одолеваемые бедствиями, люди оставили и это. Как говорят, с самого начала болезнь появилась в Эфиопии, что за Египтом, потом спустилась она в Египет и Ликию и охватила бо́льшую часть владений персидского царя. На Афины болезнь обрушилась внезапно и прежде всего поразила жителей Пирея, почему афиняне говорили, будто пелопоннесцы отравили там цистерны.

В довершение к постигшему бедствию афиняне были угнетены еще скоплением народа с полей в городе. Так как домов недоставало, люди, особенно пришельцы, жили в душных хижинах и умирали там. Умирающие лежали один на другом, как трупы, или ползали полумертвые по улицам, около всех источников, мучимые жаждой. Святыни, где располагались в палатках пришельцы, были полны трупов, люди умирали тут же. Ввиду того что болезнь слишком свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, переставали уважать божеские и человеческие установления. Все обряды, какие соблюдались раньше при погребении, были попраны, каждый совершал похороны, как мог».

Эпидемия совершенно выбила из колеи афинян и расшатала основы государственности и порядка.

«Теперь каждый легче отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности. Люди видели, с какой быстротой происходила перемена с богачами, как внезапно умирали они, и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников... Людей нисколько не удерживали ни страх перед богами, ни человеческие законы, ибо они видели, что все гибнут одинаково и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут. С другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказание за свои преступления. Гораздо более тяжким приговором считался тот, который висел уже над головою, а потому казалось естественным прежде чем он постигнет насладиться хоть чем-нибудь от жизни...» (Фукидид).

Как и следовало ожидать, всю вину за войну свалили на Перикла, признанного главу военной партии. Влияние сторонников мира начинало усиливаться и было даже сделано предложение отправить в Спарту к пелопоннесцам посольство. Афиняне, подчиняясь руководству Перикла, отказались от посольства, но тем не менее негодование против Перикла и всей его политики сохранилось и даже усилилось.

«Афиняне в своей политике следовали его внушениям, не отправляли больше послов к лакедемонянам и энергичнее обратились к военным действиям. Но в их частной жизни их огорчили многие несчастия: простой народ страдал потому, что он лишился самого необходимого, состоятельные люди вследствие того, что они потеряли свои богатства, заключавшиеся в великолепных домах, расположенных на территории Аттики, драгоценной утвари, но те и другие больше всего потому, что вместо мира у них была война» (Фукидид).

Чем больше умножались бедствия, тем больше падал авторитет «первого афинского гражданина» Перикла.

Враги поднимались со всех сторон. Многие упрекали его и угрожали ему, требуя от него отчета во всех поступках, многие сочиняли про него песни и сатиры, называя его трусом и изменником, предавшимся врагам. Больше всего досадовали на вызванные войной разорение и скопление в городе массы бесприютного населения. Благодаря войне летом, говорили враги и недоброжелатели Перикла, множество людей вынуждено ютиться в крошечных домиках и грязных палатках, в которых негде повернуться, вместо того чтобы проводить время на вольном, свежем воздухе в деревне.

Виной же всему этому — тот, кто теперь согнал сельское население в стены города, подобно скоту, предоставляя им заражать друг друга и не изыскивая никаких средств для облегчения их положения. Кампанию против Перикла поднял жрец Диопейф, мстя ему за конфискацию сокровищ Парфенона, взятых Периклом заимообразно во время войны. К Диопейфу присоединились многочисленные голоса сочинителей комедий, готовых подхватить и развить любую инсинуацию. До своего полного падения Перикл не дожил, ставши на третий год Пелопоннесской войны жертвой чумы.

3. Возвышение Клеона

Падение Перикла свидетельствовало о кризисе радикальной партии. Война не оправдала надежд торговых групп. Прежде всего от радикалов отпали торговые элементы деревни, примыкавшие к ним и более всего пострадавшие от войны. Политическое руководство с этого времени переходит к другой группе афинской плутократии — промышленникам и финансистам, заинтересованным в войне. К ним примыкают военные группы, значение которых в социальной структуре греческих полисов все время повышалось.

После Перикла, последнего представителя родовой аристократии, на общественной арене сменяют друг друга кожевник Клеон, кожевник Анит, горшечник Кефал, кожевник Ификрат, мельник Пифиас, откупщики государственных доходов Агиррий, Каллистрат и др. Первым в длинном ряду «торгово-ремесленной династии», по выражению Аристофана, стоит богатый владелец кожевенного эргастерия Клеон, сын афинского гражданина Клеента, «наглейший из всех граждан, но в то же время пользо-

вавшийся величайшим доверием народа», — так характеризует Клеона историк Фукидид, враг Клеона и сторонник Перикла. Популярность Клеона возрастала по мере падения популярности Перикла. В глазах общественного мнения, выражением которого являлась афинская комедия, Клеон постепенно начинал затемнять Перикла, из грозного олимпийца превращавшегося в жалкого оппортуниста.

В одной из комедий популярного афинского писателя Гермиппа, современника Клеона и Перикла, говорится:

«Царь сатиров, отчего ты не хочешь
Обнажить меча и пугаешь во время войны
Одними только словами?
В тебе душонка Телета.
Стоит лишь начать точить на крепком оселке
Мечи, как ты уже начинаешь визжать, укушенный
Могучим Клеоном!»

Клеон вступил на политическую арену при полном расстройстве государственного бюджета. Для пополнения государственной казны и восстановления финансового равновесия требовалась энергичная военная политика и полная покорность союзников.

Эту политику как раз и проводил Клеон. Принципиально политика Клеона ничем не отличалась от политики его предшественника Перикла. Так же, как и Перикл, Клеон был сторонником войны до победного конца, и так же, как Перикл, Клеон жертвовал интересами большинства афинского гражданства в пользу рабовладельческого нобилитета.

Вся разница состояла в том, что Клеону приходилось действовать в более суровых условиях, в период всеобщей разрухи и финансового кризиса, созданного войной, что вызвало сильное раздражение и резкую критику со стороны его многочисленных противников.

Военные неудачи и внутренние потрясения требовали концентрации управления, и вследствие этого Клеон ходом вещей из демагога превращался в диктатора. Вместе с тем перерождались и отмирали старые демократические учреждения, сложившиеся в более простых социально-экономических условиях старой Греции. Все внимание Клеона было направлено на поддержание воинственного настроения афинского демоса, уже достаточно утомленного войной и потому склонявшегося в сторону мира.

«Много раз, — говорил Клеон в одной из своих речей, — я уже имел случай высказывать свое мнение, что демократическое государство неспособно держать гегемонию над другими государствами. Впадая в ошибки под влиянием или их речей, или же из сострадания к ним, вы не думаете о том, что слабость ваша не безопасна для вас, ибо она не внушает союзникам признательности к вам. Вы не считаетесь с тем, что ваше владычество есть тирания и что союзники ваши питают

враждебные замыслы к вам и лишь против воли терпят вашу власть. Они слушаются вас не потому, что вы делаете им добро и тем вредите себе, но скорее потому, что вы превосходите их могуществом, и никакой роли не играет тут их расположение к вам...»

Афинский демос, — указывал далее Клеон, — привык слушать и обсуждать, а не действовать. Афинская экклесия больше походит на театр, где слушают все приятное для слуха, а не действуют, когда надо действовать. Из этого проистекают тяжелые последствия, угрожающие разрушением самого государства.

Эта речь была произнесена в 427 г. по поводу восстания в городе Митилене на острове Лесбосе. Восстание было подавлено, и глава военной партии Клеон предложил учинить жестокую расправу с восставшими, не щадя ни аристократов, ни демократов. Митиленяне, говорил Клеон, должны понести наказание, достойное своего преступления. Не считайте виновниками только аристократов и не оправдывайте демократов. Митиленяне восстали на нас все одинаково. Если бы демократы перешли на нашу сторону, они теперь попрежнему были бы в безопасности, но они сочли более надежным для себя разделить опасность с аристократами и потому также отложились. Расправа с митиленянами, казнь и продажа в рабство всего населения должна будет послужить хорошим уроком и для других союзников, тоже всегда готовых отложиться от Афин.

Со своей точки зрения Клеон конечно был прав. В самом деле, ослабление войны и отделение союзников грозило смертельной опасностью Афинской архэ в экономическом и политическом отношениях. Все государственные запасы, которыми еще недавно так гордился Перикл, были уже истощены, и казна была пуста, между тем как число претендентов на получение государственного вспомоществования все более возрастало, курс же денег все более понижался. Вследствие этого пришлось поднять плату судьям с 2 до 3 оболов, что чрезвычайным бременем легло на государственный бюджет, и без того уже расстроенный. При таком критическом положении лишь железная энергия Клеона могла, хотя бы на короткий срок, спасти положение. После третьего вторжения пелопоннесцев в Аттику Клеон настоял на более решительном ведении войны и добился посылки эскадры к берегам Пелопоннеса под командой самого Клеона и его единомышленника талантливого стратега Демосфена. Кампания окончилась успешно. В 425 г. Демосфен взял пелопоннескую бухту Пилос (Наварино) и поднял там восстание илотов, между тем как сам Клеон напал на остров Сфактерию и захватил в плен 300 спартанцев, представителей виднейших спартанских родов. Неожиданный успех афинян однако вскоре был парализован поражением афинской армии при Делии и успешными действиями спартанского стратега Брасида против афинских владений во Фракии. После этого у обеих воюющих сторон шансы на победу были одинаково слабы. Как в Спарте, так и в Афинах начала поднимать голову партия мира.

В Афинах **партия мира** взяла верх с момента раскола радикально демократической партии, когда от нее отпала влиятельная группа крупных рабовладельцев с богачом Никием во главе. Причина понижения воинственности афинских рабовладельцев и плутократов заключалась в том, что затянувшаяся война стала расстраивать рабское хозяйство. Масса рабов умирала от чумы, начались повальные бегства и восстания рабов. Работа в рудниках и на плантациях остановилась, мастерские закрывались, арендная плата падала, а налоги на богатых (литургии) возрастали; начинался кризис рабского производства. Расстройство рабовладельческого хозяйства собственно и побудило наиболее крупных рабовладельцев склониться на сторону мира. К этому же присоединилась еще смерть Клеона, погибшего одновременно с Брасидом на северном театре войны.

Заключению мира предшествовала **ожесточенная агитация**, нашедшая свое отображение в комедиях Аристофана — остроумного и едкого противника Клеона, сторонника мира и деревни. В 424 г., т. е. год спустя после Сфактерии, Аристофан поставил на афинской сцене комедию «Всадники», где в довольно прозрачных масках вывел афинский демос в виде дряхлого, выжившего из ума старика. За стариком Демосом ухаживают два демагога — пафлагонец (Клеон) и колбасник, другой демагог того же типа. Демагоги стараются превзойти друг друга в лести и всевозможных обещаниях, рассыпаемых ими демосу.

«У нас хозяин —
Сын Пникса, Демос, брюзга, глухой старик,
Свирепый, вспыльчивый и до бобов охотник....
Он первого числа купил раба,
Кожевника и родом пафлагонца,
Мерзавца подлого, клеветника...»

На эту реплику отвечает хор всадников, выражающий точку зрения самого автора:

«О, презренный крикун! Вопит вся страна
О нахальстве твоем несказанном.
И собранье народа, и суд, и казна,
И архивы полны им до края...
И в грязи копошась, ты весь город смешал,
Оглушил громким криком Афины,
И за взносами дани следишь ты со скал,
Как в морях рыбаки за тунцами».

В заключение дается характеристика самого Демоса, верховного правителя Афин.

«Дивна власть твоя о, Демос!
Ты всем людям, как тиран,
Страх ужаснейший внушаешь,
Но ввести тебя в обман
Так легко. До мести падкий
Сам же лезешь ты в капкан.

И на речи чьи угодно
Ты готов разинуть рот,
А рассудок своевольный
Все в отсутствии живет...»

При таком положении вещей в 421 г. между воюющими странами было заключено перемирие на 50 лет, названное по имени афинского представителя — вышеозначенного богача и рабовладельца Никия — Никиевым миром. Никиев мир восстановил довоенный status quo.

Прекращение войны и заключение мира вызвали наибольший восторг конечно у аттических землевладельцев, более всего страдавших от войны. Настроение деревни этого времени прекрасно схвачено в комедии «Мир» Аристофана, поставленной на афинской сцене в самый год заключения Никиева мира.

«О блаженный мир и упряжка волов, — поет хор крестьян в комедии Аристофана «Мир», — если бы я мог, отделавшись от всей этой войны, окапывать и обрезывать виноградную лозу и после освежительного купания попивать молодое вино, закусывая хлебом и редькой».

«О, как я рад, рад, что наконец-то я закинул прочь шлем и лук!»

4. Алкивиад

Несмотря на все торжественные клятвы, Никиев мир оказался гнилым миром, не разрешившим ни одного спорного вопроса. Недовольны остались обе стороны. В Афинах вскоре после заключения мира вновь восторжествовала военная партия, возглавляемая племянником Перикла Алкивиадом, талантливым полководцем и первым богачом своего времени. По своему происхождению Алкивиад принадлежал к знаменитой афинской фамилии Алкмеонидов и был родственником (племянником) Перикла. Алкивиад отличался большими способностями, образованием и красотой.

«Никогда никого судьба не наделяла так щедро в отношении внешности, никого не окружала такою высокою стеной жизненных благ, как Алкивиада» (Плутарх).

Сильное влияние на Алкивиада оказал философ Сократ, имевший Алкивиада в числе своих учеников. Сам Алкивиад высоко ценил Сократа, беседовавшего со своими «друзьями» на самые разнообразные темы.

«Свое знакомство с Сократом он считал милостью неба, посланной для заботы о молодых людях и их спасения. Презирая самого себя, уважая учителя, преклоняясь перед его дружбой, чувствуя угрызения совести перед его высокими нравственными качествами, он незаметно для себя приобрел предмет любви, так что все удивлялись, видя, как Алкивиад ужинает с Сократом, занимается с ним гимнастикой в палестрах, живет в одной палатке» (Плутарх).

Среди своих современников Алкивиад славился как блестящий оратор, умевший увлекать и очаровывать экклесию. К личным способностям

Алкивиада присоединилось еще богатство. Особенной славой пользовались конские заводы Алкивиада. Ни один раз он одерживал победу в конских состязаниях на Олимпийских играх.

«Происхождение Алкивиада, его богатство, подвиги на войне и большое число его друзей и родственников открыли ему широкую дорогу к занятию государственных должностей. Но он старался всего более покорять себе массу чарующей силой слова. Что у него был ораторский талант, об этом говорят не только комики, но и величайший из греческих ораторов (Демосфен). В речи против Мидия он называет Алкивиада замечательнейшим оратором» (Плутарх, Алкивиад).

Алкивиад
(мраморный бюст)

5. Сицилийская катастрофа

Политику Алкивиада можно рассматривать как естественное продолжение политики Афин предшествующего периода. Никиев мир, как уже указывалось, не разрешил ни одной из тех проблем, которые вызвали войну. Для афинских политиков и стратегов не было сомнения в необходимости продолжения войны и нанесения решительного удара спартанцам. Однако проект Алкивиада встретил упорную оппозицию со стороны Никия, сторонника мировой политики и союза со Спартой.

Алкивиад со своими приверженцами повел решительную кампанию против Никия, не щадя ни слов, ни средств. Алкивиад убеждал афинян немедленно открыть военные действия против пелопоннесцев, предупредив замыслы главных врагов Афин — коринфян и мегарян, сильно ущемленных Никиевым миром, и замыслы Сиракуз, намеревавшихся отрезать от Афин сицилийский и южноиталийский берега. «В нашем положении, — говорил в одной из своих речей Алкивиад, — было бы неуместно определять, до какого именно пункта мы желаем распространить свое владычество: в том пункте, до которого мы дошли, необходимо поставить западню и не переставать нападать на других, ибо мы сами рискуем подпасть под иго, которое мы сами не налагаем».

В словах Алкивиада выражена вся сущность державной политики Афин, нуждавшихся для пополнения рабского рынка, удержания торговой монополии, бюджетного равновесия и вывода клерухий, в постоянных захватах и завоеваниях. Своими планами и рассказами о Сицилии и западных странах он привлекал к себе массу сторонников, главным образом среди населения Пирея, т. е. среди матросов. Молодежь, говорит Плутарх, с жадностью слушала речи Алкивиада и горела жаждой войны, обещавшей славу и богатство. Всюду на палестрах и в публичных местах были видны начертанные на песке карты Сицилии, берега Африки и Карфагена. Все были увлечены походом. Только философ Сократ и астроном Метон не ждали от этого ничего полезного (Плутарх, Алкивиад, XVII). В конце концов экклесия приняла, хотя и не без колебаний и сомнений, проект Алкивиада о походе на Сицилию с целью нанесения решительного удара Пелопоннесскому союзу. Наибольшую поддержку Алкивиаду в этом деле оказали военные элементы, рассчитывавшие на богатую военную добычу и славу. Кроме того на его стороне стояли финансисты, промышленники, судовладельцы и вообще все, так или иначе связанные с войной и морем. Крупные рабовладельцы с Никием во главе были противниками войны. В этом вопросе они вполне солидаризировались с аттической деревней. Наконец вопрос о войне и походе на Сицилию был решен в положительном смысле, и главнокомандующим эскадры был назначен Алкивиад. В число стратегов вопреки своему желанию был выбран также Никий. Эскадра была уже готова к отплытию, как в городе распространился сенсационный слух, оказавший существенное влияние на весь последующий ход войны. В ночь перед отплытием эскадры в Афинах неизвестными лицами были изуродованы гермы — статуэтки в честь бога Гермеса, стоявшие на улицах города. Враги Алкивиада воспользовались этим обстоятельством и сумели внушить возбужденным неудачами и суеверным людям причастность к этому «кощунственному» делу как самого Алкивиада, так и его приверженцев. Весьма правдоподобно, что настоящими виновниками разрушения герм были коринфяне, надеявшиеся таким путем расстроить план Алкивиада и возбудить ненависть к инициатору самого предприятия. Алкивиад потребовал немедленного разбора дела, но в ответ на свое требование получил отказ и приказание немедленно же отправиться в поход. В мае 415 г. из Афин двинулась огромная эскадра числом около 140 триер, имея 5 100 человек тяжелой пехоты, 1 300 пращников, стрелков и легкой пехоты. Это был весь цвет афинской молодежи, главной опоры левого (радикального) крыла экклесии. Первое время дела афинян пошли блестяще. Алкивиад высадился на берегу Италии, взял Регий и наметил обширный план дальнейшего ведения войны. Вскоре после этого афиняне начали завоевание Сицилии и взяли город Катану. Но на этом и оборвались их успехи. Из Афин пришла триера с требованием, чтобы Алкивиад вернулся в Афины на суд по обвинению в религиозном кощунстве и оскорблении народной святыни. Алкивиад отказался повиноваться и вместо возвращения в Афины перешел на

сторону врагов. В Спарте Алкивиад был принят с большим восторгом как талантливый стратег и дипломат, на которого руководители спартанской политики возлагали огромные надежды.

«Об Алкивиаде рассказывали, что он, кроме других способностей, имел еще особенный талант привлекать других к себе, приноравливаясь к их привычкам и образу жизни. При этом он менялся более, чем даже сам хамелеон. Известно ведь, что последний из всех цветов не может принять только белого, Алкивиад же мог подражать и применяться одинаково как к хорошему, так и к дурному. В Спарте он занимался гимнастикой, был прост и серьезен, среди ионийцев жил роскошно, искал развлечений, бездельничал, во Фракии — напивался до-пьяна, в Фессалии — катался верхом, при дворе сатрапа Тиссаферна — жил так пышно и богато, что в сравнении с этим ничего не значила прославленная персидская роскошь» (Плутарх, Алкивиад).

После измены Алкивиада командование перешло в руки **Никия**, с самого начала бывшего противником войны и соответственно с этим действовавшего неохотно и медленно. Войско пало духом, дисциплина расстроилась. Другой стратег, Ламах, хотя и был храбр и смел, но не пользовался никаким авторитетом у солдат. Один за другим отпадали от афинян взятые ими города, пока наконец дело не кончилось полным поражением и разгромом афинской эскадры. Весь экипаж и командный состав с адмиралом во главе был взят в плен. Стратеги, в их числе и Никий, были казнены, а весь экипаж обращен в рабов и направлен на тяжелые работы в каменоломнях. Одновременно с неудачной войной в Сицилии афиняне терпели страшные беды от набегов спартанских отрядов в самой Аттике. По совету Алкивиада, спартанцы в 413 г. вторглись в Аттику, опустошили садово-огородные посадки и, укрепившись лагерем в **Декелее**, повели блокаду Афин (Декелейская война).

Сицилийская катастрофа послужила сигналом к **отпадению афинских союзников**, уже давно тяготившихся афинской гегемонией, и к распаду Афинской архэ. Во внутренней жизни Афин гибель эскадры, состоявшей из цвета афинской молодежи, главной опоры демократического режима, и отложение союзников окончательно подорвали престиж радикальной партии и привели к государственному перевороту 411 г. Место низверженной «крайней демократии», или охлократии, как ее называли ее враги (олигархи), заняла партия состоятельных классов, «способных иметь собственное оружие». Таким образом афинский демос отныне лишался своего последнего источника существования — государственного вспомоществования в виде диэт. Единственной надеждой оставалась плата за военную службу и военные награды, раздаваемые солдатам их победоносными командирами. Война продолжалась. Особое значение в этот период получают военные командиры, греческие «колониальные императоры», действовавшие на отдаленных театрах войны, слабо контролируемые центром и тесно сраставшиеся со своими армиями.

Таковыми были афинские стратеги Ферамен, Фрасил, Фрасибул и, главное, Алкивиад, помирившийся с фракцией «умеренных» — олигархов (партия Ферамена).

Союз Алкивиада со Спартой продолжался недолго. Ни одна сторона не получила того, на что надеялась. Тогда Алкивиад начал зондировать почву среди афинян для своего возвращения в Афины и нашел полное сочувствие у экипажа стоявшей близ острова Самоса афинской эскадры. С помощью «народных вождей» (демагогов) вновь приняв команду над афинским флотом, Алкивиад одержал ряд блестящих побед над спартанцами при Кизике, Абидосе и др. Следствием этих побед было возвращение Афинам проливов и восстановление афинской гегемонии в Эгейском море. Теперь в ореоле блестящих побед Алкивиад решил вернуться на родину. Соответствующая почва была уже подготовлена его «друзьями». После восьмилетнего отсутствия Алкивиад отправился в Афины. В 407 г. он прибыл в Афины на 200 триерах со множеством пленных и с богатым запасом добычи. В Афинах ему была устроена торжественная встреча.

Алкивиад явился в экклесию и произнес речь соответствующего содержания. Он жаловался на свою судьбу, волю богов и происки врагов. Возбужденное собрание провозгласило Алкивиада стратегом с неограниченной властью, т. е. диктатором, или тираном. Конфискованное во время изгнания имущество Алкивиада было ему возвращено, проклятие снято. Однако диктатура Алкивиада и его популярность во флоте оттолкнули от него олигархов и заставили их изыскивать способы удаления его из города. Под предлогом продолжения войны со спартанцами Алкивиад был удален из Афин, куда он уже более не возвращался.

6. Конец Пелопоннесской войны

Последний период Пелопоннесской войны отмечен блестящей победой афинского флота при Аргинусских островах, близ Лесбоса (406 г.). За этой последней победой идут уже одни сплошные поражения. Против Афин действуют совместно две силы — Спарта и Персия, постепенно оправлявшаяся от поражений прошлого столетия. Последнее и самое тяжелое поражение афиняне потерпели от спартанского адмирала, командира соединенной спартанско-персидской флотилии Лисандра при входе в Геллеспонт при «Козьих реках» (Эгоспотамос) в 405 г. Поражения при Эгоспотамосе было не только поражением афинского флота, но также и поражением демократической партии во всех греческих общинах. Спартанский победитель наварх Лисандр взял курс на Аттику, повсюду по пути низвергая демократию и передавая власть назначенным из своих приверженцев-олигархов «комитетам десяти» (декархиям), поддерживаемым спартанскими гарнизонами. После нескольких месяцев осады Лисандр вынудил голодом афинян к сдаче и продиктовал им суровые

условия мира. Согласно лисандровой конституции, афиняне обязывались передать спартанцам весь свой военный и торговый флот, за исключением 12 небольших судов, несших сторожевую службу, срыть до основания все укрепления («Длинные стены»), признать гегемонию Спарты в греческом мире и восстановить «дедовские порядки», т. е. солоно-клисфенову тимократию с отменой всех диэт и оплат. Для контроля за выполнением принятых на себя обязательств в Афинах поставлен спартанский гарнизон и назначен «комитет десяти». Таков был конец Пелопоннесской войны.

Разгром Лисандра положил конец великодержавному Афинскому полису; гегемония от Афин перешла к Спарте и затем к Фивам. Однако разгром Афин еще не означал совершенного уничтожения Афинского государства. Экономическая мощь Афин и их экономическое влияние, несмотря на все поражения, были еще очень сильны. В то же время между противниками Афин не было согласия по целому ряду вопросов. Гегемония Спарты немногим отличалась от гегемонии державных Афин. Вследствие этого, пользуясь недовольством союзников спартанской гегемонией, Афинам в 70-х годах IV в. удалось образовать Второй морской союз, в который входили: о. Хиос, о. Родос, Византия, Фивы и др. — в общем семьдесят полисов. В отличие от Афинской архэ новый союз предоставлял больше прав союзникам, запрещал вывод клерухий, устанавливал добровольность союзных взносов и т. п. Однако целый ряд причин привел к тому, что и этот союз начал перерождаться в гегемонию Афин, что привело к недовольству союзников, их отложению, а затем и распаду союза, просуществовавшего всего 23 года (378—355). Дальнейшая история Афин уже связана с историей Македонии и будет рассмотрена в соответствующей главе о Македонии.

X. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

1. Классовая борьба

Пелопоннесская война была не только внешней, но и внутренней войной. Все внутренние противоречия, назревавшие в предшествующий период, теперь прорвались наружу. В среде свободного гражданства главная линия противоречий отныне шла уже не между родовой аристократией и демократией, а внутри самой демократии, между ее правым (плутократия) и левым (охлос) крылами. Экономическое значение Афин падает с конца III века, со времени возвышения Родосской республики, перехватившей средиземноморскую торговлю. Внутренняя история Афин V и следующих столетий полна политических переворотов и острой классовой борьбы, развертывавшейся на фоне внедрения рабской системы и роста торгового капитала, а позже на фоне начинавшегося кризиса рабства и феодализации.

Чем больше слабели коллективные связи античного полиса (античная собственность) вследствие роста крупного (рабского) производства и крупного землевладения, тем сильнее расширялась пропасть между плутократией и демократией. Резче всего социальные противоречия бросались в глаза в быту, в жилище, обстановке, в транспорте и костюмах.

В то время как богачи жили в роскошных домах-замках, со множеством комнат, украшенных картинами и статуями, садами и фонтанами, масса населения ютилась в каморках, жила в банях, ночевала на улицах, не имела ни платья, ни еды. Особенно тяжелым положение бедного населения становилось во время войны и кризисов, когда поднимались цены на продукты и снижалась и без того низкая поденная плата.

Платон изображает современное ему Афинское государство расколовшимся на две неравные части: государство бедных и государство богатых. Эти два социальные слоя (бедные и богатые) хотя и живут друг с другом в одном и том же месте, но постоянно злоумышляют друг против друга и готовы пожрать один другого. В

старое время были честолюбивые и самолюбивые люди, в настоящее же время их место заняли корыстолюбивые и честолюбивые люди. Богачу теперь воздают всяческую похвалу и удивление и вверяют власть, а бедняка унижают и третируют. Если в государстве ценят богатство и богатых, то это означает, что не ценят добродетели порядочных людей («Полития», VIII, 550).

«В наше время каждое из государств представляет собою множество государств, а не одно государство, подобно тому, как при игре в городки. Какое из них ни возьми, в нем всегда найдешь два враждебных друг другу государства: одно бедняков, другое богатых. И каждое из них в свою очередь распадается на отдельные государства» («Политня», IV, 422).

Не менее мрачную картину жизни греческих масс рисует современник Платона Исократ, афинский писатель IV в. В ряду многочисленных народных бедствий Исократ называет безработицу среди свободных ремесленников и земледельцев, бродяжничество, наемничество и пр.

«Положение Греции таково, — заключает одно из своих писем к македонскому царю Филиппу Исократ, — что легче набрать многочисленное войско из бездомных бродяг, чем из имеющих определенное местожительство граждан» («Филипп», III, 40).

В одном стихотворении конца V или IV в., вставленном в «Труды и дни» Гесиода, современная автору эпоха сравнивается с железным веком, пришедшем на смену медному, серебряному и, еще раньше, золотому векам.

«Первым меж смертных людей сотворили Олимпа владыки
Век *золотой*, когда Крон был повелителем неба.
Жизнью богов наслаждались те люди, с душой беззаботной,
И от трудов и от горя свободные..
Хуже гораздо того сотворили Олимпа владыки
Меж земнородных *серебряный* век...
Зевс же отец век третий, людей обреченных страданьям
Медный возрастил на земле...
Медные были доспехи у них, были медные домы,
Медью пахали они и неведом был черный булат им...
Ныне *железное* племя царит. Не видать им просвета
Днем от тяжелых трудов и от мук. Не устанет и ночью
Гибель их племя косить: окружит их несчастьями боги».

При таком положении вещей у неимущих граждан единственным источником существования оставалась *война* и *государственное вспомоществование* в виде всевозможных раздач. Вокруг этого вопроса в V и следующих столетиях велась настоящая война между демократами и олигархами.

«Кому, — спрашивает Исократ, — не станет грустно при виде столь многих граждан, толпящихся у судов и вынимающих жребий, решающий вопрос о том, будут ли они ради хлеба насущного участвовать в них или нет... Или не столь ли грустно видеть граждан, участвую-

щих за вознаграждение в хорах в разукрашенных золотом одеждах, а зиму проводящих в таких одеждах, которые я не рискую даже и описывать» («Ареопагитик», 54).

На этом фоне понятны причины широкого распространения политического подкупа и торговли голосами, о котором повествуют писатели-современники.

«Все говорят, — замечает анонимный автор «Афинской политии», — что в Афинах за деньги можно получить доступ в совет и в народное собрание. Я тоже согласен, что за деньги в Афинах можно сделать многое и что чем больше денег, тем больше успеха. Но я знаю и то, что всех удовлетворить город не в состоянии, сколько бы ни давали золота и серебра» («Афинская полития», XIX).

В тех случаях, когда перечисленные источники общественной благотворительности оказывались недостаточными прибегали к частичной конфискации имуществ состоятельных граждан. С конца Пелопоннесской войны все более входит в обычай принудительное привлечение богатых к несению так называемых литургий, т. е. устройству на свой счет общественных праздников, поставку хоров, оснащение кораблей, организации обедов и т. п.

«Общественные повинности, — говорил по одному поводу в афинской экклесии Демосфен, — должны брать на себя самые богатые из граждан, и ни один человек — ни из числа полноправных граждан, ни из числа метойков — одним словом вообще никто, за исключением потомков Гармодия и Аристогейтона (убийц тирана Гиппарха, сына Писистрата), не может быть освобожден от обложения. На будущее время будет запрещено освобождать от повинности кого-либо по его просьбе».

В условиях античных полисов государство пользовалось более широкими правами в отношении как отдельных граждан, так и их имуществ. Устройство общественных празднеств богатыми гражданами, поставка хоров, оснащение кораблей и наконец прямые раздачи денег и угощений практиковались и в более ранние эпохи. С конца же Пелопоннесской войны нажим со стороны государства усилился вследствие общего кризиса и развившихся спекулятивных наклонностей богатого гражданства.

Однако ни война, ни литургии не разрешали финансового вопроса. Наоборот, в большинстве случаев они только увеличивали хозяйственную разруху и вконец разоряли мелкого производителя. В лучшем случае они могли лишь устранить на короткое время острую нужду, положительного же значения они не имели. Богатые скрывали свои богатства, переправляли их за границу, а при удобном случае и сами эмигрировали, прикидываясь больными, выставляли ложных свидетелей — в общем изыскивали всевозможные средства, чтобы так или иначе спастись от литургий.

«Много ли в настоящее время таких, — спрашивал в экклесии Демосфен, — которые несут ежегодно регулярные повинности, т. е. содержат хор, устраивают состязания и дают общественные обеды? Всего,

быть может, человек шесть-десять или немного больше...» (Демосфен, Речь против Лептина).

Социальный антагонизм между различными группами эллинских полисов своего наивысшего напряжения достиг в конце Пелопоннесской войны, повлекшей за собой острый экономический кризис и массовое разорение средних и низших классов. Пелопоннесская война обострила классовые противоречия как между рабами и рабовладельцами, так и в среде самих свободных граждан, до тех пор скрывавшиеся под блестящей оболочкой «просвещенной демократии». Война расстроила быт, лишила людей всех жизненных удобств и сделалась, по выражению Фукидида, учительницей насилия.

«Война, — говорит Фукидид, — отняв у людей все удобства повседневной жизни, вызвала наружу то, что уже давно клокотало внутри. В городах началась анархия, и люди под влиянием известий о военной катастрофе строили себе чудовищные по фантастичности замыслы, превосходя друг друга в изощренности своих происков и мщения. Изменилось даже обычное значение слов. Общеупотребительный смысл слов заменился личным мнением. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством, проявленным из любви к сотоварищам; предусмотрительная медлительность — благовидной трусостью; рассудительность — обличьем труса; внимательность ко всему — полной неспособностью к делу; безумная решительность стала приниматься за свойство настоящего мужа; осторожное обдумывание — за приличный предлог уклониться...

...Повсюду кипели страсти людей, наслаждавшихся страстью мщения и злобы...

Всячески стремясь друг друга осилить, решались на самое ужасное, применяли все более страшное мщение, не ограничиваясь пределами справедливости и государственной пользы, но сообразуясь только с тем, что в данную минуту доставляло удовольствие той или другой партии: добиваясь осуждения путем несправедливого голосования или силой захватывая власть, они готовы были насыщать свою минутную страсть» (Фукидид, III, 83).

Гражданская война разразилась в Леонтинах и Сиракузах в Сицилии, на острове Самосе, на Коркире и ряде других полисов. Весь эллинский мир пришел в движение, повсюду происходили раздоры, вожди демократии призывали на свою сторону афинян, а олигархи — спартанцев. Крайней ожесточенности гражданская война достигла на острове Коркире в 427 г. до н. э. Коркирская демократия при поддержке аттических кораблей произвела кровавую расправу со своими врагами, участниками недавнего олигархического переворота. Особенно жестока была расправа с кредиторами, которых беспощадно убивали их должники. Ожесточение противников достигло крайней степени. На обеих сторонах сражались рабы, привлекаемые обещаниями свободы. Сражения происходили в гаванях, на подступах к городам, на улицах городов, в домах и даже на крышах домов. В битвах принимали участие не только мужчины, но также и женщины, бросавшие черепицы с

крыш домов и выдерживавшие боевой шум и ужасы «со стойкостью, не свойственной их полу». Весь город был охвачен пожаром. Горели общественные здания, дома частных лиц, постоялые дворы, товарные склады, амбары, купеческие корабли и торговые здания.

«Смерть, — говорит Фукидид, — предстала тогда во всех видах, превосходя решительно все, что происходит в подобном положении».

Коркирская резня казалась тем более ужасной, что она была первой в длинной цепи гражданских войн, потрясавших Элладу со времени Пелопоннесской войны и приведших в движение весь греческий мир.

Как видно из примера с коркирским и самосским переворотами, социальная жизнь в греческих полисах не была изолирована. Между полисами существовала тесная связь, и всякие перемены в одном полисе тотчас же находили отклик в другом. В следующие столетия это привело даже к образованию панэллинского союза олигархов и противоположного ему союза демократов.

В связи с Коркирской войной демократически настроенный афинский историк (Фукидид), видевший социальный идеал в «золотом веке» Перикла и глубоко преклонявшийся перед личностью Перикла, высказывает целый ряд пессимистических тенденций, характерных для настроения старой перикловской интеллигенции.

«Много произошло в то время в эллинских государствах тяжелых бедствий, которые теперь бывают и всегда будут происходить, пока природа людей будет оставаться той же, только иногда они бывают более жестокие, иногда более умеренные, разнообразные в своих проявлениях, смотря по тому, как наступают каждый раз перемены отношений».

2. Олигархические гетерии

Демократический строй не выдержал всех обрушившихся на него бедствий и с конца Пелопоннесской войны катастрофически начал разрушаться, уступая место олигархическому строю и затем настоящей военной диктатуре (тирании или монархии). Богатая часть гражданства под напором радикальных элементов демократии (охлос), восстаний рабов и участившихся побегов их стала усиленно искать выхода из критического положения. В конце концов после отчаянного сопротивления демократических элементов олигархи победили.

Однако вследствие обострений внутреннего и внешнего положения они не смогли надолго удержать власть в своих руках и потому вынуждены были передать руководство делами государства военному диктатору (тирану). Ядро олигархов («немногих») составляли представители родовой знати, действительные или мнимые, считавшие себя лучшими людьми (геннайой, гноримой). К ним примыкали самые разнообразные элементы, недовольные демократической конституцией. В более позднее время олигархов отождествляли с консервативно-реакционными элементами, враждебными демосу. Во главе олигархических гетерий стояла интеллигенция.

Недовольная существующим демократическим строем интеллигенция примыкала к олигархам, поскольку в их среде она думала найти выход своим оппозиционным настроениям.

Соответственно социальной пестроте олигархических группировок также пестра, неустойчива и противоречива была и их социально-политическая программа. Вначале к олигархам примыкали все недовольные демократическим строем, в дальнейшем же их пути радикально расходились. На одном пункте сходились все олигархи — на идеализации Спарты: «В Лаконике — все прекрасно устроено и предусмотрено. Это скорее божеское, чем человеческое учреждение». Отсутствие единства интересов было одной из причин неустойчивости олигархических республик, в конце концов вынужденных уступить руководство централизованной власти.

Первое время олигархи не осмеливались открыто выступать с критикой существующего строя. За невозможностью публично высказывать свои мысли противники демократической конституции объединялись в небольшие союзы, нередко с религиозной окраской, носившие название тайных клубов, или по-гречески гетерий.

Своих сторонников олигархи вербовали путем устной и письменной пропаганды, выступлений, книг и брошюр (памфлетов). Представление о политических памфлетах олигархов дает «Афинская полития» анонимного автора, написанная в конце Пелопоннесской войны. Неизвестный автор (возможно Критий) с большой иронией и злобой критикует демократические порядки Афин, говоря, что в Афинах свободных совершенно нельзя отличить от рабов и что в Афинах все можно купить за деньги. Как жизненная картина, весьма любопытен также диалог некоего Афинагора с олигархически настроенной молодежью о смысле затеваемого ими олигархического переворота и об отношении к ним демоса, переданный в одной из книг фукидидовой истории.

«Я часто слышу, — говорит Афинагор, — суждение, что демократия — неразумный и несправедливый строй и что плутократия способна к управлению. На это я отвечу следующее. Во-первых, имя народа охватывает целое, а олигархией называется часть его. Во-вторых, правда, что вернейшими сберегателями финансов являются богатые, но, с другой стороны, наилучший ответ подают умнейшие, а правильнее всего решает, по выслушании мнений, масса. Притом все эти разряды людей, как в отдельных группах, так и в целом, пользуются в демократии одинаковым положением. Что же касается олигархии, то она предоставляет массе народа участие лишь в опасностях, в выгодах же она присваивает себе лучшую долю, больше того — она берет все и ничего не уступает другим. Вот к чему стремятся крупные люди из вашей среды и вы, олигархически настроенная молодежь. Все же я думаю, что в большом городе подобное положение вещей не может удержаться» (Фукидид, История, VI, 36).

В числе афинских олигархов значился весь цвет тогдашней интел-

лигенции, большей частью выходивший из рядов самих же олигархов. К числу лиц, сочувствовавших олигархии, примыкали первый адвокат своего времени Антифонт, никогда не скрывавший своих антидемократических убеждений, адвокат Архиптолем из Аргины, сын знаменитого архитектора Гипподама, софист Андрон, стратег Ферамен, через своего отца связанный дружбой с Периклом и его кругом, Милесий, сын политика Фукидида, противника Перикла, профессиональный политик Пейсандр, перешедший от демократов к олигархам, и многие другие. Кроме того к олигархам примыкало много флотских и сухопутных офицеров. К числу врагов афинского демоса принадлежал между прочим и Аристофан, один из самых популярных писателей того времени. Комедия «Всадники», написанная в угоду афинским всадникам (олигархам), под маской выжившего из ума старика зло высмеивает афинский демос и в карикатурном виде выставляет его вождей. «Ты, — поет хор, обращаясь к пафлагонцу, намекая на Клеона, — человек без совести. У демократических ораторов сила их красноречия заключается в одной только наглости и дерзости. Стоя у власти, они разоряют союзников, потворствуя дурным людям, а таких благородных людей, как Архиптолем, сын знаменитого архитектора Гипподама (отъявленный олигарх), держат в черном теле. «Народные льстецы» (демагоги) стараются в своих обещаниях превзойти один другого, соревнуясь в лукавстве, наглости, кознях и пр.» («Всадники», 322).

Иными методами разрушали демократический строй софисты, профессиональные философы, педагоги и учителя. Софисты проповедывали индивидуализм, выдвигая на первый план сильную личность. В то же время софисты отрицали общеобязательность норм, доказывая, что высшим критерием истины является сам человек. На свете, доказывали софисты, нет ничего прочного и достоверного, кроме данного настроения определенного субъекта. «Человек — мера всех вещей», — вот отправной социологический пункт софистики.

Но раз признано подобное положение, то тем самым провозглашено и абсолютное право каждой индивидуальности. Отрицательное, даже больше, презрительное отношение софистов к общественному мнению, — безразлично, выражено ли оно в нормах законов, заключено ли в научных положениях, в условностях быта или в этических нормах, — являлось, как увидим из дальнейшего изложения, вполне логическим выводом из общих положений софистики.

В этом отношении любопытен например взгляд софиста Каликла на государство как на заговорщический союз слабых против сильных. Сам Каликл предпочитает господство сильных над слабыми, умных над глупцами, оправдывая это ссылкой на «естественный» закон. Те же самые идеи высказывал и Ликофрон, доказывая историчность права и государства и тем самым следовательно законность государственного переворота. Теорию софистов о крупной личности разделял также и сам «народный мудрец» Сократ, во многих отношениях близко стоявший к софистам.

3. Олигархический переворот в Афинах 411 г.

Политическая история Греции последних столетий полна олигархических переворотов. Однако не везде и не всегда олигархическим гетериям удавалось легко отделаться от демоса и захватить власть. Число сторонников народоправства во всех полисах было достаточно внушительно и кроме того демократы с большой энергией защищали демократическую конституцию с всенародной экклесией, с оплатой государственных должностей и раздачами. В противовес олигархическим гетериям составлялись аналогичные демократические гетерии, клятвенно обязывавшие своих членов защищать демократический строй и сообщать властям о всяких замыслах противников. Одна из таких гражданских клятв дошла до нас в надписи на мраморной доске из Херсонеса Таврического. Текст клятвы гласит следующее: «Клянусь Зевсом, Землей, Солнцем, Девой, что я буду единомыслен относительно благосостояния и свободы города и граждан и не передам ни Херсонеса, ни Керкенитиды, ни прекрасной гавани, ни прочих укреплений, ни прочих земель, коими херсонеситы владели или владеют, ничего никому: ни эллинам, ни варварам, но буду охранять для народа херсонеситов. И не нарушу демократию, а желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вместе с ним, но заявлю городским демиургам. Врагом буду всякому злоумышляющему и склоняющему к отпадению... И буду служить демиургам и членам совета как можно лучше и справедливее для города и граждан. Не передам никому на словах ничего тайного, что может повредить городу, и дара не приму ко вреду города и граждан. И не замыслю какого-либо неправедного деяния против кого-либо из граждан, и никому замышляющему (не дозволю), но заявлю и при суде подам голос по закону. И в заговор не вступлю, ни против общин, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа. Если я узнаю какой-либо заговор, существующий или только составляющийся, то об этом заявлю демиургам. И хлеба вывозного с равнины не буду продавать и вывозить в другие места, как только в Херсонес»[1].

Глубже всего демократия пустила корни на аттической почве, где поэтому острее и длительнее происходила борьба демократии и военной диктатуры. Военная диктатура в лице македонского царя утвердилась в Аттике лишь в конце IV в., да и то после целого ряда кровопролитных войн, подкупов и измен.

Первый серьезный удар афинской демократии был нанесен государственным переворотом 411 г., произведенным олигархическими гетериями. Сицилийская катастрофа развязала язык и руки всем врагам демоса. В результате огромных словесных боев на Пниксе (место народного собрания), олигархам удалось убедить афинских граждан пересмотреть некоторые параграфы конституции и внести соответствующие изменения. В 412 г. было объявлено «отечество в опасности» и

---

[1] К. Гриневич, Путеводитель по Херсонесу, стр. 97.

была назначена комиссия десяти пробулов, избранных из «лучших во всех отношениях граждан». Цель комиссии формулировалась как выработка проекта конституции. Одновременно с комиссией десяти пробулов была составлена специальная финансовая комиссия десяти пористов (финансистов с целью преобразования финансовой системы, отмены раздач и замены союзного фороса пятипроцентной пошлиной на все товары, проходившие через гавани Афинской архэ. Но и на этом дело не остановилось. В 412 г. олигарх Пифадор внес в экклесию новое предложение об увеличении количества пробулов с десяти до тридцати человек с целью всестороннего изучения старых законов перикловского и доперикловского времени, долженствовавших лечь в основу новой конституции. Комиссия изучала законы Солона и Клисфена по находившимся в ее распоряжении архивным материалам — аттидам (афинским хроникам), крайне тенденциозно и схематично изображая греческую старину. Следы этой публицистической работы отчетливо видны в соответствующих главах наших источников по истории древнейшей Греции — Плутарха и Аристотеля, о чем уже говорилось выше.

Проект конституции, выработанный комиссией тридцати, предусматривал, во-первых, отмену раздач и оплат государственных должностей, во-вторых, ограничивал активное и пассивное право немногими гражданами, имеющими собственное вооружение, т. е. состоятельными классами, число которых в то время едва ли превышало 5 тыс. человек. Составление списков «имеющих оружие» поручалось еще одной специальной комиссии в сто человек, по десяти от каждой филы. Главным органом новой конституции должен был стать совет четырехсот, якобы существовавший в Аттике в глубокую древность, при Драконе и Солоне. Вдохновителями всех названных комиссий и вождями движения были уже знакомые нам лица — олигархи и ренегаты Антифонт, Пейсандр и Фриних. Однако под влиянием успеха демократически настроенного афинского флота крайняя группа Антифонта вскоре должна была уступить место более умеренной группе Ферамена, который за свои постоянные колебания то в сторону демократии, то в сторону олигархии был прозван котурном, т. е. сапогом на обе ноги. Созванная по инициативе Ферамена экклесия на Пниксе передала управление пяти тысячам «имеющих оружие», т. е. наиболее состоятельной части гражданства, в свою очередь вынужденным под влиянием новых военных успехов афинского флота уступить место полному народоправству. На короткое время были восстановлены старые демократические учреждения — экклесия, совет пятисот, гелиэя и наконец, по предложению главного демократического вождя Клеофонта, введены были в увеличенном размере раздачи и оплата за отправление государственных должностей. Но эта искусственно оживленная демократическая конституция просуществовала недолго.

Эфемерная демократия Клеофонта просуществовала всего несколько месяцев до генерального разгрома афинского флота спартанским адмиралом Лисандром при Эгоспотамосе (осень 405 г.).

• После разгрома афинского флота и взятия Афин Лисандр передал управление «Комитету из тридцати» олигархов, сторонников Спарты и личных друзей Лисандра. В истории эта комиссия известна под именем «Тридцати тиранов» или просто «Тридцати». Во главе «Тридцати» стоял Критий, некогда рьяный демократ, ученик Сократа и софистов, блестящий публицист и оратор. Возможно, что именно Критий и был автором вышеупомянутого памфлета «Афинское государство», вышедшего в конце Пелопоннесской войны и проводящего мысль о невозможности свержения демократии мирными средствами изнутри. На государство Критий смотрел как на учреждение, созданное для сдерживания эгоистических, своекорыстных стремлений людей, на религию — как на изобретение умных людей для обуздания и руководства темными массами, а на террор — как на средство управления, без которого не может обойтись ни одно правительство.

В известной мере Критию удалось достигнуть того, к чему стремился Алкивиад, т. е. учреждения военной диктатуры и очищения конституции от революционных элементов. Первым делом «Тридцати» была отмена диэты и ограничение числа полноправных граждан тремя тысячами наиболее состоятельных граждан. Экклесия одобрила переворот и вверила «Тридцати» диктаторские полномочия: право беспрекословного чрезвычайного распоряжения жизнью и смертью граждан. Внешне диктатура «Тридцати» казалась чрезвычайно крепкой, на самом же деле она была весьма слаба и неустойчива. Причина неустойчивости «Тридцати тиранов» заключалась в крайней противоречивости социальных группировок, на которые эта экстраординарная власть опиралась. Этим объясняется исключительно жестокий, террористический характер правления «Тридцати», стоивший жизни нескольким тысячам граждан. Полное расстройство государственных финансов заставило новое правительство вступить на путь широких конфискаций имуществ граждан, налогов и реквизиций. Не было согласия и в самой среде «Тридцати». С самого начала среди них начались трения и несогласия. Против представителя крайней левой — Крития — выступил представитель правого крыла олигархов Ферамен. Отчаянная борьба между вождями обеих группировок «Тридцати» окончилась поражением и смертью Ферамена, арестованного и казненного по приказанию Крития. Расколом в среде «Тридцати» воспользовались эмигранты-демократы, укрывавшиеся в пограничной крепости Филы и имевшие поддержку фиванских демократов, боявшихся утверждения олигархов в Афинах. Во главе афинских демократов-эмигрантов стал Фрасибул, старый командир флота, горячий сторонник демократических порядков. При Ахарнах Фрасибул разбил войско афинских олигархов, занял Пирей и крепость Мунихию.

Попытка олигархов занять Элевсин и Саламин также окончилась неудачей. После того как Критий, глава «Тридцати», был убит в одном из сражений, а остальные олигархи погибли или разбежались, власть временно перешла к «Комитету десяти», также вскоре свергнутому и уступившему место реставрированной демократии (403 г.). Конститу-

ция 403 г. просуществовала до самого конца афинской истории, но сами Афины после всех потрясений и разгромов уже не играли первостепенной роли в системе эллинских держав, сойдя на положение провинциального полиса. Афины того времени, по остроумному сравнению афинского оратора Демада, были похожи на старушку, тихонько потягивающую свою микстурку и легонько бродящую, шлепая туфлями (Ксенофонт, Эллинские дела, II, 3).

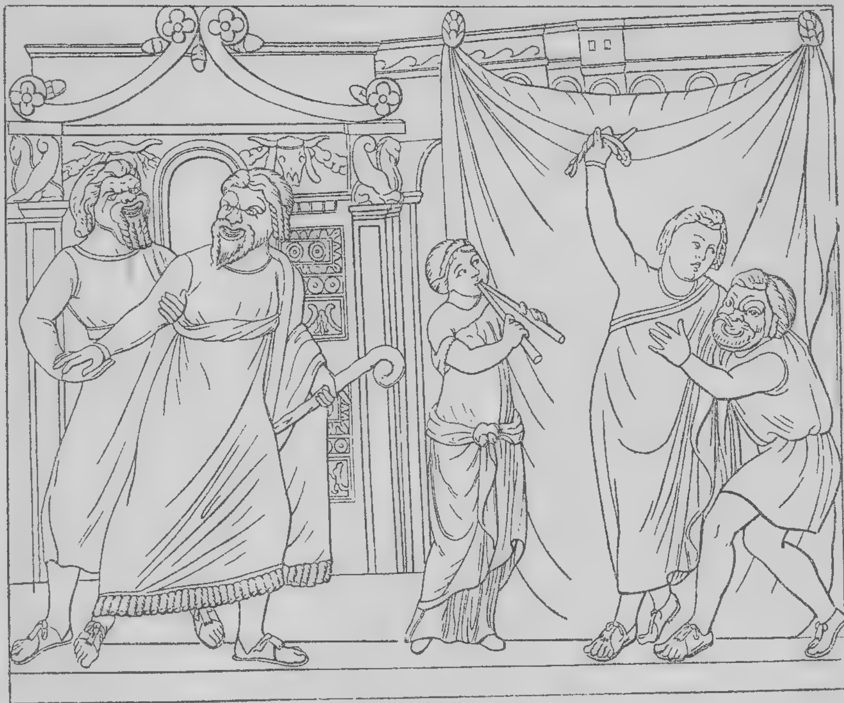
4. Отражение классовой борьбы в современной публицистике

Классовая борьба и классовые противоречия нашли свое отражение в современной публицистике. Из сохранившихся литературных образцов видно, что общественная мысль греческих полисов в то время была чрезвычайно возбуждена и настроена критически по отношению к существующему укладу жизни. Так, в одной из комедий Аристофана ревнитель нового просвещения Эврипид заявляет, что в Афинах теперь всякий философствует, как этого никогда не было прежде. Слова: почему? зачем? кто? где? как? чьи? откуда все это происходит? кто виновник зол и обид? не сходят с языка афинских граждан, но само собой разумеется, что на такого рода отвлеченных вопросах возбужденная мысль не могла остановиться. В связи с экономическим кризисом особенно острым становился вопрос о раздачах, а в связи с этим и вообще о более справедливом распределении национальных доходов. При этом характерно для психологии античных политов (граждан), что во всех их суждениях всегда выступает на передний план потребительская, а не производственная точка зрения. В этом отношении весьма показательны например рассуждения в «Осах» Аристофана, сына афинского гелиаста (судьи), о распределении доходов в Афинской республике. По расчетам гелиаста выходило, что из 200 талантов, ежегодно поступающих в казну Афин в Акрополе, лишь 150 талантов поступает демосу, остальная же часть расходится по карманам высших должностных лиц, принадлежащих к первым классам афинского нобилитета.

«О демос, — возмущается оратор, — ты, который властвуешь над городами от Понта до Сард, не получаешь ничего, кроме каких-то трех оболов, выдаваемых тебе за несение судейских функций. Владыки нашего государства выдают тебе содержание ничтожными дозами, для того чтобы, во-первых, ты всегда оставался беден и, во-вторых, чтобы, получая эти несчастные оболы, ты никогда не забывал о своих благодетелях. Между тем как [полагает оратор] честные правители очень легко могли бы устранить народную нужду. В самом деле, ведь Афинам платят дань тысячи городов, и вот если бы приказать каждому из них взять на свое содержание по 20 афинян, то тогда, на худой конец, были бы обеспечены 20 тыс. афинских граждан. У афинских граждан тогда будет в изобилии мед, молоко, роскошные венки и цветы. И это будет жизнь действительная, достойная сыновей марафонских героев. А что вы видите теперь? Вместо всего этого вы бегаете за несчастными

тремя оболами, как поденщики осенью бегают за работой. Да в самом деле, — восклицает возмущенный гелиаст, — разве власть афинского демоса меньше власти любого царя, даже самого Зевса?» («Осы», 356).

Первым требованием афинского и вообще греческого демоса было требование передела земли и освобождения от долгов.



Сцена из античной комедии

В «Женской экклесии» Аристофана развертывается перед нами в комически шаржированной форме страстная борьба, кипевшая тогда около этих животрепещущих вопросов дня в таких центрах массового скопления обезземеленной и задолжавшей бедноты, какими были Афины. Краткое содержание этой комедии следующее: афинские женщины, потерявшие веру в политические способности своих мужей, решили взять управление страной в свои собственные руки и с этой целью, тайком от мужей, назначили в утренний час, когда их мужья еще спали, народное собрание. Женская экклесия должна была выработать проект коренных реформ и затем произвести государственный переворот. Героиня пьесы Праксагора (Праксагора — деловая женщина) развертывает перед собранием программу, которую, по ее мнению, как и по мнению всего собрания, необходимо провести в пользу народа. «Я полагаю, — говорит Пракса-

гора, — это отныне все должно стать общим. Прочь порядок, в котором один владеет обширными поместьями и деньгами, а у другого нет даже места для могилы. У одних целая армия рабов, а у других нет и одной прислуги. Общим достоянием должны сделаться поля, деньги и все остальные виды имущества. Тогда не будет ни бедных, ни богатых, все будут иметь достаточно пищи и питья. Не будет также и семьи, которая ведь и теперь недоступна пролетарию. Все люди старшего поколения будут считаться отцами младшего поколения» («Женская экклесия», 300). По сути же дела радикализм Праксагоры ограничивался перемещением имущества из одних рук в другие, и только. Таково же было мнение и всего собрания, напряженно слушавшего и горячо аплодировавшего Праксагоре. Такого рода идеями об имущественных перемещениях полна вся греческая история после Пелопоннесской войны. Со всей страстью критикуя существующий строй как не соответствующий интересам большинства, герои Аристофана вместе с тем с удовольствием представляют себя в роли будущих богачей, окруженных рабами и клиентами.

«Когда я сделаюсь богатым, — мечтает один афинский обыватель в комедии «Плутос», — и я буду сладко есть и пить с женой и детьми и, хорошо вымывшись в бане, возвращаясь с важным видом домой, буду милостиво плевать на ремесленников и бедноту».

5. Попытки регулирования хозяйственной жизни

Войны и неразрывно связанные с ними экономические кризисы до последней степени расшатали хозяйство эллинских полисов. С каждым годом все более возраставшие государственные расходы тяжелым бременем падали на плечи плательщиков. Притоки доходов извне в виде военной добычи, пошлин и налогов сокращались. Вследствие этого приходилось изыскивать всевозможные средства, чтобы повысить доходы и поднять производительность страны. К числу такого рода мероприятий, долженствовавших повысить национальный доход, принадлежали попытки государственного регулирования общественных доходов. Известен целый ряд декретов, издававшихся различными полисами о регулировании закупок и распределении хлеба. В афинской и других экклесиях избирались специальные комиссии из наиболее богатых граждан по закупке и распределению хлеба между гражданами. Каждый член закупочной и распределительной коллегии выставлял за себя поручителей из лиц, обладавших капиталом. За растрату полученных путем сбора сумм на покупку хлеба назначался тяжелый штраф и лишение прав.

Закупленный комиссией хлеб выдавался гражданам данного полиса, распределенным по сотням или тысячам. «Весь закупленный хлеб, — гласит например декрет народного собрания острова Самоса по поводу закупки хлеба на общественные нужды, — следует распределять между гражданами, проживающими в данное время в городе, по тысячам, предоставляя каждому ежемесячно и бесплатно по двум мерам».

«Распределение, — гласит тот же самый декрет, — должно начать

с месяца Пелусиона и продолжать столько месяцев, пока хлеб не будет израсходован. Один за другого может получить хлеб лишь в случае болезни последнего. Распределение должно производить в течение первых десяти дней каждого месяца, для отсутствующих — по их возращении в течение 30 дней. Ежемесячно граждане, избранные для закупки хлеба, должны представлять контролерам в письменной форме список лиц, получивших хлеб, располагая их по тысячам».

Регулирование касалось не только хлебных закупок и продаж, но и целого ряда других важнейших статей греческой экономии: строительных материалов, смолы, льна, масла, дров, угля и пр.

Над вопросом увеличения национального дохода и, главное, пополнения государственной казны напряженно работала как практическая, так и теоретическая мысль того времени. Одно за другим появлялись сочинения, нередко анонимных авторов, принадлежавших к правительственным и финансовым кругам, посвященные вопросам экономики. К подобного рода сочинениям принадлежит например чрезвычайно ценный для истории труд «О доходах», приписываемый Ксенофонту, но несомненно ему не принадлежащий. Цель автора названного сочинения — указать средства повысить национальный доход и тем самым спасти свой полис от гибели. Наиболее рациональным средством повышения доходов, по мнению автора, является огосударствление рабовладения и некоторых других наиболее важных источников национального дохода. В основном ход рассуждений автора сводится к следующему:

Известно, что многие частные лица обогащаются на сдаче рабов в аренду. Все знают, что Никий, сын Никерата, имел в рудниках тысячу рабов, отданных в наем фракийцу-вольноотпущеннику Сосии под условием оплаты из десяти процентов (одного обола) чистого дохода, кроме того уплаты амортизации. У Гиппоника было 600 аналогичным образом эксплоатируемых рабов, приносивших ему ежедневно одну мину чистого дохода. Триста рабов Феломонида давали ежедневную ренту в полмины. И это не единственный пример. Число примеров можно было бы легко увеличить. Все это конечно общеизвестные вещи. Новостью было бы лишь то, что в качестве коллективного рабовладельца выступало бы государство. Подобно тому, как частные лица, имеющие рабов, получают вечный доход, так точно и государство имело вечный доход, приобретя примерно по три раба на каждого гражданина. И это не есть какая-либо утопия. В самом деле, государству легче, чем частным лицам, собрать необходимую сумму для закупки рабов. С другой стороны, легче и арендаторам иметь дело с государством, как это хорошо известно из опыта сдачи в аренду государственных и храмовых земель и откупов. Для большей гарантии за арендованных рабов казна будет брать залог от подрядчиков и поручителей. Для предупреждения же побегов и краж рабов их можно клеймить казенной печатью и установить наказание за их вывоз и перепродажу. Итак, заключает автор, теперь доказана возможность приобретения и охраны рабов государством. Если же кто-либо сомневается в возможности найти желающих арендаторов

казенных рабов, то пусть он вспомнит, что в Афинах имеется много граждан и иностранцев, которые, сами не желая заниматься физическим трудом и организацией производства, предпочитали бы иметь надежную ренту от государства.

Для начала предприятия автор трактата считает достаточным закупить 1 200 рабов. Через 5—6 лет проценты с аренды этих рабов дадут возможность цифру рабов довести до 6 тыс. человек, что даст государству прибыль в 60 талантов в год. Когда же число рабов будет округлено до 10 тыс., тогда доход поднимется до 100 талантов. «А что в действительности доход государства от этого предприятия будет превышать указанную сумму, об этом могут засвидетельствовать, если только они еще живы, те, кто помнит, какая сумма налогов получалась с рабов перед Декелейской войной, когда из Аттики к неприятелям (спартанцам) перебежало 20 тыс. рабов».

На огосударствлении рабов и серебряных рудников автор не останавливается. Он идет далее, изыскивая целый ряд доходных статей, огосударствление которых, по его мнению, могло бы принести пользу государству и вывело бы его из острого финансового кризиса.

Все сочинение «О доходах» с начала до конца пронизано одной мыслью — получения денег во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Все средства хороши, коль скоро они ведут к достижению намеченной цели,—такова центральная мысль автора. Аттика, говорит он, прекрасная страна, могущая давать великолепные доходы. Аттическая земля, если только ее надлежащим образом обработать, принесет огромный доход и может прокормить большое население. Кроме того она, «по определению божества», сереброносна, что нельзя сказать о соседних с ней государствах. Замечательно и географическое положение Аттики, находящейся не только в центре всей Эллады, но и в центре всей вселенной. Температура Аттики наиболее благоприятна для человеческого организма. В ней не бывает ни сильной жары, ни холодов, ни сильных ветров. Со всех сторон она окружена морем, но изобилует также и сухопутными дорогами, по которым проходит много товаров. В международном отношении положение Аттики тоже не оставляет желать ничего лучшего. Все дело следовательно зависит от хозяйственной организации. Но эта важная сторона жизни Афин, к сожалению, оставляет желать много лучшего.

Всякий знает, рассуждает автор, сколь много доходнейших статей государства остается неиспользованными. Наряду с неиспользованными естественными благами такой важной статьей государственного дохода являются например метойки.

В самом деле, рассуждает автор «О доходах», метойки не только ничего не требуют от государства, но, наоборот, содержат самих себя, приносят огромную пользу всему полису. Налог с метойков даст еще больше доходов в том случае, если метойки получат соответствующие гражданские права и будут освобождены от разорительной для них военной службы. Далее, в Афинах имеется масса всевозможных пустырей и

незастроенных мест, которые могут быть предоставлены метойкам, и тогда на этих пустырях вырастут дома, появятся лавки и мастерские, дающие государству большие доходы. Следствием предоставления гражданских прав метойкам и разрешения иностранцам покупать землю в Афинах было бы стремление всех бездомных превратиться в метойков, с одной стороны, и приток новых поступлений в афинскую казну, с другой.

Но все же самой доходной из всех государственных статей, по мнению автора, является торговля. Но и здесь, как и везде, все зависит от организации. Прежде всего необходимо устроить хорошие безопасные гавани. Затем важно иметь хорошую портовую администрацию. Достичь же этого возможно выдачей премий на наиболее справедливые и быстрые решения спорных вопросов. Именитым купцам как афинским, так и приезжим следует оказывать всевозможные почести и внимание. Если бы все было организовано именно так, то, заключает автор, во много раз увеличились бы импорт и экспорт товаров в Афины. В городе поселилось бы много богатых людей, поднялась бы заработная плата и умножились бы пошлины.

Одним из самых верных средств увеличения государственных доходов, по мнению автора, является организация фондовой операционной базы, т. е., другими словами, образование государственной акционерной компании. Каждый акционер, внесший например десять мин, получит пятикратный морской процент от дохода по три обола в день. Внесший пять мин получает троекратный морской процент. В случае успеха организации ею могут заинтересоваться и вступить в нее иностранные купцы, города, тираны, сатрапы и даже «варварские» цари. Одновременно с этим было бы полезно открыть в гавани государственные гостиницы для приезжающих и выстроить торговые помещения и лавки в Пирее и в самом городе. Это будет одновременно и украшением города и источником дохода. В дополнение ко всему сказанному имело бы смысл завести государственные грузовые корабли, подобно государственным военным судам. Эти корабли можно было бы сдавать в аренду, подобно другим статьям дохода. (Ксенофонт, О доходах).

После этого оставался лишь один шаг до полного огосударствления всех производительных сил и доходных статей страны. Этот последний вывод из реальных условий греческого общества сделали государственно-правовые теоретики Платон и Аристотель. В своих проектах идеальных обществ оба названных греческих мыслителя не так самостоятельны и оригинальны, как это принято думать. Платон и Аристотель доводят до логического конца те же самые идеи, которые в другой вариации высказывает автор сочинения «О доходах». Социальные проекты греческих утопистов воспроизводят практику эллинских полисов — Афин и Спарты, стремясь в своих идеальных государствах сочетать элементы того и другого. При этом оба мыслителя исходят из критики крайнего индивидуализма, противопоставляя ему об-

щинные начала. Образцом общинного строя в то время служила древняя Спарта с ее всепоглощающей «общиной равных» спартиатов, поземельной общиной, общинными обедами и т. д.

«Вы (граждане) не принадлежите сами себе и это имущество не принадлежит вам; все нынешнее поколение и его собственность принадлежит всей совокупности ваших предшественников и имеющих последовать поколений, а еще более — государству» (П л а т о н, Законы, XI, 923).

Признавая верховное право полиса, Платон и Аристотель всецело стоят на основе рабовладельческого хозяйства. «Всякое государство, — говорит Аристотель, — состоит из семей и имеет те же самые составные элементы, т. е. рабов и свободных» («Политика», I, 2).

«Ведь рабы, — заявляет Платон, — никогда не станут друзьями господ, так же как люди негодные не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равнопочетные должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если не соблюдена надлежащая мера».

По существу немногим отличаются от рабов и мелкие производители, крестьяне и ремесленники идеального государства (политии) Платона. Огосударстеленная земля отдается в аренду мелким арендаторам, которые не могут по собственной воле распоряжаться на заарендованном участке ни продуктами своего труда, ни наконец своей личностью. Само пользование землей построено на индивидуалистических началах. Коллективное пользование землей исключается на том основании, что нынешнее поколение, как выражается Платон, по своему воспитанию и образованию еще не доросло до этого. Число наделов должно быть ограничено, продажа и перекупка наделов воспрещены. Основной хозяйственной отраслью идеального общества признается з е м л е д е л и е.

«В нашем государстве, — говорит Платон, — терпимы только доходы, доставляемые землепользованием. Да и из них лишь такие, приобретение которых не принуждает пренебрегать тем, для чего собственно и нужно имущество» (П л а т о н, Законы, V, 739).

В аналогичных условиях находятся и д е м и у р г и свободного состояния — второй производительный класс платоновской политики. Демиурги принадлежат государству и распределяются по 13 производственным округам. «Попечение» над «ремесленным классом» вверено специальным чиновникам (агрономам), одновременно с этим регулирующим и рыночные отношения.

Высшая власть и у п р а в л е н и е в политиях Платона и Аристотеля сохраняется за богатой частью гражданства. Несмотря на страстную критику богатства, имущественное неравенство не только остается, но даже провозглашается основой «наилучшего и счастливейшего государства». В этом отношении ни Платон, ни Аристотель не могли подняться над уровнем своего времени. Сообразно имущественному цензу распределяются и все правительственные должности и почести.

«В зависимости от величины имущества надо установить 4 класса: первый, второй, третий, четвертый, или назвав их как-нибудь иначе».

На той же самой точке зрения стоит и Аристотель, считавший богатство «добродетелью и высшей творческой силой» («Риторика», I, 6).

В заключение следует отметить еще одну черту греческих утопий, характерную для античного общества: выдвижение на первый план не производства, а распределения материальных благ.

«Жизнь, — говорит Аристотель, — есть потребление, а не производство. Потому и раб принадлежит не к сфере производства, а к сфере потребления» («Политика», I, 2).

Воспроизводя реальную действительность греческих полисов, утописты намечали в то же время и социально-экономическую программу приходивших на смену полисам македоно-эллинистических царств с их широко проведенным принципом огосударствления, монополизации, крепостничества и кастовости. Вследствие этого Платона и Аристотеля можно рассматривать не только как идеологов распадающегося полиса, но также и как государственно-правовых теоретиков рабовладельческого-крепостнических монархий эллинистического периода.

Таковы были меры, направленные на смягчение классовых противоречий и сохранение рабовладельческого полиса. Однако, несмотря ни на какие паллиативы, социальные противоречия все развивались, расширялись и углублялись. Античный полис как социальная форма сходил с исторической сцены. Становилось очевидным, что античному полису, построенному на рабском производстве и ограниченному в своих размерах, в его историческом развитии поставлены определенные пределы. Историческая роль рабства была выполнена. Рабское производство оказывалось пригодным лишь на определенной стадии исторического развития. Следующий (Македоно-эллинистический) период истории античного мира, отмеченный более высоким уровнем производительных сил, характеризуется уже разложением рабского производства и переходом на новое производство.

XI. ХОЗЯЙСТВО И КЛАССЫ ГРЕЦИИ ПОСЛЕ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

1. Общий ход развития

Пелопоннесская война нанесла смертельный удар великодержавным Афинам, но не изменила общей линии развития эллинского мира. Ведущим способом производства попрежнему оставалось рабское производство. Экономическое и культурное развитие эллинского мира после Пелопоннеской войны шло не столько вглубь, сколько вширь. С каждым столетием расширялся географический объем эллинского мира. Наряду с приморскими полисами в культурный круг постепенно втягивались континентальные (аграрные) общины. На историческую арену теперь выступили такие области, как Фессалия, Македония, Пелопоннесские области и др., которые в предшествующий период или совсем не играли никакой роли или же занимали второстепенное место в греческом мире. Среди эллинских государств поздних столетий первое место принадлежало Сицилии и Македонии, — двум окраинным областям, замыкавшим эллинский мир с северо-востока и юго-запада. Во всем средиземноморском мире в то время происходил двойной процесс — распада и объединения.

В результате долгих и сложных перипетий в конце IV в. распавшийся эллинский мир вновь собрался под македонской гегемонией и затем постепенно слился с восточным миром в одно колоссальное государство — Македонскую державу Александра Великого.

Особенность этого периода греческой истории заключается в постоянной смене одних полисов-гегемонов другими. И все же, несмотря на всю сложность, запутанность и противоречивость событий внутренней и внешней истории, генеральная линия этого периода более или менее ясна. Эллинский рабовладельческий полис перерождался в Македоно-эллинистическое царство, построенное на базе новых отношений развивающегося колоната и вольноотпущенничества.

Весь этот период носит отчетливо выраженные черты переходного периода, — «хаос переходных форм», по выражению Маркса.

Старые полисы классической Греции — Афины, Спарта и Фивы — постепенно хирели, сходя на степень провинциальных областей, не оказывавших сколько-нибудь значительного влияния на общий ход мировой истории. С конца Пелопоннесской войны центры хозяйственной и культурной жизни передвигались на эллинистический Восток — в Александрию, Антиохию, Пергам и другие крупные города Македоно-эллинистического мира. Сложнее всего в отношении этого периода стоит вопрос о рабстве. Единого мнения по этому вопросу в исторической литературе не существует. В то время как итальянская школа (Чикоти, Маури, Сальвини и др.) настаивает на преобладании крепостного и свободного труда, Бюхер, Ростовцев, Франк и др. преобладающей категорией труда в эллинистических обществах считают рабство. Правдоподобнее всего предположить, что общее число рабов со времени Пелопоннесской войны in toto (в целом) во всем Средиземноморье увеличилось, но изменилось отношение между различными категориями труда. Одновременно с рабами возрастало также и число вольноотпущенников, крепостных и свободных, что свидетельствовало о начинавшемся распаде рабского производства и о переходе на индивидуальное производство, мелкую полукрепостную аренду (колонат). В рабовладельческом обществе появлялись крепостнические отношения. В отношении густоты рабского населения между отдельными странами существовало большое различие. Классическими странами рабского, по преимуществу пастушеского хозяйства в IV—II веках были: Сицилия, острова Хиос, Родос и Делос, Аттика, Спарта и Фокида. Именно в этих странах имели место наиболее сильные восстания рабов и массовые побеги рабов, о которых будет рассказано в специальной главе. Слабее всего рабовладение повидимому было на эллинистическом Востоке, в особенности в Египте, сохранявшем старые догреческие хозяйственные формы, близкие к колонату (мелкой аренде). Внутренняя история последних столетий независимой Греции характеризуется, с одной стороны, ростом крупного производства и землевладения, с другой, разорением средних и мелких собственников и ожесточенной классовой борьбой. В центре программ борющихся групп, как и прежде, стояли: долговой и земельный вопрос, освобождение от долгов и передел земли. Все внутренние противоречия в эти столетия достигли своего высшего напряжения, обострилась и расширилась классовая борьба и участились восстания рабов. С конца Пелопоннесской войны начинается эпоха революций рабов, слившихся с движением свободных люмпен-пролетариев в один мощный революционный поток.

С середины II в. до н. э. эллинский мир, раздираемый внутренней анархией и ослабленный, становится добычей нового завоевателя, мирового гегемона — Рима.

2. Рост крупного производства

Рост рабских мануфактур, начавшийся в предшествующий период, продолжался и в эпоху Пелопоннесской войны. Война не только не ослабила, но даже способствовала концентрации производства в руках немногих богачей-рабовладельцев.

Всей своей тяжестью война обрушилась на средних и мелких собственников. Более устойчивыми оказались крупное производство и крупное землевладение. Война ускорила естественный процесс роста крупного производства и землевладения, с одной стороны, и разорение мелких собственников, с другой. С укрупнением производства усложнилась также и его организация и увеличилось разделение труда. Прежде мало диференцированный производственный процесс теперь расщеплялся на большее или меньшее число самостоятельных производственных операций. Рабская мастерская прежнего времени перерастала в рабскую мануфактуру, связь с рынком увеличивалась.

На все это имеются определенные свидетельства источников. Так например Ксенофонт в «Киропедии», говоря о связи производства с рынком, замечает, что в его время (конец IV в.) уже никто не занимается сразу несколькими профессиями. Наоборот, каждый специализируется в какой-либо отрасли: одни заготовляют мужскую, другие — женскую обувь, одни только шьют обувь, а другие занимаются исключительно кройкой. Одни только выкраивают платья, а другие лишь сшивают куски закроенного материала. Чем проще работа, тем лучше она выполняется.

На той же точке зрения необходимости специализации и разделения труда стоят Платон, Аристотель, Дикеарх и другие писатели этой эпохи, занимавшиеся экономическими вопросами. Всякое дело, замечает Аристотель, с наибольшим совершенством и успехом выполняется в том случае, если каждый специализируется и выполняет какую-либо одну определенную функцию. И потому исходя из этого, законодатель не должен допускать, чтобы «один и тот же человек на флейте играл и сапоги точал» («Политика», II, 8).

Аналогичные высказывания имеются и у Платона. Так в «Законах», говоря о необходимости для граждан полиса всецело отдаваться общественной деятельности, направленной на поддержание и сохранение общегосударственного благополучия, Платон предлагает всю производительную работу перевалить на плечи «варваров», т. е. рабов и метойков. Мотивируется это тем, что общественной деятельностью нельзя заниматься так, между прочим, вперемежку с другими делами. «Хорошо заниматься двумя искусствами не способен ни один человек, ибо это противоречит человеческой природе. Для того чтобы делать хорошо, надо упражняться, а упражнение требует времени, концентрации сил и внимания. Никакой кузнец не должен заниматься плотничеством, как и обратно, никакой плотник не должен заниматься

кузнечным ремеслом. Следовательно в государстве каждый должен владеть только одним ремеслом, которое доставляет ему средства к жизни» (Платон, Законы, VIII).

3. Сельское хозяйство

Соответствующие сдвиги имели место и в сельском хозяйстве. О повышении интереса к сельскому хозяйству свидетельствует большое число практических и теоретических сочинений по различным видам агрикультуры, появлявшихся в IV и в последующих столетиях. Сюда относятся сочинения Хармонида, Аполлодора, Андротиона, Ксенофонта и в особенности ученика Аристотеля, автора многочисленных сводных трактатов по ботанике, агрономии и общему естествознанию Феофраста. Феофраст подробнейшим образом исследует качества почвы, ее водоемкость и водопроницаемость, химический состав, качества и вес семян, различные породы растений, сорта естественного и искусственного удобрения, устройство запруд и плотин, описывает разные виды сельскохозяйственных орудий и многое другое. В главе о почве Феофраст различает влажную, сухую, болотистую, грязевую, суглинистую, щелочную, белую, красную, белесоватую, моршинистую, гористую, луговую, приречную, равнинную и тому подобные почвы («О причинах растений», II, III; «История растений», III).

Ни в один период греческой истории земля не служила в такой степени предметом спекуляций, как именно в период непосредственно после Пелопоннесской войны. Хозяйственные нравы этой эпохи рисует небольшое сочинение «Экономика», написанное в конце IV в. и обычно приписываемое Ксенофонту. Из разговора главных действующих лиц этого сочинения — Исхомаха и Сократа — видно, до какой степени сельское хозяйство и земельные спекуляции в то время привлекали внимание греческого общества. Говоря о доходности занятий сельским хозяйством, автор развивает при этом целую теорию о сущности и предмете хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности. Хозяйство, как определяет предмет хозяйства автор названного сочинения, состоит в установлении того, как люди могут увеличивать свое хозяйство. По нашему мнению, говорит он, хозяйство тождественно с собственностью. Собственностью же называется то, что полезно человеку для жизни. Полезно же все то, чем человек умеет пользоваться. Далее подчеркивается, что занятие земледелием так же верно обогащает людей, как и торговля.

«Итак, Исхомах, — говорит Сократ, обращаясь к своему собеседнику, — твой отец был большим любителем земледелия, ничуть не меньшим, чем купцы являются любителями хлеба, ибо известно, что купцы из-за крайней любви к хлебу, как только услышат, что где-нибудь его очень много, плывут за ним туда, пересекая Эгейское, Эвксинское и Сицилийское моря. Потом, забрав его как можно больше, везут по морю, погрузив его на тот корабль, на котором

плывут сами. А когда им понадобятся деньги, они не выгружают хлеб наудачу, где случится, но везут и продают его тем людям, у которых, по слухам, он стоит всего дороже и где за него дороже всего дают».

Пользуясь экономической депрессией и задолженностью мелких хозяйств, спекулянты вроде Исхомаха или его отца скупали за бесценок обремененные долгами, заброшенные или дикие земли, культивировали их и затем перепродавали по высоким ценам. Ничто, полагал отец Исхомаха, не приносит такой прибыли, как земельный участок, превращающийся из необработанного в плодоносный (Ксенофонт, Экономика.)

Таким путем создавались крупные рабовладельческие экономии. Из всех видов сельскохозяйственной культуры в изучаемый период на первом месте стояли садово-огородные культуры и пастбищное хозяйство. Напротив, зерновое хозяйство все более теряло свой экономический смысл вследствие притока дешевого и высококачественного (понтийского, силицийского и египетского) хлеба. К концу периода, по мере передвижения экономической оси в сторону эллинистического Востока, особенно прибыльным сделалось пастбищное хозяйство, вытеснившее все остальные виды сельской культуры. В отличие от садово-огородных плантаций, пастбищное хозяйство не требовало ни больших затрат, ни хлопот по его организации. Наибольшее распространение пастбищное хозяйство получило в пелопоннесских полисах — Мессении, «стране, по всем направлениям изборожденной ручьями и благоприятной для быков и баранов», в Аркадии, Этолии, Акарнании и Фессалии. В Орхомене, Беотии общественные пастбища были настолько обширны, что каждый гражданин мог выгонять по 200 голов крупного и тысячу голов мелкого скота. Там разводили овец, коз, свиней, лошадей, коров, мулов и ослов. Особенное внимание было обращено на разведение лошадей, необходимых для армии и для конских состязаний, очень распространенных в Греции. Из домашних птиц разводили кур, гусей, уток, голубей, павлинов, фазанов, цесарок и т. д.

4. Торговля

Настоящей ареной всех видов спекуляции служила торговля. В течение всей истории Древней Греции самым почетным занятием считалось земледелие, а самым прибыльным — торговля. В связи с расширением эллинского мира расширялась также и сфера действий торгового капитала. Главным полем приложения капитала, как и прежде, оставалась работорговля, отдача денег «капитанам кораблей», участие в откупных товариществах по сбору пошлин и налогов и всевозможные другие спекуляции. Из всех торговых спекуляций как прежде, так и теперь на первом месте стояла хлебная спекуляция. Спекуляции хлебом послужили поводом для целого

ряда судебных процессов, известных нам по судебным речам афинских адвокатов IV в.

«Эти люди, — замечает по адресу хлебных спекулянтов афинский адвокат IV в. Лисий, — получают больше всего прибыли в то время, когда приходят вести о несчастьях, постигающих наше государство, и тогда они продают хлеб по дорогой цене. Они радостно глядят на ваши страдания и стараются раньше других получить известие о постигающих наше государство бедствиях, а иногда и сами распускают ложные слухи, будто наши корабли погибли на Понте, или спартанцы захватили транспорт, отправленный в Афины, или заперли гавани, или будто перемирию угрожает разрыв. Они дошли до такой дерзости, что злоумышляют против нас, как враги, и когда мы особенно нуждаемся в хлебе, они захватывают его в свои руки и не хотят продавать, чтобы не спорили из-за цены, а соглашались платить, сколько бы они не затребовали. Вот почему иногда во время мира мы переживаем по их вине осадное положение» (Лисий, Речь против хлебных торговцев).

Спекулировали не только хлебом, но и многими другими объектами торговли, как например железом. Так в «Политике» Аристотеля (I, III) упоминается один сицилийский гражданин, скупивший все железо из рудников и затем в качестве монополиста продававший его купцам по дорогим ценам и таким образом наживший колоссальное состояние в 50 талантов (около 150 тыс. руб.). Что касается размеров и характера торговли, то и в этом отношении сравнительно с предшествующим периодом произошли многие изменения. Радиус греческой торговли расширился, а вместе с тем усовершенствовались и перевозочные средства.

В более крупном масштабе торговля велась с окраинными государствами, в особенности с Босфорским царством, а через него со скифами и сарматами южнорусских степей. Предметами торговли служили хлеб, рабы, предметы роскоши, дорогие вина, керамика, стекло и некоторые другие виды обрабатывающей промышленности. Торговля, сосредоточивающаяся в пограничных причерноморских городах — Танаисе, Фанагории, Пантикапии, Феодосии и др., велась через посредство туземных купцов и князей. По свидетельству географа Страбона, одним из посреднических центров по обмену товаров между греческими туземными купцами служил Танаис на Азовском море. В этот город приезжали европейские и азиатские кочевники, привозили рабов, шкуры и разные другие товары. Взамен за свои товары туземцы получали платье, оружие, вина и прочие предметы, «свойственные цивилизованной жизни». О размерах и характере греческой торговли и производства дают представление раскопки могил скифской знати, производимые в южнорусских степях. Скифские могилы содержат массу больших и малых амфор с маслом и вином, много предметов художественной промышленности, ряд предметов домашнего обихода и различные

сорта оружия. Схожие предметы найдены при раскопках южноиталийских и южнорусских гробниц. Все это свидетельствует о значительности греческого экспорта. В обмен на вывозимые товары греки в большом количестве получали зерно, мед, рыбу, кожи, лен, пеньку, строевой лес и рабов.

В посреднической торговле туземцев с греками живейшее участие принимали босфорские цари и царская торговая флотилия. Из ежегодного экспорта в 1 600 тыс. медимнов в Афины около половины вывозилось из Босфорского царства. Зерно вследствие дешевого рабского труда туземцев обходилось босфорскому царю очень дешево, и потому босфорский хлеб легко конкурировал с другими государствами — поставщиками хлеба на греческий рынок. Но как только Босфор столкнулся с конкуренцией птолемеевского Египта, где хлеб был лучшего качества и стоил еще дешевле, Босфор стал беднеть, не мог содержать наемной армии и отдался под покровительство понтийского царя Митридата.

Дальние плавания внесли соответствующие перемены в организацию транспорта и конструкцию судов. Мелкие суда прежнего времени, приспособленные для каботажного, берегового плавания, уступили место судам нового типа, пригодным для плавания в открытом море в любое время года. Расширение производства в транспорте, как и в других отраслях, создало необходимое разделение труда и специализацию. Прежние «капитаны кораблей», одновременно хозяева судов и купцы, превращались в настоящих судовладельцев, принимавших груз от купцов и работавших с помощью рабов или наемных рабочих — матросов, лоцманов, грузчиков, носильщиков и т. д. Среди самих купцов (эмпоров) и судовладельцев (навклеров) происходила диференциация. Выделялись крупные купцы-оптовики, среди навклеров выдвигались наиболее богатые, владевшие несколькими судами и державшие в зависимости от себя мелких навклеров и эмпоров, влачивших довольно жалкое существование. Появлялись торговые флотилии общин, возглавляемые корпорацией навклеров и контролируемые государством.

«Мог бы ты, — читаем в одном греческом памятнике того времени, — назвать мне хотя бы одно племя более злосчастное и бедное, чем наши навклеры, эмпоры? В чем состоит их деятельность? Сначала они блуждают, выискивая рынок, дела которого были бы плохи, потом, завязав связи с кунаками и торгашами, продают, покупают и, заложив собственные головы под нечестивые проценты, стараются увеличить капитал. И если дела их идут хорошо, корабль их плавает благополучно, они разглагольствуют о том, что они не захотят и никому не позволят его опрокинуть. Если же торговля не приносит нужного дохода, то они переходят в лодку и бросают корабль и, превратившись в наемных матросов, нечестиво утверждают, что неизбежная воля бога погубила их жизнь» (Филострат, Жизнь Аполлония, IV, 32).

Богатые эмпоры и навклеры, составлявшие «избранное общество города» и почтенные высшими наградами — первым местом в театре, лавровым венком, почетными стеллами и надгробными памятниками, являлись главами купеческих гильдий (союзов), в существовании которых после работ Э. Цибарта («Греческие союзы»), Поланда («Греческие союзы») и Н. И. Новосадского («Босфорские фиасы») сомневаться не приходится.

5. Денежные операции

Одной из самых оживленных статей греческой торговли в изучаемый период была торговля деньгами — ростовщичество. Ростовщичество питалось, с одной стороны, огромным спросом на деньги, создаваемым постоянными войнами и экономическими кризисами, а с другой, ростом товарно-денежного хозяйства. Наиболее распространенной финансовой операцией в приморских городах Греции, как и раньше, были морские ссуды, т. е. отдача денег под залог товаров или под большие («морские») проценты судовладельцам. К этой основной операции присоединялась масса всевозможных мелких сделок и махинаций, напоминающих игру на современных европейских биржах. Дошедшие до нас в большом количестве речи греческих адвокатов, судебные тяжбы, правительственные распоряжения и декреты развертывают картину настоящей пляски вокруг золотого тельца, происходившую в гаванях и на рынках больших городов.

В нижеприведенном отрывке из одной речи Демосфена очень хорошо передана жизнь торгового города, полного всякого рода купцов, моряков, судовладельцев и спекулянтов, ссужающих деньги под проценты. В речи Демосфена рассказывается о том, как один афинский гражданин сделался жертвой обмана со стороны двух других граждан. Отрывок интересен тем, что он воспроизводит сцену из живой действительности, изо дня в день повторявшейся в Пирее и других городах Греции.

«Вот уже семь лет, господа судьи, — жаловался обманутый гражданин-истец, — как я, имея небольшое состояние, зарабатываю хлеб морскими ссудами. И вот однажды на пристани подошли ко мне два известных мне гражданина Апатурий и Парменон и завели речь о деньгах. Апатурий (навклер) был тогда должен 40 мин, взятых под свой корабль. Ввиду его затруднительного денежного положения он обратился за ссудой к Парменону, который 10 мин дал сам, а остальные 30 мин занял у меня. Апатурий доказывал, что кредиторы, желая завладеть его кораблем, оклеветали его и сделали невозможной уплату денег своевременно. Пришлось обратиться к банкиру Гераклиду за поручительством. На этом дело однако не остановилось. Между Апатурием и Парменоном произошла ссора, еще более запутавшая дело и приведшая к судебному процессу» (Демосфен, XXXIII, 4).

В другой речи Демосфена (против Формиона) рассказывается, как один афинянин ссудил Формиону 20 мин на плавание в Понт под соответствующий заклад. Формион же, заключив сделку, условия ее не выполнил и совершил «ужасное преступление». Преступление Формиона состояло в том, что он как «истинный коммерсант» заключил одновременно три сделки, получив деньги от истца (афинского гражданина), от финикийца Феодора и от навклера Лампида, а в результате не погрузил обещанного груза.

Обманы, подлоги, клевета и масса всевозможных кляуз и доносов составляют содержание бесконечных мелких и крупных судейских тяжеб, которыми так богата греческая литература IV и последующих веков.

Из речей видно, что, помимо отдачи денег под «морские» проценты, многие спекулировали еще на денежном курсе, что при множестве находившихся в обращении монет было весьма выгодным занятием. Именно с этой стороной греческой коммерции знакомит нас нижеприводимый отрывок из речи Демосфена против Формиона.

«Хрисипп ссудил Формиону 200 драхм на плаванье туда и обратно, чтобы получить в Афинах 2 600 драхм. Формион же утверждает, что отдал Дампиду на Босфоре 120 кизикских статеров, занявши их под проценты с земли. Проценты эти составили шестую часть капитала, кизикский же статер стоил там 28 аттических драхм... Итак, судьи, вам следует высчитать, какую сумму, по его словам, он передал. Ведь 120 статеров составят 3 360 драхм, процент же с земли — шестая часть с 33 мин и 360 драхм составят 560 драхм. Весь капитал составляется из суммы того и другого. Однако, судьи, может быть и был ли такой человек, который за 260 драхм заплатил бы 30 мин и 360 драхм и при этом еще проценты в 560 драхм, т. е. 3 920 драхм, как утверждает?» (Демосфен, Речь против Формиона, 23).

Развитие денежных операций послужило стимулом к расширению банкового дела (трапез). О большой роли греческих трапез и социальном весе трапезитов свидетельствует история знакомого нам афинского банкира Пасиона. Благодаря своему богатству, нажитому банкирскими операциями, метойк Пасион получил звание греческого гражданина. В благодарность за дарование прав гражданства Пасион на свои средства оснастил пять триер, доставил государству тысячу щитов и сделал ряд других пожертвований. С трапезой Пасиона были связаны не только коммерсанты, но и государственные деятели — тираны и цари. Так например тиран Ликон Гераклейский поместил в конторе Пасиона крупную сумму в 1 340 драхм. Одним из крупных клиентов Пасиона состоял знаменитый афинский полководец Тимофей. Отправляясь в поход, Тимофей в 373 г. поручил Пасиону уплатить его казначею 1 351 драхму. В другой раз Пасион уплатил за счет Тимофея тысячу драхм, предназначенных для выплаты содержания наемникам. Затем по приказу Пасиона его уполномоченный Формион уплатил некоему Филониду из Мегары 1 750 драхм за доставку леса на постройку дворца Тимофея. В финансовой зависимости от Пасиона и дру-

гих трапезитов находился не только один Тимофей, но и все полководцы и тираны, нуждавшиеся в деньгах. Необходимо отметить, что и самые войны в значительной степени направлялись интересами трапезитов. После смерти Пасиона у него, помимо банкирской конторы, осталась мастерская-мануфактура, дом, 3 тыс. мин наличного капитала и 300 мин, отданных в кредит под залог земель и домов. После смерти Пасиона руководителем трапезы сделался его управляющий Формион, женившийся на вдове своего умершего патрона. Подобно Пасиону, Формион сделал пожертвования в пользу города и получил права афинского гражданства (Демосфен, За Формиона).

Помимо Пасиона и Формиона в источниках упоминается целый ряд и еще других владельцев трапез: Сократ, Соклес, Гераклид, Пилад, Софокл и др. Из деятельности трапезитов можно сделать заключение о широком развитии денежного хозяйства и кредитных операций в греческих полисах послеклассического периода. Своего высшего расцвета трапезитное дело достигло в эпоху эллинизма и Рима.

Из сказанного можно сделать вывод, что античные трапезы являлись далекими предками средневековых банкирских контор, в основном занимавшихся теми же операциями. Они принимали вклады, совершали платежи по приказу владельцев, оказывали кредит купцам и промышленникам, принимали в залог движимое и недвижимое имущество, служили посредниками между кредиторами и лицами, нуждавшимися в кредите.

Всеобщим стремлением во что бы то ни стало изыскать денежные источники объясняется та ожесточенная дипломатическая и кровавая борьба, которая велась в то время государствами за обладание богатыми Пангейскими рудниками во Фракии, и наплыв греческих наемников в персидскую армию, оплачивавшую службу золотом и серебром.

Финансовые вопросы были в этот период самыми жгучими вопросами, занимавшими общественное мнение Греции. Это нашло свое отражение и в литературе того времени. «В нашем государстве, — замечает один из участников диалога в «Законах» Платона, — вследствие всеобщей страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем другом, кроме как о своем собственном достатке. Душа всякого гражданина как бы прилепляется к деньгам и уже не может иметь иных стремлений, кроме одного стремления и желания — своей выгоды. Каждый сам по себе в высшей степени готов изучить те знания и упражняться в тех занятиях, которые ведут к этой цели, все же прочее подвергается осмеянию. Это и следует признать одной из причин, почему государства не желают приложить старания ни к этому, ни к какому другому доброму и прекрасному занятию».

Вследствие ненасытной страсти к серебру всякий человек готов прибегнуть к любым средствам и уловкам, хорошим или нехорошим, лишь бы стать богатым. Благочестивый ли или нечестивый и всяческий позорный поступок — ничто его не трогает, лишь бы только получить

возможность, точно зверю, иметь разнообразную пищу и питье и всяческим образом пресыщаться сладострастием («Законы», VIII, 831).

В полном соответствии с «духом времени» около «золотого тельца» прежде всего вращаются интересы всех персонажей аристофановских комедий. Богатство в глазах героев Аристофана — «любимейших из всех богов» — виновник всего дурного и хорошего. Люди насыщаются всем — славой, любовью, едой, — одним только не насыщаются — богатством. Тот, кто завладел 13 талантами, мечтает о 16, кто имеет 16, тот мечтает о 40, иначе ему жизнь не в жизнь. Победа на войне тоже зависит от богатства. Столь велика сила Плутоса (богатства). Отсюда делается логический вывод: все средства хороши, которые приводят к накоплению богатства. Богатство приносит с собой высокое положение, независимость и власть над другими людьми.

«Когда я сделаюсь богатым,—клянусь,
Я буду сладко пиршествовать с женою и детьми
И, вымывшись в бане, возвращаясь спокойно чистеньким и гладким домой,
Буду высокомилостиво плевать на ремесленников
И на бедноту».

(Аристофан, Плутос, 510.)

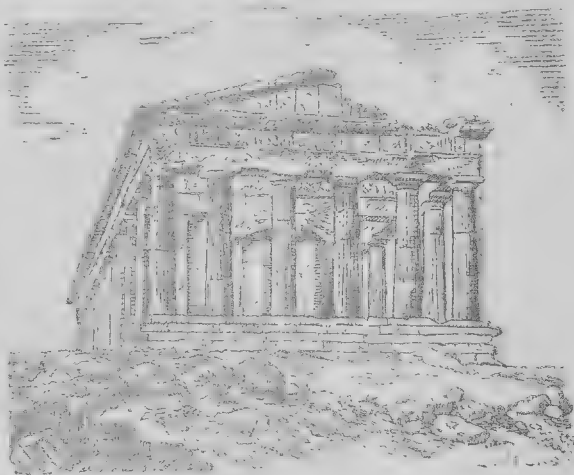
Идея всемогущества денег, управляющих всем миром, определяющих поступки людей и доставляющих им горе и радость, положена в основу очень характерного для эпохи сочинения «О доходах», приписываемого Ксенофонту. Красной нитью через все это сочинение проходит мысль об изыскании новых источников дохода и о всеобъемлющей силе денег. Когда государства процветают, такова мысль автора, то люди сильно нуждаются в деньгах: мужчины желают их употребить на красивое оружие, добрых коней и на великолепные дома и строения, а женщины стремятся к ценным нарядам, золотым украшениям. Когда же государства страдают от неурожая или войны, при которой обработка земли сокращается еще больше, тогда они нуждаются в деньгах и на покупку провианта и на наем союзных войск и т. п.

Были попытки также и теоретического обоснования социального значения и происхождения денег. В «Политике» Аристотеля сохранилась глава, посвященная этим вопросам, повидимому представлявшая собой выражение общепринятой точки зрения на этот вопрос. Денежные знаки, полагает Аристотель, возникли с момента расширения взаимопомощи, т. е. из внутреннего и внешнего обмена. Деньги появились с того момента, когда люди пришли к соглашению давать и получать при обмене наиболее ценный и в то же время удобоподвижный предмет — железо, серебро и т. д. Такого рода всеобщий объект обмена, санкционированный государством, получил название монеты (номисма).

Немецкий историк Людвиг Миттайс, заканчивая общую характеристику хозяйственного состояния Греции в послепелопоннесский период пишет:

«Если в области политической истории Греция последних веков представляет картину слабости и анархии, то в области экономической мы

встречаемся с совершенно другой картиной. Никогда греческий мир, ни в самой Греции, ни в Малой Азии, ни на Черном море, ни в Италии, ни в Сицилии, Галлии и Испании не был так богат, как именно в это время». В дополнение к этой характеристике следует только прибавить, что никогда богатства в эллинском мире не были распределены так неравномерно, как именно в этот период. Это станет ясно из последующего изложения.



Храм Тезея

6. Греческие храмы

В течение всей истории Древней Греции одно из первых мест среди греческих предпринимателей, банкиров и ростовщиков занимали греческие храмы, в частности храм Аполлона на Делосе, о чем свидетельствует обширная надпись середины IV до н. э. Надпись показывает, что храмы кредитовали не только частных лиц, но и целые города и государства. В числе горожан, уплачивавших храму проценты, упоминаются жители острова Наксоса — 1 255 драхм, жители Сироса — 2 300 драхм, жители Теноса — 1 талант, жители Кеоса — 5 472 драхмы $4\frac{1}{2}$ обола, жители Серифа — 1 600 драхм, жители Сифноса — 3 190 драхм 4 обола, жители Хиоса — 800 драхм, жители Пароса — 2 970 драхм, жители города Ойнеи и Икара — 4 тыс. драхм, жители Герма и Икара — 400 драхм. Общий итог процентов, уплаченных городами, равен 4 талантам 3 393 драхмам $2\frac{1}{2}$ оболам. Затем следуют частные лица, уплатившие проценты, а за ними идет перечисление городов, не уплативших причитавшихся с них процентов.

Из той же самой надписи видно, что греческие храмы располагали крупной земельной собственностью, вели большое хозяйство, имели свои дома, мастерские, гончарные, кузнечные и др., своих людей — рабов и колонов. Хозяйственная мощь храмов объяснялась рядом причин, из которых первостепенное место занимала международная (межобщинная) роль, которую в эллинском мире играли храмы. При дробности эллинских общин, при постоянных войнах и ссорах храмы выполняли роль посредников и заимодавцев и они же обеспечивали возможность обмена на храмовых ярмарках. Среди многочисленных греческих храмов первое место занимали именно святилища, расположен-

ные в центре многих общин. Таким например был храм Аполлона в Дельфах (Дельфийский оракул) и храм Аполлона на Делосе, очень важном международном пункте.

Помимо всевозможных спекуляций и доходов с торговых статей и мастерских, в храмы поступала масса денег и вещей, собиравшихся в виде «священных налогов». В греческих полисах не существовало ни одного вида собственности, ни одной отрасли труда, с которых бы не взимались священные налоги в пользу того или другого святилища. При основании городов и разделе земель всегда выделялся «священный участок». При сборе плодов, при приплоде животных, при получении наследства, при выходе замуж, при удачной игре, при отпуске рабов, — словом, при всех случаях гражданской и личной жизни известная часть доходов (обычно одна десятая) отчислялась в пользу храма.

Но как ни велики были приношения частных лиц и государств, все же они не могли итти в сравнение с тем, что давали всенародные празднества — олимпийские, истмийские, немейские, пифийские и тому подобные. Наибольшей торжественностью отличался олимпийский праздник, устраивавшийся в июле месяце, на который со всех концов эллинского мира стекалась масса народа в гости к Олимпийскому Зевсу. Дни олимпийских торжеств были днями всеобщего мира во всей Греции. По случаю праздника на храмовой земле устраивалась обширная ярмарка, приносившая много доходов от сбора всевозможных пошлин, взимавшихся с продаж, покупок и торговых сделок. Масса пилигриммов располагалась в деревянных бараках, более состоятельные останавливались в храмовых гостиницах. Самый праздник состоял из религиозных церемоний и знаменитых олимпийских состязаний. Главное место в программе занимали: атлетическая борьба, кулачные бои и конные ристалища, привлекавшие многие тысячи зрителей. Нигде социальное неравенство не бросалось в глаза с такой резкостью, как именно на этих всенародных праздниках. Несмотря на видимую демократичность, первенствующая роль принадлежала богатым гражданам, содержавшим большие конюшни и располагавшим свободным временем для тренировки.

Победа на олимпийских и других панэллинских играх считалась величайшей честью не только для самого победителя и его города, но и для того храма, где была одержана победа. Жрецы не щадили ни слов, ни средств для придания своим праздникам максимальной торжественности и рекламности.

7. Концентрация богатств

Имущественное неравенство греческих полисов, образовавшееся еще на грани родового строя, с каждым столетием все возрастало по мере внедрения рабского производства и роста торгового капитала. Особенно резко имущественное неравенство ощущалось в последние

столетия во время и после Пелопоннесской войны. По некоторым данным можно заключить, что в последние столетия в Греции существовали очень крупные, конечно по греческим масштабам, богачи, имевшие состояние в 50—100, а некоторые и в 500—600 талантов, настоящие «миллионеры» своего времени: Каллий, владелец образцового конного завода, состояние которого равнялось двумстам талантам (300 тыс. руб); владелец крупного эргастерия Дифил, обладатель состояния в 160 талантов; Эпикрат, имевший 600 талантов (900 тыс. руб.), и т. д. В числе

Олимпия

афинских богачей значится также и Алкивиад, организатор сицилийской экспедиции. Среди массы бедноты вышеназванные лица действительно должны были производить впечатление настоящих миллионеров. Средним состоянием в Афинах считалось состояние в один талант (1 500 руб.). В состав имущества, как видно из нижеприводимой описи имущества нескольких афинских граждан, входили самые различные статьи: земля, дома, движимость, стада, рабы, векселя и т. п.

В нашем распоряжении имеются описи имущества двух афинских рабовладельцев — Тимарха и Демосфена, вождя афинской демократической партии. В речи Эсхина, выступившего с обвинением афинского гражданина Тимарха, имеются интересные подробности, вводящие нас в имущественные отношения греческих рабовладельцев средней руки. У Тимарха имеется дом за Акрополем, два имения в Сфитте и в Алопеках, кроме того ему принадлежат 10 оброчных рабов-сапожников, платящих ему ежедневный оброк в два обола, одна квалифицированная ткачиха и узорщик (Эсхин, Речь против Тимарха, 97). К той же категории афинского гражданства принадлежал и оратор Демосфен, как показывает нижеприводимая опись его имущества

Имущество отца Демосфена

Два эргастерия, приносящих 42 мины чистого дохода
Сырые материалы — 150 мин
Дом — 3 тыс. драхм
Движимость — 10 тыс. драхм
Капитал — около 40 тыс. драхм
Всего — 14 талантов (20 500 руб.)

(Демосфен, Речь против Афоба, I.)

Большая часть вышеназванных и вообще греческих богачей приобрела свое состояние во время войны, и нередко эти богачи были выходцами из вольноотпущенников и метойков, не связанных прочно с одним каким-либо местом или городом.

«Эти люди,— так характеризует миллионеров своего времени афинский адвокат Лисий,— считают своим отечеством всякую страну, в которой они находят свои экономические выгоды, так как они видят свое отечество не в государстве, а в имуществе».

«Как я слышал во время Пелопоннесской войны,— замечает Демосфен,— вследствие несчастья, постигшего тогда наше государство, многие гражданки стали кормилицами, поденщицами и помощницами при сборе винограда, между тем как многие бедняки сделались богачами».

Скопившиеся в руках храмов, городов и частных лиц капиталы шли прежде всего на потребление, выражавшееся в чудовищной роскоши, великолепных домах-замках, украшенных фресковой мозаикой с колоннадами, с дорогой внутренней отделкой и стенами, украшенными картинами, портретами и статуями первоклассных художников, с расточительно организованной кулинарией, с массой прислуги, рабов и клиентов. Таковы были дома-дворцы афинских богачей страгетов IV в. — Тимофея, Хабрия и др., своим величием затмевавшие общественные здания и возбуждавшие одновременно всеобщее удивление и раздражение.

О все возрастающем и разлагающем влиянии богатства в нашем распоряжении имеется масса самых разнообразных свидетельств писателей, комиков, драматургов, ораторов, философов и т. п.

«Боги,— читаем например в одной комедии Менандра,— суть воздух и вода, земля и огонь, солнце и светила. Так говорят философы, а я нахожу, что единственно полезным для нас богом оказывается серебро и золото. Если ты введешь их в свой дом, то ты можешь пожелать чего тебе только ни заблагорассудится, и все тотчас же будет у тебя: имения, дома, серебряная посуда, друзья, угодливые слуги, свидетели и доносчики. Стоит тебе только дать побольше, и твоими служителями будут сами боги».

«Там, где дело идет о наживе,— говорит один из героев трагедии Эврипида,— сладкая надежда превращается в ненасытную страсть, которая овладевает всеми смертными. Ради приобретения богатства люди носятся по морям и, потворствуя своей глупой страсти, посещают чужие города» (Эврипид, Ифигения в Тавриде, 392).

Чрезмерное развитие роскоши в позднегреческом обществе указывает на своеобразный строй рабовладельческой формации, именно на ее в основе потребительный характер. Относительно высокий уровень греческого купеческого капитала не стоял с этим ни в каком противоречии. Главная причина натуральности античного хозяйства заключалась в слабом развитии производственной техники, в отсутствии машин и машинного производства. В античности, в противоположность капитализму, бо́льшая часть средств, как уже было отмечено выше, шла не в производство, а в потребление. В античном торговом балансе отсутствовала самая важная статья торгового баланса капиталистических стран — машины и орудия труда. Объектами античной торговли служили сравнительно немногие товары: хлеб, рабы, дорогие вина, керамика и предметы роскоши.

О натуральном характере античной экономики не один раз высказывался также и Маркс.

«Если бы мы спросили себя, — замечает по одному поводу Маркс — при каких условиях все или по крайней мере большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе определенного, а именно капиталистического способа производства».

«При прежних способах производства — большая часть продукта не вступает в обращение, не выбрасывается на рынок, производится не как товар, не (становится) товаром... Большая часть продуктов, входящих в производство, не является товаром и не входит как товар в производство. Превращение продуктов в товары происходит лишь в единичных случаях, распространяется только на излишек производства и т. п... Продукты не входят в процесс во всем своем объеме как предметы торговли и не выходят из него как таковые всей своей массой» [1].

«Лишь на основе капиталистического производства, товарное производство становится нормальным, господствующим типом производства» [2].

«Древние, — говорит Маркс в «Теориях прибавочной ценности», — и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал. Во всяком случае, это происходило у них лишь в незначительной степени. Широко развитый обычай собирать сокровища в собственном смысле слова свидетельствует о том, сколько прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления. Значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, на художественные произведения, на предметы религиозного культа, на общественные работы. Еще менее их производство было направлено на развитие материальных производительных сил — на разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве» [3].

Во все эпохи в античной экономике оставалось немало элементов натурального (ойкосного) хозяйства. Ойкосный характер в большей или

---

[1] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 85.
[2] Маркс, Капитал, т. II, стр. 7.
[3] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 204.

меньшей степени был присущ античной экономике в течение всей ее истории. В этой части теория Родбертуса — Бюхера несомненно содержит зерно истины. Главная ошибка этой «исторической» теории состоит в ее чрезмерной схематизации, упрощенстве и, главное, в игнорировании социальных, классовых отношений. В одну кучу сваливаются все эпохи, все страны и все народы, забывая о том, что античность не есть какая-либо одна страна, а целый мир. У Бюхера в одну рубрику попадают: гомеровская эпоха, эпоха Перикла, Демосфена и эллинизма![1]

8. Кризис рабского производства

Последние столетия греческой истории были временем наивысшего развития рабовладения. Не случайно, что традиционные цифры рабского населения античных полисов, насчитывавшие сотни тысяч рабов, в Афинах (400 тыс.), Коринфе (340 тыс.), Эгине (470 тыс.) и т. д., относятся к послепелопоннесскому периоду, т. е. к самому концу IV в. Однако расцвет рабского производства в то же самое время был и началом его разложения, загнивания. Одним из симптомов начинавшегося кризиса служил вошедший в обычай отпуск рабов. Основной причиной перехода от полного рабства на смягченное рабство (вольноотпущенничество) надо считать нерентабельность рабского производства. Это главная и основная причина перехода на мелкую полусвободную аренду и вольноотпущенничество. Сколь разнообразными мотивами в отдельных случаях не вызывалось вольноотпущенничество, в целом оно свидетельствовало о кризисе рабовладельческой системы как таковой.

На определенной ступени экономического развития античных обществ рабский способ производства попадал в противоречие с самим собой. Процесс перерождения рабства совершался одновременно и в зависимости от расширения самого рабского производства. Чем больше расширялась эллинская экономика и совершенствовалась (вопреки рабству) производственная техника и, с другой стороны, чем дешевле становился свободный труд, тем все очевиднее выступали отрицательные стороны рабского производства: хищническое расточение сырья, варварское обращение с орудиями производства труда и скотом, учащавшиеся побеги и восстания рабов и вообще малая производительность рабского труда. В том же направлении разложения рабского производства действовали повышение цен на квалифицированных рабов. По расчетам Ю. Белоха, цена квалифицированных рабов в период с V по IV в. поднялась в 3—4 раза, с 150 драхм в V в. до 500 драхм в конце IV в.

Низкую производительность труда рабов стремились повысить всевозможными мерами рационализации их работы, системой наград и поощрений. Свободного человека, говорит неизвестный автор «Эко-

---

[1] См. К. Бюхер, Происхождение народного хозяйства.

номики», приписываемой Ксенофонту, можно сделать послушными — словом и наградой, для рабов же необходимо «животное воспитание». Они алчны к пище и питью. Поэтому хозяин или его уполномоченный должны усердным рабам давать лучшее платье и лучшую обувь и лучше их кормить, честолюбивых же следует поощрять похвалой и отличиями.

«Я сам никогда не допускаю, чтобы у меня лучшие получали одинаковую часть с худшими. Со своими управляющими я поступаю так, что когда они достойнейшим отдают лучшее, хвалю их, но если замечаю поблажку или иную бесполезную уступчивость управляющего, то не оставляю этого без внимания и делаю выговор, стараясь доказать, что он действует даже во вред самому себе» (Ксенофонт, Экономика, XIII).

Ту же самую идею, только в более грубой форме, выражает и римский комик Плавт, следующий в этом отношении греческим комикам IV—III вв.

«Желаете ли вы прочнее удержать у себя человека и помешать ему убежать? Вам стоит только прикрепить его к дому хорошей пищей и вином: привяжите его за морду к столу, уставленному всякими яствами. Лишь бы только вы давали ему вдоволь пить и есть всякий день, сколько он пожелает, и он никогда не убежит от вас, хотя бы он совершил уголовное преступление. Вот какими путями надо связать его, для того чтобы удержать его при себе. Такого рода привязь чрезвычайно эластична. Чем более ее распускают, тем теснее и крепче она захватывает в свои петли» (Менехмы, II).

Однако вся эта система поощрений и наград в условиях рабовладельческого общества не достигала своей главной цели — массового повышения качества и количества работы рабов. Вследствие этого рабовладельцы были вынуждены изыскивать новые методы эксплоатации, характерные для последнего этапа рабовладельческой формации. Этими методами являлись аренда и вольноотпущенничество.

Вольноотпущенничество удовлетворяло основной тенденции греческого общества той эпохи — росту индивидуализма и частной собственности. В то время как при рабском казарменном производстве раб был совершенно не заинтересован в результатах производства, вольноотпущенник получал некоторую долю свободы, личной инициативы и предпринимательства.

Отпуск рабов на оброк (вольноотпущенничество) и перевод раба из рабской казармы на отдельный участок (пекулий) практиковались в течение всей греческой истории, но массовый отпуск рабов на оброк и аренду замечается лишь в поздние столетия эллинской истории, в связи с общими экономическими и политическими переменами, имевшими место в эту эпоху.

Особенно невыгодным рабовладение становилось в среднем и мелком хозяйстве, теснимом рабскими мануфактурами и плантациями. Из материалов, опубликованных Вешером и Фукаром, собравшими массу надписей, относящихся к острову Делосу, видно, что чаще всего побуди-

тельным мотивом отпуска рабов служит недостаток средств у мелких и средних рабовладельцев, бывших не в состоянии прокормить своих рабов.

Обычно рабы отпускались при посредстве какого-либо храма, выступавшего в качестве посредника между договаривающимися сторонами. Отпускная грамота скреплялась свидетельскими показаниями, и ее копия вырезывалась на стене храма. В пользу храма уплачивалась определенная пошлина, и кроме того храм становился третейским судьей в возникавших на этой почве многочисленных конфликтах, становясь таким образом неофициальным патроном вольноотпущенника. Все это конечно еще более подымало авторитет храма в глазах общественного мнения.

Помимо разорения существовал целый ряд других мотивов перевода рабов на положение вольноотпущенников. В большинстве случаев отпущенный раб полных гражданских прав не получал, оставаясь в большей или меньшей зависимости от своего прежнего владельца (патрона). По своим политическим правам отпущенные обычно приравнивались к метойкам. Вольноотпущенник, обладая частью гражданских прав, уплачивал своему бывшему господину определенный оброк, оказывал ему надлежащий почет и внимание, участвовал в свите патрона и т. д. Из нижеприводимых юридических формул отпуска рабов можно заключить об отношениях между рабом и господином после отпуска рабов на волю.

«Эпихарид, сын Евдама из Лилейского дома, с согласия матери своей Аристократеи, уступает Аполлону Цифийскому женщину, по имени Асию, сириянку по происхождению за три с половиной мины серебра, как было установлено между Асией и богом, с тем чтобы Асия жила как свободная в Лилее, не несла никаких повинностей и в течение всей своей жизни могла делать, что ей угодно...»

«Асия не должна без ведома Эпихарида выселяться из Лилея и селиться в другом месте; если же она это сделает, то продажа считается недействительной. Так же точно Асия не должна никаким способом отчуждать ничего из своего имущества, даже приобретенного ею помимо Эпихарида и его наследников. Если же она это сделает, продажа считается недействительной, как было сказано выше. По смерти Асии все имущество ее отходит к Эпихариду или его наследникам».

В аграрной сфере в этот и главным образом в следующий Македоно-эллинистический период наблюдались рост крупных владений и развитие всевозможных крупных и мелких аренд, сходных с римским колонатом. Все это свидетельствовало об усилении феодальной тенденции. Среди арендных держаний наибольшее распространение получила эмфитевтическая аренда или просто эмфитевсис. В эмфитевсис обычно отдавались необработанные или запущенные земли на льготных условиях, с уменьшенной арендной платой и отсрочкой платежа.

Экономическая сущность эмфитевсиса и колоната видна из нижеприводимых юридических формул.

«Каждый из феспийцев, — гласит например текст одного из таких

договоров, — желающий засадить (деревьями или виноградными лозами) землю, занятую до сих пор под пашню, должен подать городским стратегам заявление, указав в нем то место, которое он желает занять, и определить те взносы, какие он будет уплачивать ежегодно за каждый плефр...»

«Получивший разрешение занять участок свободен от уплаты взносов в течение первых пяти лет. По истечении же этого срока он должен ежегодно делать взнос за полученный участок в 15-й день месяца Алалкомения».

По состоянию наших материалов практика эмфитевсисов более всего нам известна благодаря богатому папирусному материалу из Египта — классической страны сельского хозяйства.

«Царь Птолемей и его супруга, — гласит один из такого рода договоров, — приказали, чтобы владетели виноградников и садов на землях, затопленных Нилом или заброшенных, были освобождены от податей на пять лет. После же этого срока в течение трех лет с них надлежит взимать подать меньших размеров вплоть до IX года. Подгородным крестьянам срок льгот увеличивается еще на три года».

Дополнением к папирусам служат надписи, содержащие контрактные договоры, открытые в самых различных местах греческого мира. Так например надпись от конца III в., найденная в городе Эретрии на острове Эвбее, содержит договор некоего Херефана об осушке болота на условиях эмфитевсиса.

Херефан принимает на себя следующие обязательства: «Пусть напишут на каменной плите как этот договор, так и обещание и клятву и все прочее и поставят ее в храме Аполлона Дафнефора. Если же война будет мешать Херефану отводить воду и осушать болото согласно вышенаписанному, то пусть будет ему предоставлена, когда работы станут возможными и наступит мир, отсрочка в таком именно размере, на сколько приостановила его работу война... Если кто-либо, должностное лицо или частный человек, будет принуждать Херефана и его товарищей нарушить этот договор под каким бы то ни было предлогом или по какому бы то ни было соображению, да будет лишен гражданской чести, а имущество его да поступит в священную казну Артемиды» (Рейнак, Сборник греческих юридических надписей).

Преобладающей формой труда на эмфитевтических землях был труд полусвободных колонов. Одним из показателей наступившего кризиса рабского производства служит перемена взглядов на рабов и на рабство в идеологии того времени.

Впервые рабство как социальный институт взяли под сомнение софисты, учившие (Алкидам), что боги создали всех людей равными. Известные колебания в отношении рабства замечаются даже у Платона и Аристотеля, в основном еще стоящих на рабовладельческой точке зрения. Владеть рабами, говорит Платон, тяжело. «Многие рабы в отношении добродетели оказываются лучше наших (свободных) братьев и сыновей» и т. п.

Колебания другого столпа рабовладельческого общества — Аристотеля — выражаются в невозможности найти единую, всеохватывающую формулу, оправдывающую рабство как вечную категорию. Более радикальны в отношении рабства были стоики, учившие, что все люди от природы равны и никого боги не сотворили рабами. Взгляды стоиков разделяли многие из греческих писателей и ученых — Посидоний, Хризипп, Дикеарх, Менандр и другие знаменитости того времени. Естественное право народов (jus gentium), легшее в основу римского права, также зародилось на эллинистической почве и в своей основе было разработано стоиками. В своих социально-политических проектах стоики стирали грань как между народами и нациями, так и между рабами и свободными. Идеал стоиков — создание космополитического государства, разумных и просвещенных существ, управляемых единым законом разума, одинаковым для всего человечества»[1].

Экономически вольноотпущенничество сравнительно с рабством означает более высокую производственную ступень, занимая среднее место между рабством и свободой. Однако вольноотпущенничество в течение всей античной истории никогда полностью не вытесняло рабства и захватило далеко не все районы. Одновременно с ростом вольноотпущенников постоянно увеличивалось также и число рабов.

В то время как в одних странах рабство разлагалось и складывались колонатные отношения, в других, напротив, увеличивалось число рабов и рабских хозяйств. Полной феодализации античных обществ препятствовала вся совокупность условий рабовладельческого строя. Одним из таких условий являлась постоянная ожесточенная конкуренция между рабовладельческими полисами из-за рабочей силы рабов и рынков сбыта произведений рабских мануфактур и плантаций.

В столетия, следовавшие за Пелопоннесской войной, эллинский мир находился в состоянии постоянного брожения. Экономические и политические центры все время передвигались из одного места в другое. Ни одному полису не удавалось на продолжительное время удержать за собой гегемонию.

Классические полисы — Афины, Спарта и Фивы — вследствие непрерывных войн и внутренней борьбы постепенно сходят на положение второстепенных держав, уступая первое место восточным (эллинистическим) центрам. Масса населения уходила с мест постоянного жительства, поступала в наемнические войска, эмигрировала в Сицилию, Македонию и главным образом на эллинистический Восток. В последние столетия старые эллинские полисы играют второстепенную роль в качестве провинциальных придатков македонско-эллинистических держав. Передвижение политических центров и частые смены гегемоний, при сохранении старых видов производства, составляют характерную черту полисов, выдвигаемую Энгельсом при объяснении кризиса античного общества.

---

[1] См. Вендланд, Эллинистическо-римская культура; Лакер, Эллинизм; Виламовиц, Греческая литература.

«Всякое, — писал Энгельс в «Диалектике природы», — покоящееся на рабстве производство, и всякое основывающееся на нем общество, сгибнут от этого противоречия. Разрешение дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока наконец (Рим) не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае **прежний способ производства гибнет**»[1].

В приведенном положении схвачена вся сущность греческой и римской истории, одним из характерных признаков которой было постоянное перемещение центров из одной области в другую. История античного мира в сущности есть история отдельных городов-государств, сменявших друг друга в порядке исторической преемственности.

[1] Энгельс: Диалектика природы, изд. 0-е, стр 19

XII. ИСТОРИЯ СПАРТЫ В IV—II вв.

1. Преобладание Спарты

Классовая борьба кипела не только в Афинах, но и в Спарте. Одни и те же причины — рост товарно-денежного хозяйства и крупного рабского производства, с одной стороны, разорение средних и низших групп, с другой, обостряли классовые противоречия в эллинских полисах. Эволюция спартанского строя происходила медленнее афинского, но все же она совершалась, обнаруживая те же симптомы разложения, как и все греческие полисы.

Все это с величайшей яркостью обнаружилось во время Пелопоннесской войны, обострившей внутренние противоречия спартанского строя. Со времени сицилийского поражения Афин Спарта втягивается в мировую политику и заключает союз с Персией. С помощью персидских субсидий Спарта заводит у себя флот и превращается в морскую державу. Во главе военного флота Спарты стоял наварх (адмирал), пользовавшийся большим влиянием на дела как внешней, так и внутренней политики Спарты. Бывали даже случаи, когда энергичный наварх, опираясь на флот и на персидские субсидии, делал попытку сосредоточить всю власть в своих руках, надеясь таким путем спартанскую «общину равных» превратить в военную деспотию (тиранию). Таковы например были намерения самого храброго и искусного в дипломатических делах наварха Лисандра, современника и соперника Алкивиада. После разгрома Афин Лисандр обладал такой властью и влиянием, каким не пользовался ни один из его предшественников. Но, прибавляет его биограф, «еще больше, чем его сила и влияние, была его гордость и заносчивость». Лисандр был первым, которому греки стали воздавать божеские почести, воздвигали алтари, сочиняли в честь него хвалебные гимны (пэаны). На острове Самосе справляли даже особый праздник в честь гения Лисандра. В числе других членов личной свиты Лисандра находился также поэт Харил, в своих стихах прославлявший дела и личные качества наварха. Свое отношение к социальным и политическим вопросам сам Лисандр выразил в одной характерной фразе, брошенной во время спора с мегарянами из-за границ.

«Прав тот, кто носит этот меч», — ответил Лисандр на заявление мегарян о праве Мегар на пограничную полосу. Несмотря на все свое влияние, Лисандру все же не удалось установить военную диктатуру в Спарте. Спартанская олигархия в лице эфоров умела во-время парализовать влияние опасного наварха, противопоставив ему столь же влиятельного и честолюбивого царя Павсания. С именем и эпохой Лисандра спартанская традиция связывала все перемены, происшедшие в социально-экономическом строе спартанской общины.

Со времени Пелопоннесской войны Спарта стояла в центре греческой политики. В 80-х годах IV в. спартанцы выдержали напряженную войну с целой коалицией, составленной из ее бывших союзников — Коринфа, Аргоса, Элиды и Афин, под руководством Фив. Театром военных операций союзников сделался Коринфский перешеек и коринфский берег, — отсюда и название этой войны — Коринфская война. Несмотря на ряд поражений, нанесенных Спарте, в особенности при мысе Книде, афинским адмиралом Кононом, спартанцы сравнительно легко отделались от нанесенных им поражений. Спасителями Спарты на этот раз были персы, надеявшиеся с помощью спартанцев ослабить греческие полисы и овладеть берегами Эгейского моря. В 387 г. при посредстве спартанского дипломата Анталкида был заключен с персами общегреческий мир, так называемый Царский или Анталкидов мир, делавший формальным гегемоном Греции Спарту, а фактическим — Персию.

«Царь Артаксеркс, — гласит один из параграфов Анталкидова мира, — считает справедливым, чтобы города азиатского берега остались за ним, в том числе — Клазомены и Кипр. Другие же греческие города, малые и большие, должны получить автономию, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, остающихся, согласно старинному порядку, за Афинами. Все те, кто не примут этого мира, будут иметь дело со мною. Я буду с ними воевать, опираясь на помощь добровольных союзников, на сухом пути, на море, посредством флота и денежных субсидий» (Ксенофонт, Греческие дела, V).

Успехи спартанцев однако продолжались недолго. При сложившихся внутренних и внешних отношениях Спарта так же мало могла быть политическим гегемоном Греции, как и Афины. Внутреннее состояние Спарты в этот период было почти что катастрофичным. Войны IV — III вв. до н. э. вызывались не только и не столько соображениями внешней, сколько внутренней политики. Во всех греческих полисах, в том числе и в Спарте, скоплялась масса деклассированных элементов, от которых всячески старались избавиться. Война в этом отношении представлялась тем средством, которое вернее и скорее всего могло очистить город от скоплявшихся в них недовольных элементов. На деле же война только еще больше углубляла и осложняла социальный распад полисов. В 70-х годах IV в. спартанцы окончательно потеряли свою прежнюю боевую мощь. В 375 г. пелопоннесский флот потерпел решительное поражение у острова Наксоса от афинской эскадры под командой Тимофея, сына Конона, победителя при Книде. За морским поражением спартанцев последовало

сухопутное поражение спартанского царя Клеомброта при городе Левктрах (371 г.), показавшее всю ветхость некогда грозной спартанской «общины равных». Вслед за этим «священная дружина» фиванского полководца Эпаминонда вторглась в глубь Пелопоннеса, угрожая захватом самой Спарты. При Мантинее (362 г.) спартанцы опять потерпели поражение. Лишь вмешательство группы афинских друзей Спарты с Каллистратом во главе и смерть талантливого фиванского стратега и политика Эпаминонда, убитого при Мантинее, спасли Спарту от окончательного разгрома. В конце IV в. Пелопоннесский союз совершенно распался. В Пелопоннесе образовалась масса мелких самостоятельных городов-государств и союзов, из которых прочнее других оказался Аркадский союз с городом Мегалополем, Мессенский союз и др. После распада Пелопоннесского союза и низведения Спарты на степень второстепенного кантона гегемония на некоторое время (371—362 гг.) переходит к Фивам, объединившим города Беотии, но не бывшим в состоянии долго сопротивляться захватническим порывам антифиванской коалиции, в состав которой входили недавние союзники Фив — пелопонесские города и затем Афины, опасавшиеся преобладания Фив в центральной Греции. Внутреннее положение Фив еще усложнялось вмешательством их в дела северных областей — Фессалии и Македонии и невозможностью из континентальной державы превратиться в морскую державу, к чему стремились руководители фиванской политики — Пелопид и Эпаминонд. Собственно говоря, со смертью Эпаминонда и закончился кратковременный период фиванской гегемонии.

2. Социальные движения в Спарте в IV—II вв.

Кризис военного могущества Спарты был следствием внутреннего кризиса спартанской общины, начавшегося с конца Пелопоннесской войны. Под влиянием развивавшегося денежного хозяйства, рабского производства и морской политики спартанская патриархальная конституция Ликурга явно устарела. Натуральное хозяйство вытеснялось товарно-денежным, древнеспартанская суровость сменилась необузданной роскошью. Имущественное равенство среди граждан-спартиатов уступило место резкому социальному неравенству. Влиятельные лица, в особенности цари и наварxи, опиравшиеся на наемников и действовавшие на отдаленных театрах войны на свой риск и страх, совершенно уходили из-под контроля своих сограждан. Закон Эпитадея, разрешавший свободную передачу и отчуждение земель, способствовал концентрации земель в руках немногих по преимуществу царских домов. Масса же спартанцев беднела, сходила на положение илотов, вымирала, эмигрировала или же увеличивали ряды ландскнехтов (наемников).

«Богатство в то время сосредоточивалось в руках немногих граждан, по преимуществу женщин. Все же остальное государство обнищало. Всего-навсего спартанцев оставалось не более 700 фамилий, да из них не более 100 имели землю и наделы. Все же остальные превратились

лись в неимущую презираемую чернь, стекавшуюся в города, слабо защищавшую страну от врагов, но зато чрезвычайно склонную ко всякого рода государственным переворотам» (Плутарх, Агис, V).

Несмотря на очевидную преувеличенность, все-таки основная тенденция Плутархом схвачена правильно. Вследствие быстрого развития денежного хозяйства обезземеление в Спарте протекало значительно быстрее и болезненнее, чем в какой-либо другой области греческого мира. В руках какой-либо сотни магнатов сконцентрировалась вся земельная собственность спартанской общины. Свои поместья спартанская знать предпочитала использовать для скотоводства как наиболее простой и выгодный вид хозяйства, заменяя свободный труд несвободным. Поэтому неудивительно, что революционные движения в Спарте в конце IV в. сделались обычным явлением, выражаясь в виде частых «заговоров», восстаний, бунтов и массовых эмиграций.

3. Реформы царя Агиса IV

После того как персы и сицилийцы перестали оказывать финансовую и военную поддержку, Спарта с средины IV в. стала терпеть одно поражение за другим. Самым крупным из этих поражений было поражение при Левктрах в 371 г., о котором говорилось выше. При таком критическом состоянии спартанского государства среди самих спартанских олигархов образовалась партия реформ. Во главе этой партии стояли цари, ближе всего стоявшие к войску и лучше всего знавшие катастрофическое состояние государства. В период спартанской гегемонии к партии реформ принадлежали Лисандр и Агесилай Великий. Деятельность партий реформ оживилась с середины III столетия, после тяжелых военных поражений, понесенных в то время Спартой. В 40-х годах III в. во главе реформаторской партии стоял Агис IV, шестой царь после Агесилая. Агис, по словам его биографа, «своим умом и высокими качествами своего сердца» превосходил не только своего опекуна, царя Леонида, но и всех царей, после Агесилая Великого. На сторону царя-«романтика», стремившегося восстановить ликургову конституцию, стали «опустившиеся» спартиаты («молодежь»), в числе которых были многие представители древней аристократии, обремененные долговыми ипотеками. Главными противниками Агиса были олигархи — плутократы и ростовщики, превращавшиеся в земельных магнатов.

Биограф-моралист Плутарх и его основной источник Филарх склонны все движение объяснять соображениями морального порядка — стремлением молодежи к нравственному возрождению с целью достижения свободы. Само собою разумеется, что такого рода объяснение не может быть признано удовлетворительным. Побудительные мотивы реформы лежали, как мы видели, значительно глубже, — в самом спартанском строе.

Реформа подвинулась вперед с того момента, когда на сторону царя перешло несколько видных спартанских деятелей — Лисандр, потомок

знаменитого Лисандра, Мандроклид и, самое главное, царь Агесилай, один из крупнейших спартанских магнатов. Об Агесилае говорили, что он принял сторону Агиса вследствие массы долгов, тяготевших над его землями, рассчитывая избавиться от долгов с помощью государственного переворота. Агесилаю удалось убедить в правильности задуманных Агисом реформ также несколько богатых и влиятельных женщин. После этого, опираясь на поддержку «молодежи» и влиятельных лиц, Агис внес в герусию проект реформ (ретру). В основных чертах проект Агиса воспроизводил знакомые нам программы других греческих реформаторов. На первом месте стояли уничтожение долгов и передел земли. Предполагалось нарезать несколько тысяч наделов и раздать их неимущим гражданам. Одновременно с этим недостающее число спартанцев предполагалось пополнить периэками, способными носить оружие, и метэками, «обладавшими красивой наружностью и находившимися в цвете лет». В народном собрании Агис доказывал неотложность реформы, являвшейся, по его мнению, не чем иным, как восстановлением «ликурговой конституции».

«Я хочу изгнать из Спарты сребролюбие и гордость... Я боюсь, что различие в образе жизни и порча нравов внесет рознь и разложение в наше государство...»

Народ примкнул к Агису, но противникам реформ удалось склонить на свою сторону второго царя Леонида и затормозить реформу. После этого у Агиса оставалось единственное средство для проведения реформы — вооруженный переворот.

Вооружив массу «молодежи» и освободив заключенных в тюрьмах, Агис расстроил замыслы своих врагов. Но провести реформу Агису все-таки не удалось.

«Прекрасная во всех отношениях, истинно спартанская задача, кончилась неудачей. Виной тому — постыднейший из всех человеческих пороков — сребролюбие!»

После проведения первой части программы — кассации долгов — влиятельные «друзья» Агиса, в том числе и Агесилай, покинули реформатора. Народ настойчиво требовал передела земель, а Агесилай и его единомышленники, крупные землевладельцы, под разными предлогами затягивали дело. Наконец им удалось отправить Агиса в поход и под предлогом войны с Ахейским союзом отвлечь внимание от внутренней политики. Тогда недовольная затяжкой земельной реформы «молодежь» стала открыто выражать свое недовольство и постепенно стала отходить от Агиса. Этим обстоятельством воспользовались противники аграрной реформы, составили заговор, схватили Агиса и бросили в тюрьму. Назначенный над Агисом суд приговорил его к смертной казни. После объявления смертного приговора дан был приказ вести Агиса в Деходу, месту казни приговоренных к повешению, но рабы отказались в повиновении. Это заставило эфоров поспешить с казнью Агиса, «ибо враги реформ боялись, что если соберется много вооруженного народа, то осужденного вырвут из их рук».

Дальше описывается трогательная сцена прощания Агиса с преданным ему рабом.

«Когда Агис шел к виселице, он увидел горько плакавшего раба. «Друг мой, — сказал Агис, обращаясь к плакавшему рабу, — погибая противозаконно и несправедливо, я стою выше своих убийц».

После этого палач накинул петлю на шею Агиса (241 г.).

Со смертью Агиса партия реформ не только не распалась, но еще более окрепла.

4. Клеомен III

Несколько лет спустя продолжателем дела Агиса выступил царь Клеомен III (235—221 гг.), сын царя Леонида. Внутреннее состояние Спарты все время ухудшалось. Экономическое неравенство и задолженность росли, а в зависимости от этого увеличивалось и «моральное разложение гражданства». Богатые думали только об удовольствиях и наживе, не обращая никакого внимания на государственные дела. Рядовые же спартиаты теряли воинственность и становились равнодушными к судьбам своей общины. Руководящая роль в государстве в это время принадлежала эфорам, представителям спартанской олигархии. Между эфорами и царями, главным образом опиравшимися на спартанское войско и служилую аристократию, происходили постоянные трения и разногласия. При преемнике Агиса IV Клеомене III эти трения превратились в настоящую войну. Клеомен обвинял эфоров в незаконном расширении своей власти и оскорбительном пренебрежении по отношению ко всему остальному государству, в особенности же к царям.

«Если бы эфоры, — говорил Клеомен, — не так злоупотребляли своей властью, то их можно было бы терпеть. Но когда они вследствие самовольно расширенной власти царскую власть сделали бессильной до такой степени, что изгоняют одних царей и без суда убивают других, считая своим врагом тех, кто стремится восстановить прекрасную во всех отношениях конституцию Ликурга, то они уже становятся действительно невыносимыми».

В заключение Клеомен прибавлял, что если бы он мог мирным путем вылечить Спарту от всех занесенных извне болезней — неги, роскоши, долгов и займов, а самое главное от бедности и богатства, то считал бы себя самым счастливым из всех царей мира».

Он «как врач вылечил бы свое отечество, не причиняя ему боли».

К сожалению действительность оказалась более суровой и холодной. Противники царей оказывали всевозможные противодействия реформаторским начинаниям царя, и вследствие этого Клеомену приходилось действовать уже не убеждением, а силой. Наученный горьким опытом своего предшественника, Клеомен решил первым делом избавиться от ненавистных ему эфоров. Достиг этого Клеомен с помощью произведенного им государственного переворота. Эфорат был уничтожен, кресла эфоров выброшены, права, принадлежавшие эфорам, пере-

даны царям, уничтожена была также и герусия, державшая сторону эфоров, вся власть отныне была сосредоточена в руках царя. Опираясь на военную силу «тиран» Клеомен объявил кассацию долгов, произвел передел земель и пополнил ряды спартанцев периойками, словом, выполнил главные пункты программы своего предшественника Агиса. Далее, Клеомен обратил особое внимание на воспитание и образование молодежи. Внешне успех был полный. Казалось, возрождалась «прекрасная во всех отношениях» конституция Ликурга. Молодежь проводила время в учении, в гимнастических и военных упражнениях. Руководителем воспитания был сам царь, показывавший образец простоты, скромности и умеренности. Самое же главное, составилась внушительная сила из 4 тысяч дисциплинированных и вооруженных по всем правилам тогдашнего военного искусства пехотинцев.

«После этого Клеомен возбудил огромное удивление своей энергией и умом. Те, кто раньше смеялись над ним, когда он говорил, что, провозглашая кассацию долгов и передел земель, он берет пример с Солона и Ликурга, теперь вполне верили, что виновником всех перемен, происшедших в спартанцах, был именно он, а не кто-либо другой».

Слух о переменах в Спарте быстро распространился по всему Пелопоннесу. Всюду происходили волнения, народ требовал передела земли и уничтожения долгов. Этим обстоятельством воспользовался Клеомен и объявил войну Ахейскому союзу, во главе которого стоял А р а т (245—212 гг.), основатель Ахейского союза, враг партии реформ, вождь всей пелопоннесской олигархии. Победа спартанцев была полная: народ смотрел на Клеомена как на избавителя от всех зол и несправедливостей. Тогда разгромленный Арат обратился за помощью к македонскому царю Антигону, не менее Арата боявшемуся возрождения Спарты. Антигон с армией в 30—40 тыс. человек вторгся в Пелопоннес, захватил и разграбил города Орхомен и Мантинею и двинулся по направлению к самой Спарте. В этот критический момент Клеомен прибегнул к крайней мере: принял в войско п е р и о й к о в и отпустил н а с в о б о д у 6 тыс. илотов, но и это не спасло дела. В 221 г. при С е л а с с и и произошел ожесточенный бой между спартанской армией Клеомена и македонской армией Антигона. Антигон разбил Клеомена и овладел Спартой. Шестнадцать тысяч спартанцев пало на поле сражения. Среди убитых был и сам царь Клеомен. Немедленно началась реакция. Реформы Клеомена были отменены, эфоры и герусия восстановлены, законы об уничтожении долгов отменены, передел земли приостановлен, эмигранты получили право возвращения, царская власть уничтожена. Спарте было приказано войти в состав Македоно-ахейского союза, возглавляемого македонским царем. Однако реакция не разрешила основной социальной проблемы, стоявшей перед Спартой. Заговоры и покушения не прекращались, партия реформ продолжала существовать. Дело дошло до того, что однажды во время праздника «заговорщики» захватили арсенал, перерезали олигархов, «стариков» и

захватила в свои руки власть. Царская власть была восстановлена, но сами инсургенты продержались недолго. На короткое время власть вновь перешла к богачу Ликургу, ставленнику эфоров и олигархов. Однако торжество реакции продолжалось недолго. Число «опустившихся», т. е. задолжавших, безземельных и деклассированных элементов в Спарте, как и вообще во всех греческих полисах, достигло внушительной цифры. Эти деклассированные элементы, жаждущие, по выражению Тита Ливия, «переворотов и новизны», составляли социальную опору так называемых позднегреческих тиранов, с которыми более подробно познакомимся в следующей главе. К тиранам должны быть отнесены: Хилон, изгнавший Ликурга, и затем предводители наемнических войск Маханид и Набид. Помимо деклассированных элементов тираны находили поддержку в среде рабов, которым они обещали свободу. Так например поступил Набид, освободивший часть илотов. Набид, стоявший во главе Спарты более десяти лет, пользовался огромной популярностью во всем Пелопоннесе как освободитель рабов и «опустившихся» свободных. Большая часть правления Набида прошла в борьбе с Ахейским союзом, с македонским царем и затем с римлянами. Набид принял участие в коалиции греческих городов с сирийским царем Антиохом III, воевавшим с Римом. После разгрома Набида римским полководцем Фламинином в 191 г. Спарта вошла в Ахейский союз. На этом и закончилась история самостоятельной Спарты.

XIII. ПОЗДНЕГРЕЧЕСКАЯ ТИРАНИЯ

1. Классовая сущность тирании

Кроме Афин и Спарты социальные движения имели место и в других греческих общинах, например в Фокиде и Фессалии, где крупное землевладение поглотило мелкое и где обезземеленные крестьяне и рабы восставали против крупных землевладельцев и скотоводов. С конца IV в. до н. э. войны, крестьянские и рабские восстания потрясали Элладу, создавая почву, благоприятную для военной диктатуры.

Картина социального распада греческих полисов, рисуемая Плутархом в биографии Солона и относимая автором ко времени Солона, т. е. к началу VI в., в действительности, как это установлено исторической критикой, более подходит не к VI, а к IV и следующим векам. Передвижение отношений своего времени в глубь веков вообще было в духе греческой публицистики и в частности историка Фанния Лесбосского, младшего современника Аристотеля, сочинения которого легли в основу плутарховой биографии Солона.

«Неравенство состояний бедных и богатых в это время, — говорит Плутарх, — достигло предельной степени. Вследствие этого государство находилось в критическом положении. Было очевидно, что прекращение волнений и восстановление спокойствия можно было ожидать только от тирании. Весь демос был в долгу у богатых. Одни обрабатывали землю крупных землевладельцев в качестве арендаторов (гектоморов, или фетов) и должали бесконечно. Кредиторы имели право брать должников в кабалу, обращали их в рабство или продавали за границу. Многие продавали своих детей и бежали из родной страны. Часто происходили собрания, на которых более смелые люди уговаривали массу выбрать своим вождем надежного человека, который освободил бы их от долгов, произвел бы новый передел земли и наконец в корне изменил бы существующий порядок» (Плутарх, Солон, XIII).

Та же самая картина, как мы видели, имела место и в Спарте

накануне выступления царей-реформаторов Агиса и Клеомена. Наши источники не оставляют сомнения, что спартанские цари в конечном итоге действовали в интересах самих же олигархов, у которых почва уходила из-под ног. Единственным средством предохранить общину от распада цари-реформаторы считали аграрную реформу, восстанавливающую старую, здоровую деревню. В этом отношении спартанские цари Агис и Клеомен напоминают известных римских трибунов Гракхов, приблизительно через сто лет выступивших с аналогичным проектом аграрных реформ. В обоих случаях реформа имела частичный и кратковременный успех. Причина неудачи заключалась в нежизнеспособности мелкого хозяйства, вытесняемого крупным. Вытеснение мелкого (свободного) хозяйства крупным и развертывавшаяся на этой почве борьба мелкого и крупного землевладения, устанавливаемая Марксом в отношении Рима, с полным основанием может быть перенесена и на Грецию. Борьба мелкого и крупного хозяйства составляет содержание социальной истории эллинского мира в последний период его существования.

Из этой борьбы выросла позднегреческая тирания (IV—II вв.) как переходная социально-политическая форма от демократического полиса к Македоно-эллинистическому царству. При всей неустойчивости социальной опоры тирании все же она имела, как мы видели, определенное социальное ядро, на которое и опиралась.

Ближайшей опорой тирании служило войско, составленное из наемников и пополнявшееся из деклассированных элементов. С течением времени из армии тирана выкристаллизовалась новая, служилая аристократия эллинистических государств.

В последние столетия греческих полисов тирания была очень распространенным явлением. Как правильно указывает академик Тюменев, греческая тирания явилась в результате глубокого разложения греческого полиса, когда из создавшегося социально-экономического тупика не представлялось никакого иного выхода. «Разделяя население на отдельные враждебные друг другу партии и группы и ослабляя его во взаимной ожесточенной борьбе, всякое столкновение общественных сил при таких условиях могло играть только роль фермента разложения»[1].

Новая аристократия была такой же рабовладельческой плутократией, как и предшествовавшая ей плутократия полисов, но более централизованной, менее самостоятельной и более связанной с рынком. В этот период интересы отдельных представителей новой рабовладельческой аристократии более подчинены интересам класса в целом, чем в предшествующий период. Централизация и бюрократизация повысили значение государственного аппарата и государственности и вместе с тем подняли авторитет главы государства. Этим объясняется обилие крупных личностей, действительных и мнимых, в последний период греческой истории.

---

[1] А. Тюменев, Очерки, II, стр. 167.

Новая знать выходила из самых разных социальных кругов — из соратников тиранов, их родственников и друзей, чиновников, вольноотпущенников, старых олигархов, туземных элементов и т. д. Неустойчивость, произвол и возведенный в систему террор тиранов находят свое объяснение в неустойчивости социального фундамента и противоречивости интересов элементов, примыкавших к этому строю. Помимо напряженного внутреннего состояния, централизация вызывалась еще постоянными внешними войнами, которые вели «первые сановники государства», как называли себя тираны. Войско тиранов состояло из наемников (служилых людей), на удовлетворение интересов которых было направлено главное внимание греческих кондотьери (тиранов). Львиная доля захватываемых тиранами земель и богатств доставалась самому тирану, его военному штабу и солдатам, число которых постоянно пополнялось новыми наборами из деклассированных элементов, поддерживавших во время переворота узурпатора. Земли раздавались в виде мелких наделов (ленов), и таким путем создавались военно-земледельческие поселения, составлявшие социально-экономическую опору последующих монархий — сицилийской, македонской и эллинистических.

Все особенности поздней тирании как переходного состояния от рабовладельческой олигархии полиса к рабовладельческо-крепостнической Македонской монархии удобнее всего проследить на примере Сицилийской тирании.

2. Сицилийская тирания Дионисия I

В Сицилии больше, чем где-либо в другом месте, крупное рабское, по преимуществу пастбищное и зерновое хозяйства получили широкое распространение. Вследствие разорения и тяжелого положения крестьянства в Сицилии кипела ожесточенная классовая борьба. В сицилийских городах происходили постоянные перевороты под лозунгом «черного передела» и освобождения от долговых обязательств. Наряду с этим в Сицилии, не выходившей из состояния внешней войны, первостепенную роль играли наемники и их командиры. В V в. до н. э. сицилийские полисы — Гела, Камарина, Катана, Сиракузы — находились в долголетней упорной войне с Карфагенской республикой, — гегемоном западной части Средиземноморья, претендовавшей на сицилийские земли. Сицилийские города подвергались постоянным нашествиям карфагенян, опустошались и разорялись. Бо́льшая часть сицилийского населения сбилась на территории города Сиракузы. Разорившиеся крестьяне, ремесленники и бежавшие от своих господ рабы составляли тот резерв, из которого военные командиры пополняли свои отряды. Помимо выплаты регулярного жалованья командиры в случае успеха гарантировали своим офицерам и солдатам часть военной добычи, освобождение от долгов и земельный надел.

В конце V в. одному из популярных сицилийских командиров наем-

нических отрядов *Дионисию* удалось захватить Сиракузы, овладеть арсеналом и произвести государственный переворот. Захватив арсенал и перебив охранявшую город стражу, Дионисий созвал экклесию, в которой он выступил с обвинительной речью против самых влиятельных олигархов и стратегов, членов совета 600, обвиняя их в равнодушии к народным интересам и бездействии. Народное собрание приняло предложение Дионисия об аресте олигархов и конфискации их имущества. В 406 г. Дионисий был утвержден в звании единоличного правителя, «стратега-автократора». Конфискованные земли были розданы в качестве ленов наемникам или расхватаны приближенными тирана. Все управление перешло к государственному (*интимному*) *совету* при тиране, жившем в укрепленном подгородном замке Ортигии. Старая республиканская аристократия, входившая в совет 600, была истреблена или ушла в изгнание. Классовой опорой самого Дионисия, как и вообще всех поздних греческих тиранов, была новая служилая и чиновная знать, кооптировавшаяся из наемников (служилых людей), посаженных на земли, наделенных поместьями, рабами и инвентарем. Сюда примыкали также торгово-ремесленные элементы и часть интеллигенции. Эти группы, складывавшиеся в недрах старого республиканского строя, собственно и выдвинули тиранию. Система внутреннего управления Сицилийской тирании представляла точную копию восточных государств, в особенности соседнего Карфагена. Автономия городов-государств (полисов), входивших в Сицилийский союз, была сильно сокращена, демократическая конституция урезана. Все управление перешло в руки государственных чиновников-бюрократов. При этом особое внимание было обращено на финансовое ведомство, игравшее первостепенную роль в условиях военного государства с наемнической армией. В основу финансового управления была положена заимствованная на Востоке и у Карфагена *откупная система*, чрезвычайно облегчавшая сбор податей. Кроме финансового ведомства из всех отраслей управления больше всего внимания уделялось *военному делу*, постройке крепостей, интендантству, усовершенствованию боевой техники, оружия и транспорта. В распоряжении новой знати оказалось много земель, рабов и зависимых землевладельцев свободного состояния (колонов).

Дионисий I вел крупную и вместе с тем успешную *военную политику*. Война велась с Карфагеном за обладание Сицилией и южной части Италии. В обоих случаях победителем вышел Дионисий. В 392 г. Дионисий после упорной войны заключил с Карфагеном мир на выгодных для себя условиях, удержав за собой города Гимеру, Камарину, Акрагант и Селинунт. С этого времени Сицилийская тирания превратилась в первоклассную морскую державу, предвосхитившую порядки последующих эллинистических царств и Римской империи. Обеспечив себя в отношении Карфагена, Дионисий предпринял завоевание Великой Греции, Кампаньи и Этрурии. Следствием этих завоеваний было утверждение в Адриатическом и Тирренском морях и гегемония Сиракуз

в западных водах Средиземноморья. Столица Сицилийской державы Сиракузы из небольшой бухты превратилась в порт мирового значения, концентрировавший в себе всю западно-средиземноморскую торговлю.

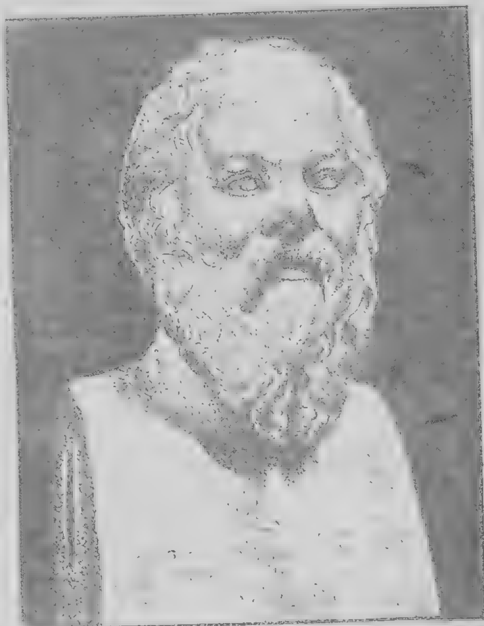
Образование Сицилийской державы, объединившей весь запад, вызвало усиленную иммиграцию из восточных частей Греции. Масса греческих колонистов осела на вновь завоеванных землях и эллинизировала запад. Благодаря завоеванной добыче, приобретению плодородных земель, притоку колонистов, оживлению торговли и производств Сицилия в IV в. до н. э. достигла значительного благосостояния и оказывала решающее влияние на весь ход тогдашней мировой политики. В целях придания внешнего блеска своей власти, Дионисий завел роскошный двор, собирая со всех концов мира поэтов, художников, писателей, философов и ученых. Той же самой цели укрепления власти служили и многочисленные постройки, возведенные в правление первого сановника (архонта) Дионисия. Делегаты Дионисия участвовали на всех спортивных состязаниях — конных, музыкальных и драматических. Сам Дионисий выступал в качестве трагика и очень ревниво относился ко всякому мнению, высказываемому относительно его драматических произведений, правда, довольно скромного качества.

Однако экономический расцвет и внутреннее спокойствие Сицилийской державы продолжалось недолго. В государстве Дионисия имелось много всякого рода противоречий. Основное же социальное ядро, на которое опиралась тирания, еще не успело достаточно окрепнуть и оформиться. Тираном были недовольны ограбленные им землевладельцы, богачи-олигархи, деклассированные элементы, не получившие земли и не служившие в армии, колонисты (метойки), обремененные налогами, часть офицерства, интеллигенции и многие другие. Постепенно скопившееся недовольство наконец прорвалось. После смерти Дионисия I (387 г.) вновь разразилась война между претендентами на верховную власть. Наследники Дионисия, его старший сын Дионисий II, зять Дионисия, Дион, и несколько других командиров перессорились между собой и начали междоусобную войну. Победителем вышел сицилиец Тимолеон, глава демократической оппозиции. Тимолеон провозгласил демократическую конституцию, скопированную с афинской. Но демократическая конституция Тимолеона просуществовала очень недолго. Непрочность этой конституции еще раз подтвердила невозможность демократического строя типа полиса в новых условиях. Уже не было тех социальных сил, на которых держалась старая демократия. Классическая демократия Солона — Перикла, как мы видели, базировалась на массе средних и мелких собственников (зевгитов). Деревня в то время была еще относительно крепка и доставляла главные контингенты ополчения. С разложением же этих групп стала разлагаться и демократическая конституция. Чем больше укреплялось производство и концентрировалась земельная собственность, тем сильнее разлагались средние слои города и деревни и экономически слабее становился демос. В то же время, с распространением наемничества понижалось воен-

гое значение демократических ополчений, уже не пригодных в условиях новой военной техники. Утрачивала свое значение также экклесия, ибо наиболее существенные вопросы теперь разрешались не парламентским путем дебатов и голосования, а бюрократическим путем, и в отдельных случаях путем переворотов, конфискаций и т. п.

3. Рост монархических идей

Идеологическая подготовка тирании началась со времени Пелопоннесской войны и последовавшего за нею кризиса Афинской республики. Чем глубже разлагался рабовладельческий полис, тем откровеннее выступали враги демократии. В истории разложения афинской демократии и идеологической подготовки тирании очень большую роль сыграл Сократ и его школа. Знакомство с социально-политическими взглядами Сократа и его учеников показывает, как демократические идеалы Перикловой эпохи в ходе борьбы из поколения в поколение вытеснялись новыми социально-политическими идеалами, подготовлявшими почву для сицилийской, македонской и эллинистической монархий. Уже на почве эллинских полисов складывались понятия и привычки, ставшие преобладающими в следующий Македоно-эллинистический период.



Сократ
(мраморный бюст)

Социальные идеи Сократа зародились на демократической почве Афин, полное же свое развитие получили в следующий Сицилийско-македонский период. В литературе существует самая разнообразная (противоположная) оценка Сократа. В то время как для одних (Пёльман) Сократ представляется как борец за идеальный строй, в глазах других (Виппер) он не более как отъявленный реакционер, враг народа. Трудность правильного понимания сократовского образа усложняется тем, что политический образ Сократа дошел до нас в изображениях двух его учеников — Платона и Ксенофонта, людей во всех отношениях не похожих друг на друга. Платоновский Сократ — это мыслитель,

художник и метафизик, человек не от мира сего. Между тем как Сократ Ксенофонта — практик, в своих высказываниях не выходящий за пределы кругозора среднего человека. Существовали еще и другие изображения Сократа, например Сократ Антисфена, основоположника кинической философии. Поскольку можно нарисовать образ великого «афинского мудреца», то он представляется нам идеологом средних классов, с анархическим и религиозно-мистическим уклоном, что и сближает его с главой «кинической философии», с Антисфеном. При изучении социально-политических взглядов Сократа и его последователей (сократиков) никогда не следует забывать, что эти системы создавались в условиях глубокого кризиса, переживавшегося в то время Афинами, в атмосфере военных неудач, внутренних переворотов, постоянных экономических перебоев, бесконечных судебных процессов и преследований. Народная масса Афин под влиянием постоянных военных неудач и острого экономического кризиса превратилась в суеверную фанатическую толпу. Раньше всего гонение обрушилось на головы просвещенных друзей Перикла — Фидия, Анаксогора и Протогора. Фидий умер в тюрьме. Анаксогор ушел в изгнание, а сочинения Протагора были сожжены публично на одной из афинских площадей; безбожник Диагор подвергся ссылке.

На афинскую интеллигенцию, в том числе на Сократа и его «друзей», демократический террор произвел огромное впечатление. Кризис все более углублялся. Разорение средних и низших свободных классов все увеличивалось, увеличивалось также и политическое разложение гражданства. Единственной формой общения между людьми при таких условиях оставались товарищеские кружки, своего рода тайные клубы (гетерии). Собиравшиеся в этих гетериях «друзья» обсуждали самые различные вопросы, в том числе вопросы религии и политики. Как последовательный софист Сократ в области политики центр внимания переносил на эмпирического человека, «человека в мире». Общество состоит из живых людей, таков ход мысли Сократа, и потому следовательно прежде всего необходимо познать конкретного, живого человека. Из этого вытекало общеизвестное положение Сократа: познай самого себя. Для того чтобы быть счастливым и добродетельным, человек должен знать, как ему поступать во всех случаях жизни. Единственным же путем, приводящим к добродетели, является самопознание. «Добродетель изучаема и приобретаема». Для этой цели надо прежде всего углубиться в самого себя и в окружающий мир человеческих отношений. «Заметил ли ты, — спрашивает Сократ в одном из диалогов софиста Эвтидема, — надпись в храме: «Познай самого себя?» — Да, конечно, заметил, — отвечал Эвтидем. — И не очевидно для тебя, — продолжает Сократ, — что самопознание служит для человека источником многих благ, а незнание себя — источником множества бед. Знающие себя понимают, что им полезно, различают, что они могут и чего не могут, и, делая то, на что они способны, добывают себе необходимое и живут счастливо. Воздерживаясь от того, что им не по силам, они избегают ошибок и несчастий. Наконец спо-

собные по этой причине оценивать других людей, они пользуются другими для того, чтобы приобретать себе блага и предохранять себя от бед. Напротив, те, кто себя не знает и ошибается в своих силах, не знают и других людей и других человеческих дел. Неизвестно, в чем они нуждаются, что делают, чьими услугами пользуются, и, ошибаясь

Афинские типы (фрески Фидия)

во всем этом, они выпускают из рук собственную пользу и впадают в несчастье. Люди же, сознающие, что они делают, достигают цели, приобретают известность и почет».

Доведенная до конца точка зрения Сократа в теории познания неизбежно приводила к солипсизму (крайнему индивидуализму), а в политической области к политическому индиферентизму, выражавшемуся в отказе от участия в общественной жизни и предпочтении личных интересов общественным. Сам Сократ, формально никогда не отказываясь от выполнения государственных обязанностей, во всех своих высказываниях стоял на стороне противников демократической конституции Афин. Его раздражали все эти сапожники, портные, ювелиры, каменщики, торговцы и пр., составлявшие большинство афинской экклесии и продававшие свои голоса. Особенно резкую критику со стороны Сократа вызывало распределение общественных должностей по жребию, «с помощью боба». Политический индиферентизм и враждебность демократическому строю в одинаковой степени были присущи обоим крылам сократовской школы — анархисту Антисфену и аристократу Платону. Политический индиферентизм являлся пассивным протестом против существующего строя.

Проповедуя политический индиферентизм, Сократ в то же время намечал и контуры будущего «идеального» политического строя, выте-

кавшего из его социальной философии. Управление государством, учил Сократ, принадлежит к разряду «царственных искусств», и следовательно управление государством должно находиться в руках людей, обладающих «царственными добродетелями» — мудростью, высокой нравственностью и справедливостью. Для развития же «царственных добродетелей» требовались время и средства, что конечно не было доступно большинству граждан. Логическим выводом из этого положения являлось ограничение числа полноправных граждан, обладающих не только пассивным, но и активным правом. А это как раз и было идеалом олигархических гетерий. В своем развитии политический идеал олигархов прошел несколько последовательных ступеней. Вначале суверенитет удерживался за всем полноправным гражданством. Затем этот круг постепенно суживался, вбирая в себя лишь немногих, «хороших во всех отношениях» людей, возглавляемых единым «государственным гением», т. е. тираном или монархом. По своим взглядам Сократ принадлежал к умеренной группе олигархов, которые старались укрепить среднее гражданство, передавая высшее руководство небольшой группе людей «царственной добродетели».

Хозяйственным идеалом Сократа была скромная сельская жизнь, обеспечивающая человеку все необходимое и «не делающая его рабом желудка и жадности». Материальные блага сами по себе, учил Сократ, не могут служить идеалом добродетельного человека. В глазах Сократа они являются лишь условием, необходимым для получения других, более высоких радостей, открывающих виды на «постоянные блага».

В условиях Греции того периода социально-экономический идеал Сократа должен был находить много сторонников среди самых различных общественных слоев, наблюдавших кризис средних классов и мечтавших об их возрождении. Возрождение средних, в особенности сельских классов в то время стояло в программе всех партий. На точке зрения необходимости численного перевеса средних классов в государстве стояли многие практические деятели и теоретики поздней Греции. Однако на практике стремление Сократа построить идеальное государство, опирающееся на массу средних и мелких собственников, оказалось утопией. Разрушение средней и мелкой собственности, являвшееся одним из следствий рабского производства, подготовляло почву не для возрождения демократии сократовского типа, а для образования тирании, а через нее македоно-эллинистических монархий, опиравшихся на военно-земледельческую знать и мелких земледельцев.

Из сказанного следует, что последовательное развитие сократовских идей приводило к оправданию олигархии и тирании. Доказательством этого служит проект идеального государства наиболее даровитого ученика Сократа — *Платона* (427—347 гг. до н. э.). От Платона сохранились два наброска идеального государства: 1) идеальное государство в собственном смысле («Политея») и 2) проект «второго по совершенству государства». В «Политии» Платон стоит всецело на

точке зрения своего учителя. Большая часть из десяти книг «Политии» посвящена критике афинской демократии, противопоставляемой идеальному строю политии, как худшее лучшему. В афинском строе Платона более всего возмущает «неумеренная свобода демоса». В Афинах, негодует Платон, свобода достигла такой степени, что даже собаки, лошади и ослы, преисполненные свободы, отказываются повиноваться человеку. В Афинском государстве нет различия между свободными, рабами, гражданами и иностранцами, учениками и учителями, старыми и молодыми. Главное зло современного общества составляет эгоизм, порождающий плеонексию (сребролюбие) и разделяющий общество на два полюса — полюс богатства и полюс бедности. Причина же эгоизма людей заключается в непонимании истинного смысла аретэ, счастливой и добродетельной жизни. Задачу просвещения умов как раз и должна взять на себя просвещенная олигархия, т. е. философы. Философия должна просветить людей, вскрыть истинный смысл аретэ, без которой они никогда не могут быть счастливы... Смысл же аретэ может быть понят только избранными людьми (философами), которым и должно быть вверено руководство идеальным обществом. При этом философы должны быть освобождены от всяких посторонних занятий, не должны иметь семьи и частной собственности, будучи всецело погружены в созерцание высших начал (идей) — добра, правды и красоты, согласно которым они и управляют поставленной под их наблюдение политией. Из сказанного ясно, что в «Политии» Платона в основе намечены контуры эллинистических монархий, управляемых царями-философами и жрецами (Платон, Полития, 30).

Платон
Мраморный бюст

Второй проект так называемого «второго по совершенству государства» представляет лишь логическое развитие «Политии», переведенный с философского языка на язык практической политики. В этом проекте, изображенном в «Законах», Платон рисует военно-бюрокра-

тическое государство, построенное на рабовладельческой основе и кастовом расслоении общества. Практическое осуществление своего идеала Платон ставил в зависимость от воли «государственного гения», стоящего во главе государства и обладающего необходимой для этого властью и силой, т. е. тирана. Таким «государственным гением» в глазах афинского философа оказался сицилийский тиран Дионисий I. Сохранившиеся письма Платона к Дионисию показывают, что отношения между ними не были случайны, а вытекали из самой сущности платоновского идеала. Таким путем от сократовского государства средних собственников ученики Сократа последовательно переходили к «просвещенной олигархии», а затем к тирании — монархии.

Дальше Платона в идеализации монархии пошел другой ученик Сократа — историк Ксенофонт. В «Киропедии» (воспитание Кира) на примере персидского царя Кира Ксенофонт изображает идеальное государство — монархию, руководимую мудрым правителем — царем. Кир в изображении Ксенофонта обладал всеми качествами «государственного гения», необходимыми для верховного правителя. Он соединял в себе: редкий ум, рассудительность, сердечную доброту, товарищескую привязанность, замечательные военные способности, уменье ездить верхом, охотиться, вести государственное хозяйство и пр. Та же самая идеализация, но, повидимому, в гораздо более грубой форме, была проведена в «Сицилийской истории» Филиста из Сиракуз, подвизавшегося при дворах сиракузских тиранов Дионисия I и Дионисия II; ее же мы находим и в сочинениях придворного историографа македонского царя Александра, Каллисфена, Онесикрита, Клитарха из Колофона и целого ряда других историков. К числу монархически настроенных писателей, злобно настроенных к демократии, принадлежал и знаменитый греческий историк Полибий (III в.), приверженец Спарты и Рима. Говоря о присущей каждому общественному строю заложенной в нем самом тенденции к вырождению, Полибий (стопроцентный идеолог олигархии) особенно резко отзывается о демократии. «Подобно тому как в железе скрывается ржавчина и червь в дереве, по причине которых они, если даже не подвергаются вредным влияниям извне, разрушаются сами по себе в силу присущих им внутренних качеств, так точно по тому же самому закону природы каждому общественному строю присуще некоторое внутреннее зло. Царству присущ элемент тиранический, аристократии — олигархический, в демократии же скрывается нечто звериное и кулачное» (Полибий, История, VI, 10). Само слово охлократия (господство черни) введено Полибием. Предшествующее изложение показывает, что реакционно-монархические настроения нарастали по мере углубления кризиса и распада античной собственности.

XIV. ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Античная культура представляет одно из интереснейших явлений мировой истории. Помимо того, что корни современной европейской культуры восходят к античности, античная культура представляет еще самостоятельную ценность, не утратившую своего значения и влияния до настоящего времени. Очень велико значение изучения античной культуры в условиях советского строя, представляющего огромное поле для критической переработки и использования всех мировых культур, в том числе и античной греко-римской культуры. По своему объему и содержанию эллинская культура велика и разнообразна, и потому нет никакой возможности охватить все ее стороны. Для общего обзора достаточно остановиться на некоторых наиболее крупных явлениях эллинской культуры. С исторической точки зрения классический период представляет нечто законченное в социально-экономическом, политическом и идеологическом отношении. Классический период греческой культуры является идеологической надстройкой греческого (рабовладельческого) полиса. Отличительной особенностью памятников греческой культуры является их социальность, непосредственность, глубина чувств, простота, адэкватность (соответствие) формы и содержания. Греческий мыслитель, художник и ученый в своих произведениях запечатлели борьбу, мысли, страсти и идеалы своей эпохи, доставляя «нам художественное наслаждение, и в известной мере сохраняют значение нормы и недосягаемого образца» (Маркс). Поэтому произведения греческих и римских классиков имеют значение и для нашего времени. Известно, какое значение греческой и вообще античной культуре придавали и придают классики марксизма. «Мы вынуждены будем, — пишет Энгельс, — в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ... В многообразных формах греческой философии имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения» [1].

[1] Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, 1932, стр. 72.

Знаменательно, что история западноевропейской культуры начинается с эпохи Ренессанса, то есть с возрождения греко-римской древности.

«В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед... светлыми образами ее исчезли призраки средневековья»[1].

Расцвет античной культуры начинается с VII—VI вв. до н. э., т. е. со времени хозяйственной и социально-политической революции эллинских полисов, о которой говорилось на предшествующих страницах. Древнейшими центрами эллинской культуры были города малоазийского побережья, где раньше всего началась историческая жизнь и где сильнее всего ощущалось влияние догреческих культур.

1. Лирика

Из всех видов греческой культуры раньше всего развилась лирическая поэзия. Она была первым сильным порывом человеческих чувств, освободившихся от оков старой идеологии гомеровской Греции.

Новые общественные отношения и новые переживания, создаваемые городской жизнью, породили новые формы поэтического творчества и мысли. Старый эпос, написанный торжественным героическим шестистопным гекзаметром уже не гармонировал с настроением и психологией жителей богатых ионийских городов. Подвижной городской жизни соответствовали новые, более легкие литературные жанры: элегия и ямб. Элегия и ямб черпали свой материал из общественных отношений переходной эпохи. Седьмое-шестое столетия были временем перехода от натурального хозяйства к денежному, от сельской жизни — к городской, от родовой аристократии — к рабовладельческой демократии, от родового коллективизма — к субъективизму и индивидуализму. Вместе с тем эти же века были эпохой широкой колонизации и ожесточенной борьбы за рынки и территории. Война и связанные с ней переживания как раз и составляют содержание элегий первых греческих элегиков — Каллина из Эфеса и Тиртея из Спарты. Цель обоих поэтов — поднять дух своих сограждан на борьбу с их соперниками, жертвуя во имя общего блага личными интересами и предпочитая геройскую смерть трусливому благоденствию. Смерти бояться не следует, ибо она неизбежна, и поэтому лучше умереть геройской смертью на поле сражения, чем дожить до презренной старости, — таково главное содержание элегий названных поэтов.

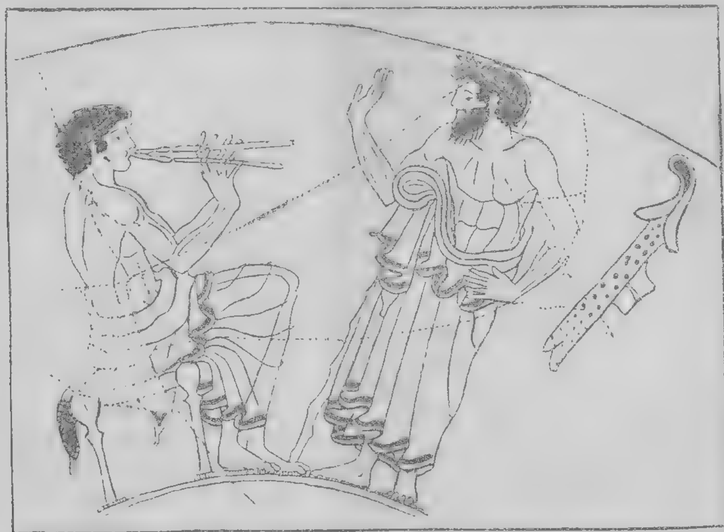
«Невозможно человеку, — говорил Каллин, — избежать определенной роком судьбы, хотя бы его предками были бессмертные боги. Того, кто уходит из рати, чтобы избежать боя и свиста стрел, смерть часто

[1] Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, 1932, стр. 86.

поражает в его доме, но тогда в народе нет любви к нему: его никто не жалеет».

Ту же самую мысль, но только в более сильной и изящной форме высказывает и Тиртей, возбуждавший спартанцев к энергичной войне с мессенцами.

«Не жалейте больше вашей жизни, юноши. Будьте стойки в бою, тесно сомкнувшись между собой, не поддавайтесь ни постыдному бег-



В музыкальной школе

ству, ни страху. Возбуждайте в душе вашей великое и бодрое мужество и забывайте себя в бою против врагов».

Военно-политическими мотивами полны и знакомые нам элегии афинского общественного деятеля и в то же время поэта Солона. В элегии «Саламин» Солон призывает своих сограждан не уступать этот остров дорийскому полису Мегаре, конкуренту Афин.

«Идем на Саламин. Идем сразиться за этот прекрасный остров и сбросить с себя позорное иго!»

По мере развития гражданской жизни военно-политические и религиозные мотивы начинали оттесняться личными переживаниями, находившими свое выражение в субъективной лирике. Субъективная лирика в истории греческой культуры занимает среднее место между эпосом и драмой. Наибольшее распространение лирика получила в общественных верхах малоазийских городов, имевших досуг и средства, позволявшие им углубляться в свои личные чувства и переживания. Подобно всем другим видам культурного творчества, греческая лирика проходила определенные этапы развития, связанные с судьбой тех

социальных групп, настроение которых она выражала. По мере демократизации греческого общества и ослабления аристократии социальная значимость лирических произведений падает. Родоначальником греческой субъективной лирики считается Архилох, творец греческой сатиры (ямба), и Мимнерм, автор древнейшей эротической элегии «Нанно». Развитие ямба и эротики свидетельствовало о повышении эмоциональной жизни греческих полисов и о появлении всевозможных психических переживаний, связанных с более сложной культурой и большей эмансипацией личности.

Эзоп
(мраморный бюст)

«Несчастный, убитый желанием, я уже не дышу. Такова, знать, воля богов, и жестокая мука пронизывает мне кости... Так велика сила любви, которая закралась мне в сердце, расстилая перед моими глазами густое облако и вырывая у меня надломленный рассудок».

От эротического подъема поэт переходит к сатире и сарказму. Ближайшим образом архилохова сатира направлена на Ликомба, отца Необулы, возлюбленной поэта.

Одной из разновидностей сатирической литературы была басня. Басня — литературный жанр, очень распространенный в течение всей греческой истории, хорошо известный также и Востоку. Подобно всем остальным литературным жанрам, басня являлась одним из средств социального протеста и социальной борьбы. Распространение басни в греческих полисах совпадает с эпохой тирании. Под видом животных, птиц и насекомых выводились социальные группы, люди, а иногда и сами тираны, высмеивавшиеся поэтами. Наиболее распространенной басней в Греции была басня об орле и лисице. Содержание ее заключалось в следующем: орел и лисица заключили между собою союз, но орел, несмотря на заключенный союз, съел детей лисицы. В отмщение за нарушение договора и совершение злодеяния лисица обратилась к богам, прося их покарать обманщика и насильника. Боги, олицетворение высшей справедливости, стали на сторону лисицы и сожгли гнездо орла вместе с орлятами.

Бóльшая часть греческих басен приписывалась фригийскому басно-

писцу — рабу Эзопу, по преданию убитому врагами в отмщение за его едкую сатиру (в середине VI в. до н. э.).

Свое наивысшее выражение субъективная лирическая поэзия нашла в песнях (мелос), эпиграммах и гимнах лесбосских поэтов Алкея, Сафо, Анакреона и Пиндара (конец VII и начало VI в.). На развитие поэтической формы большое влияние оказало усовершенствование музыкальных инструментов. В изучаемый период в Греции поэзия, музыка и танцы представляли единое художественное целое, обусловливали и влияли друг на друга. Перемены в одной области влекли за собой соответствующие перемены и в других областях. Настоящую революцию в греческой музыке произвело нововведение Терпандра, заменившего четырехструнную кифару восьмиструнной (кварту—октавой). Более сложный, сильный и мелодичный инструмент, восьмиструнная кифара, позволяла выражать самые разнообразные оттенки мысли и чувства, которые нельзя было передать на четырехструнном инструменте.

Анакреон
(мраморная статуя)

«Оставив четырехструнное пение, мы будем петь новые гимны на восьмиструнном форминсге», — говорил Терпандр.

Первым в ряду греческих лириков стоит Алкей. Поэтический кругозор Алкея чрезвычайно широк и разнообразен. Сюжетом стихотворений этого поэта служили политические перевороты, имевшие место в его родном городе Митилене на Лесбосе, ненависть к тирану (Питтаку), восхваление аристократии, к которой принадлежал сам Алкей, и т. д. Однако не в этом сила алкеевой музы. Большого совершенства в стихосложении и глубины чувства Алкей достиг в изображении нежных и тонких переживаний людей. Алкей воспевает любовь, природу, весну, лето, зиму, осень, вино, друзей.

Продолжательницей Алкея была другая лесбосская знаменитость — Сафо̀, по преданию бывшая гетерой. В единственной дошедшей до нас

полной оде, посвященной богине любви Афродите, Сафо просит богиню не терзать ее сердца любовными муками, а сойти к ней на своей колеснице, везомой крепкокрылыми птицами, и исцелить ее истерзанную душу. Центральное место в стихах Сафо занимает женщина, сгорающая любовной страстью, терзаемая муками ревности и не получающая сочувствия у объекта своей любви.

«Снова потрясает меня Эрос, сокрушающий силу тела, горькое, сладкое, непобедимое чувство... Эти речи и эта улыбка отуманили мое сердце. При виде тебя голос тотчас изменяет мне, язык не действует больше, тонкий огонь охватывает тело. Глаза перестают видеть, и шум поднимается в ушах».

Молодая женщина сравнивается с цветком, распустившимся в саду, с полевой былинкой, небрежно замятой сохой, с румяным яблоком, висящим на сочной яблоне, и мн. др.

Из нижеприводимого стихотворения Сафо «К Афродите» и «Осень» можно составить представление как о поэтическом творчестве самой Сафо, так и вообще о всей древнегреческой лирике.

К Афродите

О, Афродита, Зевса порожденье,
Коварная, молю тебя с тоской:
Избавь меня от ск рби и томленья,
Владычица, и сердце успокой!
Приди, приди! Когда к тебе взывала
Я в дни любви несчастной и тревог,
Ты, на мольбу склонившись, покидала
Отца богов блистающий чертог.
Над черною землею в колеснице
Ты направляла быстрый свой полет,
И воробьи крылатой вереницей
Ее влекли с заоблачных высот.
И вдруг спускались; ты же, о святая,
С улыбкою бессмертной на устах,
Так говорила мне зачем, грустна я,
Зачем к тебе взываю я в слезах?
Что за безумье мной овладевает?
«Скажи, — ты вопрошала, — не тая,
К кому стремишься, кто же огорчает
Тебя, Сафо, любимица моя?
Он холоден? Так страстью загорится!
Отверг дары? Так принесет их сам!
Не целовал? Он скоро возвратится
И с силою прильнет к твоим устам!»
Явись же вновь, явися мне, богиня,
И тяжесть мук сними с души скорей,
И, что свершить пылает сердце ныне,
Будь в том сама союзницей моей!

Осень

С высот струнтся дождь холодный,
Качает ветви яблонь он,
И шум листвы, уже бесплодной,
На очи сводит тихий сон.

По путям, проложенным Алкеем и Сафо, следовали Анакреон, Симонид, Бакхилид и Пиндар, современники Греко-персидских войн.

В лице Сафо, Анакреона и Пиндара греческая лирика в отношении формы достигла своего совершенства и метрической виртуозности, неся в себе однако уже и признаки увядания. Открыв блестящую

Игра на струнных инструментах

страницу эллинского художественного творчества, лирика постепенно изживала себя.

Кризис лирической поэзии начинается со времени Пиндара (522—447 гг. до н. э.), стоящего на грани двух литературных эпох — лирики и драмы. «Лебедь с белыми крыльями» Пиндар писал самыми разнообразными размерами,пользуясь во всей Греции славой непревзойденного поэта, служившего образцом для других поэтов. Пиндар писал поэмы, оды, дифирамбы, хоровые песни парфении (песни для девических хоров), эпиникии, победные песни в честь героев, победителей на войне или в спортивных состязаниях, мимические песни для пляски, трены (траурные песни), застольные песни и мн. др. Сюжетами служили самые разнообразные явления общественной и личной жизни: триумф победителя, религиозный праздник, неудачная любовь, товарищеская пирушка и т. д. Образцом застольных песен может служить всем известный отрывок из одной песни Анакреона, переведенный Пушкиным:

«Что же сухо в чаше дно!
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы: не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно.
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно».

Общественное положение поэтов в это время было очень высокое. Такие знаменитости, как Симонид, Пиндар и Анакреон, пользовались особым вниманием со стороны афинского тирана Писистрата, сицилийского тирана Гиерона, фессалийских аристократов Алевадов и Скопадов, македонского царя Аминты и др. Главным местопребыванием поэтов были дворы тиранов, собиравших к себе литературных знаменитостей со всего эллинского мира и осыпавших их всеми милостями. По своему социальному происхождению бо́льшая часть лирических поэтов (VII—VI вв.) принадлежала к «сословию благородных» и, как это видно из элегий Феогнида, Алкея и Анакреона, политически нередко была настроена реакционно. Одним из симптомов начинавшегося кризиса лирической поэзии являлся отрыв поэтов-лириков от общественных мотивов и от широких демократических масс, выступавших в то время на историческую арену в передовых полисах Запада.

Лирическая поэзия была рассчитана на небольшой круг читателей аристократов или плутократов, углублявшихся в свои личные чувства и переживания, демократическое же общество требовало и более демократического искусства. Этим требованиям времени как раз и удовлетворяли приходившие на смену лирике драма и комедия. Социальное содержание драмы и тем более комедии, будучи значительно шире и демократичнее лирики, захватывало бо́льший круг зрителей и читателей. Расцвет драмы и комедии совпадает с расцветом греческой, особенно афинской и сицилийской, демократии. На аттической почве развернулись самые блестящие таланты античной драматургии.

2. Аттическая драма и трагедия

На смену лирики приходила драма, представлявшая синтез эпоса и лирики. Своими корнями греческая драма восходит к хоровому пению и пляске, устраивавшимися во время празднеств Диониса, бога возрождавшейся природы. Возрождение Диониса представлялось в виде напряженной борьбы с силами природы, в которой принимал участие не только сам Дионис, но также и его спутники — сатиры, паны и нимфы и люди, желавшие помочь и ускорить рождение приятного для них бога природы. Во время праздников в честь Диониса (больших и малых дионисий) приносили в жертву козла и пели песнь, называвшуюся трагедией, т. е. песнью в честь приносимого в жертву козла (козел по-гречески трагос).

Принимавший участие в трагедии хор пел попеременно то жалобные, то веселые песни (дифирамбы), повествовавшие о каких-либо эпизодах из жизни Диониса. При этом выбирались яркие моменты из жизни самого бога или его спутников (героев), старавшихся облегчить победу бога. За победой Диониса весной следовало его поражение осенью. Это рассматривалось как непреложное действие высшей силы — судьбы или рока, стоящей не только над людьми, но и над героями и богами. Вмешательство рока или судьбы в дела людей и богов составляет основной психологический мотив античной драмы и трагедии. Изображение страданий (пафоса) всегда составляло главную цель трагедии и драмы.

Следующим этапом в истории греческой драмы было введение солиста, подававшего хору реплики и таким образом вступавшего с ним в разговор (диалог). Это был первый актер (протогонист), к которому впоследствии присоединился второй (дейтаргонист) и третий (тритагонист). Формой греческих диалогов и хоров чаще всего служили трехстопные ямбы и четырехстопные трохеи, ближе всего подходившие к разговорной речи. Самый показ или представление трагедий происходил днем на определенном месте — открытом театре, деревянном здании. Для придания большего впечатления применялись декорации, изображавшие храм или фасад дворца, где обыкновенно происходило действие. Костюмы действующих лиц (хитоны) были окрашены в яркие цвета, на лицо надевалась маска, на ноги — высокие сапоги (котурны), увеличивавшие рост актеров, в соответствии с изображавшимися ими героями.

Первыми греческими трагиками считались Феспис, Фриних и Херилл, жившие в конце VI и в начале V в. Свое классическое выражение античная трагедия нашла в произведениях трех афинских драматургов (трагиков) — Эсхила, Софокла и Эврипида. Первым по времени был Эсхил родом из Элевсина, современник Греко-персидских войн, участник боев при Саламине, Марафоне и Платее. Из семидесяти драм, написанных Эсхилом, до нас дошли только немногие: «Скованный Прометей», трилогия «Орестейя»: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды», «Персы», «Семеро против Фив» и другие. Основным психологическим мотивом эсхиловских трагедий является идея судьбы, преследующей человека и как бы мстящей людям за их успехи и преступления. Это как нельзя более гармонировало с настроением эпохи Греко-персидских войн, внесших большую неустойчивость во все социальные и личные отношения людей. Идея карающей и преследующей судьбы особенно ярко проведена в трагедии Эсхила «Орестея». Победитель троянцев, разрушивший Трою и продавший в рабство ее жителей, Агамемнон, за свое высокомерие и преступление сам становится жертвой изменившей ему жены Клитемнестры. Клитемнестра коварно убивает своего мужа, торжественно возвратившегося домой из-под Трои. Удовлетворившая свою злобу убийством мужа, Клитемнестра

(во второй части трагедии) в свою очередь, становится жертвой мести со стороны своего сына Ореста, мстящего матери за убийство отца. Таким образом Клитемисстра и ее любовник Эгист получают справедливое отмщение судьбы. В «Эвменидах», третьей части трагедии, Афина спасает Ореста от ярости вьющихся вокруг него эриний, богинь мести, превращая их силой своего влияния в эвменид, т. е. благосклонных богинь.

Та же самая идея вмешательства богов в дела людей проведена и в «Скованном Прометее», одном из самых сильных и блестящих произведений мировой литературы. Прометей похитил у богов искру «божественного огня» и передал ее смертным людям. Божественный огонь (творческое начало) подняло человечество на недосягаемую высоту, сделавшись началом всех искусств и знаний. Оскорбленные боги расценили поступок Прометея как неслыханную дерзость, и главный бог Зевс приковал Прометея к одному из горных утесов Кавказского хребта. Для усиления мучений дерзкого преступника (Прометея) Зевс отправил на Кавказ кузнеца Гефеста, который ударами своего тяжелого молота бьет по груди несчастного героя. Самый сильный момент трагедии — негодование и возмущение Прометея против несправедливого поступка бессмертных богов и в то же самое время сознание своего бессилия в отношении судьбы.

«Беспредельный эфир, быстрокрылые ветры, истоки рек, несчастные рокочущие волны моря, земля, общая мать всех существ, и ты, солнце, от которого ничто не скрыто, я зову вас в свидетели. Глядите, как поступают боги с богом, каким ужасающим пыткам я предан, предан на тысячи лет»... «Чего хотят от меня? Насладиться видом моих мучений? Пусть все увидят в цепях несчастного бога, ненавистного Зевсу и его приближенным за то, что этот бог слишком любит человека».

В «Скованном Прометее» сплелись два главных мотива, характерных для переходной эпохи Эсхила: с одной стороны, сознание мощи человеческого разума (творчества) и, с другой, сознание своего бессилия в отношении слепой природы (судьбы).

Идея слепого всесильного рока, проходящая красной нитью через все произведения Эсхила, в ослабленном виде сохраняется и в произведениях другого великого греческого трагика — Софокла, из аттического селения Колоны (496—406 гг. до н. э.). Из ста двадцати трех трагедий, написанных Софоклом, сохранилось семь: «Тиран Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Филоктет», «Аякс» и др. Софокла называют Гомером в драматургии, желая этим сказать, что Софокл также полно и ярко отражает «золотой век» Перикла, как Гомер запечатлел в своем эпосе жизнь и нравы и представления эпической Греции. Во всех произведениях Софокла чувствуется то же сознание величия человеческого гения и гордость своей работой, как и в вышеприведенной программной речи Перикла. В отличие от Эсхила, низводящего людей на ступень бездушных существ, подчиняю-

щихся решению судьбы, Софокл больше внимания уделяет **самому человеку** и его страданиям. В изображении противоположных, сталкивающихся друг с другом характеров и состоит сила драматического гения Софокла. Человек в изображении Софокла — гордое существо, настоящий царь природы, властвующий над мятежными вьюгами, смело держащий путь по бурным морям, подчиняющий своей власти гордого царя пустыни — льва, покоряющий подводное царство рыб и успешно борющийся с болезнями и недугами.

«Много в природе дивных сил,
Но нет сильней человека.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь.
Кругом вздымаются волны,
Под ним челн плывет.
Почтенную в богинях Землю
Вечно обильную мать, утомляет он:
Из году в год в бороздах его пажити,
По ним плуг мул усердный тянет.
И беззаботные стаи птиц,
И породы зверей лесных,
И подводное племя рыб
Власти он подчинил своей.
На всех искусные сети
Плетет разумный муж.
И гордый лев пустыни дикой
Силе его покорился, и пойманный
Конь легкокрылый ярму повинуется,
И царь гор, тур неукротимый,
И речь, и воздушную мысль
И жизни общественной дух
Себе он привил: он нашел охрану
От лютых стуж — ярый огонь,
От стрел дождя — прочный кров».
(«Антигона», 330.)

Человек в изображении Софокла — сознательное существо и как таковое несет ответственность за все совершенные им поступки. Полнее всего эта идея самоответственности проведена в «Эдипе».

«Я сам, несчастный, сам лишил себя
Всего. Один из всех вскормленных в Фивах,
Я сам себя всем отгонять велел

Софокл
(мраморная статуя)

Безбожного, которого явили
Убийцею и сыном Лая боги.
Как мог прямо вам в глаза смотреть,
Пятно такое на себе открывши?»

Сознание собственной ответственности ставит героев Софокла в более свободные отношения к богам.

«Какой же божественный закон попран мною?» — говорит с душевной болью Антигона. «Но зачем, несчастная, обращаюсь я к богам? Зачем искать у них опоры и помощи, когда за мое благочестие мне предстоит участь нечестивцев?».

Коллизия противоположных характеров наиболее яркое отображение нашла в «Филактете». Под маской героя Троянской войны Филактета выведен Алкивиад, изгнанный глава афинской военной партии, на которого Софокл, подобно многим из своих современников, возлагал большие надежды как на будущего избавителя Афин от позора сицилийского разгрома. Филактет, Неопталем, сын Ахилла, и Одиссей отправляются под Трою. По дороге товарищи бросают раненого Филактета на пустынном острове. Но во время осады Трои Одиссей узнает, что город может быть взят только с помощью геркулесовых стрел, которые остались у Филактета. В качестве посла к Филактету отправляется Неопталем, человек мягкого характера, сердечный и добродушный. Несмотря на все увещания, хитрость и угрозы Неопталема, Филактет ни за что не желает вернуться под Трою и спасти греков. В конце концов ожесточенная борьба людских характеров и страстей разрешается вмешательством сверхестественной силы (судьбы) в образе Геракла, повелевающего Филактету отправиться под Трою на помощь грекам. Послушные голосу всемогущей судьбы Филактет и Неопталем отправляются под Трою и спасают греков.

Борьба характеров и страстей, выступающая в драмах Софокла, составляет главную движущую силу трагедий третьего знаменитого афинского трагика Эврипида с острова Саламина (486—406 гг.). Эврипид, сын простой торговки, атлет, живописец, оратор, философ и наконец драматург, прошел длинный и сложный жизненный путь. Эврипид ближе, чем его предшественники, стоял к реальной действительности и воспроизводил ее в драмах и трагедиях. По своим политическим симпатиям Эврипид несравненно более демократичен, чем Эсхил и Софокл. Эврипид один из первых греков открыто выступил против рабства и защищал женскую эмансипацию. Герои Эврипида — простые смертные, не имеющие ничего общего ни с богами, ни с героями. В то время как Эсхил изображал богов и героев, Софокл выводил людей такими, какими они по его мнению должны были быть, Эврипид показывал зрителю людей такими, какими они были в действительности. Борьба человеческих страстей, высоких и низких, составляет лейтмотив всех дошедших до нас трагедий Эврипида.

Неудержимая страсть мести поруганной женщины изменившему ей мужу положена в основу самой сильной и в техническом отношении

самой совершенной трагедии Эврипида «Медея». Медея отдается одной единственной страсти — отомстить своему мужу Язону, променявшему ее на коринфскую красавицу. Медея клянется не только уничтожить самого Язона и его возлюбленную, но также умертвить и своих собственных детей от брака с Язоном. Борьба противоположных чувств оскорбленной и сгорающей ревностью женщины, с одной стороны, и безумно любящей своих детей матери, с другой, составляет психологический фон «Медеи».

Эврипид
(мраморная статуя)

«Ваша мать, лишенная своих детей, должна влачить печальное существование, жалкое существование. Вам самим уже не суждено ее видеть. Вам предстоит перейти в иную жизнь... О горе, горе! О мои дети! Зачем этот ласковый взгляд? Зачем эта улыбка, последняя улыбка? О горе! Что делать мне, несчастной? Бодрость оставляет меня, о женщины, когда встречаю ясный взор моих детей. Нет, не могу: прочь от меня, злодейский замысел. Я увезу их отсюда. Если мне нужно наказать их отца, то зачем карать его несчастных детей и моим собственным двойным несчастьем? Нет, нет, прочь от меня, мой замысел». Вслед за этим наступает новый прилив ревности и мщения.

«Умрите вы, — восклицает Медея, собственноручно убивая своих детей.— Я не потерплю, чтобы мои дети подвергались оскорблениям и насилию. Их гибель все равно неизбежна. Я, давшая им жизнь, лучше убью их сама. Их судьба решена, ничто не может избавить их... Будьте счастливы, только не здесь. Отец отнял у вас счастье на земле. Страсть, толкающая человека на величайшие преступления, сильнее внушений рассудка».

Кровавая драма заканчивается пением хора, напоминающего зрителям о всемогущей слепой судьбе, пути которой непреложны и непостижимы.

«Зевс с высоты Олимпа управляет судьбами. Они исполняются по воле богов, вопреки ожиданиям смертных. Ожидаемое не сбывается. То, в чем отчаиваются люди, вдруг приходит неожиданно. Так представились нашим взорам события этого дня».

Кроме «Медеи» Эврипиду принадлежат: «Электра», «Ифигения в Тавриде», «Гекуба», «Ипполит», «Молящие о защите», «Орест». В общей сложности от Эврипида сохранилось тринадцать полных трагедий, не считая большого числа отрывков из разных не дошедших до нас трагедий. У современников Эврипид пользовался огромной популярностью. На поэтических состязаниях Эврипид не один раз получал первую награду, соперничая с Гомером афинской сцены — Софоклом.

Современники считали Эврипида «мудрецом мудрецов». В отношении художественных качеств, очаровательности, грациозности и разнообразия стиха Эврипид также не уступает Софоклу.

3. Политическая комедия

Психологизм и демократизм, свойственный Эврипиду, с полной силой развернулись в греческой комедии. Комедия выросла из тех же самых исторических корней, что и трагедия. Дионисии заканчивались праздничным шествием с фаллосом (эмблемой рождения), пением, танцами и попойкой. Это шествие носило название комедии, происшедшей из сочетания двух слов — комос (пир) и ода (пение). Впоследствии комическим песням была придана литературная обработка, и таким образом получился новый литературный жанр — комедия. Сюжетом комедий служила повседневная жизнь со всей ее злободневностью и мелочностью. Язык комедии приближался к разговорному, литературно неправильному языку. Обычный размер известных нам комедий — подвижной, трохаический метр, трех- и четырехстопный ямб и анапест. В отношении выбора слов, выражений, сцен и положений греческая комедия отличалась большой вольностью. Особенной вольностью отличались комедийные пляски, так называемые кордак. Женщины на представлениях комедий не присутствовали.

Более свободное содержание комедий обусловило и более свободную технику комедии. В комедиях не было той строгости и связанности формой, которая имелась в трагедиях. В комедиях в большей мере выдвигалась личность автора, в парабазах (выступлениях) постоянно обращавшегося к публике. Парабазы могли быть в начале, середине и в конце, а могли и совсем отсутствовать. Все зависело от самого автора. Число действующих лиц в комедиях было значительно больше, чем в трагедии. Костюмы и декорации ярче и пестрее, а маски разнообразнее.

Содержание комедий было чрезвычайно разнообразно и черпалось из повседневной жизни в зависимости от места и времени. В демократических Афинах, с широко развитой политической жизнью и большой свободой слова и сцены, богатейший материал для комедий давала политическая жизнь. Афинская комедия классической эпохи была по преимуществу политической комедией. Непревзойденным мастером политической комедии считался Аристофан, уроженец Афин, единственный комический писатель, произведения которого уцелели. Отличительными свойствами Аристофана служат: художественная красота формы, неистощимое остроумие, сочетание драматических, комических и лирических настроений. По своим политическим симпатиям Аристофан принадлежал к умеренной группе олигархов, вождем которых был Ферамен, член коллегии «Тридцати» (тиранов).

Главной мишенью аристофановского сарказма служил вождь афинского демоса Клеон, преемник Перикла, выведенный в двух комедиях: «Вавилонянах» и затем во «Всадниках». Идея «Всадников» такова: у афинского демоса, одряхлевшего, выжившего из ума старца, два честных, но слабохарактерных раба — Никий и Демосфен. Наряду с ними имеется еще третий народный слуга — Клеон, пафлагонец, кожевник, плут, дурак и нахал. Обещая демосу кучу благ, пафлагонец на самом деле обманывает и разоряет несчастный афинский народ. Возмущенные поведением своего коллеги Никий и Демосфен пускаются на хитрость, надеясь выбить клин клином. С этой целью они подговаривают некоего колбасника, еще большего плута и демагога. Колбасник вступает в соревнование с пафлагонцем, обещая еще большие блага демосу. В конце концов победа остается за колбасником. Разгневанный народ прогоняет своего недавнего кумира пафлагонца. После этого происходит чудесное омоложение демоса, переваренного колбасником в котле. Помолодевший демос начинает новую, здоровую жизнь, берется за собственный ум и прогоняет демагогов. В сопоставлении с нашим предшествующим изложением ясно, до какой степени образ Клеона в изображении Аристофана далек от исторической действительности.

Аристофан жил в сложный и бурный период афинской истории, в период Пелопоннесской войны. В его комедиях нашли отражение все крупные события и явления этой замечательной эпохи мировой истории. Так, в комедии «Облака» жесточайшим образом осмеяна военная партия, вовлекшая Афины в пелопоннесскую авантюру и разрушившая все благосостояние Афин. Главное действующее лицо комедии — Тригей — на навозном жуке поднимается на небо и там узнает, что причиной всех бедствий афинян является запертая в пещере богиня мира, которая теперь не может рассыпать свои блага на афинский полис, на виноградники, оливковые рощи, реки и моря. Виноградарь Тригей освобождает богиню мира, и тогда все входит в нормальную, мирную колею. Люди живут, радуются, пьют, едят и любят. Все радуются за исключением одних оружейников, главных

виновников войны, погруженных в глубокую печаль. Та же самая идея мира проводится в комедии «Лисистрата», поставленной на афинской сцене в 411 г. В «Женской экклесии», поставленной в 392 г., Аристофан вводит нас в социальную борьбу афинских партий накануне возвышения Македонии и знакомит с политическими лозунгами и программами этого периода. Комедия «Плутос» (богатство) посвящена изображению всепоглащающей страсти афинян к приобретению богатств какими угодно средствами. Бедняк Хремил, тяготящийся своей бедностью, обратился к оракулу Аполлона с просьбою указать ему путь к богатству. Аполлон ответил ему, что для достижения этой цели он должен взять себе в спутники первого человека, которого встретит. Таким человеком оказался Плутос, слепой старик, вследствие своей слепоты не знавший, кому и за что он давал богатство, почему одних он делал богатыми, а других нищими. Хремил отвел Плутоса в храм бога — врача Эскулапа, исцелившего слепого. Прозрение Плутоса тотчас же произвело настоящую революцию в жизни афинского общества. С этого времени богатство стало распределяться по достоинству; трудолюбие и талант стали получать соответственную им материальную компенсацию; несправедливость же и бедность покинули город.

Ядовитые стрелы Аристофана летели не только на головы политических деятелей, но и на головы писателей и философов. В «Лягушках» Аристофан выводит интригующих друг против друга знаменитых афинских трагиков Эсхила и Эврипида. Историческая ценность этой комедии состоит в том, что она вводит нас в жизнь афинской интеллигенции, показывая ее с бытовой, преимущественно отрицательной стороны.

Эсхил олицетворяет старое поколение, воспитывавшее великих и достойных людей. Эсхил и его герои не были ни пройдохами, ни лентяями, ни шарлатанами. Они мечтали не о мелкой, скоро проходящей личной славе, а о войне, копьях, шлемах с белыми хохлами.

«Это были настоящие души на семибычачьих кожах».

Затем выступает Эврипид. Эврипид упрекает Эсхила в тяжеловесности, ложной напыщенности и неподвижности действующих лиц.

«Эсхил ведь жалкий шарлатан. Я объясню, какими средствами он озадачивал публику, вскормленную в школе Фриниха. Он всегда сажал перед зрителями какую-нибудь фигуру под покрывалом, фигуру Ахилла или Ниобы, которые важно красовались на сцене, но никогда не открывали своих лиц и не произносили ни одного слова».

Присутствовавший при споре бог Дионис, уставший от этих вздорных препирательств, в конце концов останавливает спорящих, говоря, что поэтам не надлежит ругаться, как хлебным торговкам на рынке... Симпатия самого Аристофана всецело на стороне консерватора Эсхила, а не новатора Эврипида.

«Но разве, — вмешивается в разговор Гера, — нет в Афинах массы иного рода юнцов, плодящих тысячами трагедии и в тысячу раз

более бездарных и болтливых, чем Эврипид?» На это Дионис, выступающий от лица Аристофана, отвечает: «Да, но ведь это мелкие, сухие ветки, болтуны, щебечущие, как ласточки, перебойщики, которых творческая сила истощается одной пьесой, которые сразу выплевывают свое дарование трагической музе».

Из тридцати четырех комедий Аристофана сохранилось одиннадцать: «Ахарняне», «Всадники», «Мир», «Лисистрата», «Облака», «Осы», «Лягушки» и др. Влияние Аристофана на современников было очень велико. Это был простой, легкий, но в то же время и очень действенный вид политической агитации, попадавший на насыщенную политической борьбой почву Афин.

4. Бытовая комедия

Аристофан заканчивает целый период греческой литературы, так называемой старой комедии. Поздние произведения Аристофана («Плутос») по своему характеру в значительной степени принадлежат уже новому периоду, так называемой средней комедии. В литературе этого периода наблюдается перемена содержания, появляются новые мотивы и наблюдается переход к новой словесно-художественной технике. Чем дальше, тем все больше возвышенные темы божественного и героического содержания уходили в область истории, уступая место реалистическому жанру. На смену богам приходили люди. Людские отношения и страсти как раз и составляют содержание нового вида литературы, возникшего с конца Пелопоннесской войны — бытовой, так называемой средней комедии. Главными действующими лицами средней (после аристофановской) комедии являются бытовые персонажи: глупый сапожник, крестьянин, повар, врач, аптекарь, музыкант, паразит, прорицатель, особенно часто военные, гетеры и рабы, выступающие в роли Фигаро. Реализм, психологизм и индивидуализм составляют отличительные качества нового литературного жанра. Общественные и философские мотивы совершенно заглушаются мотивами личного характера. Любовные интриги, военные авантюры, интриги и сатиры на отдельных лиц, целые профессии (сапожники, солдаты, гетеры, рабы и пр.), нации (египтяне, карфагеняне, иудеи) и т. д., — таково содержание средней комедии. Индиферентизм к общественным вопросам в комедии свидетельствовал о соответствующем индиферентизме к общественно-политическим вопросам в жизни. Этот индиферентизм возрастал по мере углубления политического кризиса и перехода от демократии к тирании и монархии. Со времени Пелопоннесской войны число писателей, прозаиков и поэтов, так же как и вообще число представителей всех интеллигентных профессий, возрастало с каждым новым поколением. Продуктивность литературного творчества была огромна.

Из массы составителей комедий, сентиментальных романов и легких рассказов большой известностью пользовались афиняне: Антифан, грек из южной Италии, Алексис и особенно Менандр (342—329 гг.).

Названные писатели довели греческую бытовую комедию и характерную драму до совершенства. Неглубокие по содержанию, но изящно написанные и оживленные иронией и юмором комедии Менандра пользовались шумным успехом у театральной публики, охотно посещавшей комедии и фарсы. Напротив, классические трагедии и комедии, хотя и продолжали ставиться, переделываться и компилироваться, уже не производили такого сильного действия на зрителей, какое они оказывали сто лет назад. Из старых трагиков первое место занимал Эврипид, имевший многих почитателей и подражателей. Изменилась и самая театральная техника. Выпала главная часть классической трагедии и комедии — хор, увеличилось число действующих лиц. Улучшилась театральная мимика и игра актеров, был введен балет. Кроме того большое значение получили декорации и вообще вся театральность. Все это конечно предполагало иные театральные вкусы, иного зрителя и иную роль театра. По мере того как угасала политическая жизнь полисов, борьба за существование становилось труднее и психика людей больше утомлялась, театр из учреждения политического и воспитательного превращался в чисто зрелищно-увеселительное учреждение, место отдыха и забавы. Увеселительно-зрелищный характер театра, наметившийся уже в конце Пелопоннесской войны, окончательно утверждается в следующий, Македоно-эллинистический период.

5. История

Одновременно с лирикой в тех же самых малоазийских городах возникает и история. В VII и VI столетиях в малоазийских полисах появляются первые греческие летописцы (хронографы и логографы), рассказывавшие историю героев своих городов и соседних стран. В VI столетии до н. э. Кадм из Милета первый написал историю своего города, за ним последовал Гекатей, современник Греко-персидских войн. Гекатей был не только историком, но и этнографом. В сочинении «Вокруг земли» Гекатей описал страны, быт и нравы Европы и Азии. Другой милетец (Харон) продолжал этнографические наблюдения Гекатея, написав несколько сочинений о Персии, Ливии и Эфиопии. Аналогичные описания сделали эолиец Гелланик, уроженец города Митилены, и Ферекид, собравший сказания об афинских родах и составивший первую афинскую хронику (аттиду). По характеру своего изложения греческие летописцы являлись продолжателями эпической поэзии, повествовавшей о богах и героях. От старинных греческих летописей сохранились лишь немногие отрывки. Историческое значение летописей состоит в том, что они подготовили почву для настоящей истории.

Первым греческим историком в собственном смысле был Геродот — «отец истории». Гражданин города Галикарнаса (484—406 гг.), Геродот при тиране Лигдаме был вынужден покинуть свой город и переселиться на остров Самос, затем прожил некоторое время в Афинах и

кончил свою жизнь в южной Италии. В основу своей девятитомной «Истории», или «Муз», Геродот положил идею национальной борьбы двух миров — западного и восточного. Первый представлен греками, второй персами. Персидские войны в глазах Геродота представляются ярким эпизодом из истории вековой борьбы Запада с Востоком, начавшейся еще со времени Троянской войны. Самые события Персидской войны излагаются им с большой подробностью, со множеством отступлений, в общей сложности долженствующих создать впечатление грандиозности события мирового значения.

Геродот интересен как историк переходного периода от родовой аристократии к демократии, от Гомера — к Фукидиду. Настоящую революцию сочинения Геродота произвели в области языка и группировки материала. Стиль Геродота — ровный, спокойный, плавный, близкий к языку эпоса. Мировоззрение Геродота в некоторых отношениях еще примыкает к гомеровскому мировоззрению. Подобно Гомеру, он признает рок, управляющий судьбами людей, и имеет склонность исторические явления объяснять вмешательством богов или чудом. Но в социально-политических симпатиях Геродот совершенно противоположен Гомеру. Выросший в условиях борьбы демократии с аристократией и тиранией, Геродот является горячим сторонником народоправства. Идеальным политическим строем в его глазах являются демократические Афины классического периода.

«История Афин, — говорит Геродот, — показывает, что равенство — великолепное дело». Пока афиняне находились под властью аристократии и тирании, они не одерживали никаких крупных побед и не совершили ничего значительного. Когда же они освободились от эвпатридов, то сделались первыми из всех эллинов. Победа над персами есть прежде всего дело демократических Афин.

«Считаю себя обязанным, — продолжает Геродот, — высказать здесь мое мнение о недавней войне, хотя бы оно и не было принято большинством. Я не погрешу против истины, сказав, что настоящими спасителями эллинской нации от персидского разгрома явились Афины. Их поведение решило исход кампании. Высоко ценя свободу, они подняли на ноги весь эллинский мир и общими силами отразили врага. Так энергично может бороться только свободный народ!»

В заключение Геродот рассыпается в похвалах афинскому строю. «Что же касается народоправства, то, во-первых, оно носит прекраснейшее назначение равноправия (исономия), во-вторых, правящий народ не совершает ничего такого, что совершает самодержец. На должности народ назначает по жребию, и всякая служба у него ответственна: всякое решение передается на общее собрание» («История», III, 80).

Другой замечательный афинянин — историк Фукидид, младший современник Геродота, подобно Геродоту является ревностным идеологом «просвещенной демократии» Перикла. История Эллады в глазах Фукидида — это история роста и падения демократических Афин. Разгром Афин, по мнению Фукидида, был концом всей греческой истории.

История послепериклоаой Греции в глазах Фукидида есть история упадка греческой культуры и начала варваризации Эллады. Такова центральная идея, пронизывающая все изложение Фукидида. В отношении приемов исторического письма и методов исследования исторических событий Фукидид всецело стоит на почве «просветительной философии» своего времени, ближе всего примыкая к своему учителю — философу Анаксагору. Последовательный рационалист и скептик, Фукидид производит тщательный отбор материала, давая образцы блестящей исторической критики. Фукидид совмещает в своем лице все качества, необходимые для крупного историка. Он политик, социолог и художник. Те главы фукидидовской истории, где автор поднимается до крупных социологических обобщений, читаются с неослабеваемым интересом. С неменьшим интересом читаются также и описания отдельных событий, например описание чумы в Афинах, революций на Коринфе, Самосе, описание заседаний конгрессов, речи послов и т. д. Значительно скучнее и монотоннее рассказ о военных событиях, излагаемых с излишней подробностью и рассчитанных на читателя-современника этих событий и притом военного. Большая часть фукидидова труда заполнена именно военными событиями, являющимися скорее материалом для будущей истории, нежели самой историей. В целях бо́льшей живости, разнообразия и объективности Фукидид во всех важных моментах своего повествования предоставляет слово самим действующим лицам. В этом отношении он следует образцам греческих трагиков и драматургов. Если Геродота называют Гомером в прозе, то Фукидида с таким же правом можно назвать Софоклом в прозе.

В то время как Фукидид стоял на почве анаксагоровского рационализма и перикловой демократии, его преемник и продолжатель К с е н о ф о н т, сын афинского гражданина Грила, примыкал к сократовской школе и был идеологом афинских олигархов. Через все произведения Ксенофонта красной нитью проходит вражда к афинской демократии и преклонение перед Спартой. Идеалом Ксенофонта неизменно оставалась Спарта. Спарте Ксенофонт посвятил специальную монографию, с которой мы уже ознакомились при изложении ранней истории Спарты.

«Лакедемонская полития» Ксенофонта представляет сплошной панегирик спартанскому строю и восхваление личности «божественного Ликурга». Ксенофонт жил (445—335 гг. до н. э.) в период чрезвычайного обострения классовой борьбы в Афинах и других греческих полисах. Этим и объясняется политическая заостренность его произведений. По своей манере письма Ксенофонт сильно отличается от Фукидида. Он прекрасно владеет формой, пишет легко, читается с интересом, но совершенно лишен социолого-философской глубины и драматизма. По своему характеру сочинения Ксенофонта близки к публицистическим памфлетам в стиле риторов IV в. — Лисия, Демосфена и Исократа. Помимо «Лакедемонской политии» наибольшую ценность из сочинений Ксенофонта имеют: «Э л л и н с к а я и с т о р и я» («Эллинские дела», или «Эллиника»), составляющая продолжение «Истории Пе-

лопоннесской войны», «Анабасис» (поход Кира младшего), «Киропедия» и «Тиран Гиерон». Философское мировоззрение Ксенофонта изложено в его «Воспоминаниях о Сократе». Кроме этих сочинений Ксенофонту приписывают целый ряд не принадлежащих ему сочинений на самые разнообразные темы: «Экономика», «Охота», «Верховая езда», «Афинская полития» и др.

Ксенофонтом заканчивается классический период греческой историографии. В центре повествования греческих историков классического периода стоял их родной полис, на фоне и с точки зрения которого группировались события. В последующий же, Македоно-эллинистический период географический кругозор историков значительно расширяется. Национальная местная история начинает уступать место всеобщей истории. Переворот в греческой историографии производит «Всеобщая история» Эфора, поставившего себе грандиозную задачу изложить в основных очертаниях мировую историю эллинов и варваров. Главное достоинство эфоровой истории состояло в обилии исторического и этнографического материала, умелой его группировке и образном языке, между тем как сила его современника Феопомпа заключается в глубине социально-психологического анализа, в котором проявляется его симпатия к олигархам и македонскому царю Филиппу. Монархическая тенденция еще сильнее была проведена в сочинениях Филиста, придворного историографа сицилийских тиранов — Дионисиев. Завершением нового направления греческой историографии была дошедшая до нас «Всеобщая история» Полибия, с именем которого связана знаменитая «теория цикличности» исторического процесса, возникшая на почве античных полисов и затем получившая широкое распространение и в новой Европе. По теории Полибия все общества проходят определенный путь развития — от патриархальной монархии к аристократии, от аристократии к демократии, от демократии к тирании (монархии). Согласно этому в основу исторического повествования у Полибия положена политическая история — смена политических форм и учреждений. Устойчивость той или другой политической формы, по Полибию, зависит от характера государственных учреждений, от взаимодействия государственных органов и от разделения функций между административными учреждениями.

6. Политическое красноречие

Среднее место между историей и литературой в древнем мире занимало политическое и судебное красноречие, своего наивысшего расцвета достигшее в Афинах в классический период. Политическое красноречие развилось в атмосфере постоянных дебатов, обсуждения крупных социально-политических проблем, столкновения различных мнений, программ и характеров. Особенно благоприятные условия для развития устного слова представили Афины с их шумной и высокоразвитой политической жизнью, бесконечными дебатами на общественные темы, а главное — прямой заинтересованностью гражданства

в политической жизни страны. Образцом политического красноречия классического периода служат речи Перикла, главы Афинской республики, переданные нам историком Фукидидом. К началу Македонского периода принадлежат речи Демосфена, главы антимакедонской партии. «Оратор всех ораторов» Демосфен (384—322 гг.) жил в период кризиса Афинской архэ, когда Афины с напряжением всех сил боролись против захватнических стремлений македонского царя Филиппа[1].

Возглавляя антимакедонскую партию, Демосфен произнес ряд блестящих речей, направленных против Филиппа и имевших целью раскрыть действительные намерения македонского царя, старавшегося посеять раздор среди эллинских общин. Вторую серию политических речей Демосфена составляют олинфские речи. В этих речах великий афинский трибун вскрывает захватнические цели македонской политики на Халкидском полуострове. Цель этой политики, указывал Демосфен, направлена на захват города Олинфа — важнейшего экономического и стратегического пункта греческого севера. В речи «О мире» Демосфен предостерегает афинян от преждевременной борьбы с Филиппом, провоцирующим их на войну. Кроме политических речей Демосфену принадлежит много судебных речей. Являясь первостепенным источником социально-политической и экономической истории поздней Греции, эти речи с литературно-художественной стороны представляют образец политического красноречия, соединенный с глубоким анализом социальных и международных отношений. Речи Демосфена отличаются разнообразием сюжетов, смелыми мыслями, огромным ораторским темпераментом, богатством слов и образов. Демосфеновское красноречие нашло много подражателей во всех частях эллинского мира, и самое имя Демосфена сделалось синонимом человека, одаренного ораторскими способностями. Во всех отношениях ниже Демосфена стоят Исократ, Лисий и целый ряд других представителей политического и судебного красноречия предмакедонской и Македонской эпох.

7. Греческая натурфилософия

В то время как лирические поэты «греческого Ренессанса» изливали в страстных стихах свои непосредственные чувства и переживания, философы стремились доступными им средствами разрешить основную проблему человеческой мысли — происхождение мира и отношение человека к миру. В эпической Греции, с слабо диференцированной психологией людей, мир представлялся раз навсегда данной величиной, не вызывавшей никаких вопросов и сомнений. При натуральном хозяйстве и простоте социальных отношений не было почвы для возникновения мучительных вопросов о мире и об отношении к нему человека.

История греческой философии начинается со времени выступления на историческую сцену ионийских натурфилософов. Иония — страна пер-

[1] См. следующую главу, посвященную Македонскому периоду.

вых греческих мудрецов и поэтов, как мы знаем, ранее других частей Греции втянулась в широкий торговый оборот, перешла на рабское производство и установила культурные связи со странами Древнего Востока. За Ионией вскоре последовали и другие эллинские города-государства Сицилии, южной Италии, островов Эгейского моря и наконец полисы Балканского полуострова.

Первыми греческими философами были натурфилософы — астрономы и математики, изучавшие природу, происхождение мира и его развитие. Среди ионийских философов большой известностью пользовался Фалес из города Милета (VI в. до н. э.). Выросший в условиях подвижной жизни малоазийских городов и много путешествовавший, Фалес отвергал существование мертвой материи, находя всюду жизнь и движение. Основным элементом мира Фалес считал воду как вечно движущийся и в то же время неизменный элемент природы. Вода, соединяющая вечное движение с вечным покоем и растворяющая в себе все остальные вещества, является источником жизни всего мира, в том числе следовательно и человека. Таким образом снималось основное противоречие между миром и человеком. Эмпирическую философию Фалеса продолжает и уточняет другой милейзиец Анаксимен, современник Фалеса. Основным элементом природы, связывающим и объединяющим все остальные, Анаксимен признавал воздух, «нравственное, божественное, озаряющее начало». Человек, животное и растения, дыша, вдыхают частицы одухотворяющего воздушного начала, дающего им жизнь и движение.

Одновременно с физической школой на той же самой богатой ионийской почве сложилась математическая школа во главе с милейзийцем Анаксимандром, другом и учеником Фалеса. В своем написанном прозой сочинении «О природе» Анаксимандр объявляет началом мира апейрон — бесконечную, бессмертную, находящуюся в вечном движении материю. В учении Анаксимандра из первостихии (апейрон) выделяются два начала — тепло и холод, из которых путем различных комбинаций складываются все видимые нам предметы. Особое внимание Анаксимандр уделял вопросу о происхождении органического мира и проблеме жизни. В области математики Анаксимандру приписывают составление систематического курса по геометрии, в географии — составление географических карт и постановку вопроса о шарообразности земли. В этом отношении Анаксимандр оказал большое влияние на Пифагора, уроженца острова Самоса, ученейшего человека своего времени. Верховным началом всего сущего Пифагор считал число. Вся природа, по теории Пифагора, есть не что иное как комбинация чисел и величин. Вся природа живет и меняется, лишь одно число остается вечно неизменным. Все исходит из числа и возвращается к числу. Следовательно число есть основа всех вещей, первоисточник мира. Каждое отдельное явление может видоизменяться до бесконечности, но численный его аттрибут остается неизменным.

«Число всегда остается одним явлением, единицей самых разнообразных комбинаций. Единица не может сделаться ни двойкой, ни тройкой, ни какой меньшей величиной. По разложении его на мельчайшие части каждая из этих частей в свою очередь останется единицей».

Из этого основного положения следует вывод, что все виды бытия суть не что иное, как конечные проявления бесконечного или известные соотношения между единицами. Путем таких рассуждений пифагорейцы приходили к мистической числовой системе, в которой главную роль играла священная цифра 10, 4 — первый числовой квадрат и т. д.

Вселенная представлялась Пифагору гармонической системой чисел и их отношений, или гармонией сфер. Подобно тому как музыкальная гармония может быть сведена к математическим отношениям, так и весь космос (вселенная), — слово, впервые введенное в лексикон Пифагором, — может быть сведен к тем же самым математическим отношениям. В центре космоса Пифагор помещал центральный огонь, вокруг которого вращаются небесные светила и земля, движущаяся по арбите вокруг центральной сферы.

«Гегель, — говорит Энгельс, — правильно обращает внимание на «смелость подобной идеи, которая сразу... устраняет чувственную сущность» и ищет сущности в логической категории, хотя бы очень ограниченной и односторонней. Подобно тому как число подчинено определенным законам, так подчинена им и вселенная: этим впервые высказывается мысль о закономерности вселенной»[1].

Из обширной математической системы Пифагора и пифагорейцев сохранились лишь отдельные положения о математических рядах, пропорциях и всем известная теорема Пифагора о соотношении квадратов сторон треугольника, входившая в состав более общего учения о свойстве квадратных чисел.

Занятия математикой и философией Пифагор считал высшей самоцелью человеческой жизни. Жизнь, говорил он, подобна олимпийским играм, где один ищет славы и венков, другие — выгод, а третьи, настоящие философы или друзья мудрости, приходят наслаждаться самим дивным зрелищем: наблюдение и познание мира, доступное друзьям мудрости, есть самое высшее из всех наслаждений и наград. Ученики и последователи Пифагора — пифагорейцы — объединялись в особые религиозно-мистические союзы (гетерии), куда принимались только избранные люди, прошедшие определенный искус и принадлежавшие по большей части к олигархическим фамилиям. Пифагорейские гетерии действовали главным образом в великой Греции, принимая активное участие в политической жизни южноиталийских городов, в особенности города Кротона, где проживал и сам Пифагор. Во время демократического переворота Пифагор был вынужден оставить город и ушел в изгнание.

---

[1] Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, стр. 105.

Крупнейшим греческим философом, современником Пифагора, считается **Гераклит** из Эфесса (535—475 гг.). К сожалению наши сведения о Гераклите не менее отрывочны и противоречивы, чем и о Пифагоре. По преданию Гераклит вел аскетический образ жизни, удалялся в горы, целиком уходя в свои мысли. Гераклит жил в бурную эпоху греческой истории, в период постоянных переворотов, обостренной борьбы классов и частой смены правительств. В подобных условиях сам собой возникал вопрос о причинах совершающихся перемен. На философском языке это называлось проблемой движения. Трудную проблему движения и бытия, уже поставленную прежними философами, Гераклит старался разрешить **диалектически**, признавая одновременно бытие и небытие, движение и покой. Все в мире находится в состоянии вечного движения, постоянно превращаясь из бытия в небытие и обратно.

«Мы погружаемся в них, — писал Гераклит, — потому что они уже изменились. Сами мы существуем и не существуем, потому что все в нашем бытии постоянно меняется. Всякое бытие — только форма иного бытия. Все явления мира не что иное, как проявление одной и той же сущности. Все движется, все течет и видоизменяется, колеблясь между бытием и небытием».

В своих объяснениях мирового порядка Гераклит подходит к диалектическому пониманию природы.

Мировой порядок, считал Гераклит, не от бога и не от человека. Он сам от себя, от встречи противоположных течений. Столкновения противоположных течений «вечно самовозгорающего огня» порождают гармонию миров и идей. Борьба **противоположностей** — основа всякого бытия и мысли. Во время борьбы бытие как бы раздваивается на две половины — бытие и небытие, отсюда рождается жизнь и мысль. В противоположность другим философам (элеатам), Гераклит источником истинного познания считал не разум (логос), а **чувства**. Причина наших заблуждений, говорил он, коренится не в несовершенстве наших чувств, а в ограниченности нашего разума. Истинное познание возможно только при постижении процесса бытия. Орудием познания служит **разум**, содержащий часть «божественного эфира», но настоящих результатов достигает только разум, питаемый чувствами. Основной функцией разума является синтез, т. е. обобщение в одной мысли разрозненных эмпирических наблюдений. В синтетической способности Гераклит усматривал различие между умными и глупыми людьми. Умный от глупого отличается тем, что он стремится познать общее, а глупый удовлетворяется деталями. Осел например предпочитает чертополох золоту. Для осла чертополох дороже золота.

В признании синтезирующей функции разума с Гераклитом сходился **Анаксагор**, из города Клазомен в Малой Азии, современник, учитель и друг Перикла. В противоположность ионийцам, полагавшим в основу мира какую-либо одну стихию, Анаксагор признавал **беско-**

нечное множество стихий или элементов. Из множества стихий, постоянно расщепляющихся на качественно новые элементы, образуется вселенная. Толчок к созданию мира исходит от «бесконечного, самосущего разума», но сам мировой процесс развивается по своим собственным (механическим) законам. Из этого видно, что Анаксагор при объяснении мирового процесса оставался на материалистической точке зрения. Подобно многим своим современникам, Анаксагор усиленно занимался философской математикой и астрономией. Между прочим он занимался проблемой квадратуры круга, установил противоположность площади круга квадрату его диаметра, открыл некоторые свойства куба, высказал взгляд, что звезды суть раскаленные массы, что луна получает свой свет от солнца и т. д. Сама луна представлялась Анаксагору, подобно земле, покрытой горами и долинами и населенной живыми существами. Сын богатого клазоменского гражданина, Анаксагор пренебрег богатством и почетом в родном городе, всецело отдавшись науке. Сделавшись из богатого нищим, Анаксагор гордился тем, что он своим разорением обязан науке, освободившей его от житейской суеты. Достигнув огромной славы и влияния при Перикле, в конце своей жизни Анаксагор, обвиненный в безбожии, был изгнан из Афин и глубоким стариком умер в изгнании в городе Лампсаке.

«В этой могиле, — гласила надпись на его могиле, — лежит великий Анаксагор, дух которого поднимался до высочайших истин».

Анаксагором заканчивается первый героический период греческой философии. Греческая философия этого периода, как указывает Энгельс, поражает двумя противоположными качествами — большой глубиной и в то же самое время детской наивностью. Синтетическая мысль греков значительно опережала их опытные знания. Отсюда поспешность обобщений и частая смена натурфилософских систем. Положительная же сторона синтетической работы греческой философии заключается в ее организующем начале, в осмыслении окружающей природы и затем в осмыслении социальной жизни.

Прежде всего, — говорит Энгельс, — «это — греческая философия. Здесь диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте... Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то она у них рассматривается еще как целое, в общем и целом. Всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях: ...для греков она является результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом»[1].

[1] Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, стр. 71—72.

8. Греческая наука

Вышеизложенные натурфилософские системы позволяют заключить, что уже в ионической Греции физико-математические знания греков достигали высокого уровня. Среди математиков V в. большим авторитетом пользовались Энопид, уроженец Хиоса, и афинянин Метон. Энопид определил длину солнечного года в 365 дней 8 часов и 57 минут. Метон еще более уточнил эту цифру и составил солнечный календарь. Наряду с математикой греки занимались медициной, биологией, ботаникой, географией и историей. В каждой дисциплине существовало несколько школ, соперничавших друг с другом. Так, из всех медицинских школ наибольшим авторитетом пользовалась косская школа с ее представителем Гиппократом (V в.). Основной принцип Гиппократа в лечении: следовать природе (органический принцип) и лишь в случае, если сама природа не дает исцеления, прибегать к более решительным методам воздействия на организм — хирургии.

«Что не излечивает лекарство, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь, а чего не излечивает и огонь, то вообще неизлечимо», — таков принцип Гиппократа.

Прогресс в области землеведения обусловливался, с одной стороны, расширением торговых и культурных связей Греции, а с другой, появлением географических карт, произведших целый переворот в этой области. Первые географические карты появились, как и вся греческая наука, в Ионии. Первыми картографами считались Анаксимандр (VI в.) и Гектей Милетский (V в.), давший описание земли. Населенная часть (ойкумена) представлялась круглым островом, со всех сторон окруженным океаном. Средиземное море разделило ойкумену на две части: северную и южную. Южная часть в свою очередь разделялась Нилом и Аравийским заливом на четыре части. Географическая наука находила многих приверженцев во всех сферах знания. Географически же старались объяснить все перемены, происходящие не только в мире природы и в человеческом организме, но также и в социальной области. Различие в социальном строе, физическом строении рас и народов, национальные отличия, разницу в умственных способностях и т. д. выводили из географических различий, главным образом из различий в климате, распределении тепла и холода.

Об уровне биологических знаний можно составить представление из учения Эмпедокла о происхождении органических веществ. Эмпедокл пытался дать историю возникновения и развития организмов. Согласно Эмпедоклу, в длинной цепи органической жизни раньше всего появились растения, затем животные и уже в самом конце люди. В процессе органического развития выживали лишь виды, наиболее приспособленные к данным условиям, все же другие погибали. В теории Эмпедокла, как и в теориях всех его со-

временников, механистические объяснения переплетаются с метафизическими. Признавая закономерность эволюции органического мира, Эмпедокл в то же самое время вводит в органический процесс душу, одинаково присущую как растениям, животным, так и людям.

Крупнейшим систематизатором научно-философских знаний классической Греции был Демокрит из Абдеры (460—370 гг.), ученик милетца Левкиппа.

Левкипп
(мраморный бюст)

Демокрита с полным правом можно назвать величайшим материалистом классической Греции, настоящим предшественником Аристотеля. Демокрит имел основательные познания во всех отраслях тогдашней науки: математике, физике, медицине, астрономии, музыке и филологии. Между прочим Демокриту принадлежит сохранившийся в отрывках трактат «О строении животных» и трактат «О происхождении семян, растений и плодов». Демокрит отвергает множественность элементов Анаксагора, признавая единую субстанцию — материю, разлитую в пустом пространстве. Пустое пространство постулируется Демокритом для объяснения движения и делимости материи. Он устраняет из своей системы какие бы то ни было сверхопытные начала, сводя все естественные феномены к действию механических законов притяжения и отталкивания атомов, мельчайших неделимых материальных частиц. Неизменные по качеству атомы различаются по форме, величине и весу. В силу своей весомости атомы падают в пустом пространстве, наталкиваются друг на друга, давая всевозможные комбинации и сочетания.

«Нет ничего истинного, ничего достоверного, кроме первичных элементов (атомов) и пустоты. Только они и существуют в действительности».

Атомистика составляет основную теорию познания Демокрита. Наше знание и наша мысль, согласно Демокриту, порождаются впечатлениями, получаемыми нашими органами чувств от внешнего мира. Под влиянием внешних впечатлений (толчков) в воспринимающих

органах происходят некоторые органические изменения, более или менее общие всем существам одинаковой с нами природы. Толчки, получаемые нашими органами чувств, исходят от атомов, проникающих в организм через поры и оставляющих в нем отпечаток (эйделон, идея). Из носящихся в воздухе атомов, сталкивающихся друг с другом, возникают бесконечные миры, в том числе и тот мир, в котором мы живем. Вселенная есть не что иное, как постоянно меняющаяся комбинация атомов, меняющаяся в трех направлениях — в отношении формы, сочетания и положения. Движение и столкновения атомов совершаются не случайно, а по определенным законам, которые могут быть познаны человеческим разумом. Связующим началом у Демокрита, как и в концепции Анаксагора, является разум (логос), но только стоящий не вне природы, а с нею тесно связанный и ею обусловленный. Продолжателем и популяризатором идей Демокрита был Эпикур (341—270 гг.).

9. Софисты

Предшественниками и современниками Демокрита были софисты. Софисты занимают первостепенное место в истории греческой науки. Расцвет софистики относится ко второй половине V в. до н. э., ко времени расцвета торгового капитала и роста частной собственности. Софистика — очень сложное и противоречивое социально-культурное явление эллинской жизни. Революционные и реакционные моменты в софистике сплетаются в одно целое. Софистика была порождена теми же самыми социально-экономическими и политическими условиями, которыми были порождены драма и комедия. В условиях развитого рабского производства и торгового капитала, обостренной конкуренции во всех сферах жизни и сильной диференциации мысли и знаний старая натурфилософия и физика уже не могли удовлетворять новое поколение. Социальная жизнь становилась все сложнее и многообразнее. Сумма знаний и опыта увеличивалась, и потому само собой выдвигались вопросы о способах приобретения знаний и овладения конкретным материалом, т. е. о методе. Именно в постановке вопроса о методе научного познания заключается историческое значение софистики и софистов — «учителей мудрости и красноречия». В овладении и умении пользоваться методом софисты видели основную задачу философского образования. В противоположность эмпирикам-натурфилософам софисты на передний план выдвигали формальную сторону знания, что в то время являлось большим научным прогрессом. Только владея (формальным) методом, учили софисты, можно охватить все разнообразие естественных и социальных явлений. Этим объяснялась высокая оценка софистами формального (философского) знания. Формальное знание, учили софисты, организует природные способности человека, помогая ему ориентироваться в сложных условиях окружающей жизни. Формально образованный человек — в полном смысле «совершен-

ный или добродетельный человек», умеющий устанавливать правильные отношения к окружающей его социальной среде. Выдвигая на передний план формальный метод, софисты отрицали возможность о б ъ е к т и в-т и в н о г о познания.

«Мудрый, — говорил софист Горгий, — не может стремиться к познанию, он может только возбуждать в других людях те впечатления, какие ему наиболее желательны».

О каком-либо объективном, абсолютном знании не может быть и речи. Абсолютного, всеохватывающего знания не существует, всегда познается лишь одна какая-либо сторона жизни, вещи или явления. О всяком предмете можно с одинаковым основанием высказывать какие угодно суждения, рассматривая их под определенным углом зрения, лишь бы только этим не нарушались законы силлогистики. Всякое знание всегда субъективно и преходяще. Полнее всего точка зрения научного субъективизма или релятивизма (относительности) проведена в сочинениях П р о т а г о р а, современника Перикла, одного из самых известных греческих софистов. Всякое познание, учил Протагор, субъективно и потому имеет значение только для того человека, который его принимает. Возникая из взаимодействия наших чувств и природы, познания различны для каждого индивида, в зависимости от различия их воспринимающих органов.

Что кажется человеку правильным, то и на самом деле правильно. «Человек — мера всех вещей». Вследствие этого не должно казаться странным, если об одном и том же предмете часто высказываются противоположные и в то же самое время субъективно верные мысли. С одинаковой степенью убежденности всегда можно доказывать за и против, ибо истины как таковой не существует. Каждая вещь имеет две стороны и может быть рассматриваема с двух точек зрения. Так например болезнь для больного — зло, для врача — добро, и оба суждения одинаково правильны. Добродетель же, о которой так много спорят и говорят философы, в глазах Протагора не что иное как наилучшее (нравственное) состояние, приводящее человека к усиленной деятельности.

В несколько видоизмененном виде мысль Протагора повторяет другой знаменитый греческий софист — Горгий из города Лионтии в Сицилии. В сочинении «О п р и р о д е» или «О н е с у щ е с т в у ю щ е м» Горгий проводит мысль, что бытия самого по себе не существует. В самом деле, говорит Горгий, если что-либо действительно и существовало бы, то оно не могло бы быть выражено в словах, ибо слова не адэкватны мысли. Задача философии, по Горгию, состоит н е в стремлении отыскать истину, ибо таковой не существует, а в возбуждении людей к целесообразной, полезной и приятной деятельности.

Субъективизм софистов не имел ничего общего с субъективизмом более позднего времени (эллинистической эпохи). Субъективизм софистов складывался в период расцвета, а поздний субъективизм — в пе-

риод упадка рабовладельческого строя. Борьба индивидуумов на экономической почве в идеологии находила свое отражение в учении о личности, направляемой в своих действиях собственной волей и разумом. В обоих случаях личность выступала самодовлеющей величиной. Историко-культурное значение софистики заключается в критике и смелой, хотя нередко парадоксальной, постановке вопросов. Своим отрицанием окаменевших истин софисты подготовили почву для серьезной научно-философской мысли будущего. В своей критике старых теорий софисты с особой энергией подчеркивали историчность и зависимость научных истин от социальной среды, в которой эти истины создавались. Так например софист Калликл рассматривал государство как продукт исторического развития. Аналогичные взгляды софисты высказывали и в отношении религии, подрывая тем самым старую веру в богов. В сочинении «Истина» Протагор отрицал возможность рационального знания о богах. Относительно богов, говорил он, я не могу сказать, существуют ли боги или нет. Многое препятствует познанию этого: во-первых, неясность самого предмета и, во-вторых, краткость человеческой жизни. Еще дальше пошел софист Диагор Милетский, совершенно отрицавший существование богов и необходимость культа. Более свободных взглядов держались софисты и в отношении рабства, считая его, как и государство, явлением не логического, а исторического порядка. Софисты сдвинули греческую мысль с места, сделали ее более гибкой, критической и глубокой. «У них, — так изображает софистов один из европейских знатоков греческой научной мысли и философии (Гомперс), — была страшная откровенность и страшная многосторонность. Они ораторы, политические люди, народные учителя, метафизики: их ум был гибок и ловок, их язык неустрашим и дерзок».

В истории античной культуры софисты занимают такое же место, какое в западноевропейской культуре занимают французские энциклопедисты XVIII в. Не было ни одной жизненной сферы, которой не коснулись бы софисты. В экономике, политике, математике, естествознании и социологии, — во всех областях человеческого знания софисты поставили ряд вопросов и выдвинули много новых точек зрения. Философский скепсис и субъективизм не мешали однако некоторым софистам с успехом заниматься науками и искусствами. Софисты занимались всеми отраслями науки, но наиболее положительных результатов софистика достигла в области формальных наук — логики, филологии, лингвистики и грамматики. Эти науки софистами были доведены до высокого совершенства. Так Протагор своим исследованием о глагольных видах, временах, наклонениях и управлении предлогов положил начало грамматике. Сочинение софиста Продика, одного из образованнейших людей своего времени, «О природе людей», в главном также посвящено исследованию языка с философской точки зрения. По своей профессии софисты были странствующими учителями, переезжавшими из одного города в дру-

гой. Чаще всего они выступали на общественных праздниках или торжествах, произнося соответствующие этим дням речи — панегирики городу, надгробные речи, восхваление какого-либо лица, общественного деятеля, командира, поэта или писателя. Кроме демонстрации собственных талантов, образцов красноречия и блестящего стиля софисты занимались преподаванием риторики, логики, грамматики и психологии. В качестве упражнения ученикам предлагались самые разнообразные темы, имевшие целью развить их логические и словесные способности: панегирики павлинам, мышам, горшкам, соли и пр. Не последнее место в формальном образовании софистов занимала математика, в особенности решение математических головоломок или парадоксов в роде квадратуры круга, черепахи и Ахиллеса и т. п. Отрицательной стороной софистики был доведенный до крайних пределов формализм, нередко переходивший в игру словами и понятиями, т. е. в схоластику. Оттенок схоластизма и крючкотворства всегда невольно возникает в сознании при слове «софист» и «софистика».

10. Сократ

К софистам непосредственно примыкал Сократ (469—399 гг.), сын афинского скульптора Софроникса, основатель целой сократовской школы. В основу сократовской философии положено изучение путей, приводящих к аретэ (добродетели). Основным методом научно-философского мышления Сократ вместе с софистами считал диалектический метод — искусство спорить и рассуждать. Для правильного овладения диалектическим методом, учил Сократ, необходимо строгое разделение понятий, точное определение значения слов и широкое применение индуктивного метода. В своих диалогах Сократ главное внимание уделяет анализу внутреннего мира человека. «Познай самого себя», — таков лозунг Сократа и его школы... Подобно софистам, Сократ имел свой круг сторонников или «друзей», с которыми он вел беседы по самым разным вопросам практической жизни и теоретической мысли. Чаще всего занятия сократовского кружка происходили в гимназии Ликея, где впоследствии возник знаменитый Аристотелевский лицей. В числе учеников Сократа числились все известные деятели того времени, очень разные по своим взглядам, настроениям и социальной принадлежности. Среди многочисленных друзей Сократа выделялись: Критон, Аполлодор, Эвклид, Антисфен, Федон, Аристипп, Платон, Алкивиад, Ксенофонт, Критий, — словом все афинские знаменитости конца V и начала IV в. При всем несходстве взглядов и темпераментов, всех их влекло к Сократу одно желание — усвоить диалектический метод, понимаемый ими как умение хорошо говорить, спорить и поступать «согласно собственной природе».

При большом количестве друзей Сократ имел также немало и врагов, притом не только среди демократов, но и олигархов. Между прочим в числе противников Сократа был Аристофан, в одной из своих

комедий («Облака») представивший «народного мудреца» и философа Сократа в комической роли популярного учителя «мудрости», обучающего за высокую плату молодых людей всем правилам софистического искусства. Содержание этой комедии таково: почетный афинский гражданин Стрепсиад, обремененный долгами, поступает в школу знаменитого софиста Сократа, обучающего за плату молодых людей делать белое черным, а черное — белым. Разочаровавшись в своих собственных способностях что-либо понять и чему-либо научиться из софистической мудрости, Стрепсиад посылает в школу своего сына Филиппида. Филиппид быстро усваивает софистическую мудрость: отказывается от долгов, бьет и ругает своего отца, поступая по всем правилам софистики, выше всего ценя собственную добродетель, т. е. собственное счастье и благополучие.

Сократ жил в исключительно бурный период афинской истории, в период разгрома Афинской державы. Следовавшие за военным поражением постоянные смены правительств, экономические кризисы и ожесточенная классовая борьба в эпоху Сократа достигли своего высшего напряжения. Повсюду организовались олигархические гетерии (тайные клубы), подготовлявшие государственный переворот. Демократы с своей стороны всеми силами боролись за свое существование. Началась полоса судебных преследований, остракизмов и конфискаций. Одной из жертв демократического террора был и сам Сократ, обвиненный в покушении на существующий строй (399 г.).

Политический кризис, современником которого был Сократ, нашел соответствующее отражение и в идеологии этого периода, в особенности в социально-политической философии. По своим политическим симпатиям Сократ принадлежал к группе умеренных олигархов, к которой, как мы видели, склонялся и Аристофан. Реакционность сократовской философии выражалась в ее религиозности и мистицизме, а в социально-политической сфере — в едкой критике демократии и в открытой симпатии олигархии. Сократовский кружок был не только философским и ученым объединением, но также и олигархической гетерией, из которой вышли все главные враги демократической конституции. В гетериях вопросы философии и политики тесно переплетались друг с другом. Вопросы гносеологии (теории познания) переплетались с вопросами политической этики, т. е. построения «идеального» общества.

11. Академия Платона

Научно-философская мысль в последний период классической Греции сосредоточивалась главным образом в двух афинских учреждениях — в Академии Платона и Ликее Аристотеля. Платон и Аристотель подводят итог научно-философской работе предшествующего поколения классической Греции. Главное значение обоих мыслителей состоит в систематизации и организации научно-философских знаний. В дошедших до нас произведениях Платона и Аристотеля невозможно определить,

что является продуктом творчества их самих и что принадлежит их предшественникам и ученикам. По своим социально-политическим взглядам Платон и Аристотель примыкали к противникам демократии — олигархам и тиранам, и это не могло конечно не оказать влияния на их мировоззрения и образ мысли.

В немногих словах учение Платона сводится к следующему. Окружающий нас реальный мир не есть истинный мир. Это лишь бледное отражение действительного, сверхопытного мира идей, постигаемых нашим интеллектом или интуицией. Сам опыт (реальный мир) может быть понят и изучен лишь через посредство сверхопытных идей, без которых вообще не существует ни мысли, ни жизни. Идеи или понятия присущи нашему сознанию как таковому. Опыт же только делает их прозрачными, обнаруживающимися в логических суждениях и представлениях. Содержание идей — нечто постоянное, между тем как содержание опыта изменчиво и зависит от психо-физической организации познающего субъекта. Действительные истины — только одни идеи — «эти неподвижные полюсы в вечно меняющемся потоке явлений». Опыт лишь несовершенно отражает в себе высшие образы (идеи), стоящие вне времени и пространства, недоступные восприятию, но созерцаемые чистым разумом (мышлением); отсюда чрезвычайно высокая оценка Платоном разума (интеллекта), связующего опытный мир разрозненных явлений с потусторонним миром идей, бледной копией которого является окружающий нас реальный мир. Соответственно с этим высшей целью познаний признается не исправление, а преодоление мира, не активная деятельность, а пассивное созерцание. Это, полагает Платон, достигается углубленным познанием реального мира. За отправную точку познания Платон принимает чувственное восприятие, переходящее в первую ступень познания — в чувственные представления или мышления. Из чувственных представлений создается рассудочное познание (рефлексия), называемое научной гипотезой. Научные гипотезы, в особенности гипотезы самой абстрактной и точной из всех наук — пространственной геометрии — служат отправной точкой настоящего мышления, раскрывающегося в диалектике, высшей из всех наук. Значение диалектики, по Платону, состоит в обнаружении несостоятельности чувственного мира перед идеальным (умозрительным), получаемым путем непосредственного созерцания или интуиции.

Вышеизложенные мысли Платона как нельзя более гармонировали с настроением аристократов и олигархов, группировавшихся вокруг Платоновской академии. Ахиллесовой пятой идеалистической философии Платона является неясное определение материи и природы того идеального мира, бледным отражением которого является реальный мир чувств и рефлексов. С одной стороны, идеальный мир рассматривается Платоном как продукт творческой фантазии и разума, а с другой, как нечто извне данное и совершенно независимое от человеческой психики. В этой части своей философии Платон возвращается к до-научному, теологическому мышлению.

Под углом зрения платоновской философии протекала вся научная работа Академии. Первое место после философии занимала математика. При этом в Академии математика изучалась исключительно в разрезе философии. Единственной задачей математики, по Платону, должно было быть изучение «вечно неизменного бытия». Из математических проблем в Академии интересовались: правильными многогранниками, учением об иррациональных числах и непрерывности, проблемой бесконечности и т. п. Словом, академики занимались тем, что имело отношение не к непосредственно реальной жизни, а к созерцательной философии. Математика, в их глазах, была служанкой философии. Все это вполне гармонировало с общей установкой платоновской идеалистической философии.

К числу наиболее известных математиков-академиков кроме самого Платона принадлежали Леодамонт, Феайтет, Менехм и др. Леодамонт открыл аналитический метод, Феайтет разработал учение об иррациональных величинах, Менехм изучил проблему удвоения куба и т. д. Большой известностью пользовались также математики Эвдокс, Архит из Тарента, Кизикен и др.

12. Ликей Аристотеля

В то время как в Академии господствовал идеализм Платона, в Ликее царил реализм Аристотеля. Аристотель, вначале находившийся под сильным влиянием Платона, впоследствии отклонился от своего учителя и пошел собственным путем. Философская концепция Аристотеля складывалась в иных социально-политических условиях и выражала взгляды других социальных групп. Если платоновская система исходила из интеллигентских кругов, отказавшихся от жизни, то концепция Аристотеля была идеологией деловой части эллинского общества. По самому своему (реалистическому) характеру философия Аристотеля могла захватить более широкие общественные круги. Аристотель (388—322 гг.) был главой Ликея. Македонец по происхождению, сын придворного врача и сам готовившийся к медицинской карьере, Аристотель обладал обширными познаниями в самых различных областях. Он был сведущ в философии, математике, истории и в особенности в естественных науках: физике, зоологии, физиологии, ботанике и медицине. Философия Аристотеля есть прежде всего натурфилософия. Наибольшее влияние на мировоззрение Аристотеля оказали Демокрит и Платон. Аристотелевская натурфилософия представляет стройную систему, хорошо продуманную в целом и частях, связанную одной мыслью. Исходной точкой естественнонаучных занятий Аристотеля была медицина или, вернее, физиология, трактующая о рождении, развитии и смерти организма. Усиленные занятия физиологией приучили Аристотеля смотреть на все явления природы социальной и индивидуальной жизни как на органический процесс, на процесс становления. С точки зрения физиолога легко было притти к выводу, что все тела природы постольку

являются органическими, поскольку они выполняют определенные функции организма как части целого. Организм в целом как определенная форма или план предопределяет деятельность или строение всех его частей. Каждый орган, выполняя отдельную функцию, действует сообразно с общей деятельностью организма. Процесс жизни является процессом взаимного отношения формы и материи, подчиняющимся физиологической (органической) целесообразности или, по-гречески, телеологии (телос — цель).

Таково логическое зерно аристотелевой натурфилософии, полнее всего выраженное в «Истории животных», затем в «Физике», «Метафизике» и «Политике». В отличие от Платона, рассматривающего сущность вещи, Аристотель главное внимание направляет на изучение истории или процессов возникновения и развития вещей. Мир представляется Аристотелю органическим целым, находящемся в вечном круговом движении. Мировой процесс складывается из трех моментов или энергий: 1) из потенциальной энергии (дюнамис), 2) из актуальной энергии (энергейя), энергия в собственном смысле и 3) из движущей энергии или движущей силы (кинесис). Платоновский мир идей, находящийся вне опытного мира, в натурфилософии Аристотеля включается во внутренний процесс. Идеи-прообразы превращаются в идеи-причины, обусловливающие или производящие развертывающиеся перед нашими глазами процессы и явления. В основе процессов природы лежит присущая каждой вещи тенденция или идея воплощать (оформлять) заложенные в ней типичные для данного рода формы или конструкции. Жизнь, по Аристотелю, есть стремление материи к оформлению, т. е. к выявлению заложенных в ней родовых форм (идей или образов, эйдос, морфэ). Форма, с точки зрения Аристотеля, служит общим началом, организующим и одухотворяющим мертвую материю, рассеянную в природе. Сама же форма в своем бытии предопределяется заложенной в каждом существе целью, раскрывающейся в движении. Так, в семени растения предопределена вся возможность развития растения или форма растения. Жизнь вселенной есть стремление принять известную, заложенную в ней форму. Так, цветок например стремится принять максимально совершенную форму цветка, дерево — форму дерева, человек — форму человека и т. д. Стремление к чему-либо однако не есть еще достижение этого стремления. Идеальное сочетание формы и содержания представляет скорее исключение, нежели правило, осуществляясь лишь в произведениях искусства, истинный смысл которых как раз и состоит в дополнении, расширении и углублении действительного мира, а не в голом его копировании.

Начальным моментом всякого жизненного процесса является толчок (импульс), получаемый вещью извне, приводящий в движение силы, заложенные в данной вещи. Импульсом может служить любая вещь или реальность (res) и идея, как например идея архитектора, конструирующего дом из бревен и камней. Первоначальный же импульс,

приведший в движение весь мир, исходит от творческого разума (нус), который определяется Аристотелем в различных сочетаниях различно, как «мышление мышления», чистое мышление — актуальность, принцип всякого движения, божество и т. д. В этом пункте Аристотель остается человеком своего времени. Античная мысль не могла создать законченной материалистической философии. Одной

Памятник Лисикрату в Афинах

из главных причин этого было слабое развитие лабораторной техники, несовершенство инструментов и приборов. В свою очередь несовершенство инструментов стояло в связи с низким техническим уровнем вообще, обусловливаемым рабским производством. Аристотелевское божество, подобно платоновской идее, находится вне мира и только своим соприкосновением с ним приводит мир в движение. Весь же остальной процесс, создающий миропорядок, совершается естественным путем, как закономерная цепь причин и следствий.

Признанием вечности движения натурфилософия Аристотеля не ограничивается. Он выделяет различные виды движения, обу-

словливающие изменения в вещах, приращение, уменьшение и переход из одной субстанции в другую, временные и пространственные отношения. Время определяется как число и мера движения, как ряд моментов, составляющих непрерывный процесс движения. Время и пространство — бесконечно делимы. Время, пространство и материя сами по себе не существуют и обнаруживаются только в движении. Без движения не существует ни времени, ни пространства, ни материи, как и вообще не существует мира и жизни. Жизнь и мир — это движение. Учение о движении составляет самую сильную и интересную часть натурфилософии Аристотеля, хотя и содержащую немало противоречий, парадоксов и ошибок.

Завершением натурфилософской системы Аристотеля является его *учение о методах* мышления, или логика. Исходной точкой логики, по Аристотелю, служит *опыт*, от которого путем индукции отвлекаются принципы. Принципы получаются из опыта путем *индукции*, а из принципов путем логических операций нашего ума — умозаключений или силлогизмов — делаются частные *выводы*. Учение о силлогизмах составляет главное содержание «Органона», специального исследования в четырех книгах, посвященного вопросам логики и методологии. В последующее время, в особенности в средневековой Европе, «Органон» (органон — инструмент, в данной связи инструмент логического мышления) был самой популярной, читаемой и изучаемой книгой Аристотеля. На нем покоилась вся средневековая схоластика. Схоласты сообразно со своим мировоззрением отодвинули на задний план основные труды Аристотеля по естествознанию, выдвинув на передний план его силлогистику и метафизику.

Из многочисленных последователей и учеников Аристотеля заслуживает упоминания *Феофраст*, автор двух обширных работ — «История растений», и «Причины растений».

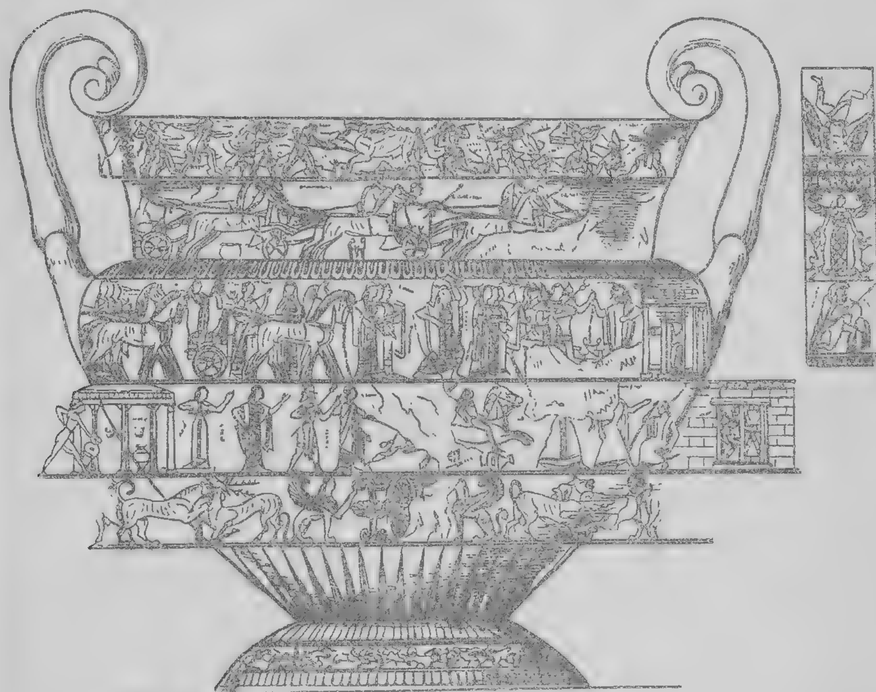
Математикой, медициной, естествознанием, логикой и философией не исчерпывается содержание эллинской научной мысли. На основании уцелевших от всеразрушающего потока времени образцов можно заключить о существовании значительной литературы по *сельскому хозяйству, экономике, агрономии, строительному искусству* и наконец, самое главное, по *военному искусству*. О высоком теоретическом уровне военного искусства дает представление сочинение о тактике — военного специалиста *Энея* и затем «*Анабасис*» *Ксенофонта*, развертывающий картину военного строя и военных нравов своей эпохи.

Рост научной мысли, начинавшийся в классической Греции, продолжался в следующий Македонско-эллинистический период, когда научная и техническая мысль достигла своего предельного развития в условиях античного мира.

В истории человеческой культуры трудно указать столь всестороннего, энциклопедичного, методологически выдержанного организатора научных знаний, каким был Аристотель. «Древние греческие фило-

софы были все прирожденными диалектиками, и Аристотель, — самая всеобъемлющая голова между ними, — исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления», — так его характеризует Энгельс [1]. — «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем» [2].

Значение Аристотеля было бы еще грандиознее, если бы до нас дошла не одна только часть, а все его сочинения и в частности все 158 исторических очерков греческих полисов, образцом



Сцены Троянской войны на расписной вазе

которых является открытая в 1901 г. «Афинская полития», не раз использованная на предшествующих страницах нашего очерка в качестве исторического источника.

Наиболее крупным из всех последователей Аристотеля (перипатетиков) считается Стратон, живший в III в. до н. э. Выдающийся

[1] Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, стр. 70.
[2] Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5-е, стр. 14.

математик и физик, он во многом освободил аристотелевскую натурфилософию от присущих ей метафизических элементов. Все явления мира Стратон выводил из внутренних (имманентных) необходимостей, объясняя мировые процессы механическими законами.

13. Греческое искусство

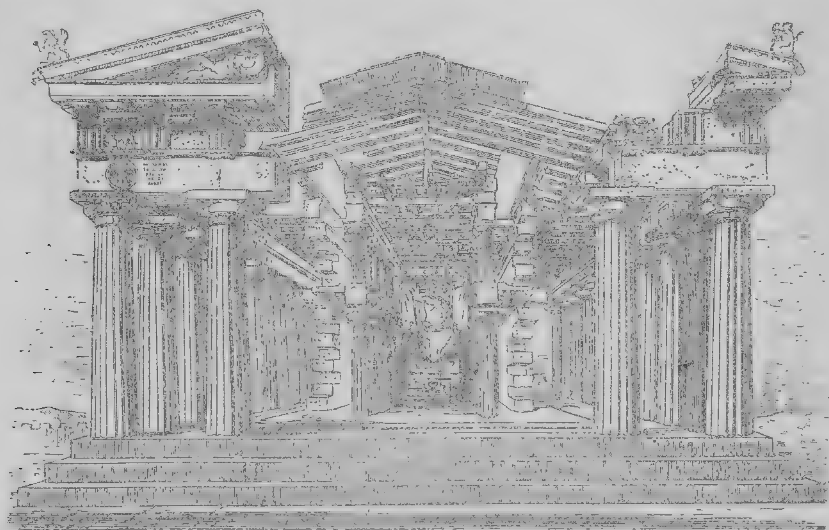
Выдающееся место в идеологии эллинского мира занимает пластическое искусство. Греческие искусства вышли из практической деятельности, из ремесла и на известной ступени развития обособились

Храм Афины в Эгине

в самостоятельные художественные отрасли. Выделение искусства из ремесла предполагало не только высокий культурный уровень, но также и соответствующую степень технического мастерства, инструментов и уменья пользоваться материалом. Наиболее древним и самым наглядным из всех греческих искусств была архитектура. В V столетии греческая архитектура достигла уже значительной высоты, пройдя длинный путь развития. К этому времени окончательно определились три главных архитектурных стиля: дорийский, ионийский и коринфский. В классический период строительная деятельность шире всего развернулась в Афинах. Со времени Писистрата, Кимона и Перикла в Афинах появляется целый ряд замечательных

художественных построек. Сюда прежде всего надо отнести храм **Парфенон**, **Эрехфейон**, **Пропилеи** и многие другие постройки, сооруженные из лучшего пентеликонского мрамора, о которых уже говорилось в другой связи. Самым замечательным памятником строительного искусства классической эпохи был Парфенон, вызывавший удивление простотой своих пропорций, художественным мастерством и великолепием материала.

«Еще до сих пор могучий храм, — говорит один из первоклассных знатоков античного искусства (Граф), — в котором дорийский стиль получил свое благороднейшее выражение, производит огромное впечатление на посетителей Акрополя. Золотисто-коричневая патина, прикрывающая колоннаду из пентеликонского мрамора с подветренной



Храм Зевса Олимпийского

стороны, придает ей особый блеск и при вечернем освещении своеобразное очарование. Это периптерос. Длина и ширина его стоят в отношении 70 к 31 метру. Восемь колонн украшают фронт кольцеобразного зала. 17 колонн по длине и по 6 колонн у стен переднего зала. К целле примыкает обширная комната, служившая сокровищницей. Это и был самый Парфенон, где находилась Афина. 92 метопа были сплошь украшены картинами, изображавшими эпизоды из разрушения Илиона, а также борьбу богов и героев с гигантами кентаврами и амазонками».

Художественные постройки воздвигались не только в Афинах, но и в других частях Греции. Особой славой пользовались например храм

Зевса в Олимпии и затем храм Деметры и Коры в Сиракузах, в смысле внешнего блеска не уступавших демократической столице мира.

В тесной связи с архитектурой развивалась скульптура, достигшая на греческой почве высокого, почти непревзойденного совершенства. Подобно тому как архитектура вышла из плотничьей деятельности, исходной точкой скульптуры было литье из бронзы и лепка из глины. Родоначальниками греческой скульптуры считаются аргосский литейщик Агелад и сикионский мастер Канах. Высокого совершенства греческая пластика достигла в работах Мирона, Фидия и Поликлета, вошедших в мировую историю искусства. Образцом классической скульптуры является колоссальная статуя Зевса в Олимпии, статуя Геры в Микенах, вылитые из золота Фидием и Поликлетом и украшенные слоновой костью. Величие, спокойствие и торжественность, с одной стороны, великолепие материала и художественное мастерство, с другой — составляют отличительные качества статуй Фидия и Поликлета, как и вообще всего классического искусства.

Третьей самостоятельной отраслью греческого искусства была живопись, представителем которой являлся Полигнот, прославившийся своими картинами, помещенными на стенах дельфийского храма, изображавшими разрушение Трои. Греческая живопись и в раннеклассическую эпоху и до нее — самая неизвестная сторона греческого искусства, так как от художников этого времени кроме их имен почти ничего не сохранилось.

VI и V вв. были лишь началом греческого искусства. Расцвет же строительных, пластических и изобразительных искусств приходится на IV и следующие века. Несмотря на войны и кризисы, строительная деятельность после Пелопоннесской войны не прекращалась, передвигались только культурные центры. С конца IV столетия центрами греческой культуры становятся Македония, Египет, малоазийские города и резиденции эллинистических царей. Этой эпохе принадлежат замечательные архитектурные памятники: колоссальный храм Зевса в Акрoганте (Сицилия), храм Аполлона на Делосе, храм Аполлона Дидимского в Милете.

Вследствие многих перемен, совершившихся в социальных отношениях греческих полисов с конца V столетия, изменялись также и художественные вкусы; религиозность, характерная для предшествующего классического периода, ослабевала, но взамен ее возрастал интерес к человеческой психологии и индивидуальности. В архитектуре изменение художественного вкуса выразилось в появлении наряду с храмами каменных театров, в которых давались представления и происходили народные собрания, дворцов и частных домов богатых и знатных граждан. К числу построек этого времени принадлежал дворец македонского царя Архелая в Пелле, украшенный фресками Зевксиса, затем дворец сицилийского тирана

Дионисия и, самое главное, Мавсолейон, храм и гробница галикарнасского тирана Мавсола. Крыша храма Мавсолейона была украшена четырехконной колесницей, при входе помещались бронзовые львы, сторожившие вход в гробницу, на углах стояли изображения амазонок, в нишах помещались статуи. В скульптурных украшениях Мавсолейона принимали участие знаменитые художники — Скопас, Леохарес, Приаксис и Тимофей. Художественные образцы греческого искусства поздних столетий отличаются богатым рисунком, большим изяществом, прекрасным мастерством и умением передавать самые сложные и глубокие движения человеческой психики. Подвижность, разнообразие и легкость формы, к которым впоследствии присоединяется колоссальность, в главных чертах наметившиеся уже в греческих полисах, особенно характерны для искусства следующего, Македоно-эллинистического периода. Религиозные мотивы, доминировавшие в «золотой век» Перикла, теперь все более оттесняются на второй план светскими мотивами. Боги превращаются в людей. Под обликом Афродиты афинский художник Пракситель (370—334), глава самой влиятельной скульптурной школы, изображает идеально красивую женщину со всеми ее женскими качествами (Афродита Книдская). По силе передачи переживаемых человеком страданий мировой известностью пользовалась группа Ниобид, принадлежащая другой знаменитости греческого художественного мира — Скопасу, уроженцу «мраморного острова» Пароса. В группе Ниобид, копия которой в настоящее время находится в Ватиканском музее, поражает страшное напряжение в выражении бровей и глаз матери (mater dolorosa), на глазах которой падают одна за другой ее дочери, поражаемые беспощадными стрелами Аполлона, мстящего Ниобее за ее гордость. С художественно-технической точки зрения возбуждают удивление необычайно тонко сделанные складки одежды бегущей от опасности одной из дочерей Ниобеи.

Греческая амфора

Серию блестящих эллинских художников классического периода заканчивает Лисипп. Простой ремесленник, литейщик из Сикиона,

Лисипп силой своего художественного таланта достиг мировой славы и во многих отношениях превзошел своих предшественников и современников. В противоположность «старикам», художникам времени Перикла, придававшим своим произведениям торжественный, сверхчеловеческий идеальный образ, Лисипп индивидуализировал искусство, открыв тем самым блестящую эру греческого портретного искусства. О характере лисипповского творчества дает представление Апоксиоменос, мраморная статуя атлета, очищающего железной скребницей с себя пыль. Лисипп порвал со старым художественным каноном пропорций и принял новые отношения частей изображаемых человеческих фигур, более соответствовавшие реалистическому направлению художественного творчества всей его эпохи. Из скульптурных произведений Лисиппа большой известностью пользовались бронзовые и мраморные статуи Александра Македонского и композиция, изображавшая битву при Гранике. Реалистические черты, присущие греческой скульптуре IV в., свойственны также и живописи. Из массы художников-живописцев этого периода наиболее типичен для эпохи Апеллес из Колофона — античный Рафаэль (конец IV в.). Подобно Лисиппу, Апеллес особенно прославился своими портретами Александра. На современников работы его производили огромное впечатление. Можно сказать, острил Филипп, отец Александра, что существуют два Александра, непобедимый Александр, сын Филиппа и неподражаемый Александр Апеллеса. В портретах Александра работы Апеллеса более всего удивление и восторг вызывали необычайно тонкое моделирование фигур и реалистичность изображения. Рассказывали, что при виде нарисованного Апеллесом коня Александра настоящие лошади ржали, принимая изображение за настоящую лошадь. Не меньшей славой пользовалось также и другое произведение Апеллеса — Афродита Анадоуменская, выходящая из воды, написанная для храма Асклепия, на острове Косе. Современников и художников последующих поколений более всего приводило в восторг изображение волос богини. Работа была совершенна до такой степени, что последующие мастера не могли ничего прибавить к тому, что было сделано Апеллесом. Математическая правильность рисунка, модуляция фигур, психологическая тонкость передачи характеров и душевных переживаний, колоритность и яркость красок — таковы отличительные качества художественного творчества Апеллеса. Помимо личной одаренности и прекрасной школы, Апеллес совершенством своих рисунков во многом обязан усовершенствованию в приготовлении красок, так называемой энкавистике, искусству особым образом приготовлять восковые краски. Искусство энкавистики состояло в смешении восковых красок с металлом, что делало краски более твердыми и придавало им особый металлический блеск.

Живопись, как и вообще все эллинские искусства, имела не только художественно-эстетическое, но также и большое практическое значение. Художественная промышленность на всех эта-

нах греческого общества занимала одно из первых мест в национальном производстве. Развившись из гончарного ремесла (керамики), живопись со своей стороны оказала влияние на рисунок керамических изделий. Старые амфоры V в. с красными фигурами на черном фоне в художественном отношении уступали место амфорам более позднего времени — длинным, высоким сосудам из белой глины с узким горлышком, украшенным разноцветными рисунками (лекифы).

* * *

Таковой в главных чертах представляется нам греческая культура классического периода. Классическим периодом греческая история и культура однако еще далеко не заканчивается. Это лишь один этап в многовековой истории Эллады. За классическим периодом последовал эллинистический период, во многих отношениях затмивший классический период. Чем больше расширяются наши знания по истории античного мира, тем больше вырисовываются контуры эллинистических обществ. Вследствие этого картина античной культуры становится обширнее, ярче, но зато и сложнее.

XV. МАКЕДОНСКИЙ ПЕРИОД

1. Возвышение Македонии

Политическая история Греции послепелопоннесского периода характеризуется частой сменой гегемоний одних полисов другими. Среди греческих государств послепелопоннесского периода наибольшим влиянием в самой Греции пользовались: второй афинский морской союз, союз беотийских городов под гегемонией Фив, Фессалийское государство Язона Ферского, объединившее почти всю Фессалию и имевшее выход в Пагасейский залив и Эгейское море, Сицилийское государство на западе и Македонское на северо-востоке. Каждое из названных государств претендовало на роль панэллинского гегемона.

Больше всего шансов на эту роль имело Сицилийское государство Дионисиев, включавшее в себя большую часть сицилийских полисов и полисов южной Италии. Сицилийский военный и торговый флот господствовал в водах Тирренского и Адриатического морей. Сицилийские тираны вели активную внешнюю политику. Наемническая армия требовала больших расходов и соответствующего запаса иногородных земель, необходимых для раздач и постоянных подарков офицерам и солдатам. К этому присоединялись еще расходы на праздники, постройки, подарки фаворитам и фавориткам. Главным же источником доходов помимо эксплоатации рабов и свободных, как и прежде, оставалась война. Отсюда становится понятным, почему в жизни и в литературе последних столетий Греции столь большое внимание уделялось войне, военной технике и военным проблемам.

Превращению Сицилии в общегреческого гегемона помешала сложная внешняя политика на западе — напряженные и длительные войны с Карфагеном.

Благоприятнее всего международная ситуация сложилась для Македонии, шаг за шагом распространявшей свои владения на Фракийском побережье и продвигавшейся в глубь Греции. К середине IV в. большая часть эллинского мира находилась под гегемонией

македонских царей. Афинский морской союз распался во время Союзнической войны (357—355 гг.). Спарта и тем более все остальные полисы не могли оказать Македонии сколько-нибудь значительного сопротивления.

Предшествующая история Македонии в основном схожа с историей других известных нам античных общин. В этническом отношении македонцы, по господствующему в науке мнению, близки к грекам. Македонское население составилось из смешения греческих, главным образом фессалийских племен с северными иллирийско-фракийскими племенами. Македонский диалект близок фессалийскому. Социально-политический строй Македонии еще в конце V и IV столетий сохранял многие черты гомеровского строя. Во главе государства стоял царь, опиравшийся на военно-родовую аристократию, так называемых спутников (гетайров), землевладельцев и скотоводов. Основную массу македонского населения составляли пастухи и хлебопашцы, частью свободные, частью зависимые. Из ремесел в Македонии были развиты: горное дело, разработка леса, приготовление дегтя и смолы. Жители прибрежной полосы с успехом занимались рыболовством и торговлей. В классический период независимых полисов Македония почти не играла никакой роли в общеэллинских делах. Рост Македонии начался с Пелопоннесской войны, будучи следствием внутреннего развития Македонии и исключительно благоприятной международной конъюнктуры. В конце V и в самом начале IV в. при царе Архелае (419—399 гг. до н. э.) Македония занимает уже важное место среди греческих держав. Подобно другим тиранам, Архелай содержит богатый двор, проявляет интерес к эллинской культуре, считаясь знатоком и покровителем ее. При дворе Архелая между прочим жил «умнейший из всех эллинов» афинский трагик Эврипид, написавший специальную драму «Архелай», посвященную македонскому царю-меценату. Продолжателем Архелая был Филипп II (с 359 г.), настоящий создатель Македонской державы. С именем Филиппа связана крупная военная реформа, создание знаменитой македонской фаланги, эллинизированной ассиро-вавилонской и персидской сомкнутой пешей и конной колонны. Македонское войско состояло из наемников и туземных крестьянских ополчений, предводительствуемых местными князьями. Самостоятельность местных князей (басилевсов) при Филиппе была ослаблена, и старая родовая аристократия постепенно превращалась в служилую аристократию (дворянство).

Опираясь на силу своего войска, Филипп в короткий срок овладел всем Македоно-фракийским побережьем, занятым греческими, главным образом афинскими колониями, богатыми минералами и корабельным лесом, городами Амфиполисом и Пидной, золотоносной горной областью Пангэем, затем под власть Македонии отошел город Олинф с зависимыми от него крупными и мелкими городами.

Таким образом к середине IV столетия Македония из второстепенного окраинного полуварварского государства превратилась в перво-

классную державу, заявлявшую права на мировую гегемонию и в конце концов достигшую этой гегемонии.

Быстрый рост Македонии стоял в самой непосредственной связи с общим положением дел во всей Элладе. После подъема первой половины IV столетия греческие полисы под влиянием внешних и внутренних войн начали слабеть. Старые классические полисы изживали самих себя. Непрекращавшиеся войны и внутренние перевороты вконец расшатали хозяйственный и политический строй полисов. Вторжения врагов уничтожали виноградные и масличные насаждения и фруктовые посадки, разрушали ирригационные сооружения, захватывали скот, освобождали или уводили в плен рабов и т. д., — одним словом расстраивали хозяйство, а вместе с ним общественную и индивидуальную жизнь. При таком положении вещей естественно о сколько-нибудь серьезном сопротивлении внешнему врагу не могло быть и речи. Кроме того, и это самое главное, в самих полисах — Афинах, Спарте и Фивах — имелось немало сторонников «сильной власти» македонского царя, долженствующего, по их мнению, избавить Элладу от внутренней анархии и политической слабости. Как раз именно в этот период и создается образ идеального монарха, долженствующего возродить одряхлевшую Элладу. «Если сам не можешь владеть оружием, то надо дружить с теми, кто им умеет владеть» — таков был лозунг сторонников сильной власти. К друзьям Македонии, как увидим из следующей главы, принадлежали главным образом состоятельные элементы, возглавляемые «профессорской партией» Академии во главе с ее председателем Ксенократом. «Профессорская партия, — говорит Бернайс, автор интересной монографии «Фокион и его новые судьи», — собрала под свое знамя все, что сохранилось от партии землевладельцев и олигархов, направив свою деятельность на реставрацию «великого, единого греческого государства, чего многие так давно желали». Кроме аристократии и интеллигенции монархическую программу поддерживали также те группы купцов и демиургов, интересы которых совпадали с направлением македонской политики.

2. Македонская партия в Афинах

Из всех греческих государств с историей возвышения Македонии теснее всего связаны Афины, что и заставляет нас вновь обратиться к истории Афин середины IV столетия. Выше было указано, что возвышение Македонии могло совершиться лишь при поддержке некоторых групп, действующих в старых полисах, в особенности в Афинах. Первые шаги македонских царей на Македоно-фракийском побережье, послужившие исходной точкой дальнейших македонских завоеваний, вызывались соображениями экономического порядка растущей северной державы. Северные страны представляли огромные экономические выгоды афинской и македонской торговле. С севера, в особенности из Фракии и Македонии, афиняне получали массу зерна, строительного материала,

дегтя, смолы, необходимых для кораблестроения, и наконец север в это время сделался главным рынком по закупке и продаже рабов. Торговля с севером производилась при посредстве греческих (афинских) купцов, заинтересованных в поддержании мирных отношений и в союзе с северными державами и прежде всего конечно с самой крупной из

Улица мертвых в Афинах

них — **Македонией**. По всему северному берегу с его великолепными гаванями — Ферма (Фессалоники), Амфиполис и др. — проживало много греческих торговцев, ремесленников, финансистов и служилых людей, интересы которых сплетались с македонскими интересами. Это **ядро будущей македонской партии**. Основателем македонской партии в Афинах считается афинский финансист **Эвбул**, принадлежавший к умеренной группе афинских олигархов-консерваторов. По соображениям политического характера Эвбул уменьшил сумму раздач, повысил пошлины и произвел некоторые существенные изменения в афинском бюджете. Одну из важнейших бюджетных статей Афин в то время составляла северная торговля, отсюда стремление Эвбула и его единомышленников упрочить связи и войти в соглашение с северными странами. На той же точке зрения защиты интересов афинской торговли стоял популярный афинский адвокат **Эсхин**, секретарь Эвбула, лидер македонской партии. К Эвбулу и Эсхину примыкал популярный командир афинских войск стратег **Фокион**, стоявший за союз с Македонией по военным соображениям. Теоретическое оформление македонской партии дал знаменитый греческий философ **Аристотель**, македонец по происхождению, друг македонского царя Филиппа.

Помимо экономических интересов у афинских консерваторов имелись еще и другие, **политические соображения**, толкавшие их в сторону Македонии. Все более расширявшаяся и углублявшаяся классовая борьба грозила полным разорением афинской плутократии. Всевозможные экстраординарные налоги (литургии) возрастали с каждым днем, держа афинских богачей под постоянной угрозой полного разорения. Это обстоятельство и направило внимание афинских консерваторов на север. Чем больше крепла Македония, тем более олигархи всех греческих полисов возлагали надежду на македонского царя как на освободителя от ненавистной им диктатуры охлоса. К этим двум главным причинам популярности македонской партии присоединилась еще третья причина — угроза **войны с Персией**, исконным соперником и врагом Македонии. Политическая анархия, царившая в эллинском мире с конца Пелопоннесской войны, соответственным образом была использована Персией. Персидский царь Артаксеркс III Ох вновь подчинил персидскому влиянию малоазийское побережье и готовился утвердить свою гегемонию на островах Эгейского бассейна и захватить проливы. В Афинах и в других греческих полисах война с персами казалась неизбежной и имела много сторонников. На необходимости войны с Персией сходились самые разные группировки. Особенно много сторонников война с Персией находила среди военных элементов, рассчитывающих на скорую победу и огромную добычу. Однако всем было ясно, что истощенные греческие полисы собственными силами уже не в состоянии сплотить всю Элладу и провести предстоящую кампанию. Вследствие этого приходилось искать вождя и вдохновителя похода на Восток где-либо на стороне. Все преимущества и в этом отношении находились на стороне Македонии, к тому времени уже далеко продвинувшейся в своем объединении.

С наибольшей обстоятельностью программа македонской партии изложена в «Ареопагитике» (380 г.) **Исократа**, афинского адвоката и ритора, профессора красноречия. Горячий приверженец демократического строя Афин, Исократ постепенно менял свои убеждения и сначала перешел на сторону Сицилии и Фессалии, а затем на сторону македонского царя Филиппа. Ход мыслей Исократа следующий. Во главе Греции должны стоять Афины — экономический и культурный центр Средиземноморья. Насущной потребностью момента является возрождение некогда славного Афинского государства, разрушенного постоянными междоусобиями и обедневшего.

«Наша родина теперь стала пустыней,— говорит Исократ, — одни погибли от насилия, другие на чужбине скитаются со своими семьями, из страха вынужденные сражаться против своих же братьев греков». Единственным выходом из создавшегося положения Исократ считает войну с персами. Греки должны отомстить персам за поругание святынь, — таков официальный мотив войны, что же касается исхода войны, то он не может вызвать каких-либо сомнений. Персия фактически уже давно завоевана греками. Это единственная война, заявляет

Исократ в своем обращении к Филиппу, которая лучше, чем мир, потому что она оставляет нас в спокойном обладании своего достатка и обещает приобретение больших богатств на чужбине.

«Перенесем войну в Азию, а счастье Азии к себе!»

Открыв простор греческому предпринимательскому духу, поход на Восток в то же самое время освободит, по мнению Исократа, Грецию от массы безработного, бездомного люмпен-пролетариата и даст работу «бродячим элементам», угрожающим самому существованию эллинского государства и культуры.

«Пусть одушевленное патриотической идеей воинство сделает Грецию обладательницей неисчерпаемых финансовых сил Востока, центром мирового обмена!» (Исократ, Филипп, 65).

Эсхин
(мраморная статуя)

Призыв Исократа к войне с Персией встречал горячее сочувствие в Афинах, крайне раздраженных недавно подписанным **Анталкидовым миром** (387 г.). Анталкидов мир, продиктованный Афинам Артаксерксом Охом, восстанавливал персидский протекторат на восточном берегу Эгейского моря, покровительствовал финикийским городам (Тир, Сидон, Газа), конкурентам Афин, а в самой Греции гегемонию передавал Спарте. Таким образом Афины по сути дела возвращались к status quo до Персидских войн. Ликвидировались все результаты Персидских войн. Первое время Исократ, как и все «афинские патриоты», возлагал надежду на собственную мощь Афин или на помощь Афин,

Спарты и Фив. Однако вскоре обнаружилась вся несостоятельность этой надежды. Провал общегреческого конгресса, долженствовавшего создать панэллинскую федерацию, с одной стороны, и разгром Спарты при Левктрах, с другой, убедили «афинских патриотов» в полной невозможности возрождения Греции собственными силами. Вследствие этого приходилось искать объединителя и вождя где-либо на стороне. Наиболее популярной и родственной грекам державой в то время была Сицилия, но она была ослаблена продолжительными внутренними войнами и войнами с Карфагеном и Римом и потому не могла взять на себя роль «великого мессии», Греции.

Исократ
(мраморный бюст)

После этого в греческом мире остались две силы, которые могли и стремились принять на себя «великую миссию» объединения и организации «крестового» похода на Восток. Два северных тирана претендовали на организацию похода против персов и на общегреческую гегемонию: фессалийский таг (вождь) Язон и македонский царь Филипп. После того как Фессалийское объединение после смерти Язона (370 г.) ослабело, единственным крупным центром в Греции оставалась Македония, на которую отныне и направились взоры «афинских патриотов». С помощью «царя-варвара» афинские патриоты надеялись достичь того, чего греки не могли достичь собственными силами, т. е. объединения Греции, с одной стороны, и возрождения классического полиса, с другой. В объединенной Греко-македонской державе руководящую роль, как уже было сказано, должны были занять Афины как крупный торговый и финансовый центр. В письмах к Филиппу, в так называемых «ф и л и п п и к а х» Исократ указывает македонскому царю на его высокую историческую роль освободителя эллинского народа от всех бед и несчастий как внешних, так и внутренних.

«Если ты действительно есть достойный потомок Геракла, то сделай все это, и тогда все будут обязаны тебе величайшей благодарностью — греки за те благодеяния, которые ты им окажешь, а македоняне за то, что ты будешь над ними закономерным государем, а не самодержцем. Весь же остальной род человеческий за то, что что ты освободишь эллинов от варварского деспотизма, после этого всех людей осчастливишь эллинской культурой».

В случае же отказа Филиппа выполнить свое великое историческое призвание, писал Исократ, Греции грозит внутренняя катастрофа. Она погибнет от бродячих элементов, сикофантов (доносчиков) и от «дурных ораторов и демагогов». Если мы не остановим беспрестанный рост бродячих (деклассированных) элементов соответствующей социальной организацией, то они в конце концов погубят не только самую Грецию, но также Македонию и варварские государства. Рядовые люди, загипнотизированные «царями кафедры» и живущие за счет государства, не понимают всей важности переживаемого исторического момента. Но ты, обращается Исократ к Филиппу, человек возвышенного образа мыслей, глубокий знаток и ценитель эллинской культуры (филэллен), бесспорно понимаешь всю важность событий и найдешь выход из настоящего, поистине трагического положения. Тем более, что выход предначертан самой историей.

«Если ты сделаешь это, то не только доставишь им (варварам) благополучие, но и нас всех обеспечишь покоем» (Исократ, Филипп, 50).

В большей или меньшей степени точку зрения Исократа разделяли и все другие члены македонской партии, в том числе и глава афинского Ликея философ Аристотель.

3. Социально-политические взгляды Аристотеля

Под влиянием вышеописанных событий — страстной борьбы партий вокруг македонского вопроса, окончательно сложились философские и политические взгляды Аристотеля, ученого идеолога македонской партии. По своему происхождению Аристотель (384—322 гг.), как мы знаем, принадлежал к придворной партии македонского царя. Его отец Никомах был придворным врачом Филиппа. Восемнадцати лет Аристотель покинул Македонию и переселился в Афины, оставаясь по своим симпатиям и связям настоящим македонцем. Свое научное образование Аристотель получил в Академии Платона и в течение всей своей жизни сохранял дружбу со своим учителем.

Исходный пункт политических рассуждений Платона и Аристотеля одинаков. Оба мыслителя, оставаясь идеологами рабовладельческого полиса, стремятся предохранить полис от разложения, приспособляя его к новым условиям согласно своей общей философии. В то время как Платон, считая подлинной реальностью не действительный мир, а надземный мир идей, проповедывал политический индиферентизм, Аристотель учил, что счастье человека (эвдаймония) достигается не отказом от реального мира, а наоборот, активным участием в жизни и прежде всего в политической жизни, направляемой высшим идеалом (Аристотель, Этика, 12). В противоположность софистам и в полном согласии с Платоном, Аристотель полагает, что эвдаймония может быть достигнута только в коллективе и что человек по своей природе существо общественное (дзо̀он политикòн). На выяснение соци-

альных связей между людьми и должно быть направлено внимание социального философа. Простейшей социальной ячейкой, лежащей в основе всех других более сложных социальных образований, Аристотель считает семью, а самой высшей — государство. С целью выяснения внутренних законов, управляющих жизнью обществ, Аристотель занимается изучением конкретных обществ и уже на основе исторического материала устанавливает основные социологические законы, которыми должен руководствоваться практический деятель, политик. Подобно тому как основой устойчивости организма признается симметрия в разных функциях организма, точно так же и наиболее устойчивым государством будет государство с правильным распределением государственных функций и соответствующим положением их носителей. Носителями же высших функций, государственным мозгом, должны быть избранные, интеллектуально сильные люди отчасти напоминающие платоновских царей-философов.

В формулировании своего политического идеала Аристотель крайне осторожен. Идеальным государством в глазах Аристотеля является полития. Однако полития или, как выражается Аристотель, лучшая полития не исключает существования и других политических форм, обусловленных конкретными обстоятельствами. Одна и та же политическая форма (монархия, аристократия, демократия и полития) в различных условиях может быть лучшей и худшей формой. Все зависит от конкретных условий. При этом одна политическая форма может переходить в другую: полития в олигархию, демократия — в монархию и т. д. Вопрос о переворотах и изменении политических форм занимает центральное место в системе Аристотеля (Политика, VIII). В конечном итоге Аристотель приходит к выводу, совершенно в духе македонской партии, что идеальным строем является социальная монархия, сочетающая в себе элементы демократии, аристократии и монархии и как бы «стоящая над классами». «Царь, — говорит Аристотель, — должен быть общественным стражем, не допускающим, чтобы богатые терпели несправедливости, а народ страдал от произвола» (Политика, VIII). При этом Аристотель старается провести резкую грань между монархией и тиранией как извращением монархии, покоящейся не на праве, а на насилии.

Все это вполне соответствовало идеалам македонских политиков, врагов «крайней» демократии.

4. Антимакедонская партия

Македонской партии противостояла другая — антимакедонская партия. И здесь экономические интересы имели решающее значение. К антимакедонской партии склонялись все, чьи интересы расходились с великодержавной политикой македонских царей. Прежде всего сюда принадлежали торговые элементы, связанные с Черным

морем и не желавшие выпускать из своих рук противы и северо-восточный (черноморский) рынок. Далее, к антимакедонской же партии примыкали афинские оружейники, не желавшие уступать македонскому царю монополию производства оружия, и наконец масса средней и мелкой демократии, привыкшая к старому укладу мелкой кантональной жизни и боявшаяся северного «варвара» как разрушителя священных традиций демократических порядков. В глазах демократической массы победа Македонии означала конец афинской демократической конституции с ее раздачами, народными судами, зрелищными деньгами, общими голосованиями и пр. Для многих афинян демократический полис был главным источником их существования, и отмена демократических порядков была равносильна закрытию этого источника.

Во главе антимакедонской партии стоял знаменитый афинский трибун Демосфен (384—322 гг.). Демосфен был горячим приверженцем афинских демократических учреждений и к тому же владельцем большого оружейного эргастерия. Кроме Демосфена, из видных деятелей к антимакедонской партии принадлежал известный афинский финансист Ликург, соперник Эвбула, адвокат Гиперид и много других представителей афинской интеллигенции. Основным требованием антимакедонской партии было сохранение демократической конституции. Вождь партии Демосфен, один из величайших греческих ораторов, в своих речах и выступлениях постоянно напоминал о великом прошлом Афин, о силе и величии политической свободы. Ценность речей Демосфена как исторического источника заключается в том, что эти речи вводят нас в гущу социально-политической жизни Афин, ярко рисуя внутреннее разложение афинской демократии накануне македонской гегемонии. В своих выступлениях великий трибун умирающих Афин, сравнивая классическую демократию с современной ему демократией, приходит к печальным выводам. Прежнее свободолюбие греков исчезло, как дым. Великие политические проблемы ушли в прошлое, исчезли чувства национальной гордости и воинственности, так выгодно отличавшие эллинов от варваров. Все теперь продано на рынке! Интерес к общественным делам, патриотизм, храбрость, самопожертвование и выдержанность старых афинян в настоящее время сменились единственным желанием — не платить налогов, не нести военной службы и получать государственное вспомоществование.

«Теперь же все раскуплено, как продажный товар, и выменено на то, что повергло Элладу в непоправимое бедствие. На что же именно? На зависть тому, кто что-нибудь урвал, на смех, когда он этим хвастает, на ненависть к тому, кто это осуждает, — короче, на все, чем обыкновенно сопровождается низкая продажность. Кораблей, войск, денег, запасов и всего, чем принято измерять силу государства, теперь у нас гораздо более, чем прежде, но все это делается негодным, бесполезным, недействительным благодаря тому, что все это стало предметом гнусного торга».

В своей критике македонской партии и Филиппа Демосфен не

щадил ни слов, ни энергии. Македонский царь, говорил Демосфен, в одной из своих филиппик, не имеет никакого отношения ни к Греции, ни к греческой культуре. Это — варвар, тиран, деспот, который не спасет, а задушит последние остатки эллинской независимости, свободолюбия и культуры.

Все приверженцы македонской партии, уверяющие афинян в филэллинстве македонского варвара, состоят у него на содержании и подкупают раздачами из македонских денег и обманами несчастный, потерявший голову афинский демос.

«В коварных замыслах македонца не может быть никакого сомнения. Единственная цель, к осуществлению которой стремится Филипп, состоит в ограблении Эллады, в отнятии ее естественных богатств, торговых и стратегических пунктов. В качестве же средства для достижения своих гнусных намерений Филипп пользуется раздором и несогласием среди самих эллинов. Не говоря уже об Олинфе, Метоне и тридцати двух городах Фракии, истребленных им с неслыханной жестокостью, не говоря об истреблении фокийцев, он отнял у городов Фессалии свободу и государственное устройство, посадил в качестве тиранов своих агентов в Эвбее, в таком близком расстоянии от Афин. И разве не говорит он в своих посланиях: «Я живу в мире с тем, кто мне повинуется»... Он идет на Геллеспонт, он занимает такой важный город Пелопоннеса, как Элида, недавно он хотел завладеть и Мегарой. Для жадности этого человека мало и всей Эллады и всей земли варваров! А эллины молчат, их города разобщены и бессильны, и каждый даже считает для себя выгодной погибель другого. Вы предоставляете ему по произволу распоряжаться эллинской свободой и без дальних рассуждений нападать на один эллинский народ за другим, грабить их и насильственно заключать города их в оковы».

Положительная часть программы антимакедонской партии сводилась к образованию союза независимых греческих полисов и затем к национальной войне с Македонией, планомерно захватывавшей Север и продвигавшейся в глубь Греции. Бесспорно, указывал Демосфен, настоящее положение в высшей степени критическое, но все же еще есть возможность остановить движение македонцев. Пока афинские корабли целы, все от мала до велика должны взяться за дело. Когда же волны начнут хлестать через борты корабля, то уже будет потеряно все, и все усилия окажутся тщетными...

«Я еще раз напоминаю вам, афинские граждане, — говорил Демосфен в другом своем выступлении в экклесии, — что мы еще живы и обладаем величайшим городом, богатыми средствами и пользуемся наилучшей славой!.. Итак, спрашиваю я вас, какова же при настоящем положении вещей должна быть тактика Афин?»

«Прежде всего мы должны вооружиться сами и приготовиться к обороне, снаряжая суда, собирая деньги и ополчения. Если все другие греки склоняются под ярмо, то по крайней мере мы должны бороться за свободу!»

«Вот что, афинские граждане, я советую вам и устно и письменно. Думаю, что если это случится, то еще есть возможность помочь нашему делу. Если кто может предложить что-нибудь лучшее, то пусть предложит это лучшее на наше обсуждение. Пусть бессмертные боги направят к вашему благу все, что бы вы ни постановили!» (Филиппика, III).

Демосфен
(мраморная статуя)

Ближайшим поводом для демосфеновских филиппик послужила «священная война» между союзом фокидских и беотийских городов (356 г.). Дело было в следующем: фокидский тиран, нуждавшийся в деньгах для вербовки наемников, захватил сокровища Дельфийского храма и затем с помощью навербованного наемного войска начал захватывать пограничные с Фокидой города Фессалии и Беотии. В ответ на эти действия против Фокиды составился союз беотийских и фессалийских городов. Но этот союз не мог справиться с фокейцами. Тогда блюстители Дельфийского храма (дельфийские амфиктионы) обратились за помощью к Филиппу. Немедленно была послана македонская фаланга, в первом же сражении разбившая фокейцев. Права Дельфийского храма были восстановлены, а фокейцы обложены данью в пользу храма и исключены из Дельфийской амфиктионии. С этого времени главой Дельфийской амфиктионии делается

Филипп, претендовавший на объединение всей Греции под македонской гегемонией.

Завоевания македонцев на севере продолжались. Филократов мир (346 г.), заключенный между Афинами и Филиппом, признал за Македонией все северное побережье от иллирийских границ до Босфора и по другой линии до Фермопил. Халкидские города, из-за которых собственно и возник конфликт, либо переходили на сторону Македонии либо же были разрушены. Особенно чувствительна для Афин была потеря Херсонеса, важнейшего опорного пункта на севере.

При таком критическом положении Демосфену в конце концов удалось зажечь воинственный пыл афинской экклесии, тем более что союз с Македонией затрагивал интересы самых различных групп афинского общества, не ожидавших для себя ничего хорошего от союза с воинственным северным соседом. К антимакедонской партии присоединилось несколько других полисов — Беотия, Хиос, Родос, Халкида, Византия, Коринф и Аркадия, боявшихся македонской конкуренции и своего порабощения «варварской» державой. Финансовую помощь должны были оказать персы, поддерживавшие антимакедонскую партию из-за боязни Македонии — своего старого конкурента в Эгейском море. Со своей стороны Демосфен и другие вожди возлагали большие надежды на персидские субсидии и отвлечение части македонских сил на северо-восток. Первое время дела эллинской «национальной армии» пошли успешно, но через некоторое время обнаружились военные и финансовые превосходства македонцев. Филипп вторгся в Грецию и в 338 г. при Херонее македонская фаланга сокрушила «национальную армию» союзников. Две трети греческого ополчения попало в плен, тысяча человек остались на поле сражения, остальные рассеялись. Сам македонский царь, рассказывает биограф Демосфена Плутарх, во время херонейского боя совершенно озверел. После сражения Филипп напился пьян, устроил попойку и танцы среди трупов погибших афинян и их союзников, повторяя пьяным голосом: «Демосфен, сын Демосфена, постановил...» Протрезвившись же, он пришел в ужас от всего происшедшего. Царь, говорит Плутарх, прекрасно понимал, что великий Демосфен в течение какого-либо часа силой своего слова достигал того, что македонский царь-варвар не мог достичь в течение всей своей жизни. О каких-либо дальнейших попытках противостоять Филиппу после херонейского разгрома не могло быть и речи. Не помогла даже крайняя мера, к которой прибегали греки в критические периоды своей истории, — отпуск на волю рабов, занятых в рудниках, эргастериях, сельском хозяйстве и т. д. Демосфен, недавно награжденный золотым венком и полновластный диктатор Афин, должен был теперь покинуть Афины и уйти в изгнание. После этого антимакедонская партия распалась.

Помимо военно-технических превосходств Македонии поражение демосфеновской группы обусловливалось характером самой ее программы. Высшим идеалом Демосфена оставалась старая демократическая Гре-

ция, не имевшая в это время уже никаких социально-экономических корней. Демократические группы, на которые думал опереться Демосфен, были экономически слабы и малочисленны и не способны к длительной напряженной борьбе.

Пришедшая после херонейского разгрома к власти македонская партия немедленно обратилась с мирными предложениями к Филиппу, а этого-то последний только и ожидал. Мирные предложения с полным удовлетворением были приняты македонским царем, опасавшимся заключения греко-персидского союза. По инициативе царя в следующем, 337 г. до н. э., собрался общегреческий конгресс (синедрион) в Коринфе, состоявший из делегатов всех греческих полисов, расположенных к югу от Фермопил. Первым делом конгресс провозгласил всеобщий мир и установил принципы будущей греческой федерации, затем в торжественных выражениях была провозглашена неприкосновенность священной частной собственности и строжайше запрещались какие-либо переделы земли, кассации долгов, освобождение рабов и «вообще все подобного рода революционные акты». Между вновь образованной греческой федерацией и Македонией заключался оборонительный и наступательный союз. Отдельным полисам и областям гарантировалась автономия. Коринфский синедрион, собственно говоря, и закончил историю классической Греции. Старые державы эллинского мира — Афины и Спарта — после провозглашения автономии мелких общин, что означало фактический роспуск союзов, сходят на степень второстепенных кантонов. Вершителем же судеб эллинского мира с этого времени становится Македония, и центр греческой политики передвигается на север. Как было отмечено выше, Македонское царство явилось следствием действия многих, нередко противоположных сил. С одной стороны, объединительное движение шло от северных стран, втягивавшихся в общегреческую историю. С другой стороны, навстречу этому движению шли некоторые группировки в самой Элладе, выразителем которых в Афинах был Исократ. Здесь кончается история эллинских полисов и начинается история Македонского царства и вышедших из него послемакедонских (эллинистических) царств, продолжавшаяся около двухсот лет (IV—II вв. до н. э.).

5. Эллинизация Востока и Македонская империя

Коринфский синедрион полностью осуществил программу македонских группировок. Первая часть, т. е. обеспечение священных прав частной собственности, была выполнена, оставалось реализовать вторую, главную часть македонской программы — завоевание Азии.

Несмотря на внутреннюю неустойчивость греческих полисов или даже благодаря этой неустойчивости проникновение греков на территорию Персии все время продолжалось, приняв особенно обширные размеры в конце Пелопоннесской войны. Заключение оборонительного и наступательного союза между греческими полисами и Филиппом знамено-

вало новую фазу в истории эллинизации (подчинение греческому влиянию) Востока. Неорганизованный колониальный поток с этого времени превращался в организованное захватническое движение, возглавляемое македонским царем. Первое место в этом движении принадлежало торговым и военным элементам греко-македонской национальности. На эти элементы в основном и опиралась Македонская монархия Филиппа и его сына Александра.

Во всех провинциях, подвластных персидскому царю, находились греческие наемники, купцы, предприниматели, интеллигенты и авантюристы всех видов. Греки с одинаковым рвением служили как персидскому царю, так и его противникам. Исследования Буше-Леклерка («История Лагидов»), Магаффи («История Птолемеев»), Холла («Рим, Греция и Эллинистические монархии») и др. показали, что эллинизация была особенно сильна в Египте. Еще в Саисский период египетской истории (VIII в. до н. э.) фараон Псамметих I навербовал отряд греческих наемников для войны с Ассирией. Приблизительно к тому же столетию относится и основание города Навкратиса в дельте Нила — первой крупной колонии греков на египетской почве. В V в. до н. э. греки приняли участие в восстании египтян против персов, окончившемся временным освобождением Египта от персидского протектората. На египетской службе состояли знаменитые греческие командиры Хабрий, Агесилай, Леофант, Ламиас и др. Во всех сколько-нибудь значительных городах Востока имелись греческие кварталы, пользовавшиеся особыми привилегиями. Военное дело, торговля, промышленность и финансы находились в греческих руках.

«На Востоке (в Египте), — писал греческий поэт Геронд, — можно найти все: золото, деньги, армию, вино, палестру, синее небо, славу, зрелища, философов, сводников, священные алтари, царя, женщин — словом все».

Отношение греков к Востоку было чрезвычайно своеобразно и противоречиво. С одной стороны, они считали жителей восточных стран и восточные порядки варварскими, а с другой, до крайней степени идеализировали Восток, в особенности древний Египет и древнюю Индию. Идеализация Востока начинает входить в моду со времени Пелопоннесской войны. И в этом отношении впереди других стоял неутомимый, экспансивный Исократ. Отражая настроение «афинских плутократов», Исократ противопоставлял демократические Афины восточным порядкам. Сравнение оказывалось совсем не в пользу Афин. Восток, писал Исократ, во всех отношениях опередил Элладу: в отношении наук, искусств, ремесл и даже в отношении политического строя. Например в отношении ремесла египтяне и индусы превосходят все народы так, как хороший мастер превосходит простого рабочего. Главная же причина совершенства восточных порядков заключается, по мнению Исократа, в далеко идущем разделении труда и наличии каст. В Египте и Индии физический труд выполняется особой кастой рабочих, дела культа сосредоточены в руках наслед-

ственной касты жрецов, управление — в руках касты государственных чиновников и т. д. Между тем как в Греции большой помехой техническому прогрессу являются, по Исократу, развитая общественная жизнь, частые собрания, суды и, главное, частая смена профессий (Исократ, Бусирис, 8). Таким образом социально-экономическая и идеологическая почва завоевания Востока была подготовлена. Оставалось только оформить и закрепить то, что создавалось в течение долгого исторического процесса. Македонцы выполнили эту задачу.

6. Завоевание Востока

Вслед за Коринфским синедрионом, определившим количество войск и расходов каждого города в предстоящей войне, начались спешные приготовления к походу. Однако немедленному осуществлению плана помешал дворцовый переворот, жертвой которого сделался сам Филипп, убитый по проискам одной из своих жен. После обычных для восточных царств дворцовых смут и интриг верх взяла партия Олимпиады — первой жены Филиппа, поддержанной военными командирами. Под давлением гвардии царем Македонии был провозглашен Александр — сын Филиппа от Олимпиады, имевший тогда всего 20 лет отроду. После жестокой расправы с врагами и столь же жестокого усмирения восставших народностей, подчиненных Македонии, Александр в 334 г. до н. э. двинул в Азию, к Геллеспонту 35 тысяч отборной греко-македонской пехоты и кавалерии. Момент похода был выбран как нельзя более удачно. Персидское царство Ахеменидов находилось в состоянии разложения. Западные части Персии, втянутые в греческую торговлю, стремились оторваться от Персии. Каждый город, каждый персидский сатрап стремился к автономии, не желая подчиняться центральному правительству. Особенно критическим было положение в Египте, издавна тяготившемся зависимостью от персов. Наиболее надежной частью Персии на Средиземноморском побережье была Финикия — торговый конкурент Греции. В отношении военной техники персы во всех отношениях уступали грекам. Персидская армия была плохо вооружена, не имела осадных машин, тяжело вооруженной кавалерии и т. д. Персидские солдаты-крестьяне воевали неохотно, убегали с поля сражения, военная дисциплина была совершенно расшатана. Каждый сатрап действовал на свой риск и страх. Единственной крепкой частью персидской армии были греческие наемники, возглавляемые военными профессионалами, полковниками (кондотьери). С характером греческих наемных войск знакомит нас «Поход десяти тысяч греков» (Анабазис) афинского историка Ксенофонта, непосредственного участника этих «десяти тысяч», завербованных на службу Киром Младшим, братом Артаксеркса. Боеспособность и дисциплина наемных полков стояли высоко, однако хищнические инстинкты наемников, грабивших и истреблявших все, встречавшееся на пути их следования, превосходили их высокую боеспособность.

С помощью греческих наемников персидский главнокомандующий Мемнон, грек, состоявший на персидской службе, в течение нескольких месяцев с небольшим отрядом энергично отбивался от македонской армии Пармениона, друга и главного советника по военным делам Александра. Особенно дорого стоила македонцам осада города Галикарнаса, где закрепился Мемнон. Лишь после того как Мемнон был отравлен, македонцам удалось удержать за собою Азиатское побережье. После этого начинается серия крупных поражений персидской армии, окончившихся разгромом Персии и присоединением ее к Македонии. Первый раз крупные македонские и персидские силы встретились на севере Азиатского побережья при реке Гранике (331 г.) в жестоком конном сражении. Персидская кавалерия была опрокинута, часть ее бежала, часть попала в плен. Масса пленных персов, захваченных при Гранике, была отправлена закованная в цепях в Македонию и обращена в рабство. За Граником последовал разгром главной персидской армии при Иссе (333 г.). В числе пленных оказались жена, мать и дочь Дария, отпущенные затем на свободу за колоссальный выкуп в 10 тыс. талантов.

Своими блестящими успехами македонцы обязаны были не столько своей армии и талантам своих командиров, сколько сочувствию и поддержке малоазийских городов, соперничавших друг с другом и своей двойственной политикой страшно ослаблявших боеспособность персов. Дамаск, Эфес, Сидон, Арад, Библос и много второстепенных городов держали сторону македонцев против персов, в изобилии снабжая их деньгами и людьми. Из больших городов наибольшее сопротивление Александру оказал финикийский город Тир, величайший город Сирии, задержавший движение македонской армии и флота почти на целый год. Лишь после семимесячной осады в 332 г. город был взят с суши и с моря и жестоко разгромлен. Восемь тысяч тирийцев пало в сражении и тридцать тысяч продано в рабство. Вслед за Тиром пала вторая сильная финикийская крепость — Газа — и была решена судьба Египта — богатейшей части античного мира, разоренной и ограбленной персами. В Египте Александр использовал силу жрецов бога Амона-Ра, провозгласивших Александра сыном солнца и законным наследником древних фараонов.

На вопрос Александра, не скрываются ли в храме убийцы его отца, жрец ответил, что он удивляется кощунству Александра, спрашивающего об убийцах его отца, как будто бы он был человек, а не бессмертный бог. Тогда царь, переменив форму вопроса, спросил: позволяет ли ему их бог Амон сделаться владыкой вселенной. Оракул отвечал, что бог позволяет ему совершить это. За все это Александр сделал храму великолепные подарки, а жителям Оаза, где стоял храм, роздал деньги и даровал некоторые льготы. Также заискивающе милостиво Александр обошелся и с финикийскими жрецами, осыпая их подарками и устроив для них праздники и состязания в дифирамбах и трагедиях.

Весной 331 г. до н. э. македонская армия вышла из Египта, взяв

путь на Месопотамию и Вавилон. Вблизи древней Ниневии, у ассирийской деревни Г а в г а м е л ы (331 г.), македонцы настигли армию Дария и в кровавой битве отбросили ее на восток, в глубь Персии. Огромное персидское войско было разбито, а сам Дарий бежал в свои среднеазиатские владения, где и был убит. По преданию персы в этой битве потеряли 90 тыс. человек. Яркое описание боя при Гавгамеле дает Плутарх в биографии Александра, составленной на основании богатого материала мемуаров и историй современников.

Александр Македонский
(мраморный бюст)

«Александр погнал разбитые войска к центру, где стоял Дарий. Он увидел его издали, в глубине выстроившихся впереди царских эскадронов. То был красивый и рослый мужчина, стоявший в высокой колеснице, его окружало множество всадников в блестящем вооружении, в плотных рядах выстроившихся вокруг колесницы и готовых дать отпор неприятелю. Александр навел на них вблизи ужас. Он опрокинул беглецов на тех, которые оставались еще в рядах. В испуге большинство обратилось в бегство. Но самые храбрые и знатные из них, убиваемые в глазах царя и падавшие друг на друга, мешали преследованию. Борясь со смертью, они цеплялись за всадников и лошадей». (П л у т а р х, Александр, 28).

В руки победителя попали важнейшие города Персии — Вавилон и Сузы, со всеми их огромными богатствами. В одних только Сузах Александр захватил, по преданию, 50 тыс. сер. талантов (около 75 млн. руб.). Движение македонской армии в глубь Персидского царства продолжалось безостановочно. Последним крупным городом Персии, попавшим в руки македонцев, был город П е р с е п о л ь, доставивший победителям 120 тыс. талантов. Для вывоза такого количества сокровищ потребовалась тысяча пар мулов и три тысячи повозок. Своими успехами в аграрных областях Персии македонцы были обязаны прежде всего крестьянам, подданным персидских царей, смотревшим на ма-

кедонцев, как на ниспосланных небом избавителей от векового рабства и гнета.

Наиболее трудной частью похода оказалась индийская кампания. Весной 327 г. Александр с 135-тысячной армией направился в Индию, нанеся поражение индусам при Низе, и быстрым маршем дошел до Инда. В 326 г. македонцы встретились с главными силами индусов, с царем Пором, и одержали над ним победу при Гидаспе, но здесь они понесли такие серьезные потери, что о переправе через Ганг и о продвижении в глубь страны не могло быть и речи. Вследствие настойчивого требования солдат и в связи с развившимися в армии болезнями Александр отказался от продолжения похода и счел кампанию законченной.

Дойдя до океана, македоняне разделились на две части. Одна часть вместе с царем пошла на запад по суше через прибрежную пустыню Гедрозии (Белуджистан), остальная же армия под предводительством адмирала Неарха направилась морем в устье Евфрата, обогнув Персидский залив.

Окончание военной кампании, как сказано, было вызвано недовольством солдат. За время похода македонская армия совершенно разложилась, превратившись в настоящую мародерскую армию. Во время переходов по пустыням солдаты терпели всевозможные лишения: недостаток воды, голод, страдали от непривычного климата, страшных ливней, разливов рек, всевозможных болезней, укусов змей, нападений врагов и диких зверей. Санитарная часть совершенно расстроилась, лошади и вьючные животные падали от жары и переутомления. Постоянно то в одном, то в другом месте вспыхивали солдатские бунты и открыто высказывалось недовольство походом. К тому же все время приходили известия о восстаниях в Греции, об отложении провинций, об измене сатрапов, о заговорах и пр. Для поддержания настроения армии организовывались развлечения, игры, состязания, праздники и пр. После каждого успешного перехода и сражения устраивались попойки, на которых все, и прежде всего сам царь, напивались до потери сознания. Так, после перехода Кармании была устроена грандиозная попойка, продолжавшаяся несколько дней. За царем следовало бесчисленное количество колесниц, покрытых пурпуром, коврами и зеленью.

«Здесь, — говорит Плутарх, — нельзя было увидеть ни щита, ни шлема, ни сариссы. Всю дорогу солдаты черпали вино из больших бочек и кратеров фиалами, бокалами и коринфскими кубками и пили один за здоровье другого. Одни продолжали итти вперед, другие падали на-земь. Везде раздавались звуки дудок и флейт, пение и игра на арфе и виднелись пьяные женщины. В этой бесшабашной, странствующей, так сказать, процессии можно было встретить все вольности вакханалий. Казалось, что сам Дионис участвует в этой процессии и сопровождает ее» (Плутарх, Александр, 57).

Не менее грандиозное пьянство было устроено в Гидрозии, одной

из восточных провинций Персии. Пьяный царь смотрел состязания и награждал действующих лиц венками и деньгами. Во время одной из таких попоек произошла ссора между царем и его другом Клитом. Персы из свиты Александра стали оскорблять македонцев, упрекая их в трусости. Это задело самолюбие македонского офицерства, в том числе и Клита, отличавшегося вспыльчивым и дерзким характером. Сочувственное отношение Александра к насмешкам над македонцами взбесило Клита, от обороны перешедшего в нападение.

«Так можно обращаться с персами-рабами, а не с свободными македонцами», — закричал Клит.

В ответ на это последовал удар копьем, пущенным царем и насмерть сразившим Клита.

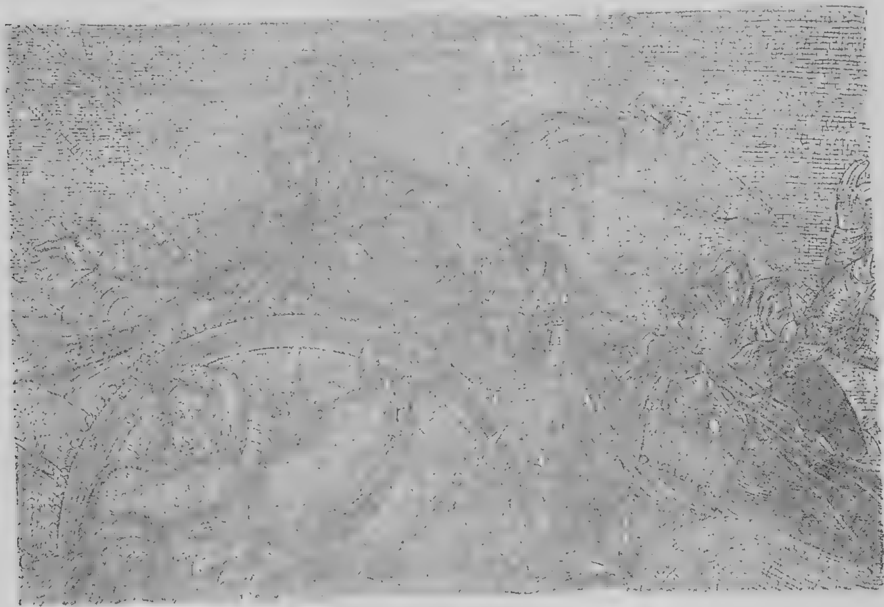
В отдаленной исторической перспективе в изображении древних и новых художников Александр, сидящий верхом на его славном коне Буцефале, заслоняет своей фигурой всю остальную армию. Конечно не так было в действительности. Македонский царь, малоопытный и непостоянный в своих решениях, целиком зависел от своего штаба. Фактическим главой всех македонских операций был не Александр, а Парменион, античный Людендорф. «Друзья» Александра (Парменион, Филот сын Пармениона, Гефестион, Кратер, Клит и др.), штаб-офицеры македонской армии, собственно и руководили кампанией. С целью снискать себе расположение командиров отдельных частей Александр делал им большие подарки, раздавал чины и устраивал попойки. Штаб македонского царя образовал ядро будущей аристократии (служилого сословия или имперского дворянства) эллинистических царств, вышедших из Македонской империи.

В течение нескольких лет составилась колоссальная М а к е д о н с к а я и м п е р и я, простиравшаяся от отрогов Сибири и северо-восточной границы Индии до Италии под верховенством «варварской» Македонии. Столицей нового царства был сделан один из древнейших городов античного мира — В а в и л о н. Что касается организации империи, то Александр в общем сохранил старую персидскую организацию по сатрапиям. Сохранены были не только учреждения, но во многих случаях даже и люди. Самое же главное — были сохранены старые производственные основы. Завоевание Востока значительно облегчалось тем, что производственные тенденции в греческих и восточных странах в то время были одинаковы. В обоих случаях движение шло от рабовладения в страну феодализма — от рабского способа производства к мелкой аренде колонатного типа. Вследствие этого в глазах массы восточного населения утверждение македонцев было не более, как заменой одной (туземной) аристократии другой (греко-македонской). Такого гигантского объединения античный мир еще никогда не видел. Поэтому совершенно понятно то не поддающееся передаче впечатление, которое образование Македонского царства произвело на умы граждан греческих кантонов (полисов).

«Мы, — говорил в афинской экклесии лидер македонской партии

Империя Александра Македонского

Эсхин, — переживаем исключительный период мировой истории. История наших дней должна показаться сказкой грядущим поколениям. Персидский царь, который так еще недавно требовал от эллинов земли и воды и осмеливался называть себя в своих письмах владыкою всех людей от восхода до заката, теперь тот же самый царь борется уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь. Фивы, соседние нам Фивы, в один день были исторгнуты из сердца Эллады. Пусть они заслужили эту кару своей неразумной политикой, но ведь слепыми и безумными они стали не по собственной вине, а по вине богов. Несчастные лакедемоняне, которые некогда заявляли претензии на верховенство над эллинами, теперь в знак своего поражения будут посланы к Александру как заложники на полную волю победителя, перед которым они так тяжело провинились, и их участь будет зависеть от его милосердия. А наш город, убежище всех эллинов, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у нас помощи, каждое для своего города, — он борется теперь уже не за гегемонию Эллады, а за собственный клочок земли».



Дарий в битве при Иссе
(мозаика из Помпеи)

Ту же самую мысль о непрочности и переменчивости человеческого счастья несколько лет спустя высказал афинский философ Деметрий из Фалерона.

«Если бы пятьдесят лет назад, — писал Деметрий, — какой-нибудь бог предсказал будущее персам, или персидскому царю, или македонянам, или царю македонян, — разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен почти весь мир, останется одно имя, и что македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, будут теперь владычествовать над миром? Поистине не постоянна наша судьба. Все устраивает она вопреки ожиданию человека и являет свое могущество в чудесном. И теперь, как мне кажется, она лишь затем передала македонянам счастье персов, чтобы показать, что и последним она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока пожелает распорядиться ими иначе».

7. Распад Македонской державы

Слова Деметрия о непрочности Македонского царства оправдались. Государство Александра ни в каком отношении не представляло единого целого. Это было соединение самых различных стран и народов, достигнутое военным путем и державшееся почти исключительно на наемниках. Кратковременная история Александра (336—323 гг.) полна военных мятежей, восстаний и заговоров. Даже в самом штабе царя существовала оппозиция против Александра, стоившая жизни лучшим генералам его армии — Клиту, Пармениону, придворному историографу Каллисфену, племяннику Аристотеля Гермолаю и др. Македонские и азиатские солдаты, находившиеся на службе у Александра, совершенно вышли из повиновения, и действовали на свой риск и страх. Между македонцами и туземцами происходили постоянные столкновения на национальной почве. Число македонцев, несших в своих завоевательных походах огромные потери, быстро сокращалось, и царю приходилось пополнять свои армии туземными элементами. К тому же туземные элементы во многом оказывались более надежными, чем греко-македонские наемники, истощенные тяжелыми переходами, отбившиеся от дисциплины и жаждавшие только одного — возвращения на родину. Отсюда стремление Александра пополнить свои военные кадры туземцами. Одним из проявлений этого стремления был грандиозный свадебный праздник, устроенный македонским царем в Сузах (324 г.). По приказу царя произошло бракосочетание македонских солдат и командиров с персианками. Сам Александр женился на персианке Роксане, затем на Статире, дочери Дария и наконец на Парисатиде, дочери Артаксеркса Оха.

Смерть застала Александра в Вавилоне в 323 г., во время приготовления к новым великим завоеваниям. В его планы входило: обследовать берега Аравии, расширить водные сооружения Евфрата, соединить Каспийское (Гирканское) море с океаном, построить грандиозные храмы в Вавилоне, Делосе, Дельфах и многое другое, что должно было прославить «всеобщего устроителя и примирителя» Александра.

Неожиданная смерть царя послужила поводом к окончательному разложению царства Александра. Единственной крупной

организованной силой после смерти Александра осталась армия, но и в ней не было единства. Демократическая пехота ненавидела привилегированную часть македонского войска — олигархическую кавалерию и собственную царскую гвардию, вербовавшуюся по преимуществу из туземной аристократии. Кроме того армия состояла из нескольких самостоятельных корпусов, находившихся под командой враждовавших друг с другом командиров. Среди соратников Александра наибольшим авторитетом пользовались: фессалийский грек Эвмен из Кардии, при жизни Александра державший в своих руках все нити управления, Птолемей, сын Лага, Селевк, Антигон Гонат, Пердикка и др. На короткое время регентство перешло к Пердикке и его заместителю по военным делам Кратеру. Однако установившиеся временно отношения между командирами, связанными друг с другом личной дружбой и династическими браками, продолжались недолго. Вскоре началась кровопролитная война между преемниками Александра — диадохами (наследниками) и эпигонами (наследниками наследников). Война велась со страшным ожесточением. Первый самый острый период этой войны, продолжавшийся более четырех лет, окончился битвой при Ипсе в Малой Азии во Фригии (301 г.). В этих войнах погибли лучшие старые командиры александровой армии — Пердикка, Антипатр, Полиперхон и наиболее талантливый из них Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет. Одновременно с этим кипела борьба и происходили восстания во всех частях обширной империи. Особенно сложно и бурно протекала в эти десятилетия история Греции. Постоянные смены правителей, страшное истощение, массы наемнического элемента, резкие классовые антагонизмы, рабские восстания и т. п. — все вместе взятое превратило Грецию в один сплошной кипящий котел. Один государственный переворот следовал за другим, одна партия сменяла другую, демократы изгоняли олигархов, а возвращавшиеся олигархи преследовали и изгоняли демократов. Конфискации, ссылки, литургии, земельные переделы, кассации долгов и пр., следовавшие один за другими, глубоко внедрялись в эллинскую жизнь. Эллада в течение многих лет была театром опустошительных войн, разорений и внутренних переворотов.

Из всех восстаний, последовавших за смертью Александра, наибольших размеров достигло восстание в Греции, известное под именем Ламийской войны (323 г.). Причиной войны была боязнь Афин выпустить из своих рук Геллеспонт, а также страх афинских демократов перед возможностью, в случае провозглашения всеобщей амнистии возвращения эмигрантов, претендовавших на свои старые земли и дома, перешедшие к новым владельцам. Установившееся после Херонейской битвы (338 г.) и до начала новой войны относительное спокойствие способствовало оживлению афинского ремесла и торговли; увеличились торговые пошлины, а в период управления известного финансиста Ликурга несколько окреп государственный бюджет. В Афинах вновь закипела строительная деятельность, возросла сухопутная армия, был создан флот в 400 судов. Подняла голову антимакедонская партия, и на исто-

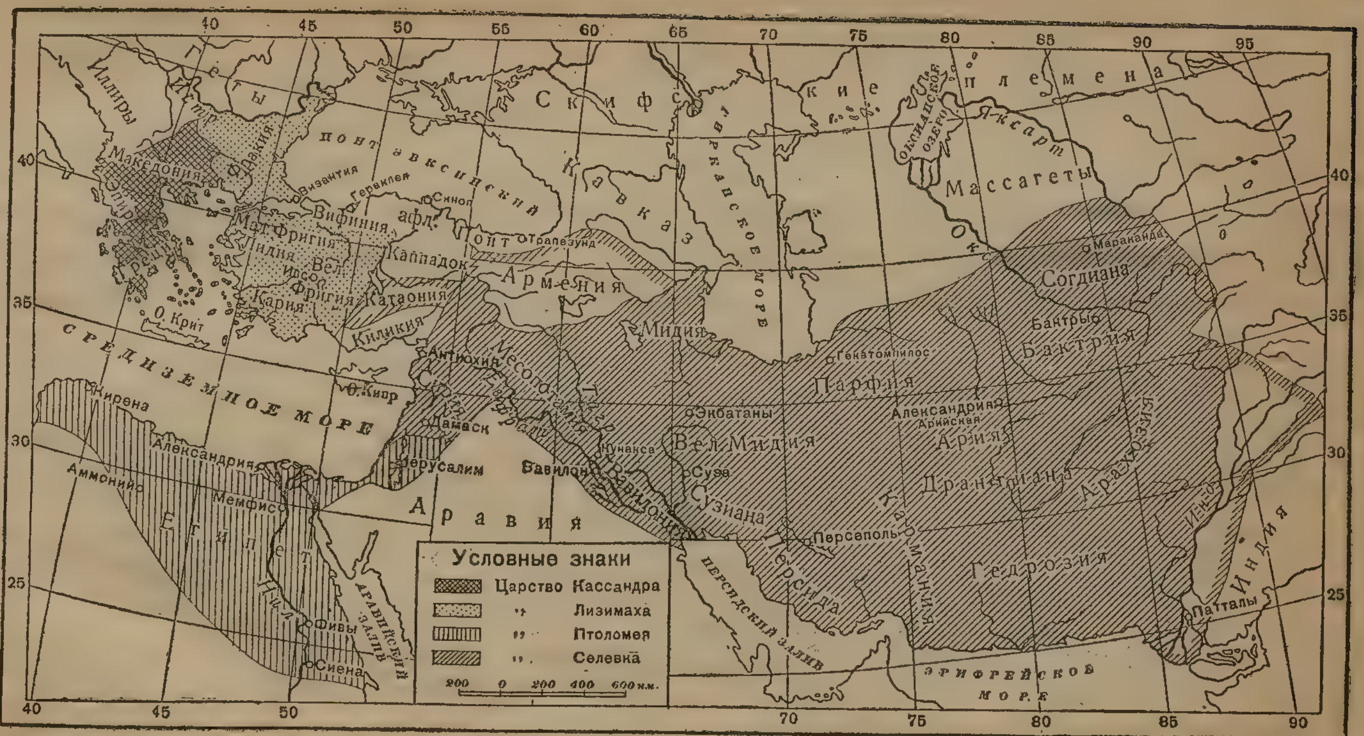
рической арене вновь появились вожди этой партии: Гиперид и Демосфен. Момент для освободительной войны казался как нельзя более подходящим. Не беря на себя всю ответственность за войну, антимакедонская партия решила использовать восстание ветеранов александровой армии, вспыхнувшее в то время в Пелопоннесе. Во главе восставших ветеранов, с окончанием войны оставшихся без работы, стоял энергичный наемнический командир Леосфен, давний недруг Александра. Вследствие незначительности македонского гарнизона, стоявшего в Пелопоннесе, Леосфену удалось нанести несколько поражений македонцам. После этого на сторону Леосфена перешли афиняне. Таким путем составилась внушительная армия, сумевшая нанести поражение македонскому наместнику Антипатру при городе Ламии в Фессалии. Однако ламийская кампания показала как сильные, так и слабые стороны греческих армий. Эти армии были слишком пестры, многонациональны, слабо дисциплинированы и не имели общей цели войны. В самый разгар военной кампании возгорелась вражда между афинянами и фиванцами, погубившая все дело. Наемники, составлявшие ядро греческой армии, на войну смотрели лишь как на заработок и были готовы служить всякому, кто имел больше денег. Вследствие этого Антипатру не стоило большого труда расстроить греческую армию и подавить восстание. С другой стороны, несомненно также и то, что Ламийская война обнаружила всю внутреннюю слабость оставшегося после смерти Александра огромного политического наследства. После подавления восстания Греция была жестоко опустошена, демократическая партия распалась, Демосфен и Гиперид отравились, все важные пункты были заняты македонскими гарнизонами.

После жестокого разгрома в Ламийской войне (322 г.) наместником Македонии Антипатром Эллада в течение многих лет не могла оправиться и объединиться для новой «национальной войны» с македонцами. Лишь в середине следующего, III столетия до н. э., Афины в союзе со Спартой попытались сбросить македонское иго. Но и эта Хремонидова война (267—266 гг.), получившая свое название от зачинщика войны афинянина Хремонида, ученика и друга стоика Зенона, окончилась так же неудачно для греческих патриотов, как и предшествующая Ламийская.

Около 300 г. сошли с исторической сцены диадохи, современники Александра, уступившие место эпигонам. После целой серии войн, миров и переделов территорий к концу III в. из Македонского царства Александра выделились три крупных государства: Египет, территория в 150 тыс. *кв. км* с династией Птолемеев (потомков Птолемея Лага), Сирия, территория в 3 млн. *кв. км* (династия Селевка) и собственно Македония (династия Антигона) в 75 тыс. *кв. км.* Мирные отношения между этими царствами постоянно прерывались войнами, вызывавшимися не только экономическими, но также и династическими причинами. Из экономических противоречий между этими эллинистическими царствами чаще всего поводом к войнам служили палестино-финикий-

ское побережье (Египет и Сирия), с одной стороны, и Геллеспонт (Сирия и Македония), с другой. Обладание этими местами скрещения торговых путей означало гегемонию в Эгейском море и торговую монополию. Первое время перевес имели Птолемеи, создавшие большую империю, включавшую в себя, помимо самого Египта, владения в Палестине, Финикии, Сирии, южной и средней Малой Азии. С начала II в. держава Птолемеев слабеет и перевес отклоняется в сторону Селевкидов. Однако Селевкиды оказались еще менее пригодными для роли мирового объединителя, нежели Птолемеи или даже Антигониды. Центробежные силы в царстве Селевкидов действовали сильнее, чем в каком бы то ни было другом царстве. Из других царств после эпохи Александра следует отметить Пергамское царство со столицей в городе Пергаме в Малой Азии на реке Каике. Сначала Пергамское царство входило в состав государства Селевкидов, затем превратилось в вассальное государство Сирии и наконец со времени Евмена I стало совершенно самостоятельным государством. Из еще более мелких государств в этот период большой вес приобрел остров Родос. Своим блестящим расцветом Родос обязан географическому положению — на перекрестке важнейших торговых путей с востока на Грецию и далее в Италию и в обратном направлении. Родосский военный и торговый флот считался одним из могущественных флотов Средиземноморского бассейна. Не меньшей известностью пользовался также родосский невольнический рынок, насчитывавший десятки тысяч предназначавшихся к продаже рабов, доставляемых сюда со всех концов мира. Что же касается самой Македонии, то она, вследствие передвижения торговых центров на Восток и потери торговой монополии на Эгейском море, постепенно сходила на степень второстепенной державы эллинского мира и наконец подчинилась Риму.

Из негреческих государств, окружавших эллинский мир и влиявших на его экономику, наибольшее значение имели: Боспорское царство, с столицей в Пантикапее, Скифское и Сарматское государства в степях южной России, Эпир на Балканском полуострове, Парфия и Бактрия в Средней Азии, Кирена, Нубия и Карфаген в Африке, Рим в Италии. Каждая из этих областей имела свою собственную историю, свои традиции, нравы, обычаи и культуру. Экономическими центрами этих царств служили приморские города, отчасти древнего происхождения, а отчасти основанные македонцами. Главным городом царства Птолемеев была основанная Александром в устье Нила Александрия, Селевкидов — Антиохия, Эфес и Иерусалим, Македонии — Пеллы, Кассандрея, Фессалоники и др.



Царства диадохов (преемников Александра)

XVI. ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

1. Сущность эллинизма

Период греческой истории от битвы при Ипсе и до подчинения греческих государств Риму (IV—II вв. до н. э.) в исторической науке принято называть эллинистической эпохой или эпохой эллинизма.

В буржуазной науке эллинизм принято рассматривать прежде всего как культурное явление, как распространение греческой культуры в завоеванных Македонией странах. На такой точке зрения стоит например известный немецкий историк Юлиус Кэрст, автор капитальной «Истории эллинизма» (в двух томах). Великое дело эллинизма, говорит Кэрст, есть распространение греческого национального духа (Verdreitung des griechischen Menschentums) во всем мире, или пользуясь греческим термином, эллинизация всей Ойкумены. Идея Ойкумены сама по себе есть создание греческой культуры. Эллинизация Ойкумены таким образом означает не только внешнее мировое господство эллинизма, но одновременно и самую глубокую внутреннюю связь со всем миром. Это характерная черта эллинизма. Уже довольно рано проявляется стремление греческого духа, исходя из собственного мышления, воспринимать мир как нечто цельное. Широкое распространение греческой культуры по всей заселенной земной поверхности, которому положило основание мировое господство Александра Великого, сделало действительно возможным осуществление присущих греческому гению тенденций овладеть «всем миром». Эллинизм становится средством мировой культуры.

«Эллинизм, — по Кэрсту, — это преобразование национального эллинства в чисто культурный элемент, называющий своей родиной весь мир».

В своем определении эллинизма как «внутреннего продолжения греческого духа» Кэрст близко примыкает к Дройзену, автору капитальной, в некоторых частях еще и до настоящего времени не утратившей своего значения «Истории эллинизма». Дройзен, собственно, и ввел самый термин эллинизм. Наряду с этим в западной литературе

существует взгляд на эллинизм как на параллель современной западноевропейской культуры. На такой точке зрения стоит например Карл Нейман в «Развитии и задачах античной истории». К. Нейман эллинизм рассматривает как соединение эллинского и восточного духа. В сближении эллинизма и западноевропейской современности далее всего идет Ростовцев, отождествляющий экономический строй эллинистических обществ с европейско-американским капитализмом XIX—XX вв.

Все аналогии античных хозяйственных форм с капитализмом отпадают сами собой при признании античной (рабовладельческой) формации как определенного этапа в эволюции человеческого общества. В последующем изложении эллинизм рассматривается как последняя фаза греческого рабовладельческого общества. Рабство в эпоху эллинизма достигает своего кульминационного пункта, распространяясь даже на такие области, как Дорида, Локрида, Акарнания, Этолия и т. п. О количестве захватываемых рабов можно судить хотя бы по одному факту единовременного захвата этолийцами в 242 г. в Лаконии 50 тыс. рабов. Косвенно о большом количестве рабов свидетельствуют частые массовые восстания рабов и вообще роль рабов в жизни эллинских обществ IV—II вв. Но расцвет рабства, как мы видели, был и началом его разложения. Самый сложный вопрос этой эпохи — вопрос о соотношении различных видов труда в промышленности и сельском хозяйстве. Последние исследования в этой области все более убеждают в необходимости индивидуализировать отдельные области. Процесс разложения рабства и феодализации более всего захватил восточно-эллинистические страны: Египет, Сирию и др. Напротив, в старых эллинских полисах в Аттике, Родосе Делосе и в особенности в Сицилии преобладающей формой хозяйства оставалось рабовладельческое хозяйство. Все это свидетельствует о том, что в хозяйстве эллинистической эпохи имелась масса всевозможных противоречий, вообще характерных для античных рабовладельческих обществ. Эллинизм — блестящая, но короткая полоса в античной истории. «Высочайший внутренний расцвет Греции, — замечает Маркс, — совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра». Правда, внешний блеск эллинистических государств был вызван не столько внутренним органическим ростом производительных сил, сколько приходящими причинами — захватом плодородных территорий, присвоением несметных богатств, лежавших мертвым капиталом в тезаврах персидских царей и даровой рабочей силы рабов и крепостных.

В общем история эллинистических обществ охватывает около 200 лет (IV—II вв.). Эллинистическая культура во всех отношениях представляет синтез эллинских и древневосточных порядков. В хозяйственной области это синтез рабовладения и мелкой полусвободной аренды типа колоната, в социально-политической — соединение элементов автономного города (полиса) и восточного царства, в идеологии — проникновения восточных (теократических) элементов в греческую культуру. В собственном смысле эллинистическими странами назы-

вают страны Древнего востока — Египет и Переднюю Азию. Однако в различной степени восточному влиянию подверглись также и эллинские полисы: Афины, Спарта, Сицилия и др. Господствующей формой в этих странах в этот период была тирания, представляющая своеобразную смесь эллинской демократии и восточного деспотизма. Внешняя и внутренняя история эллинизма чрезвычайно сложна, и в настоящем очерке может быть прослежена лишь в самом общем виде.

2. Эллинистический Египет

Из всех эллинистических обществ наиболее известна история Египта благодаря сохранившимся на египетской почве папирусам. Вследствие этого Египет и взят за основу последующего изложения истории эллинистических обществ. Открытие папирусов составило целую эпоху в истории античной экономики и вообще в истории античной культуры. Папирус — болотное растение тростниковой породы — употреблялось в античности в качестве письменного материала. Его соответствующим образом прессовали, намазывали воскообразным веществом и писали на нем острой палочкой (стилусом). Исписанные папирусы использовались в качестве оберточной бумаги, между прочим для завертывания «священных крокодилов», почитавшихся божественными животными и погребавшихся на особых крокодиловых кладбищах. Крокодиловы кладбища в Египте сослужили огромную службу исторической науке. В 80-х годах прошлого века несколько таких кладбищ были разрыты, найденные в них папирусы прочитаны и с этого времени введены в качестве ценного материала при изучении истории античного мира. В последующее время в Египте (в особенности близ города Оксиринха) найдены целые мусорные горы (комы) в 50—80 метров высоты, образовавшиеся из скопления всякого рода мусора — золы, тряпья, соломы, черепков и папирусов. Благодаря благоприятным климатическим условиям верхние слои ком не подверглись действию почвенных вод и гниению. Папирусы сохранились лишь на египетской почве. Для других частей античного мира их отчасти заменяют н а д п и с и и материалы, добываемые археологическими изысканиями. Но конечно ни то, ни другое не может по богатству и разнообразию содержания итти в какое-либо сравнение с папирусами. Это исключительно богатый материал. Папирусы, как выражается один из лучших знатоков папирологии и античной истории немецкий ученый Ульрих Вилькен, произвели целую революцию в исторической науке, открыв такие стороны античного общества, о существовании которых раньше даже и не предполагали.

3. Царские, храмовые и служилые поместья

Эллинистические общества в течение всей своей истории оставались аграрными обществами. Завоевание Востока во много раз увеличило территорию старого эллинского мира. Большая часть завоеванной терри-

тории (хора дориктетос) попала в руки царей, служилого сословия, храмов, городов и частично была оставлена за туземной аристократией. Образование крупного землевладения, начавшееся в предшествующий период, в эллинистическую эпоху достигает своего полного расцвета. Классической страной натурального хозяйства всегда был Египет. Самым крупным землевладельцем и первым помещиком Египта был царь. Царская земля занимала большую часть территории страны. Об отношении царской земли ко всем другим категориям земельной собственности Египта дает представление распределение земельной собственности около небольшого селения Керкеозириса, известное нам из одного папируса. Из 1 230 гектаров (4 700 арур) территории Керкеозириса 700 гектар (2 430 арур) принадлежало царю. За царем следовали храмы, занимавшие в хозяйстве эллинистического Египта то же самое положение, какое они имели и в Древнем Египте фараонов. Следующей за храмами категорией землевладения были дарственные поместья служилого сословия и бюрократии. Старые ученые, пользовавшиеся ограниченным материалом и схематично подходившие к истории античного мира, отрицали существование крупного частного землевладения во всех эллинистических обществах, в том числе и в Египте. В настоящее время в самом факте существования в эллинистических государствах частного землевладения не приходится сомневаться. Недавно открытая группа папирусов (папирусы Зенона) знакомят нас с крупным частным землевладением в Египте. Папирусы содержат деловую переписку министра финансов (диойкета) грека Аполлония со своим управляющим Зеноном. Аполлоний имеет несколько «царственных поместий» в общей сложности до 10 тыс. арур (арура — около 4 гектаров), подаренных ему царем Птолемеем Филадельфом. Бо́льшая часть земель Аполлония, используемая под зерновые культуры, отдавалась в аренду (эмфитевсис) мелким арендаторам непосредственно или через откупщиков. Меньшая часть была отведена под садово-огородные культуры (виноград, маслины, фиги, финики, тыква, чечевица, миндаль и технические растения — лен, конопля, хлопковые породы) и обрабатывалась силами самого поместья, рабами и свободными. Из ответных писем Зенона к Аполлонию видно, что в поместье идет большая работа: производится мелиорация, строится вилла, часовня, амбары, сарай, винные погреба, баня, стойла для скота и пр. В своем отчете управляющий вводит своего хозяина во все подробности его ежедневной деятельности. Сообщая о том, что ему нужно сделать в течение одного дня, Зенон между прочим пишет, что он намеревается: спросить некоего Геродота относительно козьей шерсти, спросить Аминия, продал ли он шерсть, написать письмо Аноскориду относительно баржи, заключить договор с Тимофеем относительно поставок жертвенных жаровен, написать Мелитону относительно 12 пар палок, подпорок для винограда, и т. д. и т. д.

К числу египетских помещиков средней руки принадлежал например отставной офицер Гемелла, владевший землями близ Файюма, тоже

известный нам из папирусов. Переписка Гемеллы с одним из своих управляющих касается тех же самых вопросов, что и переписка Аполлония с Зеноном. Хозяин, проживающий в городе, зорко следит за состоянием своего хозяйства. Он спрашивает Эпагонта (имя управляющего), в исправности ли оросительная система, проведена ли вода на оливковые плантации, хорошо ли пропахана земля, вскопан ли пар и т. д. В конце письма ревнивый хозяин выражает свое неудовольствие по поводу некоторых промахов и небрежности Эпагонта. «Я удивляюсь, — пишет Гемелла, — почему ты еще не покончил с уборкой поля и сжал только одну его половину, за это я даю тебе строгий выговор. Наконец посмотри, окончена ли оливковая посадка около Дионисия, и если нет, то сделай это немедленно в ближайшие же дни».

В другом письме Гемелла упрекает своего управляющего за гибель двух поросят во время их перевозки из соседнего города.

«На Гераклида, погонщика ослов, вина конечно не падает, так как ты, по его словам, приказал ему гнать поросят всю дорогу».

Таких сановных особ, как диойкет Аполлоний, было конечно немного. Бо́льшая же часть служилых людей имела небольшие наделы и принадлежала к средним и мелким помещикам. В источниках упоминаются владения в 5, 10, 25, 30, 100, 200, 300, 400, 2 тыс. и 10 тыс. арур.

Самый факт существования в эллинистическом Египте поместий не подлежит сомнению. Наличие поместий однако еще не означает существования поместной системы в том виде, как это имело место в Западной Европе в феодальный период. В античном мире ни в эллинистический, ни в предшествующий ему период поместной системы в строгом смысле не существовало. По этой причине в эллинистических царствах не образовалось и класса помещиков-сеньеров западноевропейского типа с их строго проведенной сословной иерархией, гербами, сеньериальным судом, собственной монетой и т. д. Эллинистический, как и древневосточный помещик при всем своем могуществе всегда оставался чиновником, подчиненным царю и от него зависимым. Даже такая важная персона, как диойкет Аполлоний, не был свободен в своих хозяйственных действиях и должен был считаться с царскими директивами. «Царь приказал нам, — пишет Аполлоний своему интенданту, — дважды засеять поля. Посему, как только будет собран урожай, немедленно же орошай землю или ручным способом или же при помощи водоподъемной машины (архимедова бесконечного винта)... Ни в коем случае не держи воду на полях более шести дней. После орошения поле засевай трехмесячной пшеницей» и т. д. Заключение договоров с отдельными съемщиками и разрешение возникавших на этой почве конфликтов было поставлено под контроль царской администрации и совершалось под непосредственным наблюдением царских контролеров. Точно так же и «царские земледельцы» (государственные крестьяне), составлявшие большинство трудового населения эллинистических царств, во многом отличались от средневековых вилланов. Они не были собственниками

обрабатываемых ими земель, не могли по собственному желанию распоряжаться продуктами своего труда и не могли покинуть обрабатываемый ими участок. На техническом языке подобного рода зависимость носила название приписки к месту жительства (idia или origo). Помимо подушной подати (сюнтаксис) и аренды мелкие земледельцы несли различные барщины и всевозможные повинности.

Среди эллинистических землевладельцев одно из первых мест занимали храмы, владевшие целыми территориями, тысячами рабов и колонов, множеством садов, поместных мастерских, массой всякого рода ценностей и перевозочных средств. Каждый храм, подобно средневековым монастырям, представлял автономную единицу, имел свой собственный устав, свою догму, свои законы и обычаи. Египетские служители культа составляли влиятельную корпорацию — жреческую касту. У каждого храма имелся свой собственный клир, подобно самим храмам делившийся на разряды и группы в зависимости от степени важности занимаемой должности. Во главе клира стояли верховные жрецы (архиепископы), пророки, столисты, следившие за одеянием богов, птерофоры, носившие в религиозных процессиях крылья, и гиерограмматеи (священные писцы), пастофоры, тарифеты и им подобные храмовые чины. Высшим административным органом храма был храмовой совет, а высшим органом всей египетской церкви являлся синод, возглавляемый царем. Время, место и программа конференций синодов определялись царем, и сами заседания происходили под контролем светской администрации. Обычным местом заседаний синодов были города Канопа и Мемфис, старинные религиозные центры. Отношения между жрецами и царем менялись в зависимости от обстоятельств. Ограниченное в правах при первых Птолемеях египетское жречество поднимает голову при последних правителях, в последующий период кризиса и ослабления царской власти. Египет был классовым, теократическим государством с резко выраженными национальными различиями, но очень своеобразно построенным. По внешнему виду это огромный царский домэн или ойкос, по своей территории равнявшийся современной Бельгии. В Египетском государстве патриархальные черты родового строя совмещались с построенным на рациональных началах бюрократическим управлением, с рационально организованными общественными ассоциациями и в техническом отношении совершенной армией наемников и солдат-земледельцев (клерухов) греко-македонской национальности. В тех трудных условиях, в которых оказался греческий мир в период разложения рабовладельческих полисов, египетский строй, во многом представлявший копию древнего Египта фараонов, оказался самым устойчивым. В большинстве случаев клеры были небольшими наделами в 5—20 арур. Вселение клерухов происходило за счет местного населения, у которого отбиралась часть его владений (статмос). Система клерухий, как и очень распространенная в эллинистических обществах эмфитевтическая аренда, восходят, с одной стороны, к классическому полису, а с другой — к эпохе Рамессидов.

4. Царские монополии и откупа

Массу египетского населения, доходившую до 7 млн. человек взрослого населения, составляли крестьяне (колоны) — царские, храмовые и частные земледельцы, жившие отдельными поселками, расположенными на холмах около заливаемых водой долин. Земельно-водная община эллинистического Египта была унаследована от Древнего Египта. Египетские колоны не имели собственности на обрабатываемые ими участки. Верховное право на землю в Египте всегда оставалось за царем, олицетворяющим собою государство. За арендуемые земли колоны платили натуральный оброк — зерном, фруктами, плодами, финиками, скотом и пр. На царских землях сбор оброков производился или непосредственно царскими чиновниками или же при посредстве откупщиков или откупных товариществ. Вначале откупа брались с аукциона добровольно и охотно, а потом, по мере разорения эллинистических обществ, откупные функции выполнялись более состоятельной частью населения в виде тяжелой государственной повинности. Роль откупщиков не ограничивалась только одним сбором оброка. Значение откупщиков в системе египетского и вообще эллинистического хозяйства очень велико. В их права и обязанности входила также организация самого производства и продажи. Откупная система практиковалась не только в сельском хозяйстве, но также и в ремеслах. С практикой откупов в одной из самых важных отраслей египетской экономики — масляном производстве — знакомит нас податной устав египетского царя Птолемея II Филадельфа (285—246 гг.), открытый на папирусе в 1894 г. В распоряжении откупщиков находился целый ряд государственных чиновников — эконом, заместитель эконома, несколько контролеров, контролеры контролеров, секретари, счетчики и пр. Все эти лица, связанные друг с другом круговой порукой, несли ответственность за успешное функционирование царских маслобоен. Устройство, оборудование и охрана маслобоен, как видно из нижеприводимых статей податного устава, составляли главный предмет забот эконома и его персонала.

«Если же эконом и контролер не устроят маслобоен, как предписано в уставе, или не запасут достаточного количества продуктов и благодаря этому откуп потерпит ущерб, то эконом и контролер должны заплатить в казну цифру убытка и оплатить откупщикам в двойном размере за причиненный им ущерб».

Самая же организация производственного процесса предоставлялась откупщикам, имевшим в своем распоряжении администрацию, а в случае надобности и военную силу.

«Откупщик и контролер откупщика, — гласит Податной устав, — должны распоряжаться всеми рабочими данного района (нома), всеми мастерскими и оборудованием и должны запечатывать орудия производства в периоды, когда нет работы. Они должны принуждать рабочих работать ежедневно и при работе должны присутствовать лично».

Кроме того откупщик отвечал за целость орудий производства и за надлежащее их использование. При наличии царских маслобоен частные маслобойни прекращали свое существование. Уставом Филадельфа предписывалось владельцам частных маслобоен сдать в казну к определенному сроку весь свой инвентарь и прекратить производство (Податной устав Филадельфа, 46).

«Что же касается тех, у кого раньше были орудия производства, тот должен в течение 30 дней подать их список откупщику и представителю эконома и контролера и показать чаны и прессы. Откупщики же и представитель эконома и контролера должны переправить эти орудия в царские маслобойни» (49).

Далее «царский устав» запрещает какие бы то ни было сделки между откупщиками и рабочими.

«Ни эконом, ни откупщик не должны входить в сделку с рабочими относительно (излишков) добычи масла. Они не должны также оставлять незапечатанными в маслобойнях орудия производства, когда нет работы. Если же они войдут в сделку с кем-нибудь из рабочих или оставят орудия незапечатанными, то каждый из виновных должен заплатить в казну один талант серебра и оплатить ущерб, причиненный откупу» (44).

Рабочий «царских маслобоен» не может самовольно покинуть мастерскую. За побег и укрывательство рабочих грозил тяжелый штраф.

«Они не должны позволять рабочим, закрепленным за определенным номом, переходить в другой ном. Если же кто из рабочих перейдет, то он может быть принудительно возвращен откупщиком, экономом и контролером».

«Никто не должен укрывать рабочих (из другого нома). Если же кто сознательно укроет рабочего или, получив приказ, не выдаст его, тот должен заплатить за каждого рабочего 3 тыс. драхм, и рабочий должен быть водворен обратно».

Время работы, количество работы и оплата труда в «царских мастерских» нормировались законом.

«Рабочие, — гласил соответствующий параграф податного устава, — должны ежедневно вырабатывать: сесамного семени на каждый чан одну артабу с третью, кротонового семени — четыре артабы, кнека — одну артабу. Выдавать (сдельную плату рабочим) нужно в следующем размере: с четырех артаб сесама..... драхм, с..... артаб кротона четыре драхмы, с .... артаб кнека восемь драхм» и т. д.

Производственная монополия в то же время была и торговой монополией.

Полученные из маслобоен масла откупщики сдавали с торгов крупным и мелким торговцам с обязательством продавать их по установленной законом цене («уставная цена»).

«Заместитель эконома и контролер должны зарегистрировать имена торговцев и лавочников в городах и должны совместно с откупщиком выяснить с ними, сколько им нужно ежедневно подавать масла. В Алек-

сандрии же они должны заключать договоры с провинциальными торговцами каждый месяц, с александрийскими...» (текст оборван).

«Торговцы маслом, получая масло, должны продавать его по цене, обозначенной в тарифе, и не дороже».

Царские монополии простирались лишь на самые важные отрасли производства и торговли и не касались территории городов и поместий.

«В селениях, находящихся на дарственных землях, маслобоен не устраивать», — гласит одна из статей Податного устава.

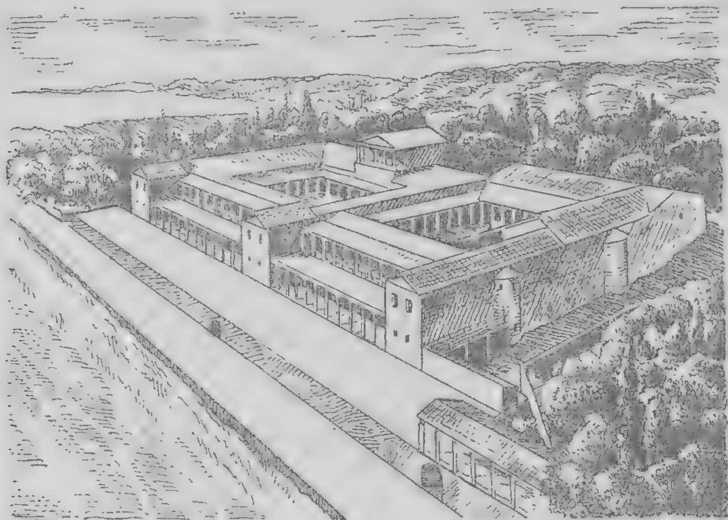
Число дарственных имений с каждым поколением увеличивалось. Владельцами земель были македонцы, греки, римляне, евреи, туземцы — военные (ветераны), чиновники, купцы, богатые ремесленники и люди свободных профессий. Более известные нам поместья (усиай) Римской эпохи, составляющие органическое продолжение и развитие эллинистических порядков, являлись в большей или меньшей степени автономными единицами с собственным инвентарем, скотом, рабочей силой, мастерскими, кладовыми, погребами, сараями и пр. В отношении культур к концу Эллинистической эпохи была заметна, как показали исследования Риччи («Культура винограда в греко-римском Египте»), М. Шнебеля («Сельское хозяйство в эллинистическом Египте») и др., тенденция вытеснения зерновых культур садово-огородными.

В конце эллинистического периода, во время римских завоеваний феодализация в Египте, как и вообще в эллинистических странах, уже далеко продвинулась вперед, следствием чего было ослабление центральной власти и образование феодальных единиц—поместий, стремившихся к автономии городов, всевозможных профессиональных, религиозных и прочих общин, союзов и т. д. Крупные землевладельцы, купцы и ремесленики составляли местную аристократию (олигархию), пользующуюся в своих округах (метрополиях) всевозможными привилегиями (иммунитетами) в отношении налогов, службы и повинностей. Пользуясь своим привилегированным положением, аристократия всю тяжесть налогов, работы и повинностей перекладывала на плечи рабов и колонов, арендовавших их земли. Отношения между владельцами и зависимыми от них людьми — колонами и рабами — в Египте никогда не носили мирного характера. Обремененные долгами и работой, колоны и рабы восставали или же чаще всего убегали от своих господ, скрываясь в горах, пустынях и камышах, составляли разбойничьи отряды или же при случае перебегали к неприятелям. Правительство не имело сил для организации борьбы с ними. Такова картина внутреннего состояния одного из самых известных нам эллинистических царств в период римских завоеваний.

5. Эллинистический город

Все эллинистические государства, в том числе и прежде всего Египет, были аграрными государствами. Массу населения составляли различных категорий и состояний землевладельцы и земледельцы. Сре-

ди аграрных массивов выделялись города, в большом числе основывавшиеся эллинистическими царями. Строительство городов открыл сам Александр, примеру которого следовали его преемники (диадохи) и преемники преемников (эпигоны). Согласно преданию, при жизни Александра было основано 70 «Александрий», в том числе и самая



Вилла Эллинистической эпохи

знаменитая из них египетская Александрия в устье Нила. Свои имена эллинистические города получали от имени царей-основателей: Александрия, Селевкия, Антиохия; их жен, матерей, братьев и сыновей: Лаодикея, Апомея, Эдесса, Береника, Кассандра и мн. др.

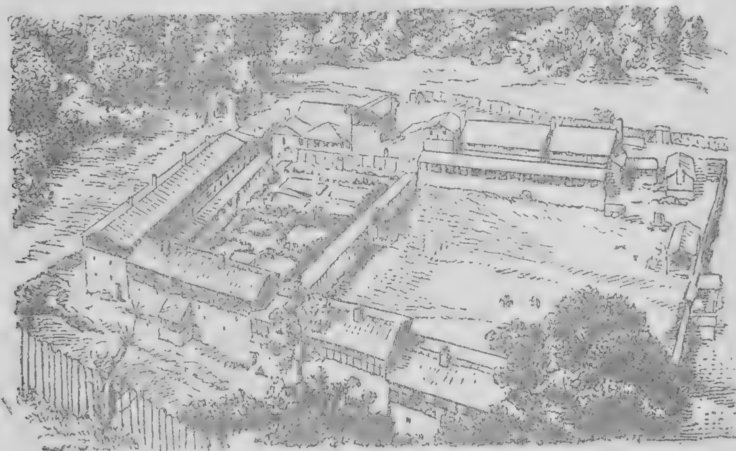
Города основывались по берегам морей и по караванным путям, в особенности по великому караванному пути, шедшему через Азию до границ Индии, затем по границе в качестве пограничных крепостей вплоть до Туркестана, Белуджистана и Афганистана. Население городов состояло из военных, чиновников, купцов, разного рода ремесленников и мелких торговцев. Первое место из всех городов Эллинистической эпохи занимала египетская Александрия, население которой доходило до 500 тыс. человек.

Благодаря папирусам и археологическим открытиям в настоящее время перед нами предстали целые живые города и села древнего мира, со всем их внешним обликом и со всеми деталями их внутренней, иногда даже интимной жизни. Таковы города Азиатского побережья Милет, Пергам, Приенна, египетские города Арсиноя, Оксиринх, Магдала и пр.

По своему внешнему виду эллинистический город сильно отличался от города классической Греции. В отличие от городов клас-

сической Греции, с их кривыми, узкими, плохо вымощенными, темными улицами и переулками, города Эллинистической эпохи имели прямые, мощеные, хорошо освещенные улицы, с бульварами, скверами, цирками и театрами.

Городская жизнь в Эллинистическую эпоху была весьма развита. Города, упоминаемые в папирусах, надписях, полны всевозможных мастерских и лавок, сконцентрированных в специальных торгово-ре-



Вилла Эллинистической эпохи

месленных слободах или рядах. Так, в обследованном немецким египтологом Карлом Весели египетском городе Арсиное имелись: специально ткацкая улица, одежный рынок, соляная площадь, чечевичная, стручковая, гусиная и прочие улицы. Из ремесленников упоминаются кожевники, красильщики, огородники, садовники, парфюмеры, золотых дел мастера, живописцы, сборщики арендных плат. На оживленный торговый оборот указывает обилие банкирских контор (в Арсиное их 40) со счетами местных ремесленников и торговцев.

Лихорадочная активность и страсть к наживе эллинистических городов в период расцвета эллинистических государств, говорит французский историк П. Жугэ, едва ли сколько-нибудь уступает активности и жадности финансовых дельцов и предпринимателей эпохи Измаила.

Большую часть городского населения составляли греки, македонцы и евреи, в руках которых находились торговля, ремесла и финансы. По отношению к туземному населению греки, македонцы и евреи составляли привилегированную часть населения, имевшую право приобретать частную собственность, иметь собственные мастерские и не платить многих налогов, налагавшихся на туземные египетские области. Первое время города пользовались автономией, в ограниченной степени сохранив ее до самого римского завоевания. Да и само римское завоевание оказы-

валось возможным лишь при сочувствии и поддержке городов, недовольных фискальной политикой царей, покушавшихся на доходы купцов и ремесленников.

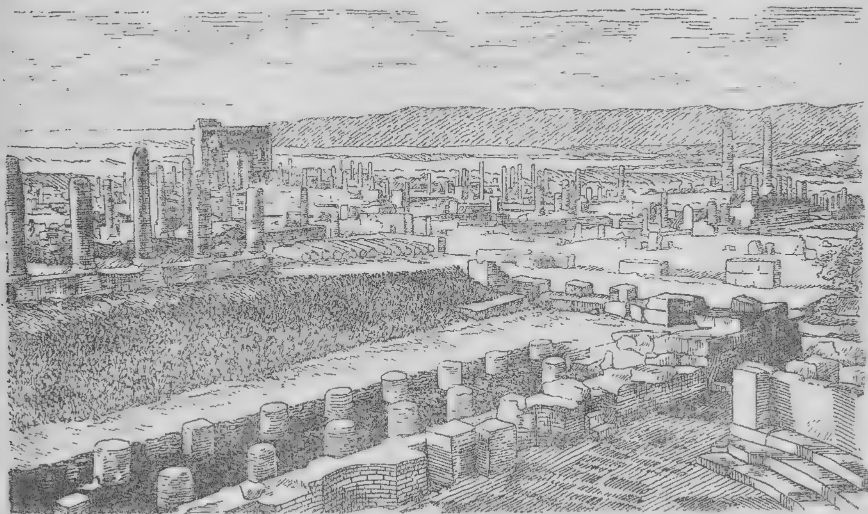
Основной производственной единицей эллинистического города, как это можно заключить из литературных памятников, надписей, папирусов и остракa — глиняных табличек, служивших податными квитанциями, по-прежнему оставалась ремесленная мастерская (мануфактура), в которой работали рабы и работники свободного состояния. Численное соотношение рабского и свободного труда в эллинистический период в настоящее время не может считаться окончательно решенным. Несомненно только одно — существование в эллинистических городах, наряду с рабским трудом, свободного труда. Ремесленники имели собственные мастерские или же работали на-дому из материалов заказчиков. Ремесленники-мастера имели подмастерьев и учеников, с которыми они заключали определенные договоры (контракты), обязуясь содержать и обучать своих учеников ремеслу за известную плату. Образцом такого рода договоров может служить договор (известный из одного оксиринхского папируса) ткацкого мастера Птолемея с ткацким мастером Трифоном на предмет обучения ткацкому ремеслу его 14-летнего сына.

«Трифон, сын Дионисия, и Птолемей, сын Паусириона, ткач по профессии, — оба из города Оксиринха — соглашаются друг с другом в следующем. — Трифон предоставил Птолемею сроком на один год, считая с сегодняшнего дня, своего еще несовершеннолетнего сына Феониса от матери Сараэус. Сын будет служить Птолемею и исполнять все, что ему прикажет Птолемей в отношении ткацкого дела в полном объеме, поскольку сам Птолемей знает это последнее. При этом мальчика в течение всего означенного времени будет кормить и одевать его отец Трифон, на которого падает и платеж всех государственных налогов за мальчика, при условии, что Птолемей будет ежемесячно выдавать Трифону в счет продовольствия 5 драхм, а по окончании всего срока в счет одежды 12 драхм... Трифон не имеет права взять мальчика у Птолемея до истечения срока, если же мальчик в течение такового пропустит несколько дней, Трифон предоставит мальчика на равное количество дней после срока или должен заплатить по одной драхме серебра за каждый день. За взятие мальчика до истечения срока полагается штраф в 100 драхм серебром и столько же в казну. Если же сам Птолемей не обучит мальчика, он подлежит таким же штрафам. Сей договор об ученичестве да будет ненарушим».

По своему социологическому смыслу эллинистические города более всего напоминают города средневековой Европы. Основное ядро эллинистических городов составляли землевладельцы, имевшие земли на городской (муниципальной) территории и большую часть времени проживавшие в городе и наезжавшие в деревню. Общей чертой между эллинистическим и средневековым городом было также развитие домашней промышленности.

Наряду с городскими ремесленными мастерскими в эллинистическую

эпоху существовали еще поместные мастерские, царские, храмовые и дворянские, монополизировавшие ряд важных производств. Кроме того много изделий производилось крестьянами, перепродававшими их откупщикам или царским чиновникам. Из отдельных ремесел в документах упоминается производство предметов роскоши,



Эллинистический город

льняных, шерстяных и шелковых тканей, ювелирных изделий, стекла, папируса, изделий из дерева, бронзы, меди, железа. Особенно высокого совершенства в греко-эллинистическом мире достигло художественное ремесло. В памятниках постоянно фигурируют ремесленники-мастера, скульпторы, художники, архитектора, строители и представители интеллигентных профессий — врачи, актеры, учителя и т. д.

В целях самопомощи и самозащиты жители городов — ремесленники, купцы, военные и представители интеллигентских профессий: учителя, врачи, музыканты, актеры и пр. — объединялись в союзы взаимопомощи, напоминающие средневековые цехи и гильдии. Каждый союз имел свою кассу, составлявшуюся из взносов членов союза. Эранисты (члены союза) собирались в своих клубах (дейпнаториях) в определенные дни, чаще всего в праздники, для принесения жертв и товарищеских пирушек. В случае нужды члены союза получали из кассы взаимопомощи субсидии и поддержку. Во главе союза стояли выборный президент, казначей, секретарь, герольд и жрица. У каждого союза были свое знамя, свой бог, своя часовня и свои праздники.

Посторонние лица на союзные собрания и празднества не допускались.

Сохранилось несколько товарищеских счетов, образцом которых может служить счет обеда в честь некоего Калатита.

«Обед в честь Калатита. Один гексах вина—2 тыс. драхм, шесть обедов с хлебом — 190 драхм, всего 2 тыс. драхм. Т..., сын Нуменея, Камет, сын Гарфасия, Тей, сын Петеконта, Паппебтинид, сын Сокейа, всего 22 лица по 100 драхм, итого 2 200 драхм».

Косвенным указанием на силу ремесленных организаций в жизни эллинистического города служит упоминание о собственных зданиях ремесленных союзов и собственных местах в театре в одном из самых крупных торгово-ремесленных центров античного мира, в городе Милете.

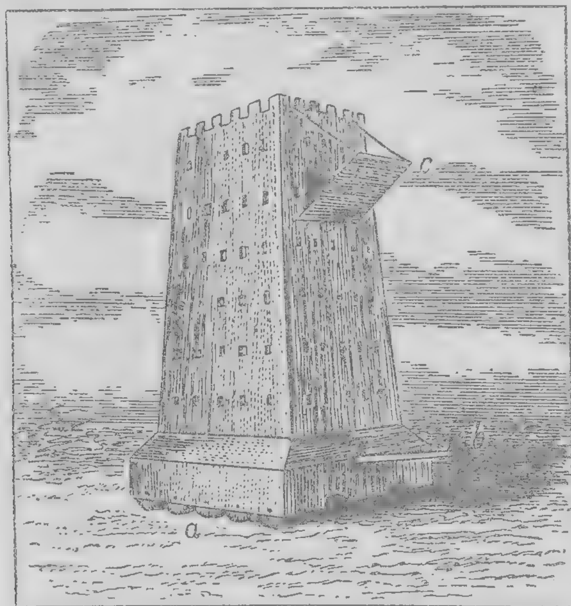
К сожалению при современном состоянии материала и его разработке нельзя установить политический вес ремесленных союзов эллинистических городов. В частности было бы очень интересно выяснить роль ремесленных союзов в организации стачек и забастовок, повидимому часто имевших место в Эллинистическую эпоху. Об одной из таких забастовок упоминается например в одной надписи из города Милета, к сожалению чрезвычайно испорченной. Повидимому, как полагает один из лучших знатоков этой эпохи Цибарт, речь идет о большой забастовке каменщиков, работавших на постройке огромного театра на 25 тыс. зрителей. Рабочие, недовольные действиями архитектора Менофила и подрядчика Гера, объявили забастовку. Сам ход забастовки нам неизвестен. Известно только об обращении забастовщиков к оракулу как третейскому посреднику в возникшем конфликте. Оракул дал двусмысленный ответ, скорее выгодный для архитектора, чем для бастующих.

«Рекомендуется, — гласил ответ оракула, — следовать испытанному, мудрому искусству строить здания и совету умелого превосходного человека. С жертвами и молитвой приблизиться к Палладе Тритогенейе и сильному Гераклу».

6. Эллинистическая техника

Из всех отраслей эллинистической промышленности первое место занимало военное производство. Успехи военного производства и военной техники находят свое объяснение в постоянных войнах, имевших место в эллинском мире в столетия, следовавшие за Пелопоннесской войной. Для целей войны в большом количестве изготовлялись предметы военного снаряжения — стрелы, луки, мечи, панцыри, щиты, боевые колесницы, стенобитные машины (баллисты и катапульты), строились крепости и оснащались военные суда. Предметы военного снаряжения поставлялись ремесленниками или изготовлялись в специальных царских мастерских. Усложнившиеся военные задачи и переход к профессиональной наемной армии повлекли за

собой крупные сдвиги в области военной техники и вооружения. Военная техника в свою очередь была тесно связана со **строительной техникой** городов и укреплений. Еще во время Пелопоннесской войны появились осадные приборы, тараны (для пробития стен) и черепахи, навесы, защищавшие осаждающих от копий и стрел, кам-



Подвижная стенобитная машина

ней и свинца осажденных. Из таранов развились **метательные орудия** — катапульты и баллисты, выбрасывавшие на далекое расстояние длинные стрелы и огромной величины камни и свинцовые ядра. Осадные орудия пускались в дело не только во время осады городов, но также и во время морских боев, что повело к изменениям в **конструкции судов**. Старые суда, недостаточные для перевоза громадных катапульт и большого экипажа, с конца Пелопоннесской войны начали вытесняться многовесельными и многоярусными судами, гигантскими двадцати, тридцати- и пятидесятивесельными судами, сменявшими прежние триэры и пентэры.

О характере военных кораблей нового типа можно судить по описанию одного из таких **кораблей-гигантов**, построенного египетском царем Птолемеем Филадельфом (III в. до н. э). По приказу царя, так начинает свое описание греческий историк Афиней, был построен сорокавесельный корабль (тессароконтера) длиной в 280

футов, шириной в 38 футов и вышиной до носа в 48 футов, от вымпела до подводной части 53 фута. Корабль имел два носа и две кормы и 8 таранов. Весла были налиты свинцом и легко скользили в уключинах. На корабле помещались 4 тыс. гребцов, 400 человек прислуги, 3 тыс. человек экипажа и большой запас провианта (Афиней, 203).

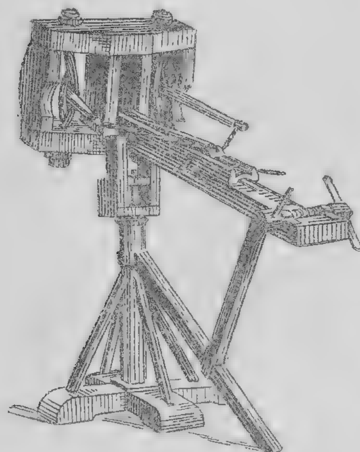
Примеру Филадельфа последовал его современник сиракузский тиран Гиерон II. Гиерон, рассказывает Афиней, собрал отовсюду корабельных мастеров, поставил во главе их коринфского архитектора Архия и приказал построить корабль по всем правилам тогдашней науки и искусства. После больших трудов наконец был построен двадцативесельный многоэтажный корабль с тремя коридорами для груза, пассажиров и военной команды. На корабле имелись специальные каюты для мужчин и для женщин, прекрасно оборудованная кухня, столовая, крытые портики, галлереи, гимнастические палестры, сараи, погреба и мельницы. Весь корабль был расписан картинами. На бортах его имелось восемь башен, на брустверах помещалась боевая машина (катапульта), выбрасывавшая огромного веса (до 70—80 килограммов) камни и копья. Вся механическая часть (брустверы, блоки, приборы и рычаги) выполнялась под непосредственным руководством знаменитого сицилийского механика Архимеда.

Наряду с транспортом исключительное значение в эти столетия приобретают боевые машины и осадные орудия. У одного из наиболее воинственных эллинских тиранов Деметрия Полиоркета имелась например при осаде Родоса колоссальная осадная машина, поставленная на колеса, в девять этажей с кожаными и шерстяными заслонами и требовавшая для своего передвижения 3 500 человек. При устройстве рвов и расчистке пространств для установки осадных орудий в армии Деметрия Полиоркета работало 30 тыс. человек. Все это достаточно наглядно иллюстрирует размах военной техники и уровень технической мысли в поздней Греции, а косвенным образом свидетельствует и об огромных расходах на войну и военное дело, совершенно разорявших македоно-эллинистические государства (Диодор, XX, 91).

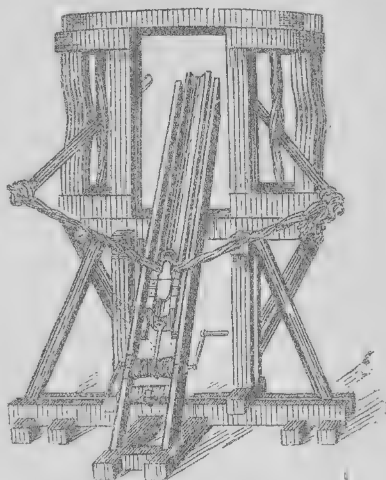
Постройка судов, катапульт, черепах, крепостей и т. п. предполагала соответствующий уровень строительной техники и технической науки. Такого рода гигантское судно, как вышеописанный корабль Гиерона, Фаросский маяк, Александрийский канал, колоссальные амфитеатры, водопроводы и плотины и т. д., не могли быть сооружены без соответствующего развития естественных, математических и технических знаний. В производственной технике целый переворот был произведен изобретением бесконечного Архимедова винта, водочерпательного колеса с ковшами, так называемой египетской улитки, приводимого в движение животной силой, и водяной мельницы. Все эти изобретения явились продуктом длинной истории, результатом длинной цепи мелких усовершенствований в горном и мукомольном деле — в двух главных отраслях

античного производства. Описывая водочерпательные колеса египтян, историк Диодор указывает на необычайные возможности этого механизма.

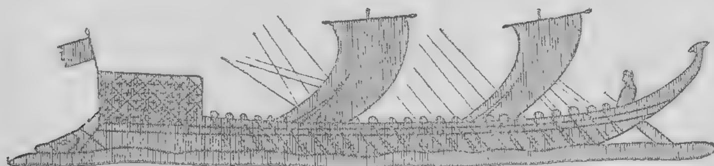
«Посредством этого механизма при самой обыкновенной работе против всякого ожидания поднимается наверх огромное количество воды, и весь речной поток быстро изливается из глубин на по-



Орудие для метания стрел и дротиков (катапульта)



Орудие для метания камней



Пентерема

верхность» (Диодор, V, 37). После гидростатических открытий недалеко было и до устройства **водяной мельницы**, социально-экономическое значение которой было не меньше, чем значение архимедова винта. Нижеприводимая эпиграмма дает представление о впечатлении, произведенном на умы современников появлением водяной мельницы.

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки, спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил.
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра.
Как зарезвились они, обод крутя колеса.

Видите? Ось завертелась, а оси могучие спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век засиял золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой».

Прогресс в ткацком производстве Египта связан с переходом от вертикального станка к горизонтальному и введением челнока, в кузнечно-слесарном производстве — с усовершенствованием горна и молота, в гончарном — с появлением обжигательных печей. Немало достижений было и в производстве красок, выдувании стекла и выделке кож, судостроении и возведении крепостей. Введение триспаста, подъемного механизма, представляющего систему блоков и рычагов, также восходит к эллинистическому Египту. Об интересе к механическим изобретениям дает представление театр автоматов и кукол александрийского механика Герона. В Александрии существовали театры, автоматическим путем передвигавшиеся с места на место. В этих театрах автоматизм был проведен с начала до конца: автоматически появлялись куклы, принимавшие участие в представлении, автоматически же зажигались и гасли огни и пр.

«Представления автоматических театров, — говорит профессор А. А. Сидоров, автор известного «Описательного машиноведения», — в то время пользовались большой любовью, во-первых, потому, что в устройстве их проявлялось много механического искусства, а затем и потому, что и самое представление бывало поразительно. Ибо как раз при устройстве автоматов для различных деталей его приходится применять все отделы механики».

И тем не менее столь блестящее начало не имело своего продолжения. Технический прогресс в условиях античного мира оставался на поверхности и не шел вглубь. Промышленного переворота он не произвел. Причиной этого была, как уже не один раз указывалось выше, совокупность всех условий эллинистических обществ, вышедших из рабовладельческих полисов и в значительной мере оставшихся таковыми.

Неслучайно, что в эллинистической технике более всего усовершенствований было сделано в строительной механике, подъемниках, передаче силы на расстояние, т. е. в областях, связанных с войной, крупными постройками и т. д., и почти совершенно не были затронуты ручные (рабочие) механизмы, между тем как промышленная революция в Европе пошла именно с усовершенствования рабочих инструментов.

7. Торговля эллинистических государств

Часть товаров, производившихся в городских и поместных мастерских, и часть сельскохозяйственных продуктов, собиравшихся в царских амбарах и кладовых, расходовалась на местные нужды — на войско, бюрократию и двор, остальная часть шла на продажу. Из всех эллинистических государств больше всего сведений имеется по

торговле Египта. Главную статью египетского экспорта составляли продукты сельского хозяйства, в особенности пшеница. Высокое качество египетского хлеба и низкие продажные цены создали Египту монополию на мировом хлебном рынке. Господствовавший до тех пор понтийский хлеб не мог выдержать египетской конкуренции, следствием чего было сокращение производства зерна в понтийских государствах, их обеднение, а затем утрата национальной независимости. Из предметов обрабатывающей промышленности Египет экспортировал в значительном количестве: дорогие цветные стекла, вызывавшие удивление даже при китайском дворе, папирус, на который Египет имел естественную монополию, строительные материалы, добывавшиеся в египетских каменоломнях, — красный гранит, базальт, алебастр. Затем большой известностью пользовались золотые и узорчатые шерстяные и льняные ткани.

Помимо торговли продуктами собственной в высшей степени плодородной почвы и ремесла доходной статьей египетской коммерции служила транзитная торговля. Через египетские гавани (Береника, Миос-Гормос), расположенные на Эрифрейском (Красном) море, проходило большое количество предметов восточной индийско-аравийской торговли. Предметами восточной торговли были всякого рода ароматы и пряности, строительный материал, металлы, камни (с Самолийского берега, из страны Пунт), слоновая кость, страусовые перья, индийская сталь, шелка и мн. др. Сырье поступало в египетские мастерские, а готовые изделия и предметы роскоши перепродавались египтянами в другие страны. Радиус египетской торговли был довольно внушителен. Египетское торговое влияние распространялось на северный берег Африки, на весь Эгейский бассейн и на Азиатское побережье. На торговом посредничестве между Азией и Египтом между прочим создалось благосостояние острова Родоса, игравшего первостепенную роль в событиях греческого мира в эллинистический период.

Наиболее крупные отрасли египетской торговли и производства, как мы уже знаем, составляли царскую монополию. Наиболее крупные торговые операции производились при посредстве чиновников и царского транспорта. К несению транспортных повинностей привлекалось все податное население, в особенности владельцы перевозочных средств (судов и верблюдов). Во внешней торговле употреблялась золотая и серебряная монета с изображением царя. Главной торговой артерией Египта служил Нил, связанный каналами и караванными дорогами с Аравийским заливом (Эрифрейским морем), Нубией и Ливией. Доставляемые по Нилу к Эрифрейскому морю товары собирались в Александрии — мировой столице Египта, первом городе Эллинистической эпохи. В Александрию съезжались купцы со всего мира, совершались торговые сделки и производились денежные расчеты, слышался говор на всех языках. В египетской торговле экспорт преобладал над импортом.

«Все это, говорит географ Страбон, — знает всякий, кто хотя бы один раз побывал в Александрии и наблюдал торговые суда при входе и выходе из гавани. Наблюдая входящие и выходящие суда, нетрудно определить, насколько выходящие из гавани суда полнее и тяжелее входящих».

При входе в гавань на одном из островов (Фарос) помещался огромный маяк, одно из чудес древнего мира, бросавший свет на десятки миль и освещавший путь судам, входившим в гавань из всех портов. Как город Александрия славилась удобством своего

Монета с изображением Птолемея

местоположения. С двух сторон город омывался морями: с северной — Египетским, с южной — озером Мореем, наполнявшимся водой из Нила посредством множества каналов, подводивших воду сверху и с боков. По этим каналам совершалось оживленное движение коммерческих судов. В течение всей Эллинистической эпохи Александрия считалась образцовым городом во всех отношениях, привлекавшим массу иностранцев, купцов, ремесленников и туристов.

«Вся Александрия, — пишет Страбон, — представляет собой систему улиц, удобных для верховых лошадей и экипажей. Две самых широких улицы, в 100 футов каждая, перерезывают одна другую под прямым углом. В городе есть прекраснейшие общественные святилища и царские дворцы, покрывающие четвертую или даже третью часть всего занимаемого городом пространства. Все дворцы соединены между собой, с гаванью и со всем, что имеется замечательного за пределами последней. Часть царских зданий составляет знаменитый Александрийский мусейон, заключающий в себе место для гулянья, зал для заседаний и большое помещение, где находится столовая для ученых, проживающих при мусейоне» (Страбон, География, XVII).

Египетская торговля была связана с двумя морями: с Красным (Аравийским заливом) и Средиземным морем. Это в основном и определило направление **внешней политики** Египта. Для охраны караванных и морских путей нужно было содержать солидную сухопутную армию и флот. Для этого требовались деньги, строительный и людской материал. Войны велись в целях обеспечения за собой восточного (Малоазийско-финикийского) побережья, богатого строительным материалом, Синайского полуострова (металлы), острова Кипра (медь) и вообще ради закрепления в бассейне Эгейского моря. Наибольших успехов в проведении мировой державной политики достигли Птолемей Сотер и его ближайшие преемники (Эвергет, Филадельф и Филопатор), поставившие в зависимость от Египта Палестину, Кело-Сирию, Финикию, Кипр и распространившие свое влияние на все Эгейское море, Херсонес, Фракию и Геллеспонт. В III в. Египет был в полном смысле мировой державой. Собственно Египет как бы потонул в массе самых различных стран, вошедших в состав Египетской империи.

Монета с изображением Птолемея и Арсинои

8. Политический строй эллинистических государств

Эллинистические государства опирались на крупное, среднее и мелкое служилое землевладение. В интересах служилого класса главным образом и был организован **государственный аппарат** эллинистических царств. По своему характеру эти царства были военно-бюрократическими державами. Все приемы и методы военного строя были перенесены на гражданское управление. В этом отношении эллинистические государства вполне подтверждают известное положение Энгельса о влиянии военного строя на весь гражданский уклад данного общества. В условиях эллинистических обществ централизованная деспотия оказывалась наиболее устойчивой политической формой. Помимо соображений военного порядка, деспотия сдерживала в интересах господствующего класса социальный антагонизм, организовывала ирригационную систему, производила сбор налогов и барщин. Верховным главой государства считался **царь**, возведенный в ранг божеского сына.

Обожествление царя было одним из наследий фараоновского Египта, перенесенного на Александра египетскими жрецами храма Амона. Впоследствии египетский философ Псаммон еще при жизни Александра развил идею, что людьми управляет единый бог. А из этого положения следовало, что «то, что царствует и управляет всем, всегда божественного происхождения». «Бог — всеобщий отец всех людей, но в особенности считает своими детьми людей нравственно совершенных» и т. д.

Сам македонский царь, как и его преемники, при всяком случае старались подчеркнуть божественность своего происхождения, хотя сами они, иронически заявляет биограф Александра, и не верили в божественность своего происхождения, но пользовались им как средством для подчинения себе народов (Плутарх, Александр, 28). Кроме жрецов частично обоснованием и обожествлением монархии занимались также стоики и киники (циники). Царь, учили стоики, воплощает в себе идею социального единства цивилизованного человечества. Земные порядки в этом отношении лишь отображают небесные порядки. В монархическом руководстве Зевса, представляющего воплощение мирового закона, находит свое выражение единство мира. Зевс — добродетельный, человеколюбивый, всем миром управляющий бог. Отсюда заключение: лучшей и совершеннейшей земной властью является монархия — земное отображение мирового государства Зевса. «Подобно Зевсу, монарх есть истинный отец народа».

К имени царя всегда прибавлялось какое-либо приятное для слуха прозвище — Сотер (спаситель), Эвергет (благодетель), Эпифан (явленный), Филометр (любящий мать), Филадельф (любящий брат) и т. п. Политический смысл обожествления (апофеозы) не оставляет сомнения. Апофеозой стремились поднять, вообще говоря, не очень крепкий авторитет царя и предотвратить узурпации и дворцовые перевороты.

Царя окружали министры, составлявшие высший (государственный) совет. Во главе управления стояли: хранитель печати (первый министр), диойкет — министр финансов, верховный суд и секретарь, заведывавший царской корреспонденцией и редактировавший «Царский вестник» («Эфемерис басиликэ»). Кроме того имелись особые придворные чины: спальник, виночерпий, конюший, пекарь, охотник и многие другие, им подобные, персонажи. Распоряжения царя проводились в жизнь массой мелких городских и сельских канцелярий, всякого рода экономами, топархами, комархами, бесчисленными контролерами, контролерами контролеров, базилико-грамматеями, топо-грамматеями и прочими большими и малыми грамматеями.

В основном работа государственного аппарата сводилась к сбору налогов, организации барщин и к подавлению восстаний трудового населения и солдатских бунтов. Эллинистическое государство было таким же органом властвования царской (военно-бюрократической) аристократии над массой зависимых от них людей, каковым в свое время являлся рабовладельческий полис. Фискальная система в эллинских государствах была в высшей степени сложна и обширна. В Египте

например в буквальном смысле не было ни одной хозяйственной отрасли, свободной от прямых или косвенных налогов. То же самое относится и к Сицилии и ко всем другим государствам Эллинистической эпохи. Самым тяжелым из всех прямых налогов был **земельный налог** (в Египте артабейа), взимавшийся с каждого участка (аруры) в зависимости от его качества и культурного состояния. С садово-огородных плантаций взимался денежный налог (эпаруриои), шестая доля дохода взималась в пользу храма. К этому надо прибавить налоги на скот, на постройку плотин, дорог, каналов, торговые пошлины и пр. В «Греческих остраках» Ульриха Вилькена собран огромный материал, относящийся к налогам на ремесла. Из него видно, что налоги на ремесла были чрезвычайно разнообразны и высоки, взимались частью натурой, частью деньгами. Собирались же налоги или прямым путем или же через откупные товарищества. Помимо всевозможных прямых и косвенных налогов население эллинистических государств привлекалось к несению **барщин**, сверхординарных поставок, реквизиций, солдатских постоев и чиновнических взяток. Основой обложения служили **объявления (декларации)**, подававшиеся плательщиками в местные финансовые учреждения. Нижеприводимая декларация заключает в себе все характерные черты подобного рода документов.

«Заявление Геронды, дочери Кастора, внучки Онофрия

Стратегу Арсинойского округа, царскому писарю и его помощникам от Геронды из села Караниды заявление.

Заявляю, что я, Геронда, имею в вышеназванном селе часть дома и двора в квартале Феария, унаследованные мною от отца. Я, Геронда, имею 50 лет, моя дочь Соерида, внучка Птолемея, 21 года, ее дочь Гая 1 год. Моя дочь Соерида имеет в вышеназванном селе в восточном квартале дом и двор и в другом селе две трети дома, сенной сарай и другие здания, принадлежащие ей... С этой целью я подаю заявление».

Натуральные налоги поступали в местные амбары (тезавры), а деньги — в местные платежные конторы (трапезы). Центральным финансовым учреждением считался **царский банк** (басиликон), регулировавший все поступления и все расходы. Общая сумма сборов была очень велика. В египетском басиликоне например в III столетии имелось наличными деньгами около 15 тыс. талантов. Денежное и натуральное хозяйство в эллинистической экономике самым причудливым образом переплетались друг с другом. Как поступления, так и расплата производились казной частью деньгами, частью натурой. Командиры, бюрократия и наемники, помимо земель (дарственные поместья), получали из царской казны содержание натурой и деньгами.

9. Сицилийское царство Агафокла

Политическая история государств Эллинистической эпохи представляет частую смену одних правительств другими, падение одних династий и возвышение других. Как отмечено выше, в старых эллинских поли-

сах изучаемого периода укреплялись тирании: в Спарте — Маханид и Набид, в Афинах — Деметрий Фалерский, Лахарес, Деметрий Полиоркет и др., в Сицилии — Дионисий и затем Агафокл. Для понимания эпохи и классовой природы тирании наибольший интерес представляет изучение сицилийской тирании. Внутренняя история Сицилии последних столетий — это история разорения свободных производителей, острой классовой борьбы и массовых восстаний рабов, другими словами — знакомая нам картина распада полиса. На почве этого распада поднимается тирания, вначале опирающаяся на физическую силу наемников, рекрутируемых из нищающих элементов деревни, и рабов, привлекаемых на сторону тирана обещанием свободы. Вторым этапом сицилийской тирании было основание крупной морской державы и примирение тирании с плутократическими элементами; финансистами, торговцами, промышленниками-рабовладельцами и пр. История возвышения и падения горшечника Агафокла (317—289 гг.) дает нам возможность на конкретном примере проследить историю тирании с момента ее зарождения и до полного расцвета. Ценность полубеллетристического рассказа Диодора состоит в том, что он в красочной форме рисует живого человека на фоне социальных отношений и нравов его времени. Агафокл родился в южной Италии, в городе Регия. Происходя из небогатой семьи, в молодости он занимался изготовлением горшков, откуда и произошло его прозвище «Горшечник». Переселившись в Сиракузы, Агафокл сдружился с влиятельным и богатым аристократом Дамасом. Во время войны с Агригентом Дамас был назначен командиром сицилийских наемников, взяв к себе в качестве помощника Агафокла. Уже в первых походах Агафокл зарекомендовал себя прекрасным командиром, выносливым, сообразительным, пользовавшимся расположением как солдат, так и офицеров. После смерти Дамаса Агафокл женился на его вдове и сделался одним из первых богачей Сиракуз. Дальнейшая история Агафокла связана с войнами сицилийцев в Южной Италии под начальством двух сиракузских олигархов, членов высшего правительства — Совета 600, Гераклида и Созистрата и гражданской войны, разразившейся в это время в Сиракузах. Гераклид и Созистрат во главе сиракузских эмигрантов-олигархов повели осаду Сиракуз с целью низвержения демократической партии и замены демократической конституции олигархической. Агафокл сражался на стороне демократов и пользовался влиянием у солдат. Несмотря на то, что война окончилась победой демократов, Агафокл должен был уйти в изгнание за «свой ум и стремление к тирании». После этого Агафокл обратился к своим наемникам, большинство которых составляли испытанные в боях карфагеняне, и набрал из них отряд в 3 тыс. человек. К этому основному отряду присоединилась масса сельской и городской бедноты «вследствие своей бедности или из нерасположения ненавидевшей олигархов». С этим отрядом Агафокл рано утром с барабанным боем ворвался в город и потребовал к себе двух важнейших представителей Совета 600 — Тисорха и Диокла — под предлогом совместного обсуждения важнейших

государственных вопросов. После того как названные представители Совета явились на приглашение, Агафокл стал обвинять их перед войском и собравшимся народом в пренебрежении общегосударственными и народными интересами и в стремлении низвергнуть демократию. Речь Агафокла попала на благоприятную почву. Солдатская масса, лишенная земли и обремененная долгами, возбужденная речью Агафокла, бросилась громить дома и избивать олигархов. «Сиракузский погром» Агафокла продолжался целых два дня и принял огромные размеры, стоившие жизни тысячам граждан.

«Тогда, — пишет Диодор, — можно было видеть все ужасы убийства и все виды произвола и насилия. Одни позволяли себе всевозможные бесчинства по отношению к своим врагам, ненавистным им до глубины души. Другие полагали, что смерть богатых выведет их из крайней нужды, в которой они находились. Выламывали ворота домов, подымались по лестницам до самой вышки, хватали беззащитных людей, прятавшихся под самой крышей. Даже храмы богов не гарантировали безопасность ищущим в них защиты. Бесчинство в отношении богов в то время было еще сильнее, чем в отношении людей. Ужаснее всего то, что такие бесчинства имели место во время мира в греческом городе и были совершены греками против греков, родственниками против родственников, не считались ни с чем, ни с голосом природы, ни с верой в богов, ни с верностью, ни с людьми и ни с богами. Ни один здравомыслящий человек не может без сожаления отнестись к судьбе несчастных, если бы даже он был самый заклятый их враг...»

После окончания погрома Агафокл созвал экстренное народное собрание, на котором объявил народу причину погрома. Целью погрома, по его словам, было желание очистить город от людей, стремившихся к диктатуре и покушавшихся на народные права. После этого он сорвал свой военный плащ и объявил о сложении с себя чрезвычайных полномочий. Однако, прибавляет Диодор, этого не допустили его приверженцы, уже успевшие войти в права прежних собственников. В такой критический момент, кричали приверженцы Агафокла, он должен не слагать с себя власть, а, наоборот, объявить себя диктатором.

Агафокл уступил настоятельным просьбам своих приверженцев и сделался единым правителем с диктаторскими полномочиями, т. е. тираном. Так совершился один из самых крупных и кровавых переворотов не только в Сицилии, но и во всей Греции. Возможность подобного рода революционного переворота Диодор объясняет наличием в Сиракузах массы неимущего элемента, обезземеленных крестьян, задавленных рабской конкуренцией ремесленников и обремененных долгами людей самых различных социальных категорий. Провозглашенный диктатором Агафокл первым делом объявил генеральный передел земли и кассацию долгов. «После этого он перестал убивать и наказывать, но во всем шел навстречу народу, благодетельный в отношении некоторых, многообещающий в отношении других и крайне любезный в отношении всего народа» (Диодор, XIX, 3—10).

Долгая (двадцатилетняя) история правления Агафокла сплошь наполнена войнами на территории Сицилии, южной Италии и Африки. После того как Агафоклу удалось объединить под гегемонией Сиракуз почти весь западноэллинский мир, сломив сопротивление сицилийских городов Акраганта, Гелы и Мессаны, со страшным упорством отстаивавших свою независимость, против него составилась огромная коалиция во главе с Карфагеном. Душой коалиции были сицилийские эмигранты, проживавшие в Карфагене. В большом сражении при Экноме карфагеняне, поддерживаемые сицилийскими городами—Гераклея, Селинунт и Гимера, разбили сиракузян, и карфагенский флот уже готов был приступить к осаде Сиракуз. Тогда Агафокл решился на смелый шаг: обошел карфагенскую эскадру и сделал десант в Африке на территории самого Карфагена. В Тунисе и Гадрумете Агафокл одержал блестящую победу над карфагенской армией и заставил карфагенян снять осаду с Сиракуз (310 г.). Дальнейшее течение дел было как нельзя более благоприятно для Агафокла. После смерти вождя карфагенских наемников Гамилькара, убитого при осаде Сиракуз, в Карфагене началась междоусобная война и политическая анархия, совершенно парализовавшая военную мощь Карфагена. Напротив, силы Агафокла увеличились переходом на его сторону македонского командира Офела, сподвижника Александра Великого. Однако союз Офела продолжался недолго. Из страха перед могуществом Агафокла Офел перешел на сторону его врагов и принял участие в новой коалиции против Сиракуз, во главе которой стоял талантливый стратег эмигрант Динократ. Война с Динократом с переменным счастьем продолжалась в течение нескольких лет, но и на этот раз победителем вышел «сицилийский царь» Агафокл. В 305 г. между воюющими сторонами, Карфагеном и Сиракузами, был подписан мирный договор, превративший Сицилию в первоклассную державу западной части Средиземноморья. На грани между IV и III столетиями могущество Сиракузской державы и ее главы Агафокла достигает своей кульминационной точки. «Сицилийскому царю» в это время подчиняются воинственные италийские племена, транзитный торговый пункт Коркира, часть карфагенских владений в Африке; сицилийский флот господствует в западных водах Средиземноморского бассейна. По инициативе Агафокла составляется внушительный военный союз четырех крупнейших держав древнего мира — Сицилии (Агафокл), Египта (Птолемей), Македонии (Деметрий Полиоркет) и Эпира (Пирр). В сознании Агафокла в это время мель-

Коринфская ваза

кала идея создания мировой эллинской державы с центром на западе, не уступавшей современной македонской державе с центром на востоке (в Вавилоне).

Однако смерть сицилийского царя, погибшего от яда, поднесенного по наущению его внука, расстроила планы создания западной мировой державы с центром в Сиракузах. После смерти Агафокла не замедлили обнаружиться все отрицательные стороны сиракузской великодержавности, повлекшие за собой распад всего западного объединения, созданного Агафоклом.

10. Распад эллинских и эллинистических государств

Подобно старым полисам история эллинистических царств представляет смену гегемоний одного царства другим, с той только разницей, что этот процесс в эллинистических обществах совершался в большем масштабе и на более высокой ступени социально-экономического развития. Достигнув известной, относительно высокой ступени культурного развития, эллинистические общества начинали внутренне загнивать, слабеть и становились добычей своего более сильного и молодого соседа.

Основной, конечной причиной распада как эллинских, так эллинистических государств надо считать рабовладельческий способ производства со всеми вытекавшими из него последствиями. К внутренним причинам присоединялась еще внешняя политика, вызывавшаяся, с одной стороны, торговыми и династическими причинами, а с другой стороны, — необходимостью занять массу наемников, рекрутировавшихся по преимуществу из деклассированных элементов, обеспечить их земельными наделами и регулярной выплатой содержания полноценной монетой. В случае успеха — захвата земель, людей и добычи — такого рода военная держава на короткое время могла достичь ослепительного внешнего блеска. Но при первых же неудачах или даже ослаблении захватнической политики государство начинало слабеть, эксплоатация рабочей силы — рабов и свободных — увеличивалась, следствием чего являлись массовые восстания рабов и свободных, солдатские бунты и дезертирство наемников. Внутренний рост производительных сил при всей напряженности хозяйственного организма и утонченных методах эксплоатации не был в состоянии покрыть издержки великодержавной политики. Вследствие этого наступало истощение общественного организма, слабая сопротивляемость вовне, полный политический индифферентизм, повышенная смертность, массовая эмиграция и наконец разгром государства соседними державами. Сказанное в большей или меньшей степени приложимо ко всем как эллинским, так и эллинистическим государствам. Ни одно из них не оказалось способным подняться выше определенной грани, поставленной рабовладельческим способом производства. С III в. происходит распад крупных эллинских и эллинистических государств — Сицилии, Египта, Сирии, Греции и пр.

После смерти Агафокла Сицилийская держава распалась на несколько мелких тираний, ограниченных пределами одного города, т. е. вернулась к своему исходному пункту — полису. В каждом городе сидел свой тиран, едва сдерживавший произвол наемников и с трудом оборонявшийся от покушений соседних тиранов и узурпаторов. На короткое время великодержавие Сиракуз возродилось — в середине III в. до н. э. при энергичном тиране Гиероне II, прозванном «вторым Агафоклом». После смерти же Гиерона (215 г.) Сицилия становится ареной долголетней борьбы между Карфагеном и Римом, оканчивающейся разгромом Карфагена и победой Рима.

Сказанное о Сицилии может быть отнесено и к Египту. За хозяйственным подъемом Египта при первых Птолемеях с конца III столетия последовал хозяйственный упадок, политическая анархия и военный разгром. Ближайшим толчком к ослаблению Египта послужила неудачная военная политика. Внешняя политика Египта с каждым столетием осложнялась и удорожалась, армия и флот росли, а вместе с ними росли государственные расходы и эксплоатация трудящихся классов. На почве усиленной эксплоатации рабов и свободных поднимались частые восстания рабов, переплетавшиеся с восстаниями свободных крестьян и ремесленников, происходили военные бунты, забастовки, династические перевороты и т. д. Все это конечно чрезвычайно подрывало хозяйственный организм. Население разорялось, массами эмигрировало или вымирало, государственная казна пустела, армия слабела. Одним словом, повторялась уже знакомая нам картина распада сицилийского государства.

С конца III в. Египет постепенно сходит на степень второстепенной державы, пока наконец не попадает под влияние Рима и не превращается в римскую колонию (провинцию).

После ослабления Египта, с конца III столетия руководящая роль в эллинистическом мире на некоторое время переходит к царству Селевкидов — самой обширной и многонациональной эллинистической державе. В экономическом отношении государство Селевкидов, подобно Персии эпохи Ахеменидов, представляло чрезвычайно пеструю картину. Сюда входили самые различные области — северная Сирия, Финикийское побережье, Палестина, полудикие восточные части древней Персии и Мидии. Бо́льшая часть данных, относящихся к азиатским странам, принадлежит более поздней (римской) эпохе и лишь косвенным образом может быть использована для более ранних столетий. Господствующим классом в государстве Селевкидов, как и в Египте, было служилое сословие землевладельцев и скотоводов, в зависимости от которых находились мелкие арендаторы и рабы. Главным местопребыванием аристократии служили города, в особенности столица Сирии Антиохия, более всего нам известная из описаний авторов и археологических раскопок, могил и надписей, с обширной гаванью Селевкией. Бо́льшая часть муниципальных территорий принадлежала крупным землевладельцам — аристократам и купцам, сдававшим свои

земли в аренду колонам или же эксплоатировавшим их при посредстве рабов и свободных поденщиков. Среди крупных землевладельцев видное место занимали также храмы, подобно более известным нам египетским храмам, пользовавшиеся широким иммунитетом. Представление о роли храмов в государстве Селевкидов дает иерусалимский храм Ягве, сыгравший огромную роль в истории античного мира. На основании данных, относящихся к истории Палестины, можно заключить об очень интенсивной жизни сирийско-палестино-финикийских городов и напряженной классовой борьбе между крупными и мелкими землевладельцами, с одной стороны, между должниками и ростовщиками (специально откупщиками, мытарями), — с другой. На стороне бедного населения стояли также и рабы, о численности, удельном весе которых в сирийских государствах мы, к сожалению, слабо осведомлены.

Центробежные силы в государстве Селевкидов действовали гораздо сильнее, чем в каком-либо другом из эллинистических государств. Особенно сильна была национальная вражда между селевкидами и евреями, организовавшимися около храма Ягве.

Постепенно из державы Селевкидов выделились вассальные области — Армения, Каппадокия, Понт и Вифиния, за ними последовали Бактрия и наконец территория старого Персидского царства, населенная иранскими племенами парфян — будущих грозных врагов Рима. Аналогичный путь развития проходили и все остальные эллинистические государства (Македония, Вифиния, Пергам и др.), в конце концов также превратившиеся в римские провинции.

С конца того же самого III столетия начинается упадок и причерноморских колоний, не выдержавших торговой конкуренции Египта и разорившихся. Некогда цветущие города — Ольвия, Херсонес и Пантикапея — в эти столетия беднеют и попадают в зависимость от скифских князей. Дольше других держалось Босфорское царство, столицей которого был город Пантикапея, с середины II в. при царе Парисаде, закончившем династию Спартакидов, отдавшееся под протекторат понтийского царя Митридата Эвпатора, объединившего всю Тавриду. Царство Митридата продержалось до середины I столетия до н. э., когда оно пало под ударами римлян. С II столетия кончается греческая история и начинается история мировой гегемонии Рима. Второе столетие — одно из самых бурных столетий антично-средиземноморской истории, полное войн, династических переворотов, распадов одних государств и возникновения других, полное гражданских войн, грандиозных восстаний рабов, настоящих рабских революций.

Параллельно с распадом эллинистических государств возникает много новых, пограничных с греческим миром, так называемых варварских царств. На севере Балканского полуострова появляется ряд фракийских и кельтских государств, в степях России — скифские и сарматские царства, в западной части Средиземного моря до конца III столетия держится Сицилия, постепенно поглощаемая Карфагеном

и затем Римом. На востоке складывается и расширяется Парфянское царство.

Что касается истории собственно самой Греции Македоно-эллинистического периода, то после многих войн, низвержений и восстановлений «свободы» в эллинском мире сложилось два более или менее устойчивых объединения — Этолийская федерация в средней Греции и Ахейская федерация в Пелопоннесе. В Этолийскую федерацию, основание которой относится к концу IV в. до н. э. (314 г.), входило много мелких горных и сельских областей, живших еще родовым строем и боявшихся быть поглощенными Македонским государством и потерять свою независимость. Другой организацией был Ахейский союз, в основу которого был положен союз четырех ахейских городов (280 г.). В дальнейшем Ахейский союз распространился на всю Арголиду и Аркадию, пытаясь влиять также на Спарту и Афины. Высшим органом в обоих союзах был союзный совет, состоявший из представителей городов и областей, входивших в состав союза. Исполнительная власть принадлежала стратегу, имевшему при себе коллегию демиургов. Несмотря на внешнюю демократичность, в обоих союзах руководство принадлежало олигархическим элементам — землевладельцам, скотоводам и горожанам. Масса же сельского населения фактически не могла посещать собрания и занимать должностей. На практике вся власть сосредоточивалась в руках стратега. Одним из стратегов Ахейского союза между прочим был вышеупомянутый Арат (251—213), известный своими военными талантами и консервативными взглядами. «Ему не нравился ни черный хлеб, ни плащ из грубой шерсти, но более всего он ненавидел уничтожение богатства и улучшение бедности» (Плутарх. Арат, XVI). Выступление Арата против спартанского царя Клеомена III можно рассматривать как выступление объединенных олигархических элементов против демократии, объединенной Клеоменом. Поражение Клеомена означало победу олигархов во всей Греции.

Классовая борьба в македоно-эллинистический период античной истории чрезвычайно сложна и многогранна, но все же генеральная линия этой борьбы видна. Это была борьба всех угнетеных элементов свободного и несвободного состояния против крупного землевладения и рабовладельческой системы. Сложная сама по себе внутренняя история эллинистических государств еще более осложнилась вмешательством римлян после разгрома македонского царя Филиппа при Киноскефалах (197 г.) и Ахейского союза при Коринфе (146 г.), окончательно утвердивших свою гегемонию на эллинистическом Востоке. Борьба между олигархией и демократией продолжалась и в следующий период — Рима, развивавшегося в том же направлении, как и Греция. Последней генеральной схваткой всех элементов феодализировавшегося рабовладельческого общества Средиземноморья была гражданская война III в. н. э., окончившаяся распадом рабовладельческой античности и образованием германских феодальных обществ.

11. Революции рабов

Во всех вышеописанных социальных движениях Македонско-эллинистической эпохи важнейшее место занимают движения рабов, обычно переплетавшиеся с движениями свободных и полусвободных колонов и ремесленников.

Восстания и побеги рабов имели место в течение всей истории античного мира, но своего высшего распространения и напряжения они достигают со времени Пелопоннесской войны и с тех пор не прерываются до самого конца Римской империи. В последние столетия истории Греции рабы являлись одной из главных действующих сил во всех внешних войнах и внутренних революциях. При складывавшихся тогда обстоятельствах сами рабовладельцы были вынуждены обращаться за помощью к рабам и тем самым вовлекать их в общественную жизнь полиса. Некоторые государственные деятели проектировали даже отпуск рабов. Такого взгляда держался например афинский деятель Гиперид, предлагавший (после херонейского поражения) освободить рабов и дать права клиентам. Таким образом, полагал Гиперид, афиняне сразу получили бы армию в 150 тыс. закаленных и крепких людей. К той же самой идее подходил и Клеомен III. Под ударами рабов рабовладельческие общества закончили свою историю, уступив место обществам, построенным на иной, более высокой производственной основе. Особенно богата была восстаниями рабов эпоха эллинизма, эпоха наибольшего расцвета рабовладения и наивысшей эксплоатации рабов и свободных.

Из всех античных государств в отношении рабовладения первое место занимала Сицилия — классическая страна пастбищного и зернового хозяйства. Поэтому не удивительно, что и самые грандиозные революции рабов развернулись именно в Сицилии, достигнув высшей точки после Второй Пунической войны. В этот период Сицилия уже входила в состав Римской республики, но хозяйственный уклад Сицилии сложился значительно раньше римского завоевания, что и дает право сицилийское движение рабов рассматривать одновременно как в римской, так и в греческой истории. По своей социально-экономической структуре Рим со времени установления римской гегемонии имел много общего с эллинистическими государствами, продолжателем которых он собственно и является. Римляне-завоеватели предпочитали не изменять, а по возможности сохранять старые порядки. Тот же самый принцип был применен и по отношению к Сицилии, откуда римляне заимствовали податную систему откупов, методы хозяйственной эксплоатации и многое другое. Ни в одной стране античного мира, может быть за исключением Карфагена, не было такого количества рабов, как в Сицилии.

«В Сицилии, — говорит наш главный источник по этому вопросу Диодор, сам сицилиец, — число рабов было так велико, что слышавшие это количество обычно не верили, считая это преувеличением» (Диодор, кн. XXXIV, Фрагменты).

Сицилийские рабы эксплоатировались главным образом в качестве пастухов и земледельцев на плантациях римских олигархов (всадников) и сицилийской плутократии, покупавших права на эксплоатацию ager publicus (общественное поле) на торгах в Риме и стремившихся извлечь максимум выгод как от земли, так и из подвластных им людей. От римских всадников не отставали также и греки-сицилийцы. Методы эксплоатации и обращения с рабами отличались дикой жестокостью и крайним произволом.

«Разбогатевшие сицилийцы соперничали с италиками в высокомерии, жадности и злобе к рабам».

Крупные рабовладельцы и скотоводы, говорит Диодор, имели огромное количество пастухов, которых они не кормили и не одевали, предоставляя им заниматься грабежом, «всевозможными рискованными делами и всякого рода бесчинствами».

«Сначала рабы стали убивать на открытых местах людей, путешествовавших по одиночке или по двое, затем, собираясь толпами, нападали ночью на незащищенные сельские виллы, уничтожали их, имущество грабили, а пытавшихся сопротивляться убивали. Дерзость грабителей возрастала все более и более. Сицилия перестала быть доступной ночью для путников, и исчезла всякая безопасность для местных жителей, весь остров был полон насилий, грабежей и убийств».

Вооруженные дубинами, копьями и большими пастушескими палками, одетые в шкуры волков и кабанов, сицилийские пастухи имели воинственный и устрашающий вид. За каждым следовала свора диких собак.

Среди сицилийских магнатов-рабовладельцев своей бесчеловечной жестокостью в обращении с рабами и высокомерием особенно был известен сицилиец Дамофил, из города Энны.

«Владея большим количеством земли и многочисленными стадами, Дамофил как бы старался превзойти живших в Сицилии римлян не только роскошью, но и числом рабов и бесчеловечной жестокостью в обращении с ними... Дамофил разъезжал на великолепных конях в сопровождении вооруженных рабов. Городской дом и сельские виллы Дамофила отличались сказочной роскошью, были полны художественной золотой и серебряной посудой и заморскими коврами. Дамофил давал великолепные обеды, обставленные с царской роскошью, превосходя своей расточительностью даже персидского царя. Жестокость Дамофила в отношении рабов не знала никаких пределов...

Покупая большое количество рабов, он обращался с ними жестоко, накладывая клейма раскаленным железом на тела тех, которые были рождены свободными на своей родине, но испытали плен и рабскую судьбу. Одних он в цепях отправлял на общие работы, других назначал пастухами, не давая ни одежды, ни достаточной пищи. Не проходило дня, когда Дамофил в своем самоуправстве и жестокости не истязал бы нескольких из своих слуг за самые пустые провин-

ности. Жена его Мегалида, наслаждаясь изысканными наказаниями, не менее жестоко относилась к своим служанкам и приставленным к ее услугам рабам».

Естественным следствием такого рода обращения была страшная ненависть рабов к своему господину и готовность убежать или восстать по первому представившемуся к тому поводу.

«Из-за оскорблений и мучительства обоих рабы озверели на своих господ и решили, что ничего более худшего по сравнению с тем, что они испытывают, с ними не случится...» (XXXIV—XXXVII).

В конце концов доведенные до крайности рабы сговорились убить Дамофила и его жену Мегалиду. Убийство Дамофила послужило сигналом к первой сицилийской рабской войне, продолжавшейся около пяти лет (137—132 гг.). Во главе движения стал раб сириец Эвн, пользовавшийся среди рабов и свободных огромным авторитетом, слывший за чудотворца и пророка, уже давно предсказывавшего грядущую освободительную войну. Эвн провозгласил себя сирийским царем Антиохом, долженствовавшим освободить рабов от рабства, а бедных — от бедности. Одновременно с Эвном действовали два других вождя — Ахей и Клеон, превосходившие «мага и пророка» Эвна своими стратегическими и административными способностями. Надежды рабовладельцев на ссору и вражду между вождями восставших рабов не оправдались. Рабские армии объединились в одну внушительную повстанческую армию, переходившую от одного успеха к другому. К восставшим присоединялись все новые и новые отряды мятежных рабов и свободных. Общая ненависть к рабовладельцам объединяла рабов, мелких собственников и арендаторов, страдавших не менее рабов.

«Самое же замечательное во всем этом было, что восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали вилл, не уничтожали в них имущества, ни запасов плодов и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием».

Когда молва об этом распространилась, во многих других местах также начинались «заговоры» и восстания рабов...

«В Сицилии зло росло, города забирались вместе с людьми и много военных отрядов было уничтожено повстанцами».

В конце концов составилась огромная армия, доходившая, по словам Диодора, до 200 тыс. человек.

Лишь после того, как Рим двинул целую армию под командой консула Рупилия, армии рабов отступили к городу Тавромению, где они были окружены консулом и после долгой голодовки вынуждены были сдаться. Подобно всем вообще восстаниям рабов, первая сицилийская революция рабов сопровождалась страшными опустошениями и жестокостями.

Сицилийское восстание послужило сигналом к целому ряду крупных и мелких восстаний, широкой волной разлившихся по всем странам Средиземноморья и принявших интернациональный характер. Восстания

возникали, говорит Диодор, подобно сверкающим искрам пожара от первого трута, загоревшегося в Сицилии. Восстания имели место в Сицилии, Италии, Хиосе, Родосе, Македонии, Аттике и др. В Аттике поднялись рабы — рабочие на Лаврийских рудниках, истребили стражу, овладели крепостью Суний и сильно опустошили Аттику. Помимо Сицилии и Аттики, очагом настоящих рабских войн был остров Хиос — один из крупнейших рабовладельческих центров эллинского мира. В географическом сочинении сиракузянина Нимфадора сохранился рассказ о хиосском восстании рабов середины II в. под предводительством Дримака. К сожалению рассказ Нимфадора слишком отрывочен и содержит видимые следы рабовладельческой переработки с целью запугать и удержать рабов от возможных восстаний и побегов. Собственно из передачи Нимфадора мы узнаем только о самом факте восстания и о его религиозной окраске, в той или иной мере присущей всем рабским движениям древности. После того как армия Дримака, составленная из беглых рабов, нанесла хиосцам ряд поражений, Дримак предложил рабовладельцам прекратить военные действия и заключить мир, заявив, что «все теперь происходящее не будет иметь конца, ибо все это происходит по воле божества, возвещенной оракулом». Со своей стороны Дримак предлагал рабовладельцам заключить с ним договор, в силу которого он, при условии уплаты ему некоторой дани, прекратит опустошения и сверх того выдаст им рабов, без серьезной причины бежавших от своих господ.

«Когда от вас сбегут рабы, то я, — говорил Дримак, — расследую дело, и если окажется, что они бежали от невыносимых условий жизни, я оставлю их у себя. Если же жалобы будут признаны необоснованными, то я отошлю их обратно к своим господам, к тем, от которых они бежали».

Результат договора оказался, с точки зрения хиосских рабовладельцев, как нельзя более благоприятным. Из страха перед рабским царем Дримаком побеги рабов сократились и вследствие этого доход хиосских рабовладельцев возрос. Сам Дримак появлялся только во время празднеств, брал известную дань вином и «прекрасными животными» и вообще всем, что только могли доставить ему хиосские рабовладельцы. После смерти Дримака и распада рабского царства положение вещей опять изменилось к невыгодам рабовладельцев. Хиосцы стали снова терпеть много вреда от грабежей и побегов своих рабов. «И вот тогда-то они вспомнили о гуманности покойного и воздвигли ему у себя святилище (героон), назвав его памятником «благосклонного героя»...

«Говорят, что еще и теперь Дримак является во сне многим хиосцам, предупреждая их о замыслах рабов, и те, кому он является, приносят ему жертву там, где находится его святилище» (Афиней, VI).

Немногим больше известно о движении Аристоника. Сын пергамского царя Эвмена, из династии Атталидов, Аристоник опа-

ривал престол у своего брата Аттала III, поддерживаемого Римом. К поднявшему оружие против непопулярного Аттала III Аристонику примкнула масса рабов и свободных, страдавших от сурового режима Атталидов, являвшегося копией знакомых нам порядков птолемеевского Египта. Движение Аристоника, продолжавшееся около трех лет (133—130), подобно сицилийскому движению приняло очень широкие размеры, охватив приморскую область с прилегающей к ней долиной от Эолии до Карии. В распоряжении Аристоника находилось сухопутное войско, наемники и флот.

«Аристоник, сын кифариста, но выдававший себя за сына Эвмена, наполнил всю Азию мятежами и войнами» (Плутарх).

К сожалению почти ничего не известно о программе Аристоника, как и вообще о программе всех восстаний рабов известно очень мало. Известно только, что Аристоник, призывавший к свободе рабов и свободных, смотрел на себя, подобно Эвну, как на мессию, а на своих сторонников, как на гелиополитов, т. е. граждан будущего «солнечного государства».

Упоминание «солнечного государства» в программе Аристоника в высшей степени любопытно. Это свидетельствует об известном отражении в этой программе социальных утопий, чрезвычайно распространенных в этот период. Можно предположить, что Аристоник в своем государстве думал осуществить некоторые идеи, популярные в современной ему утопической литературе. Как увидим из дальнейшего, в это время популярна была утопия, носившая название «солнечное государство». Весьма возможно, что эту утопию и думал провести в жизнь Аристоник в случае успеха поднятого им движения. Однако мысль Аристоника не получила реализации. Движение было подавлено, Аристоник разбит, взят в плен и отправлен в Рим, где и умер в одной из римских тюрем.

Историко-социологическое значение революций рабов заключалось в ликвидации рабовладельческого общества и косвенно в подготовке элементов нового (феодального) общества. При всей мощи, героизме и интернациональности движения рабы все же не могли построить нового общества на новых производственных основах. Основанные рабами общества воспроизводили порядки рабовладельческих государств с переменой лишь действующих лиц. Менялся не общественный строй, а менялись только люди. В этом принципиальное отличие революций рабов от современных пролетарских революций.

«Рабы, — говорит Ленин, — восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оставались пешками в руках господствующих классов»[1].

Около середины II в. внутреннее состояние греческих государств

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 375.

достигло крайнего напряжения. «Не было насилия и жестокости, перед которыми остановились бы борющиеся партии... Море во время самой грозной бури не представляет такого хаотического состояния, какое представляли собой в то время эллинские государства», — так характеризует состояние эллинского мира Полибий (XXX, 11). Теснимые демократами олигархи-рабовладельцы все чаще начинали обращаться за помощью к иностранным государствам — македонцам, египтянам и наконец к римлянам, втягивая их таким образом в греческие дела. Приняв на себя защиту олигархов, римляне вызвали против себя страшную национальную реакцию. Вожди антиримской партии объединили все недовольные Римом и олигархами элементы — демократов, рабов и т. д. Так, вождь Ахейского союза Дией объявил свободу сразу 12 тысячам рабов, годных к военной службе; в качестве вождя антиримских групп выступил македонский царь Филипп V (I и II македонские войны), затем сирийский царь Антиох Великий (Сирийская война 192—190 гг.) и наконец сын Филиппа Персей (третья македонская война 171—168 гг.).

Победителями из всех этих войн вышли римляне, разбившие македонцев — сирийцев и затем положившие конец Ахейскому союзу, последнему самостоятельному объединению греков (146 г.). Победа римлян в то же самое время была победой греческих олигархов-рабовладельцев, купивших эту победу ценой независимости своей страны.

С середины II в. все Средиземноморье было объединено под господством Рима. В состав Римской империи вошли все эллинистические государства. Римское объединение было самым крупным объединением античного мира, по своей социально-экономической сущности лишь немногим отличавшееся от македоно-эллинистических монархий. Вследствие этого Римскую империю можно рассматривать как одно из эллинистических государств, унаследовавшее культуру всего античного мира и затем передавшее ее западноевропейским народам.

XVII. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

1. Александрийский мусейон

Культурное развитие античного мира, начавшееся в предшествующий классический период, продолжалось и в эллинистическую эпоху, изменяясь соответственно с изменением социально-политических отношений. В отличие от классической эпохи научно-художественная деятельность в эпоху эллинизма развивалась более организованным путем, была теснее связана с политикой эллинистических царей и имела практико-педагогический уклон. Средоточием научно-педагогической деятельности эллинистических обществ был Александрийский мусейон — одновременно высшая школа, научный институт и колоссальная библиотека. Основанный в 308 г. по инициативе академика Дмитрия Фалерского, Александрийский мусейон («храм муз») являлся расширенной копией Платоновой академии и Аристотелевского лицея — первых крупных научно-педагогических организаций античного мира. По количеству ученых сил, вспомогательных учреждений, книг и учебных пособий Александрийский мусейон превосходил все подобного рода учреждения других городов — Антиохии, Пергама и Сиракуз. В I в. до н. э. в александрийском книгохранилище насчитывалось до $\frac{1}{2}$ млн. оригинальных рукописей, с большой тщательностью собранных со всего мира. Александрийские ученые библиотекари (грамматики) выполнили гигантскую работу по сбору, классификации и критическому разбору рукописей. Каллимах, Зенодот, Аристофан, Эратосфен и др. собрали и привели в порядок массу старинных рукописей и установили литературный канон (каталог) классических, т. е. заслуживающих внимания произведений поэтов и прозаиков. В конце концов составился огромный «Каталог сочинений, просиявших во всех областях образованности» в 132 книгах. Критика ученых-грамматиков сплошь и рядом отличалась излишней придирчивостью и мелочностью. Особой придирчивостью прославился грамматик Зоил, имя которого сделалось нарицательным в смысле чрезвычайно придирчивой, но пустой критики. К каждому автору прилагался особый комментарий, из которых составилась целая литература

(схолии), служащая ценным источником при изучении античной истории. Помимо Александрийского мусейона такие же мусейоны мирового значения имелись в Антиохии, Пергаме, Сиракузах и в других крупных городах. Эллинистические правительства не жалели средств на пополнение и содержание библиотек, рассматривая их как одно из средств укрепления своего авторитета в глазах общественного мнения внутри страны и за границей.

2. Наука

Наряду с архивно-библиотечной деятельностью в мусейонах велась и научно-педагогическая работа.

В классической Греции первое место среди наук занимала философия, которая охватывала все остальные науки. Совершенно иная картина наблюдается в период эллинизма. Под влиянием усложнявшихся социально-экономических отношений происходит диференциация знаний. Философия расщепляется на ряд самостоятельных наук и постепенно сближается с этикой, т. е. наукой, трактующей о поведении человека или религии (богословия). По сравнению с предшествующим периодом эллинистическая наука ставит себе более практические задачи, связанные с войной, производством, охраной человеческого здоровья, гигиеной, воспитанием и т. д. В центре научного знания эллинистической эпохи стоит математика с примыкающими к ней дисциплинами — механикой и естествознанием в широком смысле. Центром естественно-математических, как и вообще всех дисциплин, являлся Александрийский мусейон. Во главе александрийской школы математиков стоял Эвклид — составитель руководства по общей теории математики. «Элементы» Эвклида разделялись на три отдела: 1) планиметрия (кн. I—VI), 2) геометрическая алгебра, т. е. алгебра на геометрической основе (кн. VII—X) и 3) стереометрия прямоугольных тел (кн. XI—XIII). Из теоретических проблем, выдвинутых или, вернее, унаследованных Эвклидом от своих предшественников, наибольший интерес представляет учение о бесконечности (так называемая теория исчерпаний), где наиболее ярко вскрываются все особенности античной математики. Однако несмотря на все отличия древней математики от современной европейской, пути развития в обоих случаях были одинаковы.

«Демокрита и Архимеда, — говорит профессор С. Лурье, — отделяет от Кеплера и Кавальери столь незначительный логический путь, что перерыв в полторы тысячи лет и эпоха полнейшего упадка в математике одними лишь органическими дефектами самой греческой математики объяснены быть не могут».

В последнее время повысившийся интерес к античной математике и физике пролил много света на все стороны античной жизни, поставил ряд новых проблем и углубил старые. Из обширной литературы по этому отделу достаточно назвать две монографии Юнга «Особенности греческой математики» и Шольца «Почему греки не построили

систему иррациональных чисел?», вводящих в круг чрезвычайно интересных проблем античной культуры.

Из александрийской школы Эвклида вышли: Эратосфен — систематизатор теории чисел, и Архимед, создавший стереометрию круглых тел, определивший отношение окружности к диаметру (число π), основатель теории механики и гидравлики. Современник Архимеда, Аполлоний Пергейский, развил начатую Платоном теорию конических сечений. Во II в. Гиппарх составил руководство по сферической, а александриец Герон — по плоскостной тригонометрии. Тот же самый Герон, опережая Папина, открыл свойство пара и исследовал движения автоматов. В области физики заслуживает быть отмеченным уже знакомый нам перипатетик Стратон, установивший важность эксперимента в физике. На очень высоком уровне в эллинистический период находилась медицина, пользовавшаяся особым покровительством болезненного Птолемея Филадельфа, искавшего «жизненного элексира». Помимо материальной поддержки, Птолемей разрешил анатомирование преступников, что чрезвычайно расширило сферу экспериментальной медицины. Теоретическому прогрессу медицины не в малой степени способствовало соревнование между различными медицинскими школами — косской, книдской, догматической и эмпирической. Каждая из этих школ имела свои достижения в области анатомии и физиологии, в исследовании функций сердца, кровообращения и деятельности мозга (Герофил, Эрасистрат, Филин).

Школьные занятия

Второе место в научной иерархии эллинизма занимают словесные науки — языковедение и литература (филология). Обобщающим трудом в области языкознания считается грамматика Дионисия Фракийца, легшая в основу всех последующих грамматик, и затем труд Дидима о языке трагиков и поэтов.

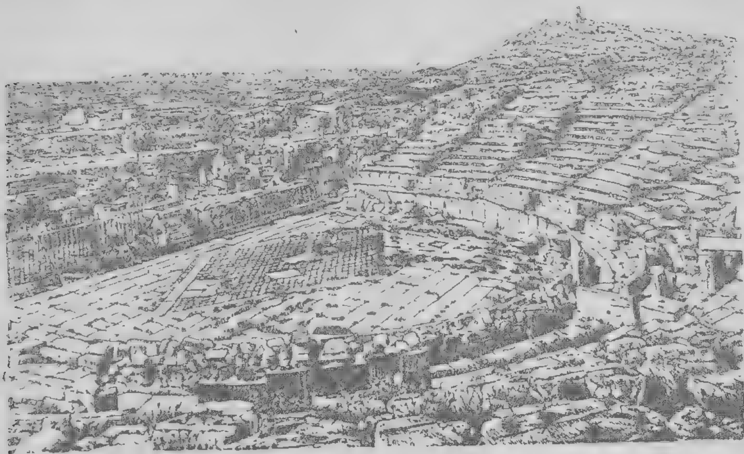
Отличительной чертой как в науке, так и в литературе эллинистической (александрийской) эпохи является богатство материала, его систематизация, метод, научный аппарат, при относительной бедности оригинальных идей. Сильная в первый период эллинизма, научная мысль ослабела к концу его в связи с общим расстройством хозяйственной жизни, ростом деспотизма и понижением общественной инициативы.

3. Художественная литература

Работы ученых александрийцев по самой своей сущности могли рассчитывать лишь на узкий круг читателей-специалистов. Несравненно более широким распространением пользовалась художественная литература: проза и поэзия. Художественная литература в Александрийскую эпоху чрезвычайно обширна и разнообразна, хотя и не всегда достаточно удовлетворительна в качественном отношении. По большей части это были переделки классических произведений, компиляции, подражания и т. п. Из литературных видов наибольшей популярностью пользовались: бытовая комедия, сентиментальный роман, буколическая идиллия, эклоги (хвалебные песни), ямбы, мимиямбы, эпиграммы и прочие виды литературы. По сравнению с классическим периодом в александрийскую эпоху социальная роль литературы изменилась. В классический период художественная литература включала в себя самые разнообразные элементы — философию, религию, политику и этику. В Александрийский же период художественно-литературное творчество сильно диференцировалось. Художественная литература превратилась в легкое чтение с целью отдыха и приятного времяпрепровождения. Перерождение литературы, искусства и театра, начавшееся еще в конце классической Греции, в эпоху эллинизма достигло своей высшей точки. Утомленная нервная система человека эллинистического города, всецело поглощенного борьбой за существование, искала забвения в наивных, освежающих стихах лириков, элегиков, эпиграммистов и комиков. В центре всех художественно-литературных жанров этой эпохи стоит человек (герой) с личными переживаниями и страстями, добродетелями и пороками. Общественные моменты и интересы отодвигались на второй план личными (субъективными) моментами и интересами. Отличительными чертами александрийской поэзии и прозы являются субъективизм и реализм, перемешанные с эротикой и сентиментализмом.

Из элегических поэтов наибольшей популярностью пользовался сицилиец Феокрит (III в.), «настоящий сын пустыни, оживляемой только стадами овец», прославившийся своими легкими и изящными песнями (идиллиями). Феокрит сделался родоначальником буколической поэзии, воспроизводящей жизнь пастухов, пастушек, рыбаков и вообще простых людей. Близкий к природе мирный пастушеский быт у Феокрита противопоставляется напряженной городской жизни и придворной атмосфере, полной всяких интриг, взаимной борьбы, зависти, лести, парадов и цере-

миналов. Несмотря на все стремления Феокрита к простоте и непосредственности, все же ему не удалось достичь их в полной мере. При всей кажущейся непосредственности феокритовских стихов в них чувствуется какая-то надуманность — черта, вообще характерная для эллинистического искусства.



Развалины театра Диониса в Афинах

Особенно широкой популярностью пользовалась комедия («новая комедия»). В легких, часто фривольных стихах комедия касалась всех острых вопросов быта, семьи, отношений полов, отношений родителей и детей, вопросов морали и пр. Но и в комедии, при всей занимательности сюжета, всегда чувствуется некоторый налет грусти и пессимизма, меньше в «средней» и больше в «новой» комедии. Главными героями «средней» комедии являются женщина и мужчина, обманутая жена и обманутый муж.

«Как несчастлив тот, кто женится во второй раз. Если бы он знал, что такое женщина, он никогда не женился бы во второй раз...» — таков лейтмотив александрийской комедии. Много внимания в комедии уделяется еде, питью и пьянству и одновременно с тем злой критике и высмеиванию литературных критиков, философов и ученых.

«Оставим, — говорится в одной комедии наиболее талантливого представителя средней комедии Алексиса, — весь этот вздор софистов, пифагорейцев, академиков и лицеистов, в которых я не вижу ничего путного, и будем пить напропалую и жить весело, пока есть, что пить и на что пить!» «Да здравствует шумный беспорядок! Манес. Нет ничего приятнее желудка. Желудок — это твой отец, твоя мать. Добродетели, посольства, начальствования — все это суета, пустой шум призрачного мира. В день, определенный богами, смерть наложит на тебя свою леденящую руку. Что останется жить тогда? То, что ты съел и выпил

и ничего больше. Все остальное прах, прах Перикла, прах Кодра и Кимона!»

Еще более безотрадно и мрачно смотрели на жизнь представители более поздней, так называемой «новой» комедии, — Менандр, Филиппид, Дифил и Аполлодор. Сюжеты «новой» комедии чрезвычайно разнообразны. В них фигурируют: жестокий отец и муж, тиран дома, обманывающая мужа жена, страдающая по своем возлюбленном дочь, развратный сын, обманывающий отца, хитрый раб, выручающий из беды своего господина, работорговец, сводня, хвастливый солдат, рассказывающий о своих мнимых подвигах, и многие другие сюжеты, рассчитанные на невзыскательный вкус городского обывателя. Но интересно то, что, несмотря на весь смех и сатиру, основной мотив всех этих комедий крайне пессимистичен.

Человеческая жизнь трудна и бессмысленна — вывод, который повторяют все виды и жанры эллинистической литературы.

«В немногих словах мою мысль можно выразить таким образом, — говорит один из героев комедий Менандра: — ты человек и потому больше всех других подвержен мгновенным переходам от унижения к величию и потом от величия к унижению. И это вполне понятно и справедливо. Человек, существо столь хилое по своей природе, пускается на огромные предприятия, и когда он падает, то и все его блага погибают при этом. Все другие существа гораздо счастливее и рассудительнее человека. Взгляните например на этого осла. Его доля бесспорно жалкая. И однако ничего злого не приключается ему по собственной вине. Он знает только те беды, которые даны ему природой. Мы же, напротив, кроме неизбежных невзгод сами создаем себе еще и другие. Чихнет ли кто-нибудь — мы беспокоимся, произнесет ли кто-нибудь неблагоразумное слово — мы выходим из себя, приснится ли кому-нибудь сон — мы в страхе, прокричит ли ночная сова — мы трепещем и т. д. Соперничество, слава, честолюбие, закон — все это беды, прибавленные нами к злу, уже данному природой».

Понижение интереса к крупным социальным проблемам нашло свое отражение в ослаблении художественно-научного творчества, отчетливо проявившемся к концу эллинистического периода. Социальные связи и отношения, сложившиеся на рабовладельческой основе, порывались, уступая место новым организациям полуфеодального порядка. В мелкособственнических, индивидуалистических тенденциях скрывается также и причина распространения всякого рода мистических сект и настроений, характерных для идеологии эллинистических обществ. Наконец и политическая форма эллинизма — бюрократическая монархия также в значительной степени вызывалась слабостью социально-экономических связей; в этом же и корень крайней неустойчивости эллинистических деспотий, постоянных династических переворотов и обожествления царской власти. Под внешним блеском эллинистических обществ скрывались чувства протеста и возмущения. При деспотическом режиме эллинистических монархий не существовало никаких отдушин для выявления общественных

и индивидуальных страстей, нужд и настроений. Вследствие этого общественная мысль и чувства искали выхода в художественной литературе, поэзии, религиозном сектанстве и создании всякого рода социально-политических утопий, романов и пр.

В художественной литературе упадочность выражалась в усилении риторического и нравоучительного элемента. С каждым поколением увеличивался риторический и нравоучительный элемент, в конце концов совершенно убивший литературно-художественное творчество. Из непосредственного согреваемого живым чувством творчества литература превратилась в сухой дидактический (нравоучительный) роман, написанный шаблонными стихами или размеренной прозой.

В количественном отношении александрийская литература колоссальна. Плодовитость литераторов того времени превосходила всякую меру. Антифану например приписывали 280, Алексису — 240 комедий, Менандру — 200 пьес, Филемону — 150 и т. д.

4. Социальные романы и утопии

Из всех видов александрийской (эллинистической) прозы и поэзии наибольший историко-культурный интерес представляют социальные утопии и романы. Это почти единственный вид литературного творчества, где еще оставалась живая социальная струя. В социальных романах описывались чудесные страны, куда после долгих странствований попадали путешественники, герои романа, от лица которых велся рассказ. Чаще всего фигурировали счастливая Аравия и страна чудес и фантазий Индия. Скученной городской жизни с ее шумной сутолокой улиц, плохим воздухом и бедной растительностью противопоставлялась исполинская природа Индии и счастливой Аравии с их чудной растительностью — розами, ладаном, миррами, кипарисами, палящим солнцем и чистой водой. Жизнь в этих странах, по романам, протекает на лугах, среди богатейшей природы, среди зелени и самых разнообразных пород цветов и ручных животных. Между Аравией и Индией находятся острова блаженных, населенные сказочным племенем панхес. Благочестивое и счастливое племя панхесов, делившееся на три касты, управляется царями и жрецами. В другом произведении, приписываемом греческому купцу — путешественнику Ямбулу (древний Марко Поло), тоже рассказывается об островах блаженных: там великолепная природа, приятный воздух, с математической точностью повторяющиеся приливы и отливы моря, одинаковой продолжительности дни и ночи, богатейшая растительность, масло и вино в изобилии, плоды тростника сами собой превращаются в сладкий хлеб, вечно сияет солнце. Люди «солнечного царства» (гелиополиты) наслаждаются цветущим здоровьем, правильно и стройно сложены, живут до 150 лет и, достигнув глубокой старости, сами себя лишают жизни. Больных и инвалидов в «солнечном царстве» не бывает, нет также врачей — все делает природа. Гелиополиты религиозны, поклоняются солнечному

диску и звездам как самым святым и чистым созданиям природы. Живут они группами по 300—400 человек в каждой. Во главе каждой группы стоит патриарх (родовой царь, филобасилевс). Существует правильная смена труда, уничтожающая однообразие, калечащее человеческую природу. Граждане «солнечного царства» попеременно занимаются умственным и физическим трудом — ремесленничают, собирают плоды, управляют, прислуживают и т. д. Частной собственности в Гелиополисе не существует ни в каком виде, не существуют также семьи, проведена общность жен. Дети принадлежат всей общине и никому в частности. После рождения дети подвергаются испытанию и отбору и только наиболее крепких из них оставляют в живых. Живя в условиях роскошной природы, на вечно цветущих лугах, гелиополиты усердно занимаются науками, в особенности астрономией, т. е. наблюдением над жизнью их главного бога — неба.

Вышеприведенные отрывки из произведений Эвгемера и Ямбула, сохраненные Диодором Сицилийским, весьма типичны для социальных настроений и социально-политических утопий Македоно-эллинистической эпохи, завершившей историю эллинских полисов. Действительная же жизнь этой эпохи была полной противоположностью тому, что изображалось в утопиях и романах. Неудовлетворенные окружающей жизнью люди, уставшие от тяжелой борьбы и во всем разочаровавшиеся, стремились натурализироваться, раствориться в природе и сделаться гражданами воображаемого «солнечного царства».

Главным местопребыванием писателей, поэтов, художников и ученых служили царские, аристократические и купеческие дворы. Подобно своим предшественникам, греческим тиранам, эллинистические цари в целях придания большего блеска своей власти выступали в качестве меценатов, покровителей наук и искусства, собирая вокруг себя всех тогдашних знаменитостей — поэтов, художников, писателей и ученых. Связь и зависимость от царя и двора наложили соответствующий отпечаток сервилизма на все литературные и ученые произведения того времени. Более всего преисполнены сервилизма произведения придворных историографов (Каллисфена, Клитарха, Онесикрита и др.), лишенные глубины и одухотворенности историков классической эпохи. Не избежал сервилизма и наиболее одаренный поэт эллинизма Феокрит, не в меру превозносящий в своих «Посланиях» к Птолемею и Гиерону II общественные заслуги и личные качества своих покровителей. В одной из своих эклог Феокрит например превозносит до небес Птолемея II, «властителя многих пространств на суше и на море». В изображении Феокрита Птолемей представляется всесильным монархом, «подчинившим тысячи стран и несметные тысячи разных народов, владеющим густо населенными городами». Из всех подвластных Птолемею стран первое место занимает Египет. В Египте волей Птолемея возведено бесчисленное множество городов: «Три целые сотни, еще три тысячи, кроме того еще тридцать тысяч да плюс два раза по три тридцать тысяч» — в общей сложности 33 333 городов!

«Мощным копьем потрясая своим, Птолемей златовласый,
Много заботится он, чтобы отца уберечь достоянье,
Но как доброму подобает царю и сам прибавляет.
Но не без пользы в богатом дому его злато хранится,
Как муравьев беспрерывно трудящихся в куче богатство.
Многое славные храмы богов от него получают,
Первые им достаются плоды и иные подарки.
Многое в дар раздается могучим царям именитым,
Многое и городам и товарищам многое добрым...
Радуйся, царь Птолемей! Воспевать тебя буду я равно
С полубогами другими...»

(Феокрит, Эклога, XVII.)

5. Эллинистическое искусство

Реализм, психологизм и эротизм, с одной стороны, совершенство формы, с другой, характерные для александрийской литературы, не менее характерны и для всех видов пластического искусства этой эпохи. Некоторые историки искусства (Граф, Античная портретная галлерея, Овербек, История греческой пластики) в эллинистическом искусстве находят многие черты, роднящие его с искусством барокко и затем рококо. Как и в предшествующий период, среди пластических искусств на первом месте стояла архитектура — постройка храмов, дворцов, театров и богатых частных домов. Эллинистические постройки отличались огромными размерами, восточной роскошью и строились из дорогих материалов на выступах гор или на морских террасах. Дворцы и храмы занимали огромные пространства, состоя из целой системы перистилей, парадных зал, жилых помещений и служб. Куполообразные здания поддерживались массой колоннад, украшались тысячами мраморных и бронзовых статуй, утопали в зелени деревьев и цветов. Представление об эллинистической архитектуре дают римские постройки позднейшей империи — Колоссей Веспасиана, триумфальная колонна Траяна, термы Каракаллы и Константина, цирки, театры, литературные и музыкальные залы (одеоны) и т. д. Колоссальностью зданий и роскошью обстановки старались подчеркнуть могущество и прочность царской власти, возвышающейся над скромным жильем обыкновенных людей. Примеру царей и жрецов подражали дворяне, бюрократы, купцы и богатые ремесленники. Из сакральных построек эллинистической эпохи своим размером и пышностью выделялся храм Артемиды в Эфесе, построенный на месте старого храма, сожженного Геростратом в день смерти Александра Великого, и храм Аполлона в Дидимах, близ Милета. С наибольшей яркостью новые архитектурные принципы проявились в постройках городов. В архитектурном отношении эллинистический город, как уже говорилось выше, сильно отличается от старых городов классической Греции, более напоминая современные города. Города строились на рациональных основах, на основах предварительных планов и проектов, вырабатывавшихся учеными архитекторами-специалистами. Улицы пересекались под прямыми углами, были вымощены камнем, ос-

вещались и очищались. Родоначальником нового (рационального) направления в античной архитектуре считают Гипподама из Милета, современника Перикла, а его наиболее талантливым продолжателем — Димократа, строителя Александрии. Необходимой принадлежностью всякого города считался общественный парк. Так, Александрия славилась своей «Рощей Пана» (Панейон,), Антиохия — своей Дафной, по богатству построек и роскоши не уступавшей французскому Версалю эпохи Людовиков.

Дворцы, храмы и частные дома украшались статуями, изображавшими антропоморфизированных богов, царей, знатных и богатых домовладельцев. Эллинистическая скульптура не меньше архитектуры поражает размерами своих произведений, виртуозностью техники, удивительным сходством с оригиналом и уменьем передавать самые сложные движения человеческой психики. По совершенству передачи идеального человеческого тела первое место среди многочисленных образцов эллинской скульптуры принадлежит мраморным и бронзовым скульптурам Эвтихида, Эпигона, Хареса, Полидора и многим другим первоклассным скульптурам эллинистического художественного мира. Статуи Аполлона Бельведерского, Венеры Милосской, Венеры Капитолийской, Венеры Медичи, статуя Победы и многие другие шедевры эллинской скульптуры передают характерные черты изобразительного искусства своего времени, техническую виртуозность, прекрасное знание человеческого тела и реализм, переходящий в эротику. К этому же типу принадлежит и статуя бога Сараписа Бриаксида, использующая старый (фидиевский) сюжет, но переработанный в стиле своего времени. Другой тип скульптуры, также очень характерный для художественных представлений людей эллинистической эпохи, представляют группы Лаокоона, Гигантомахия, Фарнезский бык, Умирающий галл. При различии сюжетов всем названным группам присущ один общий сюжет: борьба между жизнью и смертью. Трагизм положения и беспомощность человеческих существ перед надвигающейся смертью схвачен и передан с поразительной силой и художественным мастерством.

Реализм и эротизм, отмеченные в скульптуре, нашли свое выражение и в живописи, о которой дает представление помпеянская живопись. Сюжетом художественных картин, как и скульптурных рельефов, служили ландшафты, сцены из повседневной жизни и из мифологии, препарированной в духе современного общества. Среди многообразных видов эллинистической живописи особое место занимали мозаика, составленная из мелких разноцветных кусков мрамора или стекла, и портрет. Известные нам главным образом из египетских и помпейских раскопок портреты подтверждают вышесказанное о характере эллинистического искусства. Из многочисленных соперничавших друг с другом художественных школ наибольшим влиянием пользовались сикионская школа Апеллеса, родосская Протогена и александрийская Антифила.

Саркофаг Александра Македонского

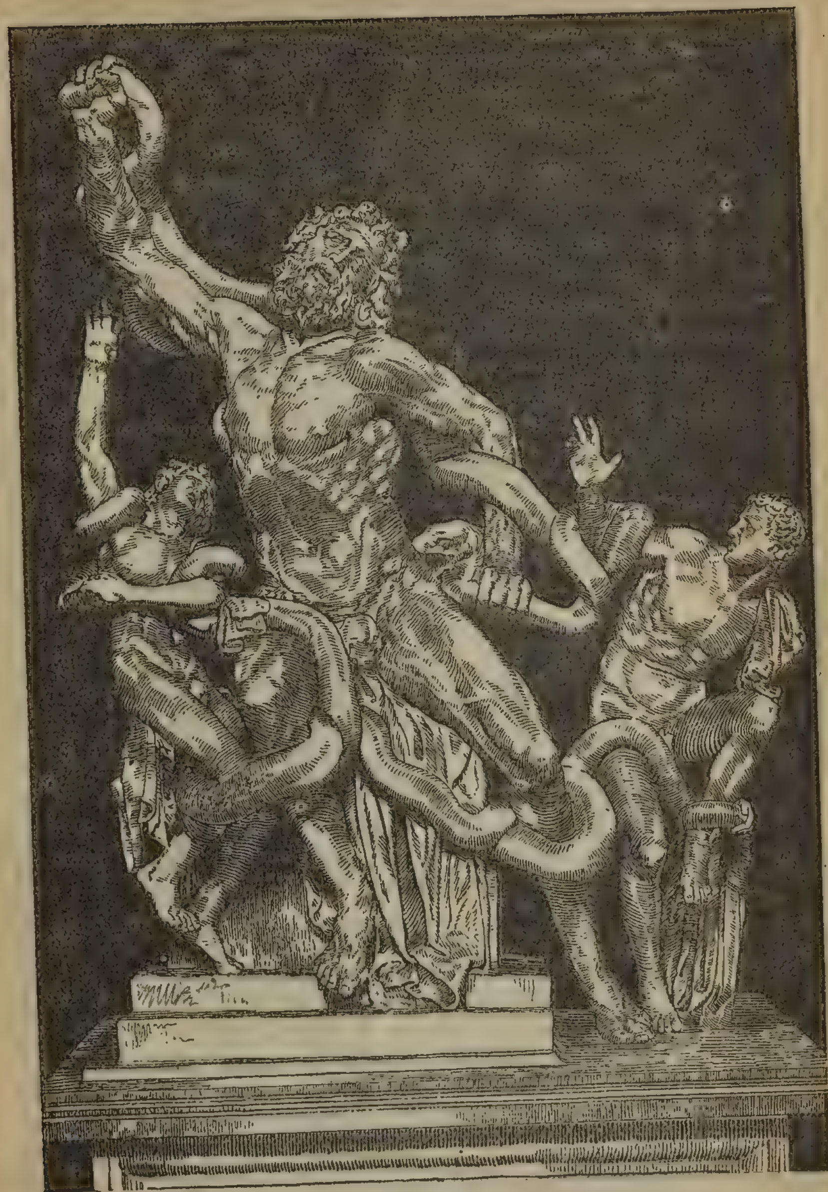
К концу эпохи, в связи с общим кризисом, наблюдается **вырождение** и в пластическом искусстве, сказавшееся в преобладании формы над содержанием, грубом натурализме и чувственности. Примером начинавшегося художественного упадка могут служить описываемые в «Естественной истории» Плиния **колоссы**, поражающие своими размерами, не оправдываемыми никакими художественными соображениями. О характере эллинистического искусства, говорит Плиний, свидетельствуют бесчисленные примеры. Прежде всего колоссы статуй, высотой с башню. Таков например Аполлон из понтийского города Аполлонии, высотой в 30 локтей, стоивший 500 талантов. Конная статуя Лисиппа в Таренте в 40 локтей, в особенности же колосс Солнца на Родосе, отлитый Харесом, учеником Лисиппа. Родосский колосс достигал 70 локтей. Изваяние простояло 56 лет и затем упало от землетрясения.

«Это настоящее чудо искусства. Не всякий сможет обнять один его большой палец, который своими размерами превосходит обычную статую. Изготовление Родосского колосса потребовало целых 12 лет и стоило не менее 300 талантов (**Плиний**, Естественная история, XXXIV, 17).

Кроме художественной литературы, прозы, поэзии и картинных галлерей в эллинистических городах существовало немало всякого рода других развлечений: конские состязания, театры автоматов, цирки и парки с говорящими попугаями, пишущими слонами, дрессированными обезьянами, петушиными и перепелиными боями и мн. др. Население эллинистических городов, по большей части греки, македонцы и евреи, было очень подвижно и любило всякого рода зрелища, развлечения и празднества.

6. Эллинистическая философия и религия

Упадок творчества, обнаруживаемый в последние века эллинизма, имел место также и в философии, постепенно вырождавшейся в богословие. Подобно скульптуре, литературе и всем остальным видам искусства, философия в эпоху эллинизма сильно диференцировалась. Значительная часть проблем, в прежнее время входивших в состав философии, теперь отошла к другим областям знания. Чем дальше, тем все больше в центр философской мысли становится **этика** с религиозной окраской. По мере ослабления и внутреннего перерождения эллинистических обществ наступала пора равнодушия к крупным философским проблемам, за которой следовали апатия, автаркия (крайний субъективизм) и наконец **мистицизм** как логическое следствие психической апатии. Интерес от общих вопросов постепенно передвигался в сторону **частных**, **личных** вопросов. На первый план выдвигалось уже не общество, а личность и соответственно с этим социальная этика превращалась в индивидуальную этику, учившую о методах поведения для достижения субъективных успехов. «Живи не-



Лаокоон
(мраморная группа родосских художников — Агезандра, Полидора и Афенодора)

заметно» — таков лозунг практической морали эллинистической эпохи. В литературе выражением подобного настроения был особый биографический жанр, выразившийся в составлении биографий великих людей прошлого и настоящего. Биографии составлялись таким образом, что читатель из чтения жизнеописаний великих людей мог вынести нечто полезное и для себя в смысле приобретения новых методов более успешного устроения в жизни. Таковы например знаменитые «жизнеописания» Плутарха из города Херонеи, составленные в эпоху Римской империи, но по своему стилю и характеру вполне принадлежащие эллинистической эпохе.

Все особенности эллинистической философии нашли свое отображение в трех главных философских системах, господствовавших в эллинистическую эпоху: 1) киников (циников), 2) стоиков и 3) эпикурейцев, в основе своей сложившиеся еще на почве классической Греции. Все направления философской мысли эпохи эллинизма имели одну общую черту: все они в большей или меньшей степени служили выражением протеста против социальных порядков эллинистических обществ. Главные идеи наиболее популярной философии киников сводились к провозглашению свободы духа и отрицанию всего, что может нарушить «внутреннюю свободу». Свобода духа, учили киники, выражается в нечувствительности к стремлениям и в способности их преодоления. Отсюда между прочим делался вывод об отрицании богатств и всех средств, ведущих к их накоплению. На жизнь киники смотрели как на тяжелый путь Геракла, переходившего от одного страдания к другому. Провозглашая принцип естественности и простоты, киники в своих крайних проявлениях отрицали все социальные учреждения — собственность, семью, брак, государство, науку и искусство, доходя до проповеди полной социальной аморфности. Среди киников наибольшей известностью в этом отношении пользовался Диоген Синопский, ученик и современник родоначальника кинической философии Антисфена — любимого ученика Сократа. Своим отечеством Диоген считал не полис или какое-либо национальное государство, ограниченное определенными пределами, а всю землю.

«Если вспомнить, насколько греческая мысль была связана с полисом — национальной и местной ограниченностью, то легко понять, сколь знаменательна эта мысль Диогена, получившая потом дальнейшее развитие в кинической философии» (Виламовиц).

Среди интеллигенции большое распространение получило учение стоиков, в своих последних основах, в признании «естественности» высшей основой добродетели, слившееся с киниками. «Все справедливое, — говорили стоики, — существует по природе (фюсис), а не по закону и праву».

Основателем стоицизма считается Зенон из Китиона, города на острове Кипре (родился в 340 г.), и его продолжатель Хризипп (родился в 383 г.). Полного же своего расцвета стоицизм достиг в

эпоху Римской империи в лице Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелия. Философия и гносеология, с точки зрения стоицизма, имеют лишь прикладное значение, как средство правильного поведения согласно добродетели. Задача всех наук, включая сюда философию и физику, состоит в определении понятия добра и в установлении соответствующей этому понятию этики. При правильной организации внутреннего (психического) мира «согласно природе» человеку не страшны никакие внешние невзгоды и потрясения. Никакие материальные невзгоды не могут омрачить настроения человека, познавшего самого себя и поступающего согласно добродетели. У позднейших стоиков этика добродетели сливается постепенно с религиозной этикой, и внутренней опорой человека становится божество. Стремление человека слиться или раствориться в божестве превращается в высший постулат стоицизма.

«Бог близок к тебе, с тобой и в тебе... Блюститель и страж всякого блага и зла внутри нас. Бог — разум и душа мира, управляющий вселенной и человеком».

Таким образом все сливается в одно целое, в один космос. Религиозный космополитизм как нельзя более гармонировал с космополитизмом Сицилийской, Македонской, а затем Римской империй.

«Мир един из всех вещей и бог един во всех видах, и бытие едино, и закон един, и общий разум у всех разумных существ и истин едины. А вследствие этого, значит, одна и цель у однородных, наделенных тем же разумом существ».

Вселенная также едина, хотя она и состоит из тысяч отдельных частей или тел. Постоянная смена политических гегемоний, возвышение одних государств и падение других, смена одной власти другой и пр. — все это вместе создавало благоприятную почву для возрождения старой, известной еще восточным царствам, теории вечного круговорота. Мир, рассуждали стоики, — это ряд постоянных перемен, постоянных смертей и возрождений. В мире все остается неизменным, заменяется только форма, внешняя оболочка, самая же сущность остается неизменной.

«Всегда люди женились, воспитывали детей, болели, умирали, воевали, праздновали, путешествовали, занимались земледелием, льстили, упорствовали, подозревали, злоумышляли, молили о смерти, роптали на судьбу, любили, копили сокровища, домогались власти или царства».

Так проходит одна эпоха за другой. Одна умирает, другая рождается. Сменяются судьбы целых народов, и в конце концов все падает и рассыпается в прах. Последовательно проведенный стоицизм с логической неизбежностью приводил к отрицанию всякой, в особенности общественной деятельности и к вере в судьбу. Построенная на добродетели этика, учили стоики, требует «не быть рабом никакой вещи, не зависеть ни от какой случайности, ни от какой необходимости, быть равным самой судьбе».

До какой степени в эти столетия была популярна теория кру-

говорота, органически связанная со всей философией стоицизма, доказывает «Всеобщая история» Полибия, одного из крупнейших историков и рационалистически настроенных людей античного мира. Сын богатого гражданина из города Мегалополя, Полибий (родился в 205 г.) вполне принимает теорию круговорота и под углом этой теории рассматривает и оправдывает завоевательную политику Рима.

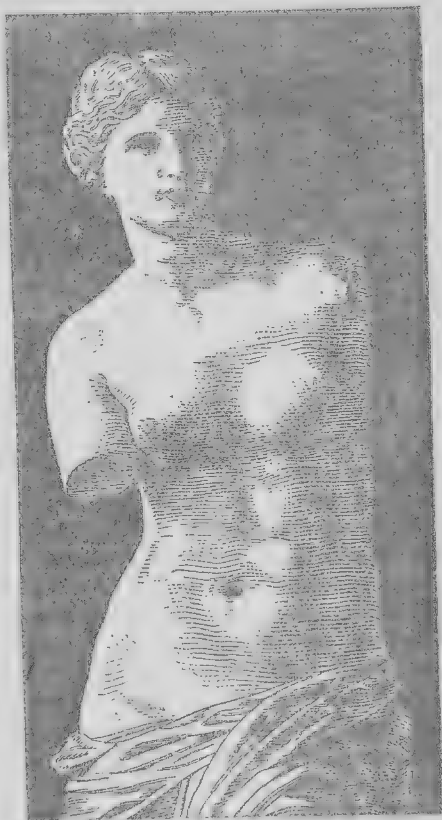
«Круговорот государственного общежития — порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одни в другие и снова возвращаются».

Одной из многочисленных разновидностей стоицизма было эпикурейство — учение, на первый взгляд прямо противоположное стоицизму. В то время как стоики проповедывали спокойное (стоическое) отношение ко всем превратностям судьбы, эпикурейцы выдвигали телесные удовольствия. Философская же сущность того и другого учения одинакова. Эпикурейцы, подобно стоикам, за философией и наукой признавали лишь практический смысл. Как для тех, так и для других философия была лишь фундаментом этики. Индиферентизм ко всему, кроме физических и нравственных удовольствий, оправданных добродетелью, сближает эпикуреизм со стоицизмом. Наиболее крупным представителем эпикурейства считается Эпикур с острова Самоса, современник Зенона (родился в 342 г.). Эпикур, по преданию, написал 300 книг, в которых он с большой подробностью развивал свою доктрину. В своих гносеологических воззрениях ни стоики, ни эпикурейцы не были оригинальны.

Стоики в основном принимали философию Антисфена, ученика Сократа, основателя кинической школы, проповедовавшего опрощение. Предшественником эпикурейства был Аристип из Кирены, положивший в основу своей философии чувственное удовольствие (гедонэ, гедонисты), кроме того известно, что Эпикур принимал теорию Демокрита об атомах. Своего логического завершения стоико-эпикурейская философия на греческой почве нашла в лице Пиррона, уроженца Пелопоннеса, современника Александра Македонского, и его ученика Тимона. Пиррон совершенно отрицал возможность общеобязательной истины, за отсутствием надежного критерия таковой. Проводниками наших знаний, учил Пиррон, являются чувства, чувства же людей разны, следовательно должны быть различны и истины, получаемые через чувства. Понятия добра, зла и прочее, — все это условные понятия и всегда могут быть заменены другими. Из недостоверности познания скептики (последователи Пиррона) делали вывод о бессмысленности активной жизни и видели высшее счастье в автаркии, т. е. в отказе от всех общечеловеческих интересов и общей жизни.

Каждая из названных школ распадалась на много ветвей. У каждой школы имелся свой глава, около которого группировались его ученики и почитатели. Число членов каждого кружка (гетерии) было невелико. Кружки держались замкнуто и враждебно относились к другим направлениям. Большого влияния на широкие народ-

ные массы они не имели. Большей частью это были интеллигентские кружки — гетерии, собиравшиеся время от времени в каком-либо доме или клубе, подобно тому как ремесленники собирались в своих дейпенаториях. Кружковщина (мелкие союзы), очень распространенная в классической Греции, особенно широкие размеры приняла в эллинистическую эпоху вследствие роста «просвещенного абсолютизма» и постепенного ослабления интересов к общественной деятельности. Ожесточенная борьба между философско-литературными школами и кружками свидетельствовала о многочисленных противоречиях, скрывавшихся в недрах эллинистических обществ.



Венера Милосская
(мраморная статуя в Лувре, Париж)

Одним из вопросов, который волновал эллинистические общества, была религия. Против все более укреплявшихся мистикорелигиозных течений повели энергичную борьбу атеисты. Из несомненно значительного числа произведений греческих атеистов этой эпохи до нас дошли некоторые, хотя и скудные отрывки. Среди греческих атеистов большим авторитетом пользовался Теодор Киренский, прозванный Безбожником (атеистом), и в особенности его ученик Эвгемер.

В главном своем сочинении «Священной истории» Эвгемер стремился рациональным путем объяснить религию и происхождение богов. Боги и герои в глазах Эвгемера — не более как простые люди, превосходящие лишь средний уровень людей. Богами и героями они сделаны за их заслуги и подвиги. Отсюда Эвгемер делал вывод о законности обоготворения царей, оказавших услуги своей стране. Учение Эвгемера пользовалось большим влиянием среди эллинистической интеллигенции. Влияние эвгемеризма чувствуется даже на таком консервативном историке, как Полибий.

Несмотря на популярность атеистической литературы, в последние века эллинизма перевес получает все же мистико-религиоз-

ное направление как более соответствовавшее эпохе кризиса, обнищания и политического оцепенения. В отличие от древних религий с их первобытной непосредственностью эллинистические религии имеют надуманный, рационалистический характер. Каждая религия включала в себя элементы самых различных религий (религиозный синкретизм) и имела своего творца или основателя.

На эллинистической почве перемешались самые разнообразные религиозные системы Востока и Запада. Больше всего прозелитов (сочувствующих) имела религия фригийской богини Кибелы, известной под именем божьей матери (Великая мать). В основу этой религии положен миф о несчастной любви Кибелы к пастуху красавцу Аттису. Страстно любящая Кибела силой своего чувства воскрешает трагически погибшего Аттиса. Вера и любовь побеждают смерть — таков лозунг фригийской религии. Посвященные в тайны этой религии (мисты) старались путем экстаза достичь такого состояния, когда они, по учению их религии, и сами превращались в бессмертные существа, близкие к богам.

«Рассейте страх ваш, мисты, бог спасен.
Залог спасенья дан и нам отныне!»

На египетской почве сложилась религия Изиды и Сераписа. Подобно тому как мисты Кибелы старались слиться с Аттисом, египетские мисты стремились превратиться в Осириса (Сераписа). Основателем обеих названных религий считался жрец Деметры Тимофей из Элевсина, объединивший разрозненные элементы в одно более или менее связное целое. Религии Кибелы и Сераписа носили грубо-чувственный характер, имели сложный ритуал и большой штат жрецов. На этот же самый период эллинизма, совпадающий с еврейской диаспорой (рассеяния по всей ойкумене) приходится и перевод еврейских книг Ветхого завета на греческий язык, выполненный комиссией 70 переводчиков, в русской литературе известных под именем 70 толковников (середина III в. до н. э.). В середине II в. среди еврейских ученых Александрии большой известностью пользовался Аристобул, автор «Книги мудростей». Философия Аристобула представляла собой смесь философии Платона и Аристотеля с учением еврейских равви. Бог, по учению Аристобула, отделен от мира и проявляется в мире через посредство особой божественной силы Логоса (слова). Создание мира понимается Аристобулом как божественное превращение хаоса в мир. Сам Логос в системе еврейских философов-богословов персонифицируется в мировую душу творца мира и посредника между богом и миром. Завершителем еврейского богословия был Филон, живший в конце I столетия до нашей эры. С Логосом были связаны многие религиозно-мистические фантазии и социальные утопии — стремление людей к переходу в новый, чистый и светлый мир.

Из сказанного следует, что все эллинистические религии в ко-

нечном итоге стремились к одной цели: увести людей из действительного мира в фантастический мир религии, отвлечь от суровой действительности обещанием блестящих перспектив в будущей, загробной жизни. Религиозная фантазия была одной из разновидностей знакомых нам социальных утопий и романов, во множестве появлявшихся на эллинистической почве.

В отношении религиозных настроений, как и вообще в отношении всего уклада жизни, эллинистическая эпоха во многом напоминает Римскую империю эпохи зарождения христианства (I—II вв. н. э.). Как здесь, так и там религиозно-мистические и индивидуалистические настроения явились следствием разложения рабовладельческих обществ, ослабления социальных связей, бедности и угнетенности масс. За отсутствием других каких-либо возможностей выявления общественных настроений и протеста общественной мысли приходилось прятаться в религиозные формы и в формы буколической поэзии, биографии великих людей и т. п.

Все, что Энгельс говорит по отношению к римскому обществу mutatis mutandis, может быть также отнесено и к эллинистическим обществам.

«Налоговое бремя и проистекающая из него нужда в деньгах... все дальше толкали крестьян в долговое рабство к ростовщикам и породили крупное имущественное различие, обогащали имущих и доводили до полной нищеты бедных. Всякое сопротивление отдельных мелких племен и городов могучей Римской империи было безнадежно. Где же тогда оставался выход, спасение для порабощенных, угнетенных и обнищавших, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми, совершенно противоположными друг другу интересами? И все-таки такой выход, который охватил бы всех их в одном великом революционном движении, такой выход должен был найтись. И он был найден. Но не в этом мире. При тогдашних условиях этот выход мог быть найден только в области религии»[1].

---

[1] Энгельс, Из истории первоначального христианства, 1919, стр. 29.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ

(годы до нашей эры)

Эгейские общества

Около
2500 **Раннеминойский период** (период меди)
Около
2000 **Среднеминойский период** (период меди и бронзы)
Около
1500 **Позднеминойский период** (период бронзы)
1184 Падение Трои

История Греции

XIII в. Заселение западной части Малой Азии греками
XII в. Переселение дорян
VIII в. Гомеровские поэмы
VIII—VII вв. Эллинская колонизация
776 Начало летоисчисления по олимпиадам
668 Появление чеканной монеты в Греции
735 Основание Сиракуз
VII в. Лидийская электронная монета
VII в. Начало тирании в Малой Азии
655 Кипсел, Коринфский тиран
648 Песни Архилоха Паросского
VI в. Элегии Алкея и Сафо
621 Законы Дракона
610 Элегия Солона «Саламин»
600 Тирания Периандра
594 Архонтство Солона
560 Поликрат Самосский
551 Победа Писистрата при Паллене
525—456 Трагик Эсхил
525 Завоевание Египта Камбизом
513 Походы Дария против европейских скифов
506 Реформы Клисфена
499 Выступление ионийских городов против Персии
496—406 Софокл
494 Завоевание Милета персами
492 Поход персов на Грецию
490 Завоевание Гелоном Сиракуз
490 Марафонская битва
435—496 Эврипид
434—424 Геродот
483 Морской закон Фемистокла
482 Изгнание Аристида
480 Битва при Фермопилах
480 Битва при Саламине
479 Спартанцы посылают помощь Афинам (Павзаний)
479 Битва при Платее
497 Битва при Микале
478 Возведение афинских стен, создание крупного флота афинянами
478 Афинский морской союз
476 Кимон делается стратегом
472 Война Акраганта с Сиракузами
470 Восстание Наксоса
470—395 Историк Фукидид
466 Кимон в Херсонесе
464 Землетрясение и восстание илотов в Спарте
462 Афины приходят на помощь Спарте
461 Остракизм Кимона
459 Афины нападают на Египет
457 Постройка „Длинных стен" в Афинах
450 Поселение клерухов в Андросе и Наксосе
454 Союзная казна перевозится в Афины
454 Закон об отчислении $^1/_{60}$ податей союзной казны в пользу Афин

449 Мир между Афинами и Спартой, между греками и персами
448 Панэллинский конгресс
447 Постройка храма Афины Парфенос
446 Мирный договор со Спартой
446 Поселение клерухов в Эвбее, Лемносе и Имбросе
446 Отпадение Мегары от Афин
445 Изгнание иностранцев из Афин
444 Поселение клерухов в Брес
442 Остракизм Фукидида
440 Восстание на Самосе
437 Постройка Пропилей
436 Основание Амфиполиса
432 Осада Потидеи
432 Конгресс союзных городов в Спарте
430 Перикл-стратег
427 Вторжение пелопоннесцев в Афины; восстание Митилены
425 Захват острова Пилоса
425 Завоевание Сфактерии Клеоном и Демосфеном
424 Брасид захватывает Амфиполис
422 Смерть Клеона и Брасида, поражение афинян
421 Никиев мир
415 Морская экспедиция против Сиракуз
413 Осада Декелеи
411 Попытка Писандра из Самоса восстановить олигархов
411 Собрание в Колоне
411 Олигархический переворот в Афинах
410 Битва при Кизике
405 Уничтожение афинского морского могущества
404 Правление «Тридцати» в Афинах
403 Свержение «Тридцати»
403 Конец гражданской войны
399 Смерть Сократа
394 Поражение спартанского флота при Книде
371 Конгресс в Спарте
371 Победа Эпаминонда при Левктрах
369 Поход Эпаминонда на Пелопоннес
366 Панэллинский мир
364 Отпадение Византии
362 Победа и смерть Эпаминонда при Мантинее
359—336 Филипп II царь Македонский
357 Начало Союзнической войны
354 Выступление Демосфена
348 Падение Олинфа
347 Смерть Платона
346 Филократов мир
338 Херонейская битва
338—326 Финансовое управление Ликурга
336 Убийство Филиппа II; воцарение Александра
335 Войны Александра с пограничными племенами
334 Александр переходит Геллеспонт
334 Битва при Гранике
333 Битва при Иссе
332 Разрушение Тира
332 Александр проникает в Египет
331 Восстание в Пелопоннесе
331 Битва при Гавгамеле и Арбеле
330 Смерть Дария
329 Восстание в Бактрии
326 Переход через Инд
323 Смерть Александра
322 Самоубийство Демосфена
322 Тимократическая конституция
314 Основание этолийской федерации
307 Восстановление народоправства в Афинах
305 Агафокл заключает мир с карфагенянами
301 Битва при Ипсе
294 Захват Афин Деметрием
281—280 Ахейский союз
266 Хремонидова война
243 Выступление Агиса IV в Спарте
235 Клеомен III, царь Спарты
227 Победа Спарты над ахейцами
221 Поражение спартанцев при Селассии
197 Поражение Македонии при Киноскефалах
168 Конец македонской самостоятельности
146 Разрушение Коринфа. Конец греческой самостоятельности
137—133 Революция рабов в Сицилии

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

XIV. Греческая культура классического периода

XV. Македонский период

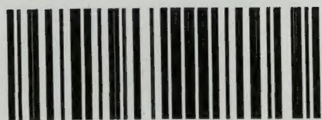
XVI. Эпоха эллинизма

XVII. Эллинистическая культура

КАРТА
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
Греция:
Северная
Средняя или Эллада (в тесном смысле)
Южная или Пелопоннес
Иллирия
Македония
Эпир
Фракия
Мизия
Лидия
Кария
Фригия
Пропонтида
Эгейское море
Ионийское море
Средиземное море
О. Крит
О. Корцира
О. Левкадия
О. Кефалления
О. Зекинф
О. Фасос
О. Самфракия
О. Лемнос
О. Лесбос
О. Хиос
О. Самос
О. Кеос
О. Тенос
О. Делос
О. Наксос
О. Кос
О. Фера
О. Телос
О. Родос
О. Кифера
О. Эгина
Пелла
Ферма
Олинф
Потидея
Лариса
Фарсал
Иолк
Додона
Халкида
Эретрия
Фивы
Танагра
Марафон
Мегара
Афины
Пирей
Саламин
Коринф
Микены
Аргос
Эпидавр
Элида
Олимпия
Мегалополь
Ира
Мессена
Спарта
Тенар
М. Тенар
М. Малея
М. Суний
Троя
Абидос
Кизик
Митилена
Кумы
Фокея
Сарды
Смирна
Теос
Эфес
Милет
Галикарнасс
Книд
Родос
Меандр
Кикладьи
30 0 30 60 90 км
20
22
24
26
28
40
38
36

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
38	10 сверху	«На	На
56	2 "	(трепе-	(трапе-
58	2 "	Колисфеном	Клисфеном
91	7 снизу	Греко-пирсидской	Греко-персидской
127	сноска 3	ценности	стоимости
168	4 сверху	политики	политии
195	22 снизу	IV	IV в.
219	21 "	эллисти-	эллинисти-
248	18 сверху	арбите	орбите
254	3 "	сбъектив-	объек-
288	1 снизу	Гидрозии	Гедрозии
327	24 "	эпохи	эпоха


2020075327